

Джордж МАРТИН

ПЛАМЯ И КРОВЬ
КРОВЬ ДРАКОНОВ

Annotation

Тирион Ланнистер еще не стал заложником жестокого рока, Бран Старк еще не сделался калекой, а голова его отца Неда Старка еще не скатилась с эшафота. Ни один человек в Королевствах не смеет даже предположить, что Дейенерис Таргариен когда-нибудь назовут Матерью Драконов. Вестерос не привел к покорности соседние государства, и Железный Трон, который, согласно поговорке, ковался в крови и пламени, далеко еще не насытился.

Древняя, как сам мир, история сходит со страниц ветхих манускриптов, и только мы, септоны, можем отделить правдивые события от жалких басен, и истину от клеветнических наветов.

Присядьте же поближе к огню, добрые слушатели, и вы узнаете:

- как Королевская Гавань стала столицей столиц,
 - как свершались славные подвиги, неподвластные воображению, – и как братья и сестры, отцы и матери теряли разум в кровавой борьбе за власть,
 - как драконье племя постепенно уступало место драконам в человеческом обличье,
 - а также и многие другие были и старины – смешные и невыразимо ужасные, бряцающие железом доспехов и играющие на песельных дудках, наполняющее наши сердца гордостью и печалью...
-

- [Джордж Р. Р. Мартин](#)
 -
 - [Завоевание Эйегона](#)
 - [Войны короля Эйегона I](#)
 - [Три головы дракона: правление первых Таргариенов](#)
 - [Сыновья дракона](#)
 - [Восхождение Джейехериса I. Принц становится королем](#)
 - [Год Трех Свадеб](#)
 - [Противостояние](#)
 - [Время испытаний](#)
 - [Рождения, смерти, измены](#)
 - [Триумфы и трагедии первого десятилетия](#)
 - [Долгие годы Джейехериса и Алисанны. Политика, потомство, потери](#)

- [Наследники Джейхериса](#)

Джордж Р. Р. Мартин

Пламя и кровь. Кровь драконов

George R.R. Martin
FIRE AND BLOOD

© George R.R. Martin, 2018

© Перевод. Н. Виленская, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Завоевание Эйегона

Для мейстеров Цитадели, пишущих историю Вестероса, Завоевание Эйегона имеет особый смысл. Рождения, смерти, битвы и другие события датируются либо ОЗ (от Завоевания), либо ДЗ (до Завоевания).

Истинные ученые понимают, что такое летосчисление не может быть точным. Эйегон Таргариен завоевал Семь Королевств не в один день. Между его высадкой и коронацией в Староместе прошло больше двух лет, и даже тогда Завоевание не было полным, ибо Дорн остался непокоренным. Попытки присоединить его к королевству делались и при Эйегоне, и при его сыновьях, отчего назвать точную дату окончания Завоевательных войн невозможно.

Даже дата начала их вызывает сомнения. Многие ошибочно полагают, что правление короля Эйегона началось с того дня, когда он высадился в устье реки Черноводной у трех холмов, где позднее вырос город Королевская Гавань. Между тем это не так. День высадки праздновался Эйегоном и всеми его потомками, но сам Завоеватель считал, что царствование его началось с того дня, когда верховный септон короновал его и помазал в Звездной септе Староместа. Произошло это два года спустя после его прибытия в Вестерос, после победы в трех главных сражениях Завоевательных войн. Посему эти войны правильнее было бы отнести к 2–1 годам ДЗ.

Драконовластные Таргариены были чистокровными валирийцами. За 12 лет до Рока (114 г. ДЗ) Эйенар Таргариен продал свои владения в Республике и переместился со всем своим имуществом, женами, рабами, драконами, чадами и домочадцами на Драконий Камень, в мрачную крепость под дымящейся горой в Узком море.

Валирия в пору своего расцвета была величайшим городом мира. Сорок знатных домов в ее сверкающих стенах всеми средствами боролись за власть в совете, то возвышаясь, то терпя поражение. Таргариены были далеко не самыми могущественными из них, и соперники полагали, что Эйенар бежал на Драконий Камень из трусости, но причина была в другом. Дочь его, девица Дейенис, получившая затем имя Сновидицы, предсказала гибель Валирии от огня, и когда двенадцать лет спустя грянул Рок, из всех знатных семей выжили только Таргариены.

Драконий Камень уже двести лет был крайним западным форпостом Валирии. Расположение поперек Глотки обеспечивало его лордам власть

над Черноводным заливом. И Таргариены, и их близкие союзники Веларионы с Дрифтмарка (меньший дом валирийского происхождения) богатели, взимая дань с корабельщиков. Корабли Веларионов и еще одних валирийцев, Селтигаров с Коготь-острова, ходили дозором посередине Узкого моря, драконы Таргариенов летали в небе.

При всем при том почти сотню лет после Рока (век, справедливо называемый Кровавым) дом Таргариенов смотрел не на запад, а на восток и мало интересовался делами Вестероса. Гейемон Таргариен, брат и супруг Дейенис Сновидицы, стал вслед за Эйенаром Изгнанником лордом Драконьего Камня и заслужил себе имя Гейемон Славный. После его смерти сын Гейемона Эйегон и дочь Элайена стали править совместно. За ними лордами становились поочередно их сыновья Мейегон и Эйерис, сыновья Эйериса Эйеликс, Бейелон и Дейемион. Наследником Дейемиона, младшего из трех братьев, был Эйерион.

Эйегон, вошедший в историю как Завоеватель, второе дитя и единственный сын лорда Эйериона и леди Валайены из дома Веларионов, чья мать была урожденной Таргариен, родился на Драконьем Камне в 27 году ДЗ. У него были две сестры, старшая Висенья и младшая Рейенис. У лордов-драконов Валирии давно вошло в обычай женить братьев на сестрах для сохранения чистоты крови, Эйегон же взял в жены обеих сестер, хотя по традиции должен был жениться только на старшей. Двоеженство не входило в обычай, хотя ранее такое уже случалось. Говорили, будто на Висенье Эйегон женился по долгу, а на Рейенис по любви.

Все трое еще до брака слыли укротителями драконов. Из пяти чудищ, прилетевших из Валирии с Эйенаром, до дней Эйегона дожил только один, огромный Балерион Черный Ужас. Еще два, Вхагар и Мираксес, были моложе его и вывелись уже на Драконьем Камне.

Расхожий миф, часто повторяемый невеждами, гласит, что до завоевания нога Эйегона ни разу не ступала на землю Вестероса. Это неправда. Задолго до начала своих войн лорд Эйегон приказал изготовить Расписной стол: вырезать большую колоду футов пятидесяти длиной в форме Вестероса и нарисовать на ней все леса, реки, замки и города Семи Королевств. Есть также надежные свидетельства того, что Эйегон и Висенья в юности посещали Цитадель Староместа и бывали в Боре как гости тогдашнего лорда Редвина. Он, возможно, побывал и в Ланниспорте, но на сей счет мнения разнятся.

Вестерос в те времена был поделен на семь враждующих королевств, и едва ли когда случалось, чтобы два-три из них не воевали между собой.

Обширными пространствами холодного Севера правили Старки из Винтерфелла, пустынями Дорна – принцы дома Мартеллов, золотоносным Западом – Ланнистеры из Бобрового Утеса, плодородным Простором – короли-садовники из Хайгардена. Долина, Персты и Лунные горы принадлежали дому Арренов. Самыми же воинственными были два короля, чьи владения лежали ближе всех к Драконьему Камню: Харрен Черный и Аргилак Надменный.

Штормовые короли дома Дюррандонов некогда правили из своего Штормового Предела всей восточной половиной Вестероса от мыса Гнева до Крабьей бухты, но с веками власти у них поубавилось. Короли Простора обгрызали их владения с запада, дорнийцы – с юга, Харрен Черный во главе Железных Людей оттеснил их с Трезубца и с земель к северу от Черноводной. Король Аргилак, последний из Дюррандонов, остановил на время этот упадок. Одержав еще мальчиком победу над дорнскими захватчиками, он вступил за Узким морем в союз против «тигров» Волантиса, а двадцать лет спустя, в сражении на Летнем Поле, убил Гарса VII Гарденера, Короля Простора. Но Аргилак старился, его знаменитая черная грива понемногу седела, и меч отягощал его некогда неутомимую десницу.

Речные земли севернее Черноводной держал кровавой рукой Харрен Черный из дома Хоуров, Король Островов и Рек. Дед его, Харвин Твердая Рука, отбил Трезубец у Аррека, деда Аргилака, а предки самого Аррека давно уже низвергли последних речных королей. Отец Харрена расширил свои владения на восток до Синего Дола и Росби, сам же Харрен царствовал без малого сорок лет и почти все это время строил близ Божьего Ока гигантский замок. Но Харренхолл наконец-то близился к завершению, и Железные Люди искали новых побед.

Ни одного короля в Вестеросе не боялись так, как Черного Харрена, о чьей жестокости рассказывали во всех Семи Королевствах. И ни один король не чувствовал себя в такой опасности от него, как Аргилак, последний из Дюррандонов, – стареющий воин, единственной наследницей коего была незамужняя дочь. Опасаясь худшего, Штормовой Король предложил ее руку Эйгону, лорду Драконьего Камня, а в приданое посулил все земли восточнее Божьего Ока – от Трезубца до Черноводной.

Эйгон на это сказал, что у него уже есть две жены и третья ему не нужна, а земли, предлагаемые Аргилаком в приданое, уже целое поколение принадлежат Харренхоллу. Штормовой Король явно намеревался поставить Таргариенов вдоль Черноводной как щит от Харрена Черного.

При этом Эйгон сделал Аргилаку свое предложение. Он соглашался

взять все эти земли, буде Штормовой Король добавит к ним Крюк Масси и надел к югу от Черноводной до Мандера и Путеводной. Договор сей можно скрепить браком дочери Аргилака с Орисом Баратеоном, другом детства и первым бойцом Эйегона.

Аргилак, в свой черед, с гневом отверг предложенные условия. Орис Баратеон, по слухам, доводился Эйегону побочным братом, и Штормовой Король не желал отдавать дочь бастарду. Аргилак отрубил руку гонцу Эйегона и отослал ее обратно в ларце, приложив письмо: «Вот единственная рука, которую от меня получит твой брат-ублюдок».

В ответ Эйегон собрал на Драконьем Камне всех своих друзей, знаменосцев и союзников. Они были немногочисленны. Первыми явились Веларионы с Дрифтмарка и Селтигары с Когтя, присягнувшие дому Таргариенов. Прибыли также Бар-Эммон с Острого мыса и Масси из Плясунов: они присягали Штормовому Пределу, но связь их с Драконьим Камнем была прочнее. После совета Эйегон вместе с сестрами помолился в замковой септе семерым богам Вестероса, хотя ранее никогда не слыл набожным.

На седьмой день с башен Драконьего Камня взмыла целая туча воронов, дабы разнести послание Эйегона по Семи Королевствам. Путь их лежал к семи королям, и в староместскую Цитадель, и ко всем лордам, великим и малым. Отныне в Вестеросе будет только один король, говорилось в послании. Тот, кто склонит колено перед Эйегоном из дома Таргариенов, сохранит свои земли и титул. Тот, кто поднимет против него оружие, будет низвергнут и истреблен.

Историки расходятся в том, сколько мечей отплыло с Эйегоном и его сестрами на материк. Одни говорят, что их было три тысячи, другие – что всего лишь несколько сотен. Это невеликое войско высадилось в устье реки Черноводной, на северном ее берегу, где над рыбацьей деревишкой стояли три лесистых холма.

Во дни Ста Королевств множество мелких владык объявляли это устье своим: и Дарклины из Синего Дола, и Масси из Плясунов, и стародавние речные короли – Мадды, Фишеры, Бракены, Блэквуды, Хуги. Башни и форты возводились на трех холмах и вновь разрушались во время войн – Таргариены видели перед собой лишь руины и заросшие камни. Устье, на которое претендовали и Штормовой Предел, и Харренхолл, никем не оборонялось, а в ближних замках сидели малосильные лорды, не питавшие к тому же особой любви к своему самозваному сюзерену Харрену Черному.

Эйегон сразу окружил наивысший из трех холмов земляным палисадом и послал сестер покорять эти соседние замки. Росби сдались

Рейенис и златоокому Мираксесу без боя. В Стокворте несколько лучников пустили в Висенью стрелы, но сдались, когда Вхагар поджег кровлю замка.

Первое испытание завоевателям учинили лорды Дарклин из Синего Дола и Моутон из Девичьего Пруда. Объединив свои силы, они выступили на юг с тремя тысячами людей, чтобы сбросить пришельцев обратно в море. Эйегон, послав Ориса Баратеона атаковать их прямо в пути, спустился сверху на Черном Ужасе. Оба лорда погибли; сын Дарклина и брат Моутона сдали Таргариену свои замки и присягнули ему на верность. Синий Дол в ту пору был большим вестеросским портом на Узком море и наживался на заморской торговле. Висенья не позволила грабить город, но потребовала перенести его сокровища в сундуки победителей.

Здесь, пожалуй, самое место поговорить о характерах Эйегона и его сестер-королев.

Висенья, старшая, была таким же воином, как сам Эйегон, и в кольчуге чувствовала себя столь же свободно, как и в шелках. Ей принадлежал валирийский меч Темная Сестра, коим она обучалась владеть сызмальства наряду с братом. Вид у нее был суровый, несмотря на красоту серебристых с золотом валирийских волос и фиолетовых глаз. Даже те, кто любил ее, признавали, что нрав у нее крутой; поговаривали также, что она знает толк в ядах и не чужда черной магии.

Рейенис, младшая, обладала ровно противоположными свойствами. Игривая, ветреная, любознательная, она любила не войну, а музыку, танцы, поэзию. Многие певцы, комедианты и кукольники пользовались ее покровительством. Говорили, однако, что верхом на драконе она проводит больше времени, чем ее брат и сестра, вместе взятые, ибо превыше всего на свете Рейенис любила летать. Перед смертью она собиралась перелететь на Мираксесе через Закатное море и посмотреть, что находится на его берегах. Верность Висеньи брату и супругу никто не оспаривал, а вот Рейенис окружала себя красивыми юношами и кое-кого, по слухам, даже принимала у себя в спальне, когда Эйегон был со старшей сестрой. Сплетники, впрочем, вынуждены были признать, что на каждую ночь с Висеньей король десять проводит с Рейенис.

Сам Эйегон для своих современников оставался такой же загадкой, как и для нас. Владелец меча Черное Пламя, он почитался одним из величайших воинов своего времени, но не любил состязаться в воинской доблести и на турниры ни разу не выезжал. На Балерионе Черном Ужасе он летал только в бою или желая быстро куда-то добраться. Был вдохновенным полководцем, но не имел близких друзей, кроме Ориса Баратеона, с коим они вместе росли. Пользовался успехом у женщин, но

хранил верность сестрам. В правлении государством во всем полагался на них же и на свой малый совет, но не колебался стать во главе, когда находил это нужным. Сурово обходился с изменниками и мятежниками, но со склонившими колено врагами был мягок.

Впервые свое великодушие он проявил в Эйегонфорте, простой крепости из земли и бревен, возведенной им на холме, который с тех пор стал зваться холмом Эйегона. Взяв с дюжину замков и закрепив за собой устье Черноводной на обоих его берегах, он приказал побежденным лордам явиться к нему. Когда они сложили мечи к его ногам, он повелел им встать и подтвердил, что их земли и титулы остаются за ними. В тот же день он даровал новые милости верным своим сторонникам. Дейемон Веларион, лорд Прилива, стал мастером над кораблями, сиречь адмиралом королевского флота. Тристон Масси, лорд Плясунов, был назначен мастером над законом, Криспиан Селтигар – мастером над монетой. Ориса Баратеона король провозгласил «моим щитом, и надежей, и десницей моей», посему мейстеры почитают его первым королевским десницей.

Знамена с гербами давно вошли в обычай у лордов Вестероса, но вельможи старой Валирии таковыми не пользовались. Когда рыцари Эйегона развернули его шелковый боевой штандарт с красным трехглавым драконом, изрыгающим пламя на черном поле, покоренные лорды приняли это как знак, что Таргариен поистине достоин стать верховным королем Вестероса. Вслед за этим королева Висенья возложила на голову брата стальной, украшенный рубинами обруч, а королева Рейенис нарекла его Эйегоном, первым этого имени, королем всего Вестероса и щитом своего народа. Драконы взревели, лорды и рыцари вскричали «ура», но громче всех прозвучал голос простых рыбаков и крестьян.

Семерым королям, которых Эйегон вознамерился низложить, было, однако, не до веселья. Харрен Черный и Аргилак Надменный уже созвали свои знамена, король Простора Мерн следовал по Морской дороге в Бобровый Утес на встречу с королем Лореном из дома Ланнистеров. Принцесса Дорнийская послала на Драконий Камень ворона, предлагая объединиться с Эйегоном против Аргилака Штормового Короля – но не как подданная, а как равная. Союз предлагал и Роннел Аррен, мальчик-король из Орлиного Гнезда: в обмен на поддержку против Харрена Черного мать Роннела требовала, чтобы все земли восточнее Зеленого Зубца отошли к Долине. Даже король Торрхен Старк из Винтерфелла засиделся со своими лордами-знаменосцами за полночь, обсуждая, как им быть с этой новой напастью. Все с тревогой ожидали, что Эйегон станет делать дальше.

Сразу же после коронации войско Эйегона снова выступило в поход.

Бóльшая его часть во главе с Орисом Баратеоном перешла Черноводную и двинулась на юг к Штормовому Пределу; их сопровождала Рейенис верхом на серебристом златооком Мираксесе. Дейемон Веларион повел флот на север, к Чаячьему городу и Долине; с ними летела Висенья на Вхагаре. Сам король шел на север, к Божьему Оку и Харренхоллу – громаднейшей крепости, ставшей памятником гордыне и безумию короля Харрена. Тот завершил и занял ее в тот самый день, когда Эйегон Таргариен высадился в месте, где после выросла Королевская Гавань.

Все три войска встретили стойкое сопротивление. Лорды Эррол, Фелл и Баклер, знаменосцы Штормового Предела, захватили передовой отряд Ориса на переправе через Путеводную, зарубили больше тысячи человек и вновь скрылись в лесу. Наскоро собранный и усиленный дюжиной браавосских кораблей флот Долины разбил флот Таргариена при Чаячьем городе. Убит был среди прочих и адмирал Дейемон Веларион. Сам Эйегон дважды подвергся нападению к югу от Божьего Ока. Он победил в Тростниковой битве, но понес тяжелые потери у Плакучих Ив: двое сыновей Харрена со своими людьми переплыли озеро на ладьях, обернув весла тряпьем, и напали на него сзади.

Все это, однако, ненадолго задержало Таргариенов: на их драконов врагам нечем было ответить. Жители Долины потопили почти треть кораблей Эйегона и столько же взяли в плен, но королева Висенья, спустившись на них с небес, зажгла их собственный флот. Мираксес спалил лес, где укрылись знаменосцы Штормового Предела, а сыновья Харрена, возвращаясь с победой к себе в Харренхолл, неожиданно увидели в небе Балериона и сгорели вместе со своими ладьями.

Кроме того, врагам Эйегона пришлось иметь дело не только с ним. Как только Аргилак Надменный собрал своих лордов в Штормовом Пределе, пираты со Ступеней тут же высадились на мысе Гнева, а с Красных гор через Марки хлынули дружины дорнийцев. Юному королю Роннелу пришлось подавлять мятеж на Трех Сестрах, чьи жители отказались подчиняться Долине и объявили леди Марлу Сандерленд своей королевой.

Но все это могло показаться безделицей по сравнению с участью, постигшей Харрена Черного. Его дом правил речными землями уже три поколения, но обитатели Трезубца не любили своих железных властителей. Харрен, погубивший при постройке Харренхолла многие тысячи подданных, забирал все подчистую и у лордов, и у простого люда; теперь они, пользуясь случаем, восстали против него под водительством лорда Эдмина Талли из Риверрана. Талли, призванный защищать Харренхолл, переметнулся к Таргариенам, поднял над замком драконье знамя и

выступил со своими рыцарями и лучниками к Эйгону. Другие лорды Трезубца последовали его примеру. Блэквуды, Маллистеры, Венсы, Бракены, Пайперы, Фрей, Стронги собирали своих ополченцев и шли на Харренхолл вместе с Эйгоном Драконом.

Харрен Черный, оставшись без поддержки, ретировался в свою, как он полагал, неприступную крепость. Вестерос еще не видывал таких замков. Окруженный пятью гигантскими башнями бил неиссякаемый родник, огромные подвалы были набиты провизией. Ни одна лестница не достала бы до гребня его стен из черного камня, и были они столь толсты, что не поддались бы ни тарану, ни требушету. Харрен запер ворота и приготовился к осаде со своими оставшимися приверженцами и уцелевшими сыновьями.

Эйгон судил иначе. Окружив замок вместе с Эдмином Талли и другими речными лордами, он вызвал Харрена на переговоры под мирным знаменем. Тот вышел – старый, седой, но все еще грозный в своих черных доспехах. При каждом короле были мейстер и знаменщик, поэтому разговор их сохранился в веках.

«Сдайся, – сказал Эйгон, – и ты по-прежнему будешь править Железными островами. Сдайся, и твои сыновья будут править после тебя. Под твоими стенами стоит восьмитысячное войско».

«Стены мои прочны, и мне все равно, кто стоит под ними», – отвечал Харрен.

«Они не спасут тебя от драконов. Драконы умеют летать».

«Я строю из камня, а он не горит».

«Когда зайдет солнце, твой род прервется», – сказал Эйгон, а Харрен лишь плюнул и вернулся в замок. Он выставил на стены всех своих людей с копьями, луками и арбалетами, посулив земли и богатство тому, кто собьет дракона. «Жаль, что дочери у меня нет, – присовокупил он. – Вместо нее я отдам молодцу одну из дочерей Талли, а захочет, так и всех трех. Не любы они ему – пусть берет любую из девок Блэквуда, Стронга, хоть какого вылезшего из ила предателя». Затем он удалился к себе в башню в окружении своей стражи и сел с сыновьями ужинать.

Последние лучи солнца меркли. Люди Харрена всматривались в темнеющее небо, сжимая копья и луки. Не видя дракона, они начинали думать, что слова Эйгона были пустой угрозой, но король увел Балериона за облака, где тот казался не больше мухи на лунном диске, и лишь тогда стал снижаться над замком. Пронизав ночь на черных, как смола, крыльях, Балериондохнул на башни Харренхолла клубами черного с красным пламени.

«Камень не горит», – хвастливо заявил Харрен, но его замок состоял не из одного камня. Дерево и шерсть, пенька и солома, зерно и солонина вспыхнули разом. Железные Люди тоже не были высечены из камня. Охваченные огнем, они с криками метались по дворам и падали с парашютов наземь. Да и сам камень при сильном жаре трескается и плавится. Речные лорды, стоявшие под стенами замка, после рассказывали, что пять харренхоллских башен раскалились докрасна, как пять огромных свечей... и точь-в-точь как свечи начали оплывать, истекая расплавленным камнем.

Харрен и его сыновья той ночью погибли в огне. С ними вместе погиб род Хоуров, и господство Железных островов над речными землями кончилось. Приняв клятву верности от лорда Риверрана Эдмина Талли у дымящихся руин Харренхолла, король Эйегон нарек его верховным лордом Трезубца. Другие речные лорды воздали им почести: Эйегону как королю, Талли как своему сюзерену. Когда пепел остыл и в замок можно стало войти, оплавленные мечи его защитников были собраны и отправлены в Эйегонфорт.

Но знаменосцы Штормового Предела на востоке и юге оказались более верными, чем вассалы короля Харрена. Аргилак Надменный собрал большую рать, а стены крепости Дюррандонов были еще толще, чем харренхоллские. О конце своего старого врага Штормовой Король узнал весьма скоро, а лорды Фелл и Баклер (лорд Эррол погиб) принесли ему весть о королеве Рейенис и о ее драконе. Старый воин, выслушав их, взревел, что не даст себя зажарить в собственном замке, как поросенка. Он выступил навстречу врагу, дабы решить свою судьбу в открытом поле, с мечом в руке.

Ориса Баратеона это не застало врасплох. Королева Рейенис, видевшая сверху, как Аргилак выходит из замка, сообщила деснице о численности и местоположении неприятеля. Орис занял сильную позицию на холмах у Бронзовых Врат и стал поджидать штормовое войско.

В день битвы штормовые земли оправдали свое название: с утра пошел дождь, а к полудню разразилась настоящая буря. Лорды-знаменосцы уговаривали короля Аргилака отложить бой до завтра – авось, дождь прекратится. Но Аргилак видел, что числом превышает врага почти вдвое, а рыцарей и тяжелой конницы у него и вовсе вчетверо больше. Знамена Таргариенов над его исконными холмами привели короля в бешенство, а ветер дул с юга, супостатам в лицо. Приняв все это в расчет, Аргилак дал приказ наступать, и началась битва, получившая после имя Последний Шторм.

Сражение затянулось до ночи. Здесь в отличие от Харренхолла потери несли не одна сторона, а обе. Трижды Аргилак шел приступом на позиции Баратеона, но боевые кони вязли на крутых склонах, размытых дождем. Пехотинцы с копьями были успешнее: завоеватели, которым дождь заливал глаза, поздно заметили их, а отсыревшие тетивы не позволяли стрелять из луков. Один крайний холм пал, за ним и второй. Аргилак со своими рыцарями двинулся на средний в четвертый раз – и наткнулся на Рейенис и Мираксеса. Дракон даже и на земле показал себя грозным убийцей: авангард под командованием Дикона Морригена и Бастарда из Черной Гавани вместе с личной гвардией короля Аргилака накрыла огненная волна. Коня в ужасе сбрасывали седоков, обращая атаку в хаос.

Сам Штормовой Король тоже вылетел из седла, но из боя не вышел. Когда Орис спустился со своими людьми по грязному склону, старый вояка один отбивался от полудюжины человек, а у ног его лежало столько же трупов. Баратеон, велел своим бойцам отойти, спешил и в последний раз предложил Аргилаку сдаться. Тот ответил бранью, и они сошлись в поединке: старый король с развевающейся белой гривой и кряжистый, чернобородый королевский десница. Каждый нанес рану другому, но затем желание последнего из Дюррандонов сбылось, и он умер с мечом в руке и с проклятием на устах. Гибель короля лишила штормовых жителей боевого духа: слыша, что Аргилак пал, лорды и рыцари бросали мечи и обращались в бегство.

Несколько дней все опасались, что Штормовой Предел постигнет судьба Харренхолла: дочь Аргилака Аргелла заперлась в замке и объявила себя Штормовой Королевой. «Скорее мы все поляжем до последнего, чем склоним колени», – сказала она королеве Рейенис, когда та прилетела поговорить с ней. «Вы можете взять мой замок, но достанутся вам лишь кости да пепел», – заявляла она. Солдаты гарнизона, однако, не разделяли решимости своей леди; в ту же ночь они подняли мирное знамя, открыли ворота и доставили Аргеллу – нагую, в цепях и с кляпом во рту – в лагерь Ориса.

Тот будто бы расковал девицу своими руками, закутал в плащ, налил ей вина и рассказал о доблестной кончине ее отца. В знак уважения к павшему королю он взял себе его герб и девиз. Коронованный олень стал его эмблемой, Штормовой Предел – поместьем, леди Аргелла – женой.

Когда и речные, и штормовые земли покорились Эйегону Дракону, оставшиеся короли поняли, что пришел их черед. Король Торрхен в Винтерфелле созвал знамена, но дело это было нескорое, ибо расстояния на Севере велики. Королева Шарра, регентша при своем сыне Роннеле,

укрылась в Орлином Гнезде и отправила войско к Кровавым Воротам, единственному входу в Долину. В юности ее называли Горным Цветком, красивейшей девой во всех Семи Королевствах. Надеясь пленить Эйегона былой красотой, она послала ему свой портрет и предложила себя ему в жены при условии, что сын ее Роннел станет его наследником. Портрет Эйегона получил, но на предложение, судя по всему, ответить не соизволил. У него уже были две королевы, а цветочек Шарры, десятью годами старше его, порядком увял.

Между тем два великих короля Запада объединили свои войска, намереваясь раз и навсегда разбить Эйегона. Мерн IX из дома Гарденеров, Король Простора, выступил из Хайгардена и под стенами Золотой Рощи, усадьбы Рованов, встретился с Лореном I Ланнистером, Королем Скалы. Вместе они составили армию, какой еще не знал Вестерос: пятьдесят пять тысяч человек, в том числе шестьсот лордов, великих и малых, и больше пяти тысяч конных рыцарей. «Наш железный кулак» – так называл эту конницу король Мерн. Четверо его сыновей ехали вместе с ним, оба внука служили оруженосцами.

Короли не задержались надолго у Золотой Рощи: такой величины войско должно было постоянно оставаться на марше, чтобы не объесть всю округу. Союзники двинулись на северо-восток через высокие травы и золотые поля пшеницы.

Предупрежденный об их приближении в своем лагере у Божьего Ока Эйегон вышел им навстречу со своим войском. Людей у него было впятеро меньше, да и те большей частью были ополченцами речных лордов, чья верность дому Таргариенов не подвергалась еще серьезному испытанию – зато с меньшим войском он двигался быстрее, чем неприятель. В городе Каменная Септа он встретился с обеими королевами: Рейенис прибыла из Штормового Предела, Висенья – с мыса Раздвоенный Коготь, где принимала присягу у множества местных лордов. Понаблюдав сверху за переправой своего войска через Черноводную, трое Таргариенов помчались на юг.

Обе армии сошлись на широкой равнине к югу от Черноводной, где позднее проложили Золотую дорогу. Два короля возрадовались, когда разведчики донесли им о невеликих силах Таргариена и о недостатке в его рядах лордов и рыцарей. Ровное поле битвы, покрытое травами и колосьями, было превосходнейшим местом для атаки тяжелой конницы. Эйегон в отличие от Ориса Баратеона не укрепился на высоте, и почва была сухая, ибо дождей в тех местах не выпадало уже две недели.

Король Мерн, который привел на войну в полтора раза больше людей,

чем король Лорен, потребовал себе почетного места в центре. Сын его и наследник Эдмунд командовал авангардом, король Лорен со своими рыцарями поместился на правом крыле, лорд Окхарт на левом. При отсутствии всяких природных препятствий они собирались ударить по Эйегону с обоих флангов и обойти его сзади, в то время как «железный кулак», тяжелый клин лордов и рыцарей, разгромит его центр.

Войско Эйегона напоминало ошестинившийся копьями и пиками полумесяц. За ним стояли лучники и арбалетчики, на флангах – легкая кавалерия. Командиром Эйегон поставил Джона Моутона, лорда Девичьего Пруда – одного из первых, перешедших на его сторону. Король-Дракон тоже заметил, что дождя давно не было и травы с колосьями на поле сражения пересохли на славу.

Враг затрубил в трубы, и на поле выплеснулось целое море знамен. Впереди ехал сам король Мерн на золотом жеребце, его сын Гавен нес знамя Гарденеров – зеленую руку на поле пшеницы. Под рев рогов и гром барабанов западное войско врезалось в копейщиков Таргариена, а Эйегон и его сестры поднялись в воздух.

Пока Балерион раз за разом в туче копий, стрел и камней поливал огнем ряды неприятеля, Висенья и Рейенис подожгли поле и спереди от врага, и сзади. Дым окутал конницу, ослепив скакунов вместе с всадниками, огонь надвигался с обеих сторон, а люди Моутона, спокойно стоя с наветренной стороны, добивали копьями и стрелами заживо горящих людей.

После это сражение называли битвой на Огненном Поле.

Больше четырех тысяч погибли в пламени, еще тысяча – от мечей, копий и стрел. Десятки тысяч получили ожоги, отметившие многих до конца их дней. Король Мерн IX сгорел вместе со своими сыновьями, внуками и прочей родней. Один из его племянников скончался от ожогов три дня спустя, и вместе с ним пресекся род Гарденеров. Лорен, Король Скалы, видя, что битва проиграна, промчался сквозь огненную завесу и остался в живых.

Таргариены потеряли менее сотни. Королеве Висенье стрела попала в плечо, но она скоро поправилась. Пока драконы пожирали тела убитых, Эйегон распорядился собрать мечи павших и отправить их вниз по реке.

На другой день взяли в плен Лорена Ланнистера. Тот сложил свой меч и корону к ногам Эйегона, склонил колени и присягнул Таргариену на верность. Эйегон, верный своему слову, поднял его, оставил за ним его земли и нарек лордом Бобрового Утеса и Хранителем Запада. Уцелевшие лорды Простора и знаменосцы Лорена последовали примеру побежденного

короля.

Но не весь еще Запад был завоеван. Эйегон, расставшись с сестрами, повел войско на Хайгарден, чтобы захватить его, упредив других претендентов. Стюард-управитель Харлен Тирелл, чьи предки веками служили Гарденерам, вручил ему ключи от замка без боя, Эйегон же в награду пожаловал ему Хайгарден со всеми землями, наименовав его верховным лордом Мандера и Хранителем Юга. Так бывший стюард получил власть над всеми вассалами дома Гарденеров.

Король Эйегон собирался идти на юг, чтобы покорить Старомест, Бор и Дорн, но весть о новой угрозе заставила его передумать. Торрхен Старк, Король Севера, миновал Перешеек и вступил на речные земли с тридцатитысячной ратью. Эйегон тут же двинул свое войско навстречу ему, летя впереди на Балерионе. Обеим королевам и всем лордам и рыцарям, перешедшим к нему после Харренхолла и Огненного Поля, также приказано было выступить.

Торрхен Старк, выйдя к Трезубцу, увидел на южном берегу войско, в полтора раза превышавшее его собственное. Все лорды Простора, Запада, речных и штормовых земель собрались здесь, а над их лагерем выписывали круги Балерион, Вхагар и Мираксес.

Разведчики Торрхена видели руины Харренхолла, где под горами щебня еще тлел огонь. Об Огненном Поле король тоже немало слышал. Он понимал, что при попытке перейти реку его ждет та же судьба. Одни из его лордов-знаменосцев все же побуждали Торрхена наступать, уверяя, что для северной доблести нет преград, другие советовали отступить ко Рву Кейлин и встретить врага там, на родной земле. Побочный брат короля Брандон Сноу вызвался скрытно переплыть реку ночью и перебить драконов во сне.

Король и впрямь послал его за реку, но не ради убийства, а ради переговоров. Брандона сопровождали три мастера. Всю ночь послания летали туда-сюда, а утром Торрхен Старк сам пересек Трезубец. Опустившись на колени, он сложил древнюю корону Королей Зимы к ногам Эйегона и поклялся ему в верности. Поднялся он уже не королем, но лордом Винтерфелла и Хранителем Севера. В историю он вошел как Король, Преклонивший Колено, зато ни один северянин не оставил своих обугленных костей у Трезубца, и мечи, которые забрал у людей Старка король Эйегон, не были скручены и оплавлены.

Эйегон и его королевы вновь разлучились. Эйегон опять пошел на юг к Староместу, Висенья полетела в Долину, Рейенис – в Солнечное Копье.

Шарра Аррен тем временем укрепила Чаячий город, поставила у Кровавых Ворот сильное войско, устроила гарнизоны в Каменном, Снежном

и Небесном замках, что стоят на пути к Гнезду. Висенья, однако, без препон пролетела над ними и опустилась на внутренний двор замка Шарры. Когда королева-регентша поспешила к ней с дюжиной стражников, на коленях у Висеньи сидел Роннел Аррен. «Матушка, можно мне полетать с этой леди?» – спросил венценосный ребенок. До угроз и гневных слов не дошло. Королевы обменялись улыбками, и леди Шарра велела принести три короны: свою регентскую, маленькую сыновью и соколиную дома Арренов, которую Короли Горы и Долины носили тысячу лет. Все они, вместе с мечами королевского гарнизона, были вручены королеве Висенье, и маленький король, трижды облетев с нею вокруг вершины Копья Гиганта, сделался маленьким лордом. Так Висенья Таргариен привела Долину Аррен под знамена своего брата.

Рейенис не столь посчастливилось. Принцев перевал, врата Красных гор, обороняли дорнийские копейщики; Рейенис, не тронув их, пролетела над красными песками, над белыми, над рекой Вервие – и нашла замок Красные Дюны пустым и покинутым. В городке под его стенами оставались только женщины, дети и старики. На вопрос, куда подевались их господа, они отвечали кратко: «Ушли». Рейенис долетела до Дара Богов, усадьбы дома Аллирионов, но и там никого не нашла. Королева продолжала свой путь. При впадении реки Зеленая Кровь в море она увидела тысячи гребных лодок, плоскодонок и баржей; связанные вместе веревками и цепями, они составляли плавучий Дощатый город, но лишь горстка старух с ребятишками вышла поглядеть на Мираксеса.

В конце концов она добралась до Солнечного Копья, древней резиденции дома Мартеллов. В замке, также покинутом, ее ждала принцесса Дорнийская. Мери Мартелл, по словам мейстеров, сравнялось восемьдесят годов, и шестьдесят из них она правила Дорном. Рейенис видела перед собой необычайно толстую, слепую, лысую женщину с желтой обвисшей кожей. Аргилак Надменный прозвал Мерию желтой дорнийской жабой, но ни годы, ни слепота не притупили ее ума.

«Я не стану сражаться с вами, но и колен не склоню, – сказала она королеве Рейенис. – Скажи своему брату, что в Дорне нет короля».

«Скажу, – отвечала Рейенис, – но мы вернемся, принцесса, и с нами придут пламя и кровь».

«Я помню девиз вашего дома, – сказала Мерия, – но наш гласит “Непреклонные, нестигаемые, несдающиеся”. Вы можете сжечь нас, миледи, но не заставите склониться и не согнете. Это Дорн, и вам здесь не рады. Возвращайтесь, если осмелитесь».

На том королева с принцессой расстались, и Дорн остался

непокоренным.

Эйегон на западе встретил более теплый прием. Старомест, величайший город Вестероса, окружали прочные стены, а правили им Хайтауэры – древнейший, богатейший и самый могущественный из знатных домов Простора. Старомест был также средоточием Истинной Веры. Там жил верховный септон, наместник новых богов на земле, духовный отец всех Семи Королевств (лишь Север, где еще имели силу старые боги, не подчинялся ему). Там же помещались два воинских ордена Веры, называемые в народе Мечами и Звездами.

Но Таргариен, подойдя к городу, нашел его ворота открытыми, и у них ждал лорд Хайтауэр, готовый сдаться новому королю. Верховный септон, получив весть о высадке Эйегона, заперся в Звездной септе, где провел семь дней и семь ночей, вкушая лишь хлеб и воду и переходя с молитвой от алтаря к алтарю. На седьмой день Старица осветила ему путь своей золотой лампадой. Выйдя из септы к народу, его святейшество сказал так: «Если Старомест восстанет против короля Эйегона, он будет сожжен, а замок Хайтауэров, Цитадель и Звездная септа обратятся в руины».

Манфред Хайтауэр, лорд Староместа, был человек осторожный и богобоязненный. Один из младших его сыновей состоял в Сынах Воина, или Мечах, другой только что принес септонские обеты. Услышав откровение верховного септона, лорд решил не сопротивляться Завоевателю – потому-то никто из жителей Староместа и не сгорел на Огненном Поле, хотя Хайтауэры были знаменосцами Хайгардена. По той же причине лорд ожидал Эйегона у ворот Староместа, чтобы вручить ему свой меч и свой город. (Говорят, будто Хайтауэр также предложил королю руку своей меньшей дочери, но Эйегон вежливо отказался, не желая обидеть двух своих королев.)

Три дня спустя его святейшество в Звездной септе помазал Эйегона семью елями, возложил на его голову корону и провозгласил его Эйегоном из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. (Эйегон с самого начала назывался владельцем *Семи Королевств*, хотя Дорн Таргариены покорили лишь век спустя.)

Первую коронацию Эйегона на Черноводной видели лишь немногие лорды, на второй же они исчислялись сотнями, и десятки тысяч горожан приветствовали нового короля, когда он ехал по Староместу верхом на Балерионе. На коронации присутствовали также многие мейстеры и архимейстеры Цитадели. По всем этим резонам началом царствования Эйегона Таргариена принято считать вторую коронацию в Староместе, а не

первую в Эйегонфорте и не день его высадки.

Так, волей Эйегона Завоевателя и сестер его, Семь Королевств были спаяны в единое государство.

Многие полагали, что Эйегон по окончании войн сделает своей резиденцией Старомест. Другие думали, что он будет править страной с Драконьего Камня, древней островной цитадели дома Таргариенов. Король же, удивив всех, объявил, что столицей его станет новый город, что уже рос под тремя холмами в устье реки Черноводной, где он с сестрами впервые ступил на вестеросскую землю. Столица получила имя Королевская Гавань, и Эйегон правил там, восседая на троне, который ему сковали из оплавленных, сломанных, скрученных мечей его бывших врагов. Этот престол, небезопасный для всех, кто сидел на нем, стал известен всему миру как Железный Трон Вестероса.

Войны короля Эйгона I

Долгое правление Эйгона Завоевателя (1–37 гг. ОЗ) в целом было мирным, особенно в последние годы, но Драконову миру, как нарекли после мейстеры Цитадели двадцать лет перед его кончиной, предшествовали Драконовы войны – и столь жестокой и кровопролитной, как последняя из оных, еще не видывал Вестерос.

Считается, что Завоевательные войны завершились в тот день, когда верховный септон в Звездной септе Староместа помазал Эйгона на царство, однако еще не все Семь Королевств покорились Завоевателю.

Лорды Трех Сестер в заливе Укус, пользуясь случаем, объявили себя независимыми и нарекли леди Марлу Сандерленд своей королевой. Поскольку почти весь флот Арренов погиб во время Завоевания, король приказал подавить Сестринский мятеж своему Хранителю Севера, Торрхену Старку из Винтерфелла. Северяне отплыли из Белой Гавани на галях, нанятых в Браавосе, под командованием сира Уоррика Мандерли. Сестринцы, завидев в море их паруса, а в небе королеву Висенью на Вхагаре, устрашились и низложили королеву Марлу в пользу ее младшего брата. Стеффон Сандерленд заново принес присягу дому Арренов, склонил колено перед Висеньей и отдал в заложники своих сыновей: одного в дом Мандерли, другого в дом Арренов. Низложенную королеву, его сестру, заключили в тюрьму. Через пять лет ей вырезали язык, и остаток своих дней она провела Молчаливой Сестрой, обихаживая покойников благородного звания.

На другом конце Вестероса взволновались Железные острова. Род Хоуров, долгие века правивший ими, угас за одну ночь, когда Эйгон спалил Харренхолл драконьим огнем. После гибели Харрена Черного и его сыновей Кхорин Вольмарк, мелкий лорд с острова Харло, чья бабка приходилась младшей сестрой деду Харрена, объявил себя королем и законным наследником «черных».

С этим согласились далеко не все Железные Люди. Жрецы, собравшись на Старом Вике под ребрами морского дракона Нагги, увенчали короной из плавника своего собрата, босоногого Лодоса, объявившего себя сыном Утонувшего Бога и чудотворцем. На Большом Вике, Пайке и Оркмонте явились свои претенденты, и все они больше года сражались между собой на суше и на море. Говорят, будто у островов плавало столько трупов, что кракены сотнями стекались туда.

Эйегон положил конец междоусобице, прилетев на острова во 2 году ОЗ. За королем и Балерионом шли флотилии Бора, Хайгардена, Ланниспорта и даже несколько ладей с Медвежьего острова, присланные Торрхеном Старком. Железные Люди, которых сильно поубавилось после годовой братоубийственной войны, сопротивления почти не оказывали – многие даже приветствовали вмешательство короля. Эйегон убил Кхорина Вольмарка Черным Пламенем, но позволил его сыну-младенцу унаследовать отцовские земли и замок. Король-жрец Лодос воззвал к своему богу, чтобы тот послал кракенов потопить корабли Эйегона; не дождавшись их, он повесил камень на шею и вошел в море «посоветоваться с отцом». За ним последовали многие тысячи, и раздутые тела утопленников годами прибывало к берегам Старого Вика.

Кому же предстояло править Железными островами? Королю предлагали сделать их вассалами Талли из Риверрана, Ланнистеров из Бобрового Утеса и даже Старков из Винтерфелла. Эйегон, выслушав всех советчиков, решил в конце концов, что позволит островитянам самим выбрать себе правителя. Их выбор, что неудивительно, пал на одного из своих: Викона Грейджоя, Лорда-Жнеца с Пайка. Лорд Викон присягнул Эйегону на верность, и король отбыл восвояси вместе со своим флотом.

Власть Грейджоя простиралась лишь на Железные острова: от всех земель, захваченных домом Хоуров на материке, он отрекся. Разрушенный замок Харренхолл со всеми его угодьями Эйегон пожаловал сиру Квентону Квохорису, мастеру над оружием Драконьего Камня, при условии, что тот признает своим сюзереном лорда Эдмина Талли. Новоиспеченный лорд Квентон имел двух крепких сыновей и здорового внука, но поскольку жена его три года назад скончалась от язвенной лихорадки, он женился вторично на одной из дочерей дома Талли.

После умирения Трех Сестер и Железных островов Эйегон стал правителем всего Вестероса к югу от Стены, исключая один только Дорн. На него-то и обратился взор короля-дракона. Поначалу Эйегон попытался завоевать Дорн словами, послав в Солнечное Копье к принцессе Мери Мартелл, прозванной желтой дорнийской жабой, высоких лордов, мастеров и септонов. Послы должны были убедить ее в выгодах присоединения Дорна к остальным шести королевствам, но переговоры, длившиеся чуть ли не год, успеха не возымели.

Начало Первой Дорнской войны относят к 4 году ОЗ, когда Рейенис Таргариен вновь прилетела в Дорн. На сей раз, верная своему слову, она принесла непокорным пламя и кровь. Слетев с ясного неба на Мираксесе, королева зажгла Дощатый город. Огонь перекидывался с лодки на лодку,

горящие обломки запрудили устье Зеленой Крови, и даже в далеком Солнечном Копье был виден дымовой столб. Жители плавучего города искали спасения в водах реки; погибли всего около ста человек, да и те большей частью утонули, а не сгорели, однако первая кровь пролилась.

Орис Баратеон тем часом двинулся с тысячью отборных рыцарей по Костяному Пути, сам же Эйегон вел через Принцев перевал тридцатитысячное войско, во главе коего шли две тысячи конных рыцарей и триста лордов со своим ополчением. Лорд Харлен Тирелл, Хранитель Юга, заявлял во всеуслышание, что с такими силами они могли бы разбить любую дорнийскую рать даже и без Эйегона с Балерионом.

Возможная правота его слов так и не нашла подтверждения, ибо ни одного сражения дорнийцы Таргариенам не дали. Они попросту отступали, сжигая урожай на полях и отравляя колодцы. Сторожевые башни в Красных горах стояли пустые, перевалы загромождались ободранными овечьими тушами, протухшими и непригодными для еды. Спустившись с Принцева перевала в пески, Эйегон, чьи запасы пищи и корма подходили к концу, разделил свое войско. Сам он пошел на восток, намереваясь взять Поднебесный, твердыню Фаулеров, а лорда Тирелла отправил на юг к Адову Холму, замку Утора Уллера.

Шел второй год осени; Тирелл надеялся, что с приходом зимы зной в пустыне смягчится и воды станет больше, но дорнское солнце обмануло его ожидания. На такой жаре люди и животные пили много, а все колодцы в оазисах оказывались отравленными. Сначала начали гибнуть кони, следом и всадники. Гордые рыцари бросали свои знамена и щиты, сбрасывали доспехи. Потеряв почти всех лошадей и четверть людей, Тирелл нашел Адов Холм покинутым.

Не посчастливилось и Орису Баратеону. Кони с трудом одолевали каменистые склоны и вовсе отказывались подниматься на самых крутых участках, где были вырублены ступени. Сверху на рыцарей градом сыпались камни, но самих дорнийцев они ни разу не видели. Когда же пришельцы вступили на мост через реку Вайл, на них со всех сторон посыпались уже не камни, а стрелы. Лорд Баратеон приказал отступать, но путь назад отрезал горный обвал, и рыцарей начали резать, словно свиней в загоне. Пощадили только самого Ориса и еще дюжину лордов, за которых могли дать богатый выкуп. Их отвели в Каменный Путь, замок Вайла, свирепого горного лорда по прозвищу Вдоволоб.

Поход Эйегона сложился удачнее. Пройдя через предгорья, где бежали полноводные потоки и водилось множество дичи, он взял штурмом Поднебесный, а после краткой осады занял и Айронвуд. Замок Тор ему

сдал без боя стюард умершего недавно лорда Джордейна. Лорд Толанд из Призрачного Холма выслал навстречу королю своего бойца, чтобы вызвать Эйгона на поединок. Король принял вызов и сразил своего противника, но узнал вскоре, что то был не первый боец, а шут. Сам лорд со своим семейством покинул замок.

Точно так же поступила и Мерия, принцесса Дорнийская. Эйгон, прилетев в Солнечное Копье, нашел там свою сестру Рейенис. После поджога Дощатого города она покорила Лимонную Рощу, Крапчатый Лес и Стоячий Пруд, где видела одних лишь малых детей и старух, осыпавших ее проклятиями. Теневой город под стенами Солнечного Копья тоже наполовину опустел, а оставшиеся жители уверяли, что знать не знают, куда подевались принцесса и ее лорды. «Желтая жаба зарылась в песок», – доложила королю Рейенис.

В ответ на все это Эйгон провозгласил себя победителем. Собрав в великом чертоге Солнечного Копья немногих дорнийских сановников, он сказал им, что Дорн отныне становится частью его государства, а они – его подданными. Непокорившиеся лорды объявлялись мятежниками, стоящими вне закона; за их головы, в особенности за голову принцессы Мери, предлагалась награда. Лорд Джон Росби, назначенный кастеляном Солнечного Копья и Хранителем Пустыни, оставался править Дорном от имени короля. Поставив своих стюардов и кастелянов во всех прочих завоеванных замках, король с войском отправился домой тем же путем, через предгорья и Принцев перевал.

Не успели они дойти до Королевской Гавани, как Дорн взбунтовался. Откуда ни возьмись там появились сотни воинов с копьями – так появляются цветы в пустыне после дождя. Поднебесный, Айронвуд, Тор и Призрачный Холм отвоевали обратно за две недели, королевские гарнизоны вырезали, стюардов и кастелянов замучили; им отрубали одну часть тела за другой, а дорнийские лорды бились об заклад, чей пленник протянет дольше. Лорда Росби, кастеляна Солнечного Копья, постигла более милосердная смерть. Дорнийцы, нахлынув в замок из теневого города, связали его по рукам и ногам, и не кто иной, как сама престарелая принцесса, столкнула его вниз с башни.

В живых оставался только лорд Тирелл со своими людьми. Считалось, что замок Адов Холм на реке Серной может выдержать любую осаду, но от рыбы, выловленной в сернистых водах реки, хайгарденцы маялись животами. Копейщики лорда Кворгила из непокоренного Песчаника убивали фуражиров, пытавшихся достать съестное на западе, Вейты из Красных Дюн делали то же самое на востоке. Когда до Адова Холма дошла

весть о кастеляне, сброшенном с башни, Тирелл двинулся на Красные Дюны, намереваясь взять этот замок, пройти на восток вдоль реки, отбить Солнечное Копье у дорнийцев и наказать убийц лорда Росби. Намерения эти пропали втуне, ибо лорд бесследно сгинул в красных песках вместе со всем своим войском.

Эйегон Таргариен был не таков, чтобы признать поражение. Война, затянувшаяся на целых семь лет, после 6 года ОЗ выродилась в цепь бесконечных стычек, набегов и убийств, перемежающихся долгим бездействием и дюжиной перемирий.

В 7 году Ориса Баратеона и других лордов, попавших в плен на Костяном Пути, выкупили, заплатив за каждого его вес в золоте, но по их возвращении оказалось, что Вдоволоуб отсек каждому правую руку, дабы они не могли впредь поднять оружие против Дорна. Эйегон, вознамерившись отомстить, обрушился с Балерионом на горные крепости Вайлов, превратив их в груды расплавленного камня. Сами Вайлы, однако, отсиделись в пещерах и подземных ходах, а Вдоволоуб после того прожил еще двадцать лет.

В 8 году, в пору великой засухи, дорнийцы переплыли через море на кораблях, которые предоставил им пиратский главарь со Ступеней, разграбили дюжину городков и деревень на южной стороне мыса Гнева и сожгли половину Дождливого леса. «Огонь за огонь», – высказалась по этому случаю принцесса Мерия.

Этого Таргариены стерпеть не могли. В том же году дорнийцы увидели в небе королеву Висенью, и огненное дыхание Вхагара зажгло Солнечное Копье, Лимонную Рощу, Призрачный Холм и Тор.

Вернулась она и на будущий год в сопровождении самого Эйегона. На сей раз запылали Красные Дюны, Песчаник и Адов Холм.

Дорнийцы дали на это ответ в следующем, 10 году. Лорд Фаулер прошел через Принцев перевал и вторгся в Простор. Передвигаясь очень быстро, он сжег множество деревень и захватил большой пограничный замок Ночная Песнь еще до того, как марочные лорды узнали о его появлении. Когда весть о вторжении достигла Староместа, лорд Хайтауэр послал своего сына Аддама отвоевать замок, но дорнийцы предвидели это, и лорд Джоффри Дейн из Звездопада подступил к самому Староместу. Городские стены он не мог одолеть, но выжег поля и деревни на двадцать лиг вокруг и убил юного Гармона, младшего сына лорда, возглавившего вылазку против неприятеля. Сир Аддам, придя в Ночную Песнь, увидел, что Фаулер предал замок огню, его гарнизон мечу, а лорда Карона с женой и детьми увел в плен. Отказавшись от погони, сир Аддам поспешил назад,

чтобы избавить от врага Старомест, но Дейн со своим войском уже скрылся в горах.

Старый Манфред Хайтауэр вскоре умер, и сир Аддам стал лордом Высокой Башни. Старомест взывал о мщении; Эйегон вылетел в Хайгарден посоветоваться с Хранителем Юга, но молодой лорд Тео Тирелл, памятуя о судьбе своего отца, отнюдь не горел желанием идти в Дорн.

Тогда король снова прибег к драконам. Сам он полетел в Поднебесный, поклявшись превратить замок Фаулеров во второй Харренхолл, Висенья принесла пламя и кровь в Звездопад, Рейенис же предприняла вторую атаку на Адов Холм, не ведая, что ее там ожидает.

Драконы Таргариенов, возвращенные для битв, привыкли летать сквозь тучи стрел и копий без особого вреда для себя. Чешуя взрослого дракона прочнее стали, и даже те стрелы, что попадают в цель, только разжигают ярость огненных чудищ. Но защитник Адова Холма выстрелил из скорпиона с самой высокой башни, и железный болт длиной в целый ярд попал Мираксесу в правый глаз. Рухнув наземь в предсмертных судорогах, дракон снес и башню, и немалую часть крепостной стены.

Остается спорным, пережила ли Рейенис своего дракона. Одни говорят, что она сорвалась с него и разбилась насмерть, другие – что он раздавил ее своей тушей. Говорят также, что королева осталась жива и была медленно замучена в темницах Уллеров. Подлинных обстоятельств ее кончины мы скорее всего никогда не узнаем; известно лишь, что Рейенис Таргариен, сестра и жена Эйегона Первого, погибла в Адовом Холме в 10 году ОЗ.

Два последующих года известны как времена Драконова Гнева. Каждый дорнский замок горел еще трижды, пески вокруг Адова Холма от огненного жара обратились в стекло. Хозяева замков прятались глубоко под землей, но это их не спасало: лорда Фаулера, лорда Вейта, леди Толанд и четырех владетелей Адова Холма убили одного за другим, ибо Железный Трон назначил щедрую награду за голову любого дорнийского лорда. Надо сказать, что лишь двое убийц выжили, чтобы получить свое золото, и за каждую кровь дорнийцы платили кровью. Лорд Коннингтон из Гриффин-Руста был убит на охоте, Мертинса из Туманного Леса со всеми его домочадцами умертвил бочонок отравленного вина, лорда Фелла удавили в столичном борделе.

Не составили исключения и сами Таргариены. На Эйегона покушались не меньше трех раз – он погиб бы, не будь при нем его гвардии. При нападении на королеву Висенью пали двое ее гвардейцев, но последнего из негодяев она сама сразила Темной Сестрой.

Самое гнусное злодеяние тех кровавых времен свершилось в 12 году ОЗ. Вайл из Каменного Пути, прозванный Вдоволобом, явился незванный на свадьбу сира Джона Кафферена, наследника Фаунтона, и Алис Окхарт, дочери лорда Старой Дубравы. Дорнийцы, впущенные слугой-предателем через калитку замка, убили лорда Окхарта и почти всех гостей, оскостили молодого мужа на глазах у жены. Саму леди Алис с ее служанками изнасиловали всем скопом и продали мирийскому работоторговцу.

Дорн к тому времени превратился в дымящуюся пустыню, терзаемую голодом и чумой. «Гиблой землей» называли его купцы Вольных Городов, однако дорнийцы, верные своему девизу, оставались «непреклонными, нестигаемыми, несдающимися». Один рыцарь из Дорна, попавший в плен, заявил королеве Висенье, что принцесса Мерия прежде увидит дорнийцев мертвыми, нежели рабами Таргариенов. Принцесса отвечала, что они с братом охотно исполняют ее желание.

Но возраст и болезни совершили наконец то, что оказалось не под силу вражеским войскам и драконам. В 13 году ОЗ Мерия Мартелл скончалась в своей постели (во время плотских сношений с жеребцом, как утверждали ее враги). Лордом Солнечного Копья и принцем Дорнийским стал ее сын Нимор, сам уже шестидесятилетний, слабый здоровьем и не желающий более воевать. Первым же делом он отправил в Королевскую Гавань посольство с черепом дракона Мираксеса и предложением мира. Возглавила послов его дочь Дерия.

При дворе Эйгона его условия нашли неприемлемыми. «Никакого мира, пока они не сдадутся», – заявила королева Висенья, и королевский совет поддержал ее. Орис Баратеон, сильно ожесточившийся в свои последние годы, желал отправить принцессу Дерию к отцу без правой руки, а лорд Окхарт и вовсе прислал ворона с предложением «отдать дорнийскую девку в низайшего пошиба бордель, где ее могли бы иметь все городские нищие». Король был иного мнения. Принцесса прибыла под мирным знаменем, сказал он, и не потерпит под его кровом никакого вреда.

Все сходились на том, что король устал от войны, но заключение мира без полной капитуляции равнялось признанию, что любимая сестра его Рейенис погибла напрасно, что незачем было лить столько крови и предавать Дорн огню. Лорды-советники предостерегали Эйгона, что подобный мир сочтут проявлением слабости и за ним последуют новые мятежи. Эйгон и сам понимал, что Простор, штормовые земли и Марки, много претерпевшие от войны, ничего не забудут и не простят. Даже здесь, в Королевской Гавани, он отпускал дорнийцев в город лишь под сильной охраной, опасаясь, что чернь растерзает их в клочья. По всем этим

причинам, как написал позднее великий мейстер Люкан, король склонялся к тому, чтобы отвергнуть предложенный принцем мир и воевать дальше.

Тогда Дерия вручила ему запечатанное письмо своего отца, сказав: «Оно предназначено для вашего величества и ни для кого более».

Эйегон прочел письмо на Железном Троне, в присутствии своего двора. Лик его остался непроницаемым, но на пораненной о трон руке проступила кровь. Он сжег письмо, вылетел на Драконию Камень, а вернувшись, согласился на все условия Нимора и подписал вечный мир с Дорном.

Никто и по сей день не знает, что было в письме. Одни полагают, будто принц всего лишь нашел в своем отцовском сердце слова, тронувшие отцовское сердце Эйегона. Другие утверждают, что Нимор привел там список всех лордов и рыцарей, погибших во время войны. Некоторые септоны заходят так далеко, что объявляют послание заколдованным: желтая жаба-де написала его перед смертью, используя вместо чернил кровь королевы Рейенис, и король не устоял перед ее черной магией.

Великий мейстер Клегг, приехавший в Королевскую Гавань двадцать лет спустя, пришел к выводу, что у Дорна не осталось больше сил для борьбы, и доведенный до отчаяния Нимор чем-то пригрозил королю. Например, тем, что закажет Безликим из Браавоса убить сына его от Рейенис, шестилетнего наследного принца Эйениса. Возможно, это и так, но точно мы никогда не узнаем.

Так закончилась Первая Дорнская война (4–13 гг. ОЗ).

Желтая дорнийская жаба сделала то, чего не удалось Харрену Черному, двум бывшим королям и Торрхену Старку: победила Эйегона Таргариена с его драконами. Однако к северу от Красных гор ее стратегия встречала одно лишь презрение. Слова «дорнийская доблесть» стали там определением трусости. «Жаба, когда ей грозит опасность, забивается в нору», – говорится в одной из летописей. «Мерия сражалась по-женски, с помощью лжи, измены и колдовства», – читаем в другой. Победа Дорна (если можно ее так назвать) считалась бесчестной; сыновья и братья тех, кто пал на войне, говорили, что когда-нибудь еще поквитаются с подлецами-южанами.

Час мщения настал, однако, нескоро, при более молодом и воинственном короле. Эйегон Первый просидел на Железном Троне еще двадцать четыре года, но война с Дорном стала последней из его войн.

Три головы дракона: правление первых Таргариенов

Эйегон Таргариен был прославленным воином и величайшим завоевателем, однако самые великие его достижения многие относят к мирному времени. Железный Трон, согласно пословице, ковался в крови и пламени, но стал седалищем правосудия, как только остыл.

Примирение Семи Королевств под властью Таргариенов было краеугольным камнем политики Эйегона. С этой целью он собрал к себе мужей (и даже нескольких женщин) со всего государства. Прежних врагов поощряли присылать ко двору детей (хотя бы и младших, ибо наследников лорды предпочитали оставлять дома). Мальчики служили оруженосцами и пажами, девочки – камеристками и фрейлинами двух королей Эйегона. Они становились свидетелями справедливого королевского суда и приучались думать о себе как о подданных единого королевства, а не как о жителях Запада, штормовых земель или Севера.

Таргариены старались также заключать браки между отпрысками домов из разных концов страны в надежде, что такие союзы сплотят семь королевств в одно. Занимались этим большей частью королевы – Висенья и Рейенис. Благодаря их усилиям юный Роннел Аррен, лорд Орлиного Гнезда, взял в жены дочь Торрхена Старка из Винтерфелла, а Лорен Ланнистер, наследник Бобрового Утеса, женился на дочери Редвина из далекого Бора. Девочек-тройняшек Вечерней Звезды с Тарта Рейенис обручила с сыновьями Корбреев, Хайтауэров и Харло, Висенья же устроила двойную свадьбу между домами Блэквудов и Бракенов, чья вражда продолжалась веками. Сын каждого дома брал в жены дочь другого для скрепления мира. Когда девица Рован на службе у Рейенис понесла от поваренка, королева нашла в Белой Гавани рыцаря, готового взять ее за себя, а в Ланниспорте – другого, согласного принять ее ребенка на воспитание.

Никто не сомневался в том, что окончательное решение принадлежит Эйегону, но Висенья и Рейенис помогали ему во всем. Ни одна королева в истории Вестероса, исключая разве Алисанну, жену Джейехериса I, не оказывала такого влияния на политику государства, как сестры Дракона. В каждую поездку по стране Эйегон брал одну из них, в то время как другая замещала его на Железном Троне.

Король, объявив Королевскую Гавань своей столицей и воздвигнув трон в дымном чертоге Эйгонфорта, проводил там не более четверти года. Ровно столько же времени он уделял Драконьему Камню, гнезду своих предков. Замок под Драконьей горой, в десять раз больше Эйгонфорта, был к тому же намного удобней и безопасней. Завоеватель говаривал, что любит самый воздух Драконьего Камня, где соль смешана с серой и дымом подземных огней.

Вторую половину года Эйгон посвящал путешествиям. Вместе с двором он переезжал от замка к замку, гостя у всех великих лордов поочередно. Чаячий город и Орлиное Гнездо, Харренхолл, Риверран, Ланниспорт и Бобровый Утес, Кракехолл, Старая Дубрава, Хайгарден, Старомест, Бор, Рогов Холм, Эшфорд, Штормовой Предел, Замок Вечерней Звезды принимали его величество много раз, но временами он ехал, куда ему было угодно, сопровождаемый тысячной свитой рыцарей, лордов и леди. Он трижды побывал на Железных островах, один раз на Пайке и дважды на Большом Вике, провел две недели в Систертоне в 19 году и шесть раз посещал Север. Трижды король останавливался в Белой Гавани, дважды в Барроутоне, а последнее путешествие, предпринятое в 33 году, привело его в Винтерфелл.

«Предотвращать мятежи легче, нежели подавлять их», – говорил Эйгон, когда его спрашивали о причине столь частых поездок. Зрелище короля во всем великолепии верхом на Балерионе и его рыцарей в шелках и стальной броне вселяло в сердца лордов преданность трону. Простолюдинам, добавлял государь, тоже полезно иногда видеть своего короля и знать, что они всегда могут обратиться к нему с челобитной.

И они это знали. Лорды, стараясь перещеголять друг друга, устраивали для короля охоты, пиры и балы, но он, помимо этого, всюду вершил королевский суд, будь то во дворе замка или на мшистом камне в крестьянском поле. Шесть мейстеров, сопровождавших его, толковали ему местные законы, приводили примеры из истории и записывали вынесенные им приговоры. Правитель должен знать землю, которой правит, говорил позже Эйгон сыну своему Эйенису; в своих странствиях он приобрел много знаний о Семи Королевствах и народе, обитавшем в них.

В каждом завоеванном королевстве существовали свои законы, свои обычаи, и король в них не вмешивался, оставляя лордам былые привилегии и права. Законы наследования оставались неизменными, феодальная иерархия сохранялась; лорды – и великие и малые – могли держать на своих землях темницы и виселицы. Право первой ночи также не отменяли там, где оно было принято.

Первейшей заботой Эйегона был мир. До Завоевания в Вестеросе постоянно случались междоусобицы, и даже в мирных будто бы королевствах лорды-соседи решали свои споры мечом. Король положил этому конец. Отныне мелким лордам и рыцарям-помещикам предписывалось обращаться с подобными спорами к своему сюзерену, распри же между великими лордами улаживал сам король. «Королевский мир есть первый закон государства, – провозгласил Эйегон. – Всякий, кто выступит на войну без моего на то дозволения, будет считаться мятежником и врагом Железного Трона».

Издавал он также указы касательно податей и таможенных сборов: ранее каждый порт и каждый лорд брали с купцов, издольщиков и крестьян сколько вздумается. Король освободил от податей земли, имущество и всех служителей Веры мужеского и женского пола. Все прегрешения оных служителей подлежали лишь суду самой Веры. Сам не будучи набожным, Эйегон всемерно поддерживал Септу и главу ее, верховного септона.

В устье реки Черноводной, на трех холмах и вокруг них, быстро разрастался город Королевская Гавань. Самый высокий холм носил теперь имя Эйегона, два других нарекли вскоре холмами Висеньи и Рейенис. Первоначальный глинобитный форт, построенный Эйегоном, не вмещал больше короля и его придворных; его начали расширять еще во время Завоевания и вскоре поставили на холме бревенчатый замок пятидесятифутовой вышины, с огромнейшим великим чертогом. Через двор от него построили кухню – каменную и под сланцевой крышей на случай пожара, рядом возвели конюшни и житницу. Новая сторожевая башня превышала старую вдвое. Разросшийся Эйегонфорт обвели новым палисадом, занявшим почти всю вершину холма; внутри него разместились казарма, оружейная, септа и круглая башня.

У подножия холмов на речных берегах росли склады и пристани. Купцы из Староместа и Вольных Городов причаливали бок о бок с ладьями Веларионов и Селтигаров там, где раньше стояли только рыбацьи лодки. Королевская Гавань успешно соперничала с прежними торговыми портами Синим Долом и Девичьим Прудом. У реки возник рыбный рынок, в ложбине меж холмов торговали тканями. В порту открылась таможня. Остов старого когга на берегу стал первой городской септой. Вскоре она переехала в глинобитный домик, а затем на холме Висеньи воздвигли новую на средства верховного септона. Жилые дома и лавки множились, как грибы после дождя. Горожане побогаче строились на склонах холмов, беднота лепила в низинах хижину из глины с соломой.

Никаких планов застройки не было – город очень быстро разрастался

сам по себе. При первой коронации Эйегона он был всего лишь деревней под стенами нехитрого форта, а ко времени второй коронации вмещал уже несколько тысяч душ. В 10 году он мог сравниться с Чаячим городом и Белой Гаванью, в 25-м перерос их обоих и стал третьим по величине городом Вестероса, уступая только Ланниспорту и Староместу.

Стенами его, однако, огородили не сразу. Считалось, что они столице и не нужны: кто же осмелится напасть на город, который защищают драконы? Возможно, что и сам король разделял это мнение, но гибель сестры вместе с ее драконом и покушения на собственную персону заставили его призадуматься.

В 19 году с Летних островов пришла тревожная весть: пираты разграбили там город Высокодрев и увели тысячу женщин и детей в рабство. Это навело короля на мысль, что и Королевская Гавань может подвергнуться столь же дерзкому нападению в отсутствие его и Висеньи, и он отдал приказ о возведении стен, таких же высоких и крепких, как в Ланниспорте и Староместе. Эту задачу он поручил великому мейстеру Гавену и своему деснице, сирю Осмунду Стронгу. В честь богов Эйегон распорядился устроить в будущих укреплениях семь ворот, каждые с помещением для стражи и с надвратными башнями. Работы начались на будущий год и завершились в 26 году.

Сир Осмунд был четвертым десницей короля. Первым стал Орис Баратеон, побочный брат Эйегона и друг его юных лет. В дорнийском плену лорд Орис лишился правой руки и по возвращении попросил отставки. «У королевского десницы должна быть десница, – сказал он. – Не желаю, чтобы меня прозвали королевской культей». На его место король назначил лорда Риверрана Эдмина Талли. Лорд Эдмин служил с 7 по 9 годы, но когда умерла в родах его жена, он счел, что детям своим нужен больше, чем государству, и вымолил у короля разрешение вернуться домой. Его сменил Элтон Селтигар, лорд Коготь-острова, честно служивший королю до самой своей кончины в 17 году, а после него настал черед сира Осмунда.

Великий мейстер Гавен стал на своем посту третьим. Эйегон всегда держал на Драконьем Камне мейстера, как отец и дед до него. У всех великих лордов, а также у многих невеликих и у рыцарей-помещиков мейстеры, прошедшие выучку в Цитадели Староместа, служили советниками, лекарями, писцами. Они же ухаживали за почтовыми воронами, писали и читали письма за тех лордов, что грамотой не владели, помогали стюардам со счетными книгами и учили господских детей. Во время Завоевательных войн при Эйегоне и его сестрах состояло по

мейстеру, а после для разбора государственных дел король собирал их до полудюжины.

Но мудрейшими и ученейшими мужами в Семи Королевствах почитались архимейстеры Цитадели, каждый из коих был светилом в одной из наук. В 5 году ОЗ король Эйегон, желая почерпнуть из сего источника мудрости, попросил конклав прислать ему кого-то из их числа, дабы сделать ближайшим своим помощником и советником. Так была учреждена должность великого мейстера.

Первым ее занял архимейстер Оллидар, маститый историк, с кольцом, жезлом и маской из бронзы. При всей учености он был очень стар и покинул сей мир через год после того, как возложил на себя мантию великого мейстера. Его преемником конклав избрал архимейстера Лаэнса с кольцом, жезлом и маской из желтого золота. Тот был покрепче и прослужил до 12 года, после чего поскользнулся, сломал бедро и вскоре скончался, уступив место архимейстеру Гавену.

Малый королевский совет появился лишь при Джейехерисе I, но это не значит, что Эйегон Завоеватель правил, ни с кем не советуясь. Он испрашивал мнения как великих, так и домашних мейстеров, а в том, что касалось доходов и податей, искал совета мастеров над монетой. В Королевской Гавани и на Драконьем Камне у него имелось по септону, но в вопросах веры король чаще обращался к их главе в Староместе и непременно посещал Звездную септу во время своих ежегодных объездов. Более же всего Эйегон полагался на своих десниц и, конечно же, на сестер.

Королева Рейенис покровительствовала певцам, осыпая дарами тех, кто ей пришелся по вкусу. Королева Висенья находила поведение сестры легкомысленным, но любовь Рейенис к музыке оказалась весьма полезной для новой династии: барды сочиняли песни во славу Таргариенов и разносили их по всему Вестеросу от Дорнских Марок до Стены. Завоевание в их устах предстало великим и славным делом, а Эйегон ставился вровень с героями древности.

Рейенис заботилась также о простых людях, особенно о детях и женщинах. Однажды на ее суд в Эйегонфорте привели человека, забившего свою жену до смерти. Братья женщины подали на него жалобу, он же заявлял, что был в своем праве, ибо застал жену в постели с другим мужчиной. Закон, дающий мужу право наказывать жену за измену, и верно, действовал во всем Вестеросе за вычетом Дорна. Муж, кроме того, предъявлял в доказательство свою палку – не толще большого пальца, как требовал закон. На вопрос королевы, сколько раз он ударил свою жену, мужчина затруднился ответить, но братья покойной утверждали, что он ей

нанес сто ударов.

Рейенис, посоветовавшись с мейстерами и септонами, вынесла такое решение: боги велют жене быть покорной мужу, но даже в случае измены он может ударить ее не более шести раз – по числу богов, исключая несущего смерть Неведомого. Посему первые шесть ударов, нанесенных мужем, были законными, прочие же девяносто четыре объявлялись преступлением против богов и людей, требующим, в свою очередь, наказания. С тех пор «правило шести раз» вошло в обиход наряду с «правилом большого пальца». Преступного мужа отвели к подножию холма Рейенис, где братья жены выместили на нем лишних девяносто четыре удара палками установленной толщины.

Королева Висенья, не разделяя сестриной любви к музыке, любила посмеяться и держала собственного шута – волосатого горбуна по прозвищу Обезьяний Лорд. Когда он умер, подавившись персиковой косточкой, она завела настоящую обезьяну и сама дрессировала ее, одев в наряд покойного дурака. «Новый умнее старого», – говаривала Висенья.

Была в ней, однако, и темная сторона. Миру она являла лик воительницы, непреклонной и ничего не прощающей; даже красоту ее очевидцы называли суровой. Старшая из трех глав дракона Таргариенов, она пережила и сестру, и брата. Говорят, что в последние свои годы, не в силах больше владеть мечом, она занималась темными искусствами, варила яды и наводила порчу. Порой намекают даже, будто она была братоубийцей и цареубийцей одновременно, но доказательствами свою клевету подкрепить не могут.

Будь это правдой, многие пришли бы в недоумение, ибо в юности Висенья стояла за брата горой. Дважды, когда его подкарауливали дорнийские головорезы, она обнажала Темную Сестру ради его спасения. Подозрительная и легко впадавшая в гнев, она доверяла лишь ему одному. В Дорнскую войну она носила кольчугу и днем и ночью, даже под придворными платьями, советуя Эйгону поступать так же. Когда он отказался, она пришла в ярость. «Даже с Черным Пламенем в руке ты один, – сказала Висенья, – а я не всегда могу быть рядом с тобой». На слова короля, что у него есть на то стража, она выхватила свой меч и чиркнула брата по щеке, прежде чем стражники успели вмешаться. «Это не стража, а ленивый неповоротливый сброд! – вскричала она. – Я могла бы убить тебя столь же легко, как и ранить». Эйгон с кровавым порезом на лице поневоле с ней согласился.

У многих королей служили в телохранителях первые бойцы королевства, Эйгона же как лорда Семи Королевств должны были, по

решению Висеньи, охранять семеро. Так возникла Королевская Гвардия, братство первейших рыцарей в белой броне и белых плащах, обязавшихся защищать короля ценой самой жизни своей, буде придет нужда. Висенья сочинила для них обеты на манер присяги Ночного Дозора. Белые рыцари, как и черные братья со Стены, клялись служить до конца своих дней в послушании и целомудрии, отрекаясь от замков, земель и других земных благ и не ища наград, кроме чести.

На это вызывались столь многие рыцари, что Эйегон хотел устроить турнир, дабы выбрать самых достойных, но Висенья указала ему, что одной воинской доблести королевским гвардейцам мало: им должна быть присуща неколебимая преданность королю. Тогда Эйегон предоставил выбирать ей.

В семерку Висеньи вошли рыцари молодые и старые, высокие и низкие, темноволосые и белокурые, взятые со всех концов Вестероса. Были там младшие сыновья и наследники старинных домов, отказавшиеся от своего первородства ради службы у короля, были межевой рыцарь и бастард. Все они – сильные, ловкие, приметливые – искусно владели мечом и щитом, и в их сердцах жила верность дому Таргариенов.

Вот их имена, сохраненные для нас Белой Книгой: сир Ричард Рут; сир Аддисон Хилл, Бастард из Початка; братья сир Григор и сир Гриффин Гуд; сир Хамфри-Скоморох; сир Робин Дарклин Черный Дрозд и сир Корлис Веларион, первый лорд-командующий. В грядущем подтвердилось, что Висенья сделала мудрый выбор: двое гвардейцев погибли, защищая короля, другие честно служили до конца своих дней. Многие рыцари вслед за ними облачались в белые плащи и вписывали свои имена в Белую Книгу. Слова «Королевская Гвардия» и «честь» остаются равнозначными по сей день.

Шестнадцать Таргариенов всходили на Железный Трон вслед за Эйегоном Драконом, пока Восстание Роберта не пресекло их династию. Были среди них правители мудрые и глупые, добрые и жестокие, хорошие и дурные, но по вкладу их в законы и государственное устройство как в мирные, так и в военные времена имя Эйегона I должно вписать во главу листа.

Сыновья дракона

Король Эйегон I Таргариен, как гласит история, взял в жены обеих своих сестер, Висенью и Рейенис. Обе они летали на драконах, обе были прекрасны как истые Таргариены – с серебристо-золотыми волосами и фиолетовыми глазами. В остальном эти две женщины были различны во всем, кроме одного: каждая из них подарила королю сына.

Рейенис, младшая жена, была первой. Мальчик, родившийся у нее в 7 году от Завоевания Вестероса, был очень мал, очень слаб и все время плакал. Королевские мастера не ручались за его жизнь. Грудь он брал только у матери, отвергая кормилиц, и проплакал, по слухам, две недели подряд, когда его отлучили. Он столь мало походил на короля Эйегона, что кое-кто осмеливался даже предполагать, будто отцом его был один из многочисленных фаворитов Рейенис, певец или лицедей. Расти и крепнуть принц Эйенис начал лишь получив в подарок молодого дракона по имени Ртуть, только что вышедшего из яйца на Драконьем Камне.

Когда королева Рейенис погибла в Дорне со своим драконом Мираксесом, Эйенису сравнялось три года. Мальчик был безутешен, перестал есть и ползал на четвереньках, словно ходить разучился. Отец отчаялся в нем, и при дворе сплетничали, что Эйегон хочет взять другую жену, ибо Рейенис умерла, а Висенья, похоже, бесплодна. Король в таких делах ни с кем не советовался, однако многие лорды и рыцари привозили ко двору своих дочерей, одна страшнее другой.

В 11 году королева Висенья внезапно объявила, что понесла, положив конец этим слухам. Она утверждала, что у нее будет сын, что вскоре и подтвердилось. Новый принц явился на свет в следующем году. Мастера и повитухи говорили, что еще не видывали такого здоровенького младенца: при рождении Мейегор весил чуть ли не вдвое больше, чем его старший брат.

Братья никогда не дружили. Эйениса – как наследника престола – король держал при себе и брал во все поездки по Семи Королевствам, Мейегор оставался с матерью. Из своих путешествий король возвращался в Королевскую Гавань, где построил себе крепость Эйегонфорт, Висенья же с сыном жили на Драконьем Камне. По этой причине и лорды, и простой народ стали называть Мейегора принцем Драконьего Камня.

Королева Висенья вручила сыну меч, когда ему исполнилось три. Первым делом мальчик будто бы зарубил одну из дворцовых кошек; эту

басню могли придумать много позже его враги, однако то, что принц сразу же начал учиться владеть мечом, отрицать не приходится. Мать выбрала ему в наставники сира Гавена Корбрея, самого грозного рыцаря Семи Королевств.

Принца Эйениса воинской науке обучали в основном рыцари Королевской Гвардии, а временами и сам король. Все соглашались с тем, что мальчик прилежен и отваги ему не занимать, а вот сил явно недостает. Даже с отцовским мечом Черное Пламя Эйенис добился лишь самых скромных успехов в единоборстве. В бою он себя не посрамил, говорили его учителя, но песни о его подвигах вряд ли сложат.

Таланты принца проявлялись в другом. Эйенис хорошо пел, обладая приятным и сильным голосом, имел обходительные манеры и был умен, хотя никто бы не назвал его книжным червем. Он легко заводил друзей и завоевывал сердца девиц как знатного, так и низкого рода. Любил он также верховую езду. Отец дарил ему коней, как скаковых, так и боевых, но им всем Эйенис предпочитал своего дракона.

Принц Мейегор любви к животным никогда не выказывал. Когда в восемь лет его на конюшне лягнула лошадь, он заколол ее и снес пол-лица конюшонку, прибежавшему на ее крик. Не нажил он и друзей, хотя товарищей по играм всегда имел вдосталь. Был он вспыльчив, злопамятен, страшен в гневе, зато в боевом мастерстве превосходил всех и каждого. Оруженосцем стал в восемь, в двенадцать спешивал на турнирах подростков четырьмя-пятью годами старше себя и побивал во дворе замка взрослых латников. На тринадцатый день рождения мать подарила ему Темную Сестру, свой собственный валирийский меч, а полгода спустя Мейегор женился.

Браки Таргариены заключали только между собой. Наилучшим считался союз между сестрой и братом; если такая пара не составлялась, девушку выдавали за дядю, кузена, племянника, а юношу женили на тетке, кузине, племяннице. Так делалось во всех знатных семьях Древней Валирии, особенно там, где владели драконами. «Кровь дракона не терпит примесей» – гласила пословица. Многоженство тоже случалось, но не столь часто, как браки внутри семьи. В Валирии перед Роком, по словам мудреца, чтити тысячу богов и ни одного из них не боялись; мало кто осмеливался возвысить голос против таких обычаев.

Иное дело Вестерос с его Истинной Верой. На Севере еще почитали старых богов, но в остальных областях Вестероса поклонялись единому богу в семи лицах, и голосом его на земле был верховный септон Староместа. Доктрина этой веры, принесенная из Андалоса много веков

назад, осуждала валирийские нравы. Плотские сношения между дочерью и отцом, сыном и матерью, братом и сестрой объявлялись тяжким грехом, а плоды такого союза – мерзостью в глазах богов и людей. Из своего далека мы видим, что раздор между Септой и Таргариенами был неизбежен. Многие праведники еще во время Завоевания ожидали, что верховный септон выступит с обличением Эйегона и его жен, и были весьма недовольны, когда святейший отец отговорил лорда Хайтауэра сражаться с Королем-Драконом, а позднее даже помазал Таргариена на царство.

Знакомство – мать согласия, говорится в пословице. К 11 году, когда скончался верховный септон, короновавший Завоевателя, народ уже попривык к тому, что у короля две королевы, которые одновременно и жены его, и сестры. Король Эйегон чтит Веру, освободил все ее владения от налогов и постановил, что единственно Септа вправе судить служителей Семерых, преступивших закон. За время его правления согласие между Железным Троном и Верой ни разу не нарушалось. Эйегон поддерживал добрые отношения со всеми шестью верховными септонами, носившими кристальную корону с 11 по 37 год, и посещал Звездную септу каждый раз, как бывал в Староместе. Однако вопрос о браке между близкими родичами все еще таился под спудом подобно отраве. Верховные септоны при короле Эйегоне никогда не возвышали голос против женитьбы его на сестрах и не объявляли ее противозаконной, но скромные служители Веры – деревенские септоны, септы, нищенствующие братья, Честные Бедняки – по-прежнему считали греховным и двоеженство, и сношения брата с сестрами.

Дочерей у Эйегона Завоевателя не было, и сыновья его за неимением сестер должны были искать невест вне семьи.

Первым в 22 году женился принц Эйенис. Его женой стала леди Алисса, дочь Эйетана Велариона, лорда Дрифтмарка и королевского адмирала. У пятнадцатилетней невесты, ровесницы жениха, были те же серебристые волосы и фиолетовые глаза, ибо древний род Веларионов также происходил из Валирии. Мать самого короля Эйегона в девичестве прозывалась Веларион, но на троюродных сестрах жениться никто не препятствовал.

Брак был счастливым, и на следующий же год Алисса родила дочь, названную Рейеной. Уродившись крошечной, как отец, принцесса в отличие от него была здоровым ребенком, с живыми лиловыми глазками и волосами как кованое серебро. Летопись гласит, что сам король Эйегон прослезился, взяв на руки внучку, и обожал ее до конца своих дней. Быть может, она напоминала ему утраченную королеву Рейенис, в честь которой

и была названа.

Вся страна ликовала, исключая, пожалуй, одну королеву Висенью. Все задавались вопросом, останется принц Мейегор вторым в череде наследников или отодвинется на третье место, уступив второе племяннице. Висенья предлагала обручить Рейену с Мейегором, которому только что сравнялось двенадцать, но Эйенис и Алисса на это не согласились. Когда весть об этом достигла Звездной септы, верховный септон прислал королю ворона с предупреждением, что Вера подобный брак не благословит. Вместо Рейены он предлагал Мейегору в невесты свою собственную племянницу Серису, дочь лорда Манфреда Хайтауэра (кого не следует путать с дедом, носившим такое же имя).

Эйегон, желая укрепить связи с правящим домом Староместа, дал согласие, и в 25 году Мейегор Таргариен, принц Драконьего Камня, принес брачный обет Серисе Хайтауэр в Звездной септе, причем обряд совершил сам верховный септон. Невеста была на десять лет старше своего жениха, но все лорды, провожавшие молодых на брачное ложе, говорили, что принц пылал страстью. Сам Мейегор хвастал, что скрепил свой брак не менее двенадцати раз. «В эту ночь я зачал сына дому Таргариенов», – объявил он наутро.

На будущий год мальчик и впрямь родился, но не у Мейегора с Серисой, а у Эйениса с леди Алиссой. Названный Эйегоном в честь деда, ребенок был крепок и полон жизни – «настоящий вояка», как объявил сам король. Многие еще полагали, что престол могут унаследовать принц Мейегор или принцесса Рейена, но казалось бесспорным, что наследником Эйениса станет его сын Эйегон, а сам Эйенис займет трон после короля Эйегона Первого.

Алисса рожала раз за разом, Сериса же оставалась бездетной. В 29 году жена подарила Эйенису второго сына, Визериса, в 34-м – третьего, Джейехериса, в 36-м – вторую дочь Алисанну.

Рейене в тот год исполнилось тринадцать, и она, по словам великого мастера Клегга, полюбила младшую сестричку «так, будто сама ее родила». Старшая принцесса росла робкой, мечтательной и с животными чувствовала себя свободнее, чем с другими детьми. Малюткой она при виде чужих людей цеплялась за юбку матери или за ногу отца, но любила кормить дворцовых кошек и укладывала в свою кроватку щенят. Мать подбирала ей в подруги дочерей великих и малых лордов, однако играм с ними Рейена предпочитала книги.

В девять лет ей подарили только что вылупившегося дракончика. Рейена назвала его Огненной Мечтой, и они сразу же накрепко привязались

друг к другу. Дракон помог принцессе избавиться от детской застенчивости; в двенадцать лет она впервые поднялась в небо, и хотя нрав ее оставался по-прежнему тихим, робкой ее уже никто не считал. Вскоре у нее появилась и первая настоящая подруга – кузина Ларисса Веларион. Девочки были неразлучны, пока Лариссу не отозвали домой на Дрифтмарк, чтобы выдать за второго сына лорда Вечерней Звезды с острова Тарт. Но юные сердца быстро оправляются от потерь, и принцесса обрела нового друга в дочери десницы Саманте Стокворт.

Именно Рейена, по преданию, положила по драконьему яйцу в колыбель сначала Джейхерису, потом Алисанне. Из этих яиц, если верить легенде, вышли Среброкрылый и Вермитор, чьи имена навсегда вписаны в историю Вестероса.

Лишь королеву Висенью и ее сына Мейегора не радовало рождение новых принцесс и принцев, ибо каждый сын Эйениса – а кое-кто говорил, что и дочь – оттеснял Мейегора все дальше от Железного Трона.

На турнирах и ратном поле Мейегор, однако, превосходил брата во всем. На большом Риверранском турнире 28 года он спешил одного за другим трех рыцарей Королевской Гвардии и уступил лишь следующему противнику, а в общей схватке перед ним никто не мог устоять. В тот день отец коснулся его плеча собственным своим мечом Черное Пламя, и шестнадцатилетний Мейегор стал самым молодым рыцарем Семи Королевств.

За сим подвигом последовали другие. В 29 и 30 годах Мейегор вместе с Осмундом Стронгом и Эйетаном Веларионом усмирал на Ступенях лиссенийского пирата Саргозо Саана, проявив себя бесстрашным и грозным воином, в 31-м выследил и убил в речных землях знаменитого рыцаря-разбойника, прозванного Великаном с Трезубца.

Своего дракона у него, впрочем, не было. За эти годы среди подземных огней Драконьего Камня вывелось с полдюжины детенышей, но Мейегор всех их отверг. Столичный люд дивился тому, что юная Рейена начала летать прежде своего дяди. Алисса при дворе как-то заметила в шутку, что ее деверь не иначе как побаивается драконов. Мейегор, потемнев от гнева, ответил, что на свете есть лишь один дракон, достойный его.

Последние семь лет Эйегона Завоевателя прошли мирно. После неудачных Дорнских войн король не покушался более на независимость Дорна; в десятую годовщину мира он полетел на Балерионе в Солнечное Копье, дабы отпраздновать этот день на «пиру дружбы» с Дарией Мартелл, принцессой Дорнийской. Эйенис на Ртути сопровождал его, Мейегор оставался у себя на Драконьем Камне. В 33 году королю минуло

шестьдесят, и Эйегон, скрепивший свое государство огнем и кровью, обратился к кирпичу и известке.

Полугодовые поездки по стране совершали теперь Эйенис и Алисса; стареющий король оставался дома, деля свое время между Королевской Гаванью и Драконьим Камнем.

Рыбачья деревня, где он высадился когда-то, разрослась в большой город, вмещавший в то время сто тысяч душ. Величиной Королевская Гавань уступала лишь Староместу и Ланниспорту, но грязию, зловонием и беспорядочностью до сих пор походила на громадный военный лагерь, а Эйегонфорт, занимавший половину холма Эйегона, почитался самым уродливым замком Семи Королевств. Постройки его, глинобитные и деревянные, давно уже выплеснулись за старые палисады.

Эйегон понимал, что такая обитель недостойна великого короля. В 35 году он перебрался со всем двором назад на Драконий Камень, повелел снести Эйегонфорт и воздвигнуть новый каменный замок на его месте. Наблюдать за строительством он поручил деснице, лорду Алину Стокворту (сир Осмунд Стронг скончался в прошлом году) и королеве Висенье. При дворе ходила шутка, что король доверил королеве строительство Красного Замка, чтобы убрать ее с Драконьего Камня.

Король Эйегон умер от удара на Драконьем Камне в 37 году от Завоевания. Случилось это в Палате Расписного Стола, где король показывал внукам Эйегону и Визерису карту своих владений. Принц Мейегор, тоже бывший в то время на острове, прочел заупокойную молитву над телом отца, и короля, облаченного в боевые доспехи, возложили на погребальный костер: в доме Таргариенов покойников сжигали, а не предавали земле. В кольчужных дланях король держал свой меч Черное Пламя. Костер зажег Вхагар, дракон королевы. После сожжения Мейегор снял с костра меч, ибо обычный огонь не вредит валирийской стали: она стала лишь чуть темнее.

Король-Дракон оставил после себя Висенью, сестру свою и жену, двух сыновей и пять внуков. Принцу Эйенису в ту пору минуло тридцать лет, принцу Мейегору – двадцать пять.

Эйенис был в Хайгардене, когда умер отец, но успел на погребение благодаря Ртути. Похоронив отца, он возложил на себя стальную, украшенную рубинами корону Завоевателя, и великий мастер Гавен провозгласил его Эйенисом из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. Лорды, рыцари и септоны, что съехались на Драконий Камень, поочередно преклоняли колена. Когда пришла очередь

Мейегора, Эйенис поднял его, расцеловал и сказал: «Больше тебе не нужно преклонять предо мною колена, брат. Государством мы будем править совместно. – С этими словами он вручил Мейегору меч Черное Пламя, добавив: – Ты более его достоин, чем я. Служи им своему королю, и мы оба будем довольны».

(Поступив так, Эйенис, как показали позднейшие события, совершил весьма неразумный шаг. Королева Висенья уже одарила сына Темной Сестрой; Мейегор, владевший теперь обоими валирийскими мечами дома Таргариенов, носил отныне одно лишь Черное Пламя, Темная же Сестра праздно висела в покоях его на Драконьем Камне.)

Засим новый король отплыл в Королевскую Гавань, где торчал среди куч грязи и щебня Железный Трон. Эйегонфорт уже снесли, холм изрыли котлованами под будущие подвалы, но Красный Замок пребывал пока в зачаточном состоянии. Тысячи горожан тем не менее пришли восславить короля Эйениса, воссевшего на отцовский престол.

После этого король отправился в Старомест, дабы заручиться благословением верховного септона. На Ртути он мог бы совершить это путешествие за несколько дней, но предпочел ехать по земле в сопровождении трехсот конных рыцарей и многочисленной челяди. Рядом с ним ехали королева Алисса и трое старших детей. Четырнадцатилетняя Рейена похищала сердца молодых рыцарей, принцу Эйегону было одиннадцать, принцу Визерису восемь. Джейехериса и Алисанну, слишком маленьких для столь долгой поездки, оставили на Драконьем Камне. Королевский кортеж проехал на юг до Штормового Предела и двинулся на запад через Дорнские Марки, останавливаясь в каждом попутном замке. (Возвращаться было решено через Хайгарден, Ланниспорт и Риверран.)

Народ стекался к тракту, приветствуя короля, королеву и королевских детей. Юным принцам очень нравились и восторженные крики, и забавы, которые устраивали для них лорды в замках, Рейена же по старой привычке замкнулась в себе. «Принцесса, – записал в Штормовом Пределе мейстер Ориса Баратеона, – всем своим видом показывает, что всё ей здесь не по нраву. К кушаньям она почти не притрагивается, ни с собаками, ни с соколами охотиться не желает. Когда же ее попросили спеть (голос у нее, по слухам, очень красивый), она отказалась наотрез, весьма неучтиво, и удалилась в свои покои». Более всего Рейену угнетала разлука с Огненной Мечтой и недавней подругой, рыжеволосой Мелони Пайпер с речных земель. Королева Алисса, видя это, послала за леди Мелони, и принцесса сразу повеселела.

Верховный септон в Звездной септе помазал Эйениса елеем, как

прежде его отца, и увенчал золотой короной с ликами Семерых из нефрита и жемчуга. Однако в то самое время, когда король получал благословение Хранителя Веры, многие уже сомневались, достоин ли он сидеть на Железном Троне. Вестеросу нужен воин, а не мечтатель, говорили они; Эйегон оставил двух сыновей, и Мейегор сильнее Эйениса. Партию противников нового короля возглавляла мать Мейегора, вдовствующая королева Висенья. «Это ясно даже самому Эйенису, – будто бы говорила она. – Зачем бы иначе он отдал Черное Пламя моему сыну? Он понимает, что Мейегор будет более достойным правителем».

Способности молодого короля подверглись испытанию раньше, чем ожидалось. Завоевательные войны оставили шрамы по всему Вестеросу. Подросшие сыновья рвались отомстить за павших отцов. Рыцари вспоминали дни, когда воин, имевший коня и доспехи, мечом прорубал себе путь к богатству и славе. Лорды тосковали о временах, когда могли без королевского разрешения облагать своих подданных налогами и разделяться с врагами. «Цепи, выкованные Драконом, можно порвать, – шептались меж собой недовольные. – Мы можем вернуть себе отнятые свободы, но действовать нужно незамедлительно, пока трон занимает слабый король».

Первые ростки мятежа взошли в речных землях, среди колоссальных руин Харренхолла. Эйегон пожаловал замок сиру Квентону Квохорису, своему старому мастеру над оружием. В 9 году ОЗ лорд Квохорис упал с коня и погиб, передав титул своему внуку Гаргону, толстому и глупому любителю юных девиц по прозвищу Свадебный Гость: он посещал все свадьбы в своих владениях с тем, чтобы воспользоваться правом первой ночи. С женами и дочерьми своих слуг Гаргон также не церемонился.

Король Эйенис гостил в Риверране у лорда Талли, когда отец обещенной Гаргоном девушки открыл замковую калитку разбойнику Харрену Рыжему, объявлявшему себя внуком Харрена Черного. Разбойники вытащили лорда из постели и отволокли в богорощу, где Харрен отсек и скормил собакам его мужское достоинство. Немногих стражников, оставшихся верными Гаргону, перебили, остальные примкнули к Харрену, провозгласившему себя лордом Харренхолла и Речным Королем (на Железные острова он, не будучи железнорожденным, не претендовал).

Когда в Риверране узнали об этом, лорд Талли стал убеждать короля сесть на дракона и спалить мятежный замок, как прежде его отец. Но Эйенис, возможно памятуя гибель своей матери в Дорне, не полетел в Харренхолл. Он приказал Талли созвать знамена и выступил, лишь набрав тысячное войско, однако в Харренхолле не нашел никого, кроме мертвых:

Харрен, предав мечу верных слуг лорда Гаргона, скрылся в лесах.

По возвращении в Королевскую Гавань Эйениса ждали еще худшие вести. Джонос Аррен, сместив и взяв под стражу своего брата, законного лорда Роннела, объявил себя Королем Горы и Долины. На Железных островах из моря вышел очередной король-жрец, именующий себя Лодосом Дважды Тонувшим, сыном Утонувшего Бога, загостившимся в водных чертогах отца. В Красных горах Дорна объявился Король-Стервятник, призвавший всех истых дорнийцев отомстить за обиды, причиненные Дорну Таргариенами. Принцесса Дерия отреклась от него, заверяя, что Дорн не желает ничего, кроме мира, но многие тысячи дорнийцев стеклись под его знамена и начали по козьим тропам проникать на Простор.

«Стервятник сей наполовину безумен, а войско его всего лишь невымытый сброд, – писал королю лорд Хармон Дондаррион. – Мы чуем их за пятьдесят лиг». Вскоре названный сброд захватил его замок Черная Гавань. Король-Стервятник собственноручно отрезал лорду Хармону нос, предал замок огню и ушел.

Король Эйенис, понимая, что все эти мятежи следует подавить, не знал, очевидно, с чего начать. Великий мейстер Гавен пишет, что король, воображавший, будто народ его любит, пребывал в полной растерянности. Джонос Аррен, новый Лодос, Король-Стервятник... что он им сделал? Отчего они не пришли к нему со своими обидами? Он охотно бы выслушал их. Эйенис подумывал о переговорах с мятежниками, желая узнать о причинах их недовольства. Жену и детей он отправил на Драконий Камень, опасаясь, как бы Харрен Рыжий не нагрянул в Королевскую Гавань. Деснице лорду Алину Стокворту было приказано выступить с армией и флотом в Долину, чтобы свергнуть Джоноса и восстановить в правах лорда Роннела, но накануне отплытия король отменил приказ, не желая оставлять столицу без всякой защиты. Десницу с несколькими сотнями воинов отрядили на охоту за Харреном, а решение судьбы прочих бунтовщиков король Эйенис хотел предоставить Большому совету.

Пока король медлил, лорды его вышли в поле. Одни действовали по собственному почину, другие с согласия королевы Висеньи. Аллард Ройс из Рунстона, собрав с полсотни других верных лордов, пошел на Гнездо и с легкостью разбил приспешников самозваного Короля Горы и Долины, но Роннела спасти не успел: Джонос выбросил брата в Лунную Дверь. Таков был печальный конец Роннела Аррена, трижды облетевшего вокруг Копья Гиганта верхом на драконе. Орлиное Гнездо невозможно взять обычными средствами, и Джонос с горсткой оставшихся у него людей приготовился к

долгой осаде, но тут с неба спустился Балерион, неся на себе Мейегора. Сын Завоевателя наконец выбрал себе дракона, и был это не кто иной, как сам Черный Ужас.

При виде его мятежники тут же сдались и отправили самозванца в Лунную Дверь вслед за братом, но от смерти это их не избавило: Мейегор казнил всех до единого. Даже самых родовитых он не удостоил меча, сказав, что предатели заслуживают только веревки, и развесил рыцарей нагими на стенах замка. Лордом Долины он поставил Губерта Аррена, кузена погибших братьев. Тот имел от своей леди-жены Ройс из Рунстона шестерых сыновей, и угасание дому Арренов не грозило.

На Железных островах против Лодоса Второго выступил Горен Грейджой, Лорд-Жнец с Пайка. С сотней ладей он отплыл на Старый и Большой Вики, где сторонники самозваного короля были наиболее многочисленны, тысячи их предал мечу и послал в Королевскую Гавань засоленную голову Лодоса. Эйенис так обрадовался подарку, что обещал исполнить любое желание лорда Грейджоя. Тот как истый сын Утонувшего Бога попросил убрать всех септонов и септ, приехавших на острова после Завоевания, и королю пришлось согласиться.

Однако Король-Стервятник, самый грозный из всех мятежников, все еще бесчинствовал в Дорнских Марках. Принцесса Дерия по-прежнему от него отрекалась, но многие подозревали, что она ведет двойную игру, ибо сама против Стервятника не выходит и даже, по слухам, снабжает его людьми, припасами и деньгами. Правда то была или нет, но к Стервятнику примкнули сотни дорнийских рыцарей и тысячи ветеранов-копейщиков. Войско его раздулось до тридцати тысяч воинов; Стервятник, не в силах прокормить столь большую рать, разделил ее надвое, что и погубило его. Одну половину он повел на запад к Ночной Песне и Рогову Холму, другая во главе с лордом Уолтером Вайлом, сыном Вдоволюба, двинулась на восток и осадила Стонхельм, усадьбу дома Сваннов.

Оба войска вскоре были разгромлены. Орис Баратеон, известный ныне как Однорукий, выступил из Штормового Предела в свой последний поход и разбил дорнийцев под стенами Стонхельма. Когда к нему привели израненного лорда Уолтера, Орис сказал ему: «Твой отец забрал мою руку, а я в ответ заберу твою». С этими словами он отсек пленному правую руку, а после левую и обе ступни, прибавив, что получит свое с лихвой. На обратном пути в Предел лорд Баратеон умер от ран, полученных им самим – умер довольным, по словам его сына Давоса, с улыбкой глядя на отрубленные руки и ноги, повешенные в его шатре наподобие связки лука.

Судьба самого Стервятника была едва ли завиднее. Видя, что Ночную

Песнь взять не удастся, он снял осаду и пошел дальше на запад, но леди Карон устремилась вслед за ним и соединилась с сильным марочным войском, которое возглавил Хармон Дондаррион, безносый лорд Черной Гавани. Навстречу же дорнийцам внезапно вышел Сэмвел Тарли, лорд Рогова Холма, с несколькими тысячами рыцарей и лучников. Свирепый Сэм, как его называли, оправдал свое прозвище в скорой кровавой битве, зарубив десятки дорнийцев своим валирийским мечом Губитель Сердец. У Стервятника было вдвое больше людей, чем у всех трех его противников, вместе взятых, однако недисциплинированная и необученная орда недолго продержалась в кольце конных рыцарей. Дорнийцы, побросав щиты и копья, пустились бежать к далеким горам, но марочные лорды нагоняли и убивали их. Охотой на Стервятника прозвали этот поход.

Самого Короля-Стервятника взяли живым, и Сэм Тарли привязал его, раздетого донага, к двум столбам. Стервятники, если верить певцам, и растерзали его, на самом же деле он умер от голода, жажды и зноя, а птицы склевали его уже после смерти. В последующие века титул Короля-Стервятника примеряли на себя и другие, но никто не знает, были ли они одного рода с первым. Его смерть считают концом Второй Дорнской войны, но именовать так мятеж Стервятника едва ли верно, ибо дорнийские лорды в нем не участвовали, а принцесса Дерия не желала признавать самозванца.

Первый мятеж усмирили последним. Харрен Рыжий, прижатый к западному берегу Божьего Ока, не сдался без боя и убил в схватке королевского десницу лорда Алина Стокворта, но оруженосец последнего, Бернарр Брюн, убил его самого. Благодарный король Эйенис посвятил Брюна в рыцари, а Давоса Баратеона, Сэмвела Тарли, Безносого Дондарриона, Эллин Карон, Алларда Ройса и Горена Грейджоя вознаграждал золотом и почетными должностями. Наипаче был возвеличен принц Мейегор: по возвращении в Королевскую Гавань его встретили как героя. Эйенис обнял брата на глазах ликующих горожан и наименовал своим новым десницей. В конце того года на Драконьем Камне вывелись еще двое детенышей, и это сочли добрым знаком, но дружба между сынами Короля-Дракона длилась недолго.

Расхождение было скорее всего неизбежно, уж очень разнились во всем эти братья. Добрый, мягкосердечный король Эйенис, по отзывам людей того времени, любил свою жену, детей и весь свой народ, желая единственно, чтобы и его любили в ответ. Окончательно забросив меч и копье, его величество увлекался алхимией, астрономией, астрологией, обожал музыку и танцы, одевался в шелк и бархат, окружал себя

мейстерами, септонами и мудрецами всякого рода.

Иное дело Мейегор. Необычайно сильный, выше брата и шире в плечах, он жил только войной и турнирами. Его справедливо признавали одним из лучших рыцарей Вестероса, но его свирепость на поле брани и суровость к побежденным врагам незамеченными также не оставались. Эйенис всем угождал и всякий раздор старался решить добрым словом, Мейегор сразу же откликался огнем и сталью. Эйенис, как пишет великий мастер Гавен, верил всем, Мейегор – никому. Эйенис легко поддавался чужому влиянию и колебался, словно тростник на ветру, не зная, которому совету последовать; Мейегор был непоколебим, как железный столп.

Несмотря на все эти различия, братья согласно правилам вместе почти два года. В 39-м королева Алисса подарила королю еще одну дочь, Вейеллу, которая, к несчастью, умерла в колыбели. Возможно, как раз это доказательство того, что королева еще способна иметь детей, и подвигло Мейегора на роковое решение. Принц, поразив короля и все государство, объявил, что Сериса бесплодна и потому он берет себе вторую жену – Алис Харроуэй, дочь нового владельца Харренхолла. Свадьба состоялась на Драконьем Камне с полного согласия королевы Висеньи. Замковый септон отказался свершить обряд, и молодые соединились по валирийскому обычаю, «огнем и кровью».

Произошло это без позволения, ведома и присутствия короля Эйениса. Узнав о незаконной свадьбе, король рассорился с братом. Он был не одинок в своем гневе: отец Серисы лорд Хайтауэр заявил о своем недовольстве и потребовал, чтобы принц удалил от себя леди Алис. Верховный септон пошел еще дальше: он заклеил второй брак Мейегора как прелюбодейственный, а невесту именовал «харроуэйской блудницей». Ни один истинный сын или дочь Семерых не признает ее законной супругой, возглашал он. Принц Мейегор отвечал на это, что отец его был женат на двух своих сестрах и что кровью дракона Септа распоряжаться не вправе. Никакие старания Эйениса не могли отменить этих слов. Благочестивые лорды по всему Вестеросу осуждали как двоеженца, так и «его блудницу».

Разгневанный король поставил брата перед выбором: вернуться к леди Серисе или отправиться в изгнание на пять лет. Мейегор выбрал изгнание и в 40 году отбыл в Пентос, взяв с собой леди Алис, дракона Балериона и меч Черное Пламя. Говорили, будто Эйенис приказал ему вернуть меч, а принц ему ответил: «Отберите его у меня сами, государь». Покинутая леди Сериса осталась жить в Королевской Гавани.

Взамен брата король назначил десницей септона Мармизона,

слывшего чудотворным целителем. По распоряжению короля Мармизон еженощно возлагал руки на чрево леди Серисы: Эйенис надеялся, что брат раскается в своем безумстве, узнав, что законная его жена способна рождать. Но Серисе этот обряд наскучил, и она вернулась к отцу в Старомест. Можно не сомневаться, что такой выбор король совершил в надежде умиротворить Септу, однако этого не случилось. Исцелить государство Мармизон был способен не более чем сделать плодоносной Серису Хайтауэр. Верховный септон продолжал метать громы и молнии, а лорды в своих замках повторяли, что король слаб: куда-де такому править Семью Королевствами, если он даже с младшим братом не может сладить.

Король же как будто не замечал всеобщего недовольства. В стране воцарился мир, шkodливый братец благополучно убрался за Узкое море, и на холме Эйегона подрастал новый замок. Строился он из красного камня, за что и получил свое название. Новая резиденция короля обещала стать роскошнее Драконьего Камня, красивее Харренхолла, а мощные стены, башни и барбикианы могли выдержать любую осаду. Эйенис был прямо-таки одержим возведением замка и говорил, что его потомки будут в нем править тысячу лет. Мечта об оных потомках привела его к роковой ошибке: в 41 году Эйенис вручил руку своей дочери Рейены ее родному брату Эйегону, наследнику Железного Трона.

Принцессе было восемнадцать, принцу пятнадцать. Они дружили между собой с детских лет. Своим драконом Эйегон так и не обзавелся, но часто летал с сестрой на ее Огненной Мечте. Стройный и красивый, он рос все выше, как молодое деревце – многие говорили, что дед его в юности был точно таким же. Прослужив три года в оруженосцах, он хорошо владел топором и мечом и слыл лучшим копейщиком среди всей молодежи Вестероса. Многие юные девы заглядывались на принца, и он не оставался равнодушным к их чарам. «Если принца не женят вскорости, – писал в Цитадель великий мейстер Гавен, – у его величества может появиться незаконный внучок».

У принцессы Рейены также было много поклонников, но она в отличие от брата никому не отвечала взаимностью. Время она предпочитала проводить с братьями, сестрой, любимыми кошками и собаками и новой подругой Алейной, дочерью лорда Ройса из Рунстона. Принцесса так привязалась к этой толстушке, что даже на драконе ее катала, но куда чаще поднималась в небо одна. На семнадцатом году она объявила себя взрослой девицей, вольной летать куда пожелает.

Огненную Мечту замечали над Харренхоллом, Тартом, Рунстоном, Чаячьим городом. Ходили слухи (ничем, однако, не подкрепленные), что в

одном из полетов Рейена отдала цвет своего девичества любовнику низкого рода. Одни говорили, что это был межевой рыцарь, другие – что певец, сын кузнеца, деревенский септон. Из-за этого-де королю и пришлось выдать дочь замуж как можно скорее. Так или нет, принцесса, безусловно, вошла в брачный возраст: родители ее поженились, будучи тремя годами моложе.

В свете традиций Таргариенов брак между двумя старшими детьми был для короля очевидным выбором. Рейену с Эйегоном, помимо родства, связывала нежная дружба, и никто из них против свадьбы не возражал. Скорее всего они готовились к ней еще со времени своих детских игр на Драконьем Камне и в Эйегонфорте.

Буря, поднявшаяся после объявления о помолвке, застала семью короля врасплох, хотя предвещавшие ее знаки были достаточно ясны для всех, кто имел мудрость читать их. Истинная Вера, закрывавшая глаза на брак Завоевателя с его сестрами, их внукам в снисхождении отказала. Союз меж братом и сестрой Звездная септа объявила кровосмесительным, остерегая, что дети, рожденные от него, будут «мерзостью в глазах богов и людей», и десять тысяч септонов зачитывали этот ордонанс по всем Семи Королевствам.

Эйенис, знаменитый своей нерешительностью, на сей раз заартачился. Королева Висенья советовала ему выбрать одно из двух: либо найти других супругов сыну и дочери, либо сесть на дракона, полететь в Старомест и спалить Звездную септу вместе с верховным септоном. Король не сделал ни того ни другого, но настоял на своем.

В день свадьбы на улицах, примыкающих к Памятной септе – предыдущий верховный септон воздвиг ее в честь погибшей королевы на холме Рейенис, – выстроились в горящей серебряной броне Сыны Воина, провожая мрачными взглядами гостей, следующих мимо пешком, верхом и в носилках. Наиболее благоразумные лорды сочли за благо не приезжать вовсе.

На свадебном пиру король совершил новый промах, передав титул принца Драконьего Камня своему наследнику Эйегону. При этих словах в чертоге настала мертвая тишина, а королева Висенья встала из-за высокого стола и удалилась без позволения Эйениса. В ту же ночь она верхом на Вхагаре вернулась в свой замок Драконий Камень. В летописи сказано, что луна, когда дракон пролетал мимо, стала красной как кровь.

Эйенис между тем как будто не понимал, что восстановил против себя все Семь Королевств. Полагая, что простой народ любит его по-прежнему, он отправил Эйегона и Рейену в свадебное путешествие по стране. Принцесса, будучи, как видно, умнее отца, попросила позволения взять с

собой Огненную Мечту. Король отказал; он опасался, что принца сочтут трусом и неженкой, видя его на коне, а жену его на драконе.

Скоро выяснилось, что король недооценивал как благочестие своих подданных, так и силу слов верховного септона. Кorteж принца и принцессы освистали в первый же день. Ни один септон в Девичьем Пруду не согласился благословить пир, устроенный в их честь лордом Моутоном. Лорд Лукас Харроуэй заявил, что не впустит новобрачных к себе в Харренхолл, пока они не признают его дочь Алис законной супругой своего дяди. Те отказались; любви это им не прибавило, а ночь, холодную и сырую, пришлось провести в шатрах под стенами замка. В одной деревне речных земель Честные Бедняки забросали августейшую чету грязью; принц Эйегон обнажил против дерзких меч, но собственные рыцари его удержали, ибо крестьян было куда больше, чем свиты. Рейена же, подъехав к обидчикам, сказала им так: «Принцесса на коне, я вижу, вас не пугает. В другой раз я прилечу на драконе, вот тогда и кидайтесь грязью».

Положение ухудшалось день ото дня. Септона Мармизона, совершившего брачный обряд, отлучили от веры, и король написал верховному септону с просьбой вернуть сан «моему доброму Мармизону»: в древней Валирии-де браки между братьями и сестрами были приняты повсеместно. Ответ верховного септона был столь уничижителен, что Эйенис побледнел, читая его. Его святейшество, адресуя свое письмо «Гнуснейшему королю», объявлял Эйениса тираном и отказывал ему в праве занимать трон.

Праведные вняли голосу своего пастыря. Недели через две, когда септон Мармизон ехал по городу в носилках, из переулка выскочили Честные Бедняки и топорами изрубили его на куски. Сыны Воина тем временем укрепляли холм Рейенис, превращая Памятную септу в свою цитадель. Красный Замок был еще далек от завершения, и король, сочтя свое обиталище на холме Висеньи чересчур уязвимым, собрался перебраться с королевой и младшими детьми на Драконий Камень. Решение оказалось мудрым: за три дня до отплытия Честные Бедняки перелезли через стену усадьбы и ворвались в королевскую опочивальню. Лишь своевременное вмешательство сира Реймонта Баратеона из Королевской Гвардии спасло короля от смерти.

Холм Висеньи Эйенис сменил на саму Висенью. Она встретила его на берегу знаменитой речью:

«Ты глупец и тряпка, племянник. Посмел бы кто-нибудь говорить так с твоим отцом! У тебя есть дракон; садись на него, лети в Старомест и преврати Звездную септу во второй Харренхолл. Сам не хочешь, так мне

позволь: я охотно поджарю за тебя тушку святого отца. Вхагар стареет, но огонь его все так же горяч».

Эйенис не послушал тетку и предписал ей жить в башне Морского Дракона, никуда оттуда не выходя.

К концу 41 года против короля восстала чуть ли не вся страна. Четыре мнимых короля, заявивших о себе сразу после смерти Эйегона Завоевателя, казались малыми детьми по сравнению с этой новой угрозой: нынешние повстанцы почитали себя солдатами Семерых, ведущими священную войну против безбожных тиранов. Десятки лордов по всему Вестеросу спускали королевские флаги и становились под знамя Звездной септы. Сыны Воина охраняли все ворота Королевской Гавани, решая, кому войти в столицу и кому выйти. Строительство Красного Замка прервали, разогнав всех рабочих. Честные Бедняки перекрывали дороги, требуя у путников отчета, за кого те стоят – за веру или за порождение зла. Они же толпились у ворот замков, пока их лорды не отрекались публично от Таргариена. Принц и принцесса, прервав свою поездку, укрылись в замке Кракехолл. Посол Железного банка, приехавший в Старомест для переговоров с Мартином Хайтауэром, новым лордом Высокой Башни и Голосом Староместа (лорд Манфред, отец Мартина, скончался несколькими лунами ранее), писал в Браавос, что верховный септон есть «истый король Вестероса во всем, кроме имени».

Новый год застал короля Эйениса все на том же Драконьем Камне, больного страхом и нерешительностью. В тридцать пять лет от роду он казался шестидесятилетним старцем и страдал, по словам великого мастера Гавена, поносом и спазмами в животе. Королева Висенья, видя, что мастерские средства не помогают, взялась ухаживать за королем самолично. Эйенису как будто сделалось лучше, но тут пришла весть, что замок Кракехолл, где нашли убежище его дети, осажден толпами Честных Бедняков. Король, услышав об этом, скончался три дня спустя.

Эйениса Таргариена, как и его отца, сожгли во дворе замка Драконий Камень. На погребении присутствовали его сыновья Визерис, двенадцати лет, Джейехерис, семи лет, и пятилетняя дочь Алисанна. Королева Алисса пропела смертную песнь. Погребальный костер зажгла Ртуть, дракон покойного короля; по некоторым свидетельствам, ему помогали в этом Среброкрылый и Вермитор.

Королева Висенья через час после кончины племянника села на Вхагара, улетела на восток за Узкое море и вернулась с сыном своим Мейегаром верхом на Балерионе.

На Драконьем Камне Мейегор остановился лишь затем, чтобы надеть

корону – не золотую с ликами Семерых, а отцовскую из валирийской стали с рубинами. Корону на него возложила мать, и принц в присутствии многих лордов и рыцарей провозгласил себя Мейегором из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства.

Один лишь великий мейстер Гавен осмелился подать голос против. Согласно закону о престолонаследии, принятому самим Завоевателем, Железный Трон должен перейти к Эйегону, старшему сыну Эйениса, сказал престарелый мейстер. «Железный Трон перейдет к тому, кто может его удержать», – ответил Мейегор и тут же казнил Гавена, отделив его седую голову от туловища одним ударом Черного Пламени. Королевы Алиссы с детьми на коронации не было. Сразу же после сожжения тела Эйениса они отплыли в замок ее лорда-отца на Дрифтмарке. Мейегор, узнав об этом, пожал плечами и отправился со своим мейстером в Палату Расписного Стола диктовать письма лордам Вестероса, великим и малым.

В тот день из замка вылетели сто воронов, а завтра в воздух поднялся сам Мейегор. Сопровождаемый матерью верхом на Вхагаре, он пересек Черноводный залив. Сотни жителей Королевской Гавани, завидев в небе драконов, бросились прочь из города, но все ворота были заперты наглухо. Сыны Воина готовились оборонять городские стены, недостроенный Красный Замок и Памятную септу на холме Рейенис, Таргариены же подняли свой штандарт над холмом Висеньи и призвали к себе всех верных сторонников. На зов откликнулись тысячи. Отныне их король Мейегор, объявила Висенья. «В нем течет подлинная кровь Эйегона Завоевателя, брата моего, возлюбленного и мужа. Всякий, кто хочет оспорить его право на престол, пусть выйдет против него с оружием».

Сыны Воина не замедлили ответить на вызов. Семьсот рыцарей в серебристой броне спустились с холма Рейенис во главе с капитаном сиром Дамоном Морригеном по прозванию Дамон Верный. «Не будем тратить слов, пусть дело решат мечи», – сказал ему Мейегор. Сир Дамон, убежденный, что боги даруют победу правому делу, согласился, сказав: «Выставим каждый по семь бойцов, как делалось когда-то в Андалосе. Найдется ли у тебя шесть соратников?» Королевская Гвардия Эйениса осталась на Драконьем Камне, и Мейегор был один.

«Кто хочет сразиться вместе со своим королем?» – спросил он, обращаясь к толпе. Все сделали вид, что не слышат, ибо доблесть Сынов Воина была всем известна. Вызвался только один человек – не рыцарь, а простой латник по имени Бобовый Дик. «Я всю жизнь был солдатом короля, им и умру», – сказал он.

Лишь тогда вышел вперед первый рыцарь. «Этот бобовый стручок нас всех посрамил, – вскричал он. – Неужто здесь не осталось истинных рыцарей?» Был это не кто иной, как Бернарр Брюн, убивший Харррена Рыжего и посвященный в рыцари самим королем Эйенисом. Пристыженные им воины начали откликаться. Имена четверых, отобранных Мейегором, навсегда вписаны в историю Вестероса: сир Брамм из Чернолодья, межевой рыцарь; сир Рейфорд Росби; сир Гай Лотстон, он же Гай-Обжора; сир Люсифер Масси, лорд Плясунов.

Имена семерых Сынов Воина также известны: сир Дамон Морриген (Дамон Верный), капитан ордена; сир Лайл Бракен; сир Харис Хорп по прозвищу Харри Мертвая Голова; сир Эйегон Амброз; сир Дикон Флауэрс, Бастард из Медовой Рощи; сир Виллем Скиталец; сир Гарибальд Семизвездный, рыцарь-септон. Дамон Верный, как гласит летопись, прочел молитву, прося Воина даровать силу правым, королева Висенья дала знак, и бой начался.

Первым пал Бобовый Дик, сраженный Лайлом Бракеном пару мгновений спустя, но после этого ничего нельзя утверждать достоверно. В одной летописи сказано, что из вспоротого живота Гая-Обжоры вывалилось сорок непереваренных пирогов; в другой читаем, что сир Гарибальд Семизвездный сражался, распевая при этом гимн. Несколько очевидцев пишут, что лорд Масси отсек Харри Харпу руку; по словам одних, Харп перекинул свой боевой топор в левую и вогнал его Масси между глаз, по словам других, он погиб на месте. Битва то ли длилась несколько часов, то ли закончилась очень скоро. Все, однако, согласны с тем, что бойцы дрались доблестно, и вот Мейегор остался один против Дамона Верного и Виллема Скитальца. Король бился Черным Пламенем, и оба его противника были тяжело ранены, но жизнь его, в чем сходятся и певцы и мастера, висела на волоске. Сир Виллем, уже падая, нанес ему страшный удар по голове. Все думали, что Мейегору конец, но Висенья, сняв с сына разбитый шлем, воскликнула: «Король жив!»

Итак, победа осталась за Мейегором. Когда семь лучших Сынов Воина пали мертвыми, семьсот оставшихся пали на колени, признав свое поражение. Королева Висенья, распорядившись отнести сына к мастерам, приказала им вернуться в свою крепость на вершине холма.

Двадцать семь дней Мейегор находился между жизнью и смертью. Мастера потчевали его зельями и лечили припарками, септоны молились у его ложа. Сыны Воина в Памятной септе тоже молились и спорили, как им быть дальше. Одни говорили, что орден должен признать Мейегора королем, ибо боги даровали победу ему; другие возражали, что клятва,

данная верховному септону, обязывает их продолжать борьбу.

Тем временем с Драконьего Камня прибыла Королевская Гвардия. По приказу королевы Висеньи белые рыцари, возглавив сторонников дома Таргариенов, окружили холм Рейенис. В ту же пору вдовствующая королева Алисса на Дрифтмарке объявила сына своего Эйегона подлинным королем Вестероса, но поддержали ее немногие. Эйегон, которому оставался еще год до совершеннолетия, сидел в Кракехолле, окруженный толпами Честных Бедняков и простых крестьян, видевших в нем порождение зла.

Архимейстеры Цитадели собрали конклав для обсуждения, кто должен унаследовать трон, и выбрали нового сенешаля. Тысячи Честных Бедняков двинулись на Королевскую Гавань. Тех, что шли с запада, возглавлял межевой рыцарь сир Хорис Хилл; тех, что с юга, – гигантского роста воин с боевым топором по прозвищу Уот-Рубака. Когда толпы, ставшие лагерем у замка Кракехолл, ушли с остальными, Эйегон и Рейена смогли наконец покинуть свое убежище и перебрались в Бобровый Утес под защиту лорда Лимана Ланнистера. Жена его леди Иокаста, как пишет мейстер лорда Лимана, первая догадалась, что принцесса носит дитя.

На двадцать восьмой день после Испытания Семерых в столицу пришел с вечерним приливом корабль из Пентоса. Алис из дома Харроуэв, вторая жена Мейегора, привезла с собой шестьсот наемников и одну женщину, бледную красавицу с иссиня-черными волосами. Называлась она Тианной из Башни; одни полагали ее наложницей Мейегора, другие – любовницей самой леди Алис. Тианна, внебрачная дочь пентошийского магистра, была плясуньей в таверне, прежде чем выбилась в куртизанки. Ходили слухи, что она к тому же колдунья и отравительница. О ней рассказывали много всяких историй, но королева Висенья сразу же отставила всех мейстеров и септонов, поручив сына заботам одной Тианны.

Король очнулся на следующее же утро с восходом солнца. Народ восторженно приветствовал Мейегора, вышедшего на стену Красного Замка с Алис Харроуэй и Тианной из Пентоса, но радостные крики скоро утихли. Король, сев на Балериона, полетел к холму Рейенис, где собрались на утреннюю молитву Сыны Воина. Дракон поджег Памятную септу, а стоявшие наготове копейщики с лучниками добивали тех, кто вырывался наружу. Говорят, что вопли горящих заживо разносились по всему городу, и долго еще над Королевской Гаванью стояла дымная пелена. Так встретили свою смерть наилучшие из Сынов Воина. В Староместе, Ланниспорте, Чаячьем городе и Каменной Септе оставались еще их собратья, но былую силу орден уже не обрел.

Это, впрочем, было лишь началом войны Мейегора с орденами Веры, которая продолжалась все его царствование. Первым делом король приказал Честным Беднякам, идущим на столицу, сложить оружие под страхом опалы и смерти. Те не подчинились, и король повелел «своим верным лордам» выйти в поле и разогнать мятежный сброд силой. Верховный септон в ответ призвал «благочестивых детей богов» не слагать оружия и покончить с правлением «огненных чудищ и порождений греха».

Первая битва состоялась в Просторе, у города Каменный Мост, где шесть лордов взяли в кольцо девять тысяч Честных Бедняков, переходивших Мандер во главе с Уотом-Рубакой. Половина их войска находилась уже на северном берегу, половина оставалась на южном. Необученные бойцы, одетые в вареную кожу, холстину, обломки ржавых доспехов и вооруженные лишь кольями, топорами да вилами, никак не могли выдержать атаку тяжелой рыцарской конницы. Резня учинилась такая, что Мандер покраснел от крови на двадцать лиг, а город стал именоваться не Каменным, а Горьким Мостом. Уота, убившего полдюжины рыцарей (среди коих был Лоудос из Трав, предводитель королевского войска), взяли живым и в цепях доставили к королю.

Но тут на Большой Зубец реки Черноводной вышел сир Харис Хилл с еще большим войском: около тринадцати тысяч Честных Бедняков, двести конных Сынов Воина из Каменной Септы, а с ними домашние рыцари и ополченцы, присланные дюжиной мятежных лордов западных и речных земель. Последних возглавил лорд Руперт Фалвелл, известный как Воинствующий Дурак; с ним вместе выступили сир Лионель Лорх, сир Алин Террик, лорд Тристифер Уэйн, лорд Джон Лайчестер и многие другие славные рыцари. Всего армия Веры насчитывала двадцать тысяч бойцов.

Королевское войско, примерно такой же величины, имело в своих рядах почти вдвое больше конницы, большой отряд стрелков с длинными луками, и сопровождал его сам король верхом на драконе. Битва тем не менее разгорелась жестокая. Воинствующий Дурак убил двух рыцарей Королевской Гвардии, прежде чем лорд Девичьего Пруда сразил его самого. Большой Джон Хогг, боец короля, ослепший от раны, собрал своих людей и прорвал вражескую оборону, обратив Честных Бедняков в бегство. Хлынувший над полем ливень не смог погасить пламя, которое вновь и вновь изрыгал с неба Балерион. К ночи победа осталась за королем; Бедняки, побросав топоры и колья, разбежались куда глаза глядят.

Торжествующий Мейегор вернулся в Королевскую Гавань и снова взошел на Железный Трон. Скованному, но не покорившемуся Уоту-Рубаке король отсек руки и ноги его же собственным топором, но наказал

мейстерам сохранить ему жизнь, дабы тот «мог отпраздновать мою свадьбу», и объявил, что берет себе третью жену, Тианну из Башни. При дворе шептались, что королева-мать недолюбливает колдунью из Пентоса, но лишь великий мейстер Мирес осмелился возразить королю. «Ваша единственная законная жена ждет вас в Староместе», – сказал он. Мейегор, выслушав его молча, сошел с трона и убил Миреса Черным Пламенем.

Мейегор Таргариен и Тианна из Башни сочетались браком на холме Рейенис, среди пепла и костей Сынов Воина. Говорили, что король предал смерти дюжину септонов, пока кто-то не согласился свершить незаконный обряд. На церемонии, куда принесли искалеченного Уота-Рубаку, присутствовала также вдова Эйениса Алисса с младшими детьми Визерисом, Джейехерисом и Алисанной. Висенья, прилетев на Дрифтмарк, побудила бывшую королеву вернуться ко двору, где та вместе с братьями и кузенами из дома Веларионов признала Мейегора своим королем. Ее вынудили даже участвовать с другими дамами в провожании и раздевать короля на пути в опочивальню, а заправляла этим Алис Харроуэй, вторая жена. Уложив короля в постель, Алисса и прочие дамы вышли, но Алис осталась на ложе с королем и его новой женой.

Верховный септон в Староместе продолжал обличать «гносного тирана с его блудницами». Сериса Хайтауэр настаивала на том, что она единственная законная королева, Эйегон Таргариен в западных землях – на том, что он единственный законный король.

Пока Мейегор сражался за трон, Эйегон и ожидавшая ребенка Рейена оставались в Бобровом Утесе. Почти все рыцари и сыновья лордов, выехавшие с ними в злополучное путешествие по стране, покинули их и устремились в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть Мейегору. Даже служанки и фрейлины Рейены сочли за благо уехать. Лишь Алейна Ройс осталась при ней, а другая подруга детства, Мелони Пайпер, привела в Ланниспорт своих братьев, и они признали Эйегона своим королем.

Эйегон, всю жизнь полагавший, что займет трон после отца, увидел вдруг, что лишился большинства друзей и сторонников. Приверженцы Мейегора, число коих росло с каждым днем, открыто заявляли, что принц столь же слаб, как и его покойный отец. У него и дракона-то нет, между тем как Мейегор владеет Балерионом, а сестра и жена его летает на Огненной Мечте сызмальства. Присутствие Алиссы на свадьбе Мейегора доказывало, по общему мнению, что даже родная мать отреклась от принца.

Лиман Ланнистер, приютивший молодую чету, не подчинился Мейегору, когда тот потребовал доставить к нему принца с принцессой «не добром, так в цепях», но поостерегся вручить свой меч юноше, коего

именовали теперь не иначе как «претендентом» и «Эйегоном Некоронованным».

В Бобровом Утесе принцесса Рейена произвела на свет двух дочерей-близнецов, названных Эйереей и Рейеллой. Звездная септа немедленно объявила малюток исчадиями греха и плодами кровосмешения, проклятыми свыше в самый миг своего рождения. Мейстер Утеса, принимавший роды, пишет, что принцесса молила мужа увезти всю семью за Узкое море – в Мир, Тирош, Волантис, где дядя не смог бы достать их. «Я охотно отдала бы жизнь, чтобы сделать тебя королем, но детьми рисковать не хочу», – говорила она. Но Эйегон, твердо вознамерившись отстаивать свои наследственные права, остался глух к ее мольбам.

Начало 43 года застало Мейегора в Королевской Гавани, где он самолично надзирал над строительством Красного Замка. В отделке и украшении вводились многие перемены, приглашались новые каменщики и ваятели, в глубине Эйегонова холма прокладывались потайные ходы. Вместе с красными башнями возводился и замок внутри замка, окруженный сухим рвом. Позднее он получил название крепости Мейегора.

В том же году Мейегор сделал своим десницей лорда Лукаса Харроуэя, отца королевы Алис, но у кормила государства стоял не он. Король, может, и правит Вестеросом, говорили люди, но им самим правят три королевы: мать Висенья, Алис и пентошийка. Тианну называли мастерицей над шептунами и королевским вороном за черные волосы. Говорили, что крысы, пауки и вся столичная нечисть по ночам стекаются к ней и доносят на тех, у кого достало глупости сказать хоть слово против короля Мейегора.

Честные Бедняки все еще бродили по дорогам и безлюдным местам Простора, Трезубца, Долины. Собраться вместе, чтобы дать королю еще один бой, они более не могли и боролись с ним по-своему: нападали на путников, города, деревни, плохо защищенные замки и всюду истребляли сторонников Мейегора. Сир Харис Хилл спасся из битвы на Большом Зубце, но охотников примкнуть к побежденному нашлось мало, а новые вожак – Нищий Сайлас, септон Мун, Деннис Хромой – мало чем отличались от разбойничьих атаманов. Особенно свирепствовала женщина по имени Рябая Джейна: добрые люди не отваживались путешествовать через лес между столицей и Штормовым Пределом, где рыскала ее шайка.

Сыны Воина тем временем выбрали себе нового капитана, сира Джоффри Доггета по прозвищу Рыжий Пес из Холмов. Вознамерившись вернуть ордену былую славу, он выехал из Ланниспорта с сотней людей, чтобы испросить благословения верховного септона. К приезду в Старомест к нему примкнуло столько рыцарей, оруженосцев и вольных

всадников, что отряд его составил две тысячи. Другие недовольные лорды и сторонники Веры по всей стране также собирали людей и думали, как бы им известить драконов.

Незамеченным это не прошло. Вороны летали повсюду, приглашая лордов и рыцарей сомнительной верности в Королевскую Гавань, где им предлагалось склонить колено, присягнуть королю и оставить сына или дочь в залог своего послушания. Ордена Звезд и Мечей были объявлены вне закона, и пребывание в них отныне каралось смертью. Верховному септону приказали явиться в Красный Замок, чтобы предстать перед судом за измену.

На это его святейшество призвал король самого приехать в Звездную септу, чтобы испросить прощения богов за грехи и тиранство. Непокорные лорды следовали его примеру; если одни все же ехали в Королевскую Гавань и оставляли детей в заложниках, то другие отказывались, надеясь отсидеться в своих крепких замках.

Король, поглощенный строительством, позволял этой язве зреть около полугода, и первый удар нанесла его мать. Верхом на Вхагаре она затопила Простор огнем и кровью, как некогда Дорн. За одну ночь сгорели замки Блантри, Терриков, Деддингов, Лайчестеров и Уэйнов. Вслед за ней и сам Мейегор полетел в западные земли, где спалил усадьбы Брумов, Фалвеллов, Лорхов, Миаттов и прочих «благочестивых», не откликнувшихся на его королевский зов. Напоследок он обрушился на дом Доггетов; в огне погибли родители и младшая сестра сира Джоффри, а с ними все ополченцы и слуги. Среди дымовых столбов, поднявшихся в Просторе и западных землях, Вхагар и Балерион повернули на юг, к Староместу. Во время Завоевания другой лорд Хайтауэр по совету другого верховного септона открыл городские ворота и тем избежал огня, но теперь самому большому городу Вестероса определенно грозила гибель.

Тысячи жителей в ту ночь покинули Старомест по суше и по морю, тысячи других пьянствовали на улицах. «Это ночь песен, вина и грехов, – говорили они, – ведь наутро сгорят и праведники, и грешники». Третьи собирались в храмах и богорощах, моля богов пощадить их. Верховный септон в Звездной септе призывал гнев богов на головы Таргариенов. Архимейстеры Цитадели собрали конклав. Городская стража готовила мешки с песком и ведра с водой для тушения пожаров. На стенах города ставили копьемыты и скорпионы в надежде сразить драконов. Двести Сынов Воина во главе с сиром Морганом Хайтауэром, младшим братом лорда, окружили Звездную септу стальным кольцом, охраняя его святейшество. Огонь маяка на Высокой Башне из красного стал зеленым:

лорд Мартин созывал знамена. Старомест ждал рассвета и пришествия драконов.

И драконы явились – Вхагар на восходе солнца, Балерион ближе к полудню. Городские ворота были открыты, на стенах ни души, всюду висели знамена Таргариенов, Тиреллов и Хайтауэров. Королева Висенья первой узнала о том, что прошлой ночью, в самом темном ее часу, скончался верховный септон.

Был он человеком пятидесяти трех лет, неутомимым, бесстрашным и с виду вполне здоровым. Много раз он проповедовал сутки напролет без пищи и отдыха. Причина его внезапной смерти, потрясшей Старомест и устранившей защитников города, неизвестна и по сей день. Кое-кто говорит, что его святейшество сам поднял на себя руки – то ли из трусости перед королевским гневом, то ли желая спасти горожан от огненной гибели. Другие полагают, что это Семеро покарало его за гордыню, ересь и измену своему королю.

Большинство придерживается мнения, что он был убит... но кем же? Одни кивают на сира Моргана Хайтауэра, будто бы совершившего это по приказу лорда, своего брата (видели, как он в ту ночь несколько раз входил в покои его святейшества). Другие подозревают леди Патрисию Хайтауэр, незамужнюю тетку лорда Мартина, признанную колдунью (она и впрямь приходила вечером к верховному септону, но после ее ухода он был еще жив). Думают также на мейстеров Цитадели, которые могли совершить злодейство с помощью темных искусств, наемного убийцы или отравленного свитка (Цитадель и Звездная септа всю ночь обменивались посланиями). Есть и такие, кто оправдывает их всех и винит в смерти святейшего отца другую известную чародейку, Висенью Таргариен.

Правды мы скорей всего никогда не узнаем, но нельзя отрицать, что лорд Мартин, получив скорбную весть, действовал очень быстро. Он тотчас же отрядил своих рыцарей разоружить и взять под арест Сынов Воина, в том числе и родного брата. Городские ворота открыли, на стенах подняли знамена Таргариенов. Еще до того как Вхагар показался в небе, люди Хайтауэра подняли с постели всех Праведных и погнали их копьями в Звездную септу выбирать нового верховного септона.

Мудрые мужи и жены Веры, проголосовав всего один раз, остановили свой выбор на септоне Пейтере, девяностолетнем слепом старце, известном своей добротой и терпимостью. Его святейшество, чуть не падая под тяжестью кристальной короны, незамедлительно благословил Мейегора на царство (немного перепутав слова) и помазал его священным елеем.

Королева Висенья вскоре вернулась на Драканий Камень, но король

остался в Староместе еще на полгода, дабы вершить суд. Взятым под стражу Сынам Воина был предоставлен выбор: отречься от ордена и отправиться на Стену братьями Ночного Дозора – или стать мучениками за Веру. Три четверти выбрали черное, остальных казнили. Семерым из них, знаменитым рыцарям и сыновьям лордов, оказал честь сам король Мейегор, отрубив им головы Черным Пламенем, прочих обезглавили их же бывшие братья. Полное королевское прощение получил лишь один человек, сир Морган Хайтауэр.

Новый верховный септон официально распустил ордена Мечей и Звезд, приказав их оставшимся членам сложить оружие во имя богов. Семеро более не нуждаются в защитниках, заявил он: отныне сам Железный Трон станет покровителем и защитником Веры. Мейегор дал Святому Воинству срок до конца года, после чего за упорствующих будет назначена награда: золотой дракон за голову Сына Воина, серебряный олень за «вшивую башку» Честного Бедняка.

Ни верховный септон, ни Праведные ничего на это не возразили. Король, будучи в Староместе, примирился со своей первой женой леди Серисой, сестрой лорда Мартина. Ее величество обязалась относиться с уважением к другим женам и не говорить о них дурно, за что Мейегор возвратил ей все права, доходы и привилегии, коими она обладала как королева. В честь примирения Высокая Башня устроила большой пир наподобие второй свадьбы, с провожанием и брачной ночью.

Неизвестно, сколько бы еще времени король провел в Староместе, если б под конец 43 года не получил вести о новом покушении на свой трон. Принц Эйегон, узнав о долгом отсутствии Мейегора, решил не упускать случая. Он и Рейена пересекли речные земли с горсткой сторонников и проникли в Королевскую Гавань, укрывшись под мешками с зерном. Железный Трон он не стал занимать, зная, что не удержит его: целью их были Огненная Мечта и Ртуть, дракон короля Эйениса. Въезжали они на телеге, влекомой мулами, а улетели на драконах и отправились напрямик на запад – собирать войско.

Ланнистеры из Бобрового Утеса все еще медлили открыто их поддержать, и приверженцы Эйегона Некоронованного стекались к Розовой Деве, усадьбе Пайперов. Лорд Джон Пайпер присягнул Эйегону, но все знали, что подвигла его на это сестра Мелони, верная подруга Рейены. Эйегон, слетев к замку верхом на Ртути, изобличил своего дядю как тирана и узурпатора, призвав всех честных подданных встать под знамена настоящего короля.

Пятнадцатитысячное его войско составляли в основном люди речных и

западных лордов: Тарбека, Пайпера, Рута, Венса, Карлтона, Фрея, Паррена, Вестерлинга. К ним примкнули сир Корбрей из Долины, Бастард из Барроутона и четвертый сын владельца Гриффин-Руста. Из Ланниспорта прибыли пятьсот человек под знаменем Тайлера Хилла, внебрачного сына Лимана Ланнистера; сам хитроумный лорд Бобрового Утеса оставался в стороне на случай победы Мейегора. Отряд Пайперов вместо лорда Джона и его братьев возглавила одетая в кольчугу и вооруженная копьем Мелони. Войско, ведомое самим принцем на Ртути, двинулось в поход через речные земли.

В его рядах были опытные командиры и могучие рыцари, но великие дома принца не поддержали. Королева Тианна, впрочем, писала королю, что Штормовой Предел, Орлиное Гнездо и Бобровый утес состоят в тайной переписке с вдовствующей королевой Алиссой: чтобы сделать их своими сторонниками, принцу требовалась победа.

Мейегор позаботился, чтобы она ему не досталась. Из Харренхолла выступил лорд Харроуэй, из Риверрана лорд Талли. Сир Давос Дарклин из Королевской Гвардии, набрав в Королевской Гавани пять тысяч мечей, двинулся навстречу мятежникам. С Простора вышли лорды Рован, Мерривезер и Касвелл со своими вассалами. Медленно ползущее войско Эйгона оказалось в кольце; каждая вражеская рать была меньше его собственной, но семнадцатилетний принц не знал, куда нанести удар. Сир Корбрей советовал ему расправляться с каждым неприятелем поочередно, не давая объединиться с другими, однако Эйгон, не желая дробить свои силы, по-прежнему шел на Королевскую Гавань.

К югу от Божьего Ока ему заступил дорогу сир Дарклин, занявший позицию на возвышенности за стеной из копий. Разведчики принца докладывали, что с юга подходят Мерривезер и Касвелл, а с севера Талли и Харроуэй. Принц приказал атаковать, надеясь разбить горожан до того, как с флангов придут другие королевские силы, и сам возглавил атаку с воздуха. Поднявшись ввысь, он услышал крики своих людей, и на южном небосклоне возник Балерион Черный Ужас.

На поле сражения прибыл король Мейегор.

Впервые с тех пор, как Рок поразил Валирию, один дракон встречался с другим в воздушном бою.

Ртуть, вчетверо меньше Балериона, не могла тягаться с более старым и свирепым противником. Балерион, сметая клубами черного пламени ее бледные облачка, ринулся на нее сверху и оторвал ей крыло. Молодой дракон, крича и дымясь, устремился к земле, а с ним и принц Эйгон.

Битва внизу завершилась почти столь же быстро и была намного

кровопролитней. Мятежники, уразумев после падения Эйегона, что их дело обречено, обратились в бегство, бросая оружие и доспехи, но королевские войска сомкнулись вокруг, и спасения не было. К концу дня погибли около двух тысяч солдат Эйегона и около ста людей короля. В числе погибших были лорд Алан Тарбек, Бастард Барроутонский Деннис Сноу, лорд Джон Пайпер с сестрой Мелони и тремя братьями, лорд Роннел Венс, сир Виллем Вистлер – и Эйегон Некоронованный, принц Драконьего Камня. Люди короля из военачальников потеряли только сира Давоса Дарклина, которого убил сир Корбрей валирийским мечом Покинутая. За битвой последовали полугодовые суды и казни. Королева Висенья убедила сына помиловать кое-кого из мятежных лордов, но все они лишились земель, титулов и принуждены были оставить заложников.

Лишь одна именитая особа не числилось ни среди убитых, ни среди пленных. Рейена, сестра и жена Эйегона, не участвовала в бою. Историки по сей день спорят, по собственному ли почину или по приказу мужа сделала она такой выбор. Так или иначе, принцесса осталась в Розовой Деве со своими дочерьми и с драконом Огненная Мечта. Быть может, исход битвы стал бы иным, будь у Эйегона второй дракон? Этого мы никогда не узнаем, но многие справедливо указывают, что Огненная Мечта, еще моложе и меньше Ртути, никакой угрозы для Балериона не представляла.

Весть о гибели мужа и леди Мелони Рейена выслушала, как говорят, с каменным лицом. Когда ее спросили, отчего она не плачет по ним, она отвечала: «На слезы нет времени». Боясь гнева дяди, она взяла малюток Рейеллу и Эйерею и перелетела сперва в Ланниспорт, а после на остров Светлый. Новый лорд Марк Фармен, чьи отец и старший брат погибли на стороне Эйегона, дал ей приют и поклялся, что под его кровом с ней ничего не случится. Около года его люди со страхом смотрели на восток, ожидая увидеть в небе черные крылья, но король так и не прилетел. Мейегор отбыл в Красный Замок, твердо вознамерившись обзавестись наследником.

44 год по сравнению с предыдущим выдался мирным, но запах крови и гари, по словам летописцев, все еще висел в воздухе. Вокруг Железного Трона подрастал Красный Замок, но двор Мейегора Первого был угрюм, несмотря на присутствие целых трех королев... а может быть, как раз из-за этого. Мейегор, каждую ночь деля ложе с одной из жен, не преуспел в продолжении рода; дети брата Эйениса оставались его единственными наследниками. Его прозвали Мейегором Жестоким и осуждали за пролитие родной крови, но тот, кто сказал бы ему это в глаза, тут же расстался бы с жизнью.

Престарелый верховный септон умер, и ему на смену пришел другой.

Новый святейший отец не говорил ни слова против короля и его королев, но вражда между Мейегором и Верой держалась. Честных Бедняков убивали сотнями ради награды, однако тысячи их еще таились в лесах и пустынных краях, неустанно проклиная Таргариенов. Одна шайка избрала даже собственного верховного септона – бородатого мужлана по имени септон Мун. Немногих уцелевших Сынов Воина по-прежнему возглавлял сир Джоффри Доггет, Рыжий Пес из Холмов. Не имея более сил встретиться с королем в открытом бою, Рыжий Пес посылал своих людей под видом межевых рыцарей убивать сторонников Таргариена и «изменников Веры». Их первой жертвой пал сир Морган Хайтауэр, сам ранее состоявший в ордене: его изрубили на дороге в Медовую Рощу. Вслед за ним погибли старый лорд Мерривезер, сын и наследник лорда Рована, престарелый отец Давоса Дарклина и даже слепой Джон Хогг. За голову каждого из Мечей платили по золотому, но народ в память прошлого укрывал и кормил их.

Королева Висенья на Драконьем Камне между тем чахла и таяла на глазах. Вдова ее племянника, бывшая королева Алисса, жила при ней вместе с сыном Джейхерисом и дочерью Алисанной; принца Визериса, старшего сына, взял ко двору Мейегор, и все понимали, что семью покойного Эйениса держат в заложниках. Визерис, многообещающий юноша пятнадцати лет, хорошо владеющий мечом и копьем, был королевским оруженосцем, и один из королевских гвардейцев следил за ним неусыпно.

Вскоре стало казаться, что король все же получит желанного сына: королева Алис, к восторгу всего двора, объявила о своей беременности. На поздних сроках великий мейстер Десмонд велел ей не вставать с постели; кроме него, за королевой ходили две септы, повитуха, сестры ее Джейна и Ханна. Двум другим женам Мейегор также приказал служить беременной Алис.

Королева пролежала так две луны и на третьей выкинула. Взглянув на плод, король ужаснулся: мальчик был безглазым уродцем с огромной головой и вывернутыми членами. «Это не мой сын», – взревел Мейегор и в приступе ярости велел казнить повитуху, обеих септ и самого великого мейстера, пощадив лишь сестер королевы.

Рассказывают, что к королю, сидевшему на троне с головой великого мейстера в руках, пришла Тианна и сказала, что его обманули. Алис-де, видя высохшую бесплодную Серису и боясь сама стать такой, обратилась за помощью к лорду-отцу, королевскому деснице. В те ночи, когда Мейегор делил ложе с Серисой или Тианной, лорд Лукас посылал в опочивальню

дочери других мужчин, чтобы помочь ей зачать дитя. Король, не желая этому верить, обозвал Тианну ревнивой бесплодной сукой и запустил в нее головой великого мастера. «Пауки не лгут», – сказала на это мастерица над шептунами и вручила ему список.

Там значились имена двадцати мужчин, пытавшихся будто бы оплодотворить королеву Алис: молодых и старых, красивых и безобразных, рыцарей и оруженосцев, лордов и слуг, а также менестрелей, конюхов, кузнецов. Десница, похоже, забросил широкий невод. Роднило их то, что все они славились своей мужской силой и потомство имели здоровое.

Все они, кроме двух человек, признались под пыткой. Один, отец дюжины детей, не успел еще потратить золото, уплаченное лордом Харроуэем. Следствие чинили быстро и тайно: ни десница, ни королева Алис ничего не знали о подозрениях Мейегора, пока к ним не нагрянула Королевская Гвардия. Алис вытащили из постели, двух сестер убили у нее на глазах, отца сбросили на камни с Башни Десницы. Под стражу взяли также сыновей, братьев и племянников лорда Харроуэя. Насаженные на пики сухого рва вокруг Крепости Мейегора, они умирали медленно; слабоумный Хорас, как говорят, протянул несколько дней. К ним вскоре присоединились двадцать мужчин из списка королевы Тианны и еще двенадцать, названных ими.

Самая худшая участь постигла несчастную королеву Алис: ее отдали на муки Тианне, и та с ней творила такое, о чем лучше не вспоминать. Достаточно сказать, что умирала она почти две недели, и король Мейегор присутствовал при ее истязаниях. После смерти ее тело разрубили на семь частей и водрузили куски над семью городскими воротами, где они оставались, пока не сгнили.

Сам король, собрав множество рыцарей и латников, отправился в Харренхолл, чтобы довершить истребление дома Харроуэев. Гарнизон замка был невелик, и кастелян, племянник казненного лорда, сразу открыл ворота по королевскому требованию. Это его не спасло: Мейегор вырезал всех защитников, а также всех мужчин, женщин и детей, в ком имелась хоть капля крови Харроуэев. То же самое он повторил на Трезубце, в городе лорда Харроуэя.

После этого люди стали говорить, что Харренхолл проклят, ибо каждый дом, владеющий им, ждет кровавая гибель. Однако завладеть замком Черного Харрена с его обширными угодьями желали столь многие, что король решил отдать Харренхолл сильнейшему. Двадцать три королевских рыцаря сразились в залитом кровью городе лорда Харроуэя на мечах, копьях и булавах. Победа досталась сиру Валтону Тауэрсу, и он стал

новым лордом, но вскоре умер от полученных в схватке ран. Харренхолл перешел к его сыну, хотя угожья замка значительно поубавились, ибо город король отдал лорду Алтону Батервеллу, а лорду Дорманду Дарри пожаловал большой земельный надел.

По возвращении в Королевскую Гавань Мейегора встретила весть о смерти матери, королевы Висеньи. Более того: королева Алисса вместе с детьми и двумя драконами, Вермитором и Среброкрылым, воспользовавшись суматохой после ее кончины, бежала с Драконьего Камня, и никто не знал, куда она отправилась дальше. Меч Темная Сестра, похищенный из покоев Висеньи, она увезла с собой.

Король приказал сжечь тело усопшей и схоронить прах рядом с братом ее и мужем, а принца Визериса с пристрастием допросить: пусть-де скажет, куда подалась его мать.

«Он может и не знать этого», – заметил королевский гвардеец сир Оуэн Буш. «Так пусть умрет, – изрек на это король. – Авось, беглая сука приползет на труп своего щенка».

Принц Визерис в самом деле не знал, куда уехала мать – даже темная магия Тианны не помогла. После девятидневного допроса он умер. Тело его, по приказу короля, две недели пролежало во дворе Красного Замка, но Алисса так и не вернулась за ним, и Мейегор предал останки огню. Шестнадцатилетнего принца любили как народ, так и знать, и вся страна скорбела о нем.

В 45 году Красный Замок наконец-то достроили.

Король закатил для строителей пир с бочками вина, горами яств и девками из лучших борделей – а после трехдневного пиршества послал своих рыцарей перебить мастеров, чтобы те не выдали секретов Красного Замка. Под замком убитых и закопали.

Вскоре после этого внезапно скончалась королева Сериса. По слухам, король велел сиру Оуэну отрезать ей язык за какое-то дерзкое замечание, и она будто бы так вырывалась, что нож соскользнул и перерезал ей горло. Тогда все этому верили, но ныне мастера склонны думать, что эту историю состряпали враги короля, чтобы очернить его еще более. Как бы там ни было, у Мейегора осталась только одна королева, пентошайка с черными волосами и черным сердцем, которую ненавидели и боялись все до единого.

Как только последний камень лег в стену замка, король велел очистить холм Рейенис от руин Памятной септы вкупе с костями погибших там Сынов Воина. Вместо септы он задумал построить огромную каменную «драконью конюшню», достойное жилище для Балериона, Вхагара и их

потомства. Каменщиков и других рабочих, что неудивительно, найти оказалось не так-то просто; пришлось выставлять на работы заключенных из городских тюрем под надзором выписанных из Мира и Волантиса мастеров.

В том же году король отправился добывать остатки Святого Воинства, оставив вместо себя королеву Тианну с новым десницей, лордом Эдвеллом Селтигаром. В большом лесу к югу от Черноводной скрывалось еще немало Честных Бедняков. Их вылавливали и посылали на Стену, а отказчиков вешали. Предводительница, Рябая Джейна, долго избегала поимки, но в конце концов ее выдали трое своих же разбойников, получивших за это помилование и рыцарство.

Трое септонов, сопровождавших короля, объявили Джейну ведьмой, и король приказал сжечь ее на поле у реки Путеводной. В день казни триста Бедняков и простых крестьян попытались освободить ее, но Мейегор предугадал это, и спасителей перебили. Среди них был и вожак, сир Харис Хилл, межевой рыцарь незаконного происхождения. Три года назад он ушел живым из битвы на Большом Зубце, но на сей раз удача ему изменила.

В других местах, однако, обстоятельства складывались не в пользу короля Мейегора. Народ и знать, возмущенные его жестокими деяниями, все чаще оказывали поддержку его противникам. Септон Мун, избранный в пику «верховному прихлебателю» из Староместа, проповедовал против короля в Просторе и речных землях, привлекая к себе толпы сторонников. В холмах к северу от Золотого Зуба властвовал Рыжий Пес Доггет, и ни Бобровый Утес, ни Риверран не спешили его усмирять. Деннис Хромой и Нищий Сайлас также гуляли на воле, а рыцари и латники, посланные расправиться с ними, исчезали бесследно.

Все советники короля сходились на том, что ему пора взять себе новую жену, и расходились лишь в выборе невесты. Великий мастер Бенифер предлагал гордую и прекрасную леди Звездопада, Клариссу Дейн: в этом случае ее земли отошли бы от Дорна Железному Трону. Алтон Батервелл, мастер над монетой, сватал свою вдовую сестру, дородную мать семерых детей. Она хоть и не красавица, зато доказала свою плодовитость, заявлял он. Десница, лорд Селтигар, имевший двух юных дочерей двенадцати и тринадцати лет, готов был отдать королю одну из них, а то и обеих. Лорд Веларион с Дрифтмарка советовал послать за Рейеной, вдовой Эйегона и племянницей короля: этот брак объединил бы обе ветви рода Таргариенов и помешал возможным козням королевы Алиссы.

Король выслушал их всех и от каждого взял нечто ценное. Мысль о

том, что новая жена должна быть заведомо плодovитой, приглянулась ему, но сестру Батервелла он сразу отставил. Лучше, по совету Селтигара, взять сразу двух жен, а то и трех, решил он. Это утроит его надежды, и одной из них непременно должна стать Рейена. Алисса и ее младшие дети (бежавшие, как полагали, за Узкое море, в Тирош или Волантис) все еще представляли угрозу как для него, так и для сына, который мог у него родиться. Дочь Эйениса, став его женой, лишит младших брата и сестру каких бы то ни было притязаний.

После гибели принца Эйегона на Божьем Оке Рейена сделала все, чтобы спасти своих дочерей. Если бы Эйегон стал королем по праву, то наследницей его сделалась бы старшая дочь Эйерея... но ей и Рейелле, ее сестре-близнецу, был всего год от роду, и Рейена понимала, что подобные заявления равносильны смертному приговору. Она перекрасила девочкам волосы, дала новые имена и доверила их заботам неких могущественных союзников, чтобы их отдали на воспитание в знатные дома, не говоря, кто они в самом деле. Даже мать-принцесса не должна была знать, кто их растит, чтобы и под пыткой не выдать этого.

Самой Рейене спрятаться было негде. Она могла бы, конечно, тоже выкрасить волосы и переодеться септой или трактирной служанкой, но куда бы она девала дракона – голубую с серебристыми метинами Огненную Мечту, на которой летала с двенадцати лет? Принцесса просто жила у лорда Фармена в его Светлом Замке, чьи белые башни смотрели на Закатное море, – жила тихо, заполняя время книгами и молитвами и зная, что дядя рано или поздно вытребует ее к себе.

Случилось это раньше, чем ей бы хотелось, но не так скоро, как она опасалась. Воспротивиться значило бы навлечь на Светлый остров Мейегора с Балерионом. Рейена привязалась к лорду Фармену и прониклась еще более нежными чувствами ко второму его сыну Андроу – могла ли она отплатить им за гостеприимство огнем и кровью? Прилетев на Огненной Мечте в Красный Замок, она узнала, что должна стать женой Мейегора, своего дяди и убийцы своего мужа.

Рейена узнала также, что она не единственная невеста и что свадьба будет тройной. Все три будущие королевы были вдовами. Леди Жиенна из дома Вестерлинггов побывала замужем за сиром Аланом Тарбеком, воевавшим на стороне принца Эйегона и погибшим вместе с ним в битве у Божьего Ока. Через несколько месяцев после его смерти Жиенна родила сына. Высокая, стройная, с роскошными каштановыми косами, она стала предметом ухаживаний младшего сына лорда Ланнистера, но для короля это не имело ровно никакого значения.

С огненно-рыжей леди Элинор из дома Костейнов все обстояло не столь просто. Ее муж – сир Тео Боллинг, рыцарь-помещик, участвовал в последнем королевском походе против Честных Бедняков, и леди Элинор в свои девятнадцать лет успела осчастливить его тремя сыновьями. Младший еще сосал грудь, когда его отца сира Тео арестовали и обвинили в заговоре: он вкупе с королевой Алиссой замышлял якобы убить короля и возвести на трон принца Джейехериса. Боллинг своей вины не признавал, но его осудили и в тот же день обезглавили. После семидневного, в честь богов, траура король объявил его вдове о новом замужестве.

Септон Мун в городе Каменная Септа заклеил короля как безбожника и распутника, но другие не смели ничего возразить. Верховный септон отплыл в Королевскую Гавань для совершения обряда, и в теплый весенний день 47 года ОЗ король во дворе Красного Замка сочетался сразу с тремя невестами. Все они были наряжены в плащи отцовских домов, но народ, памятуя об их вдовстве, прозвал их Черными Женами.

Присутствие на свадьбе сыновей леди Жиенны и леди Элинор обеспечило послушание матерей. От принцессы Рейены многие ожидали сопротивления, но королева Тианна подвела к ней двух маленьких девочек с фиолетовыми глазами и серебристыми волосами, одетых в красные и черные цвета дома Таргариенов. «Глупа же ты была, если надеялась спрятать их от меня», – сказала Тианна, и Рейена произнесла брачные обеты, глотая слезы.

О брачной ночи ходило много странных и противоречивых историй; по прошествии стольких лет правду трудно отделить от легенд. Возвел ли король на ложе сразу трех жен? Едва ли. Посещал ли их поочередно? Возможно. Пыталась ли Рейена убить его спрятанным под подушкой кинжалом, как утверждала после? В самом ли деле Элинор Костейн разодрала спину Мейегора ногтями? Выпила Жиенна способствующее зачатию зелье, которое принесла ей Тианна, или выплеснула его старшей королеве в лицо? Приносила ли ей Тианна такое зелье? Впервые о нем заговорили при короле Джейехерисе, через двадцать лет после смерти обеих женщин.

Достоверно известно вот что. Сразу же после свадьбы король объявил Эйерею, старшую дочь Рейены, своей законной наследницей «до тех пор, пока боги не даруют мне сына». Младшую, Рейеллу, отправили в Старомест, чтобы сделать из нее септу. Племянник короля Джейехерис тем же указом лишался всяких прав на престол. Сына королевы Жиенны назначили лордом Тарбека и послали в Бобровый Утес на воспитание Ланнистерам. Старшие мальчики королевы Элинор отправились один в

Орлиное Гнездо, другой в Хайгарден, младшего отдали кормилице: король не желал, чтобы его супруга сама кормила дитя.

Полгода спустя десница лорд Селтигар объявил, что королева Жиенна понесла. Не успел ее живот округлиться, как Мейегор обнаружил, что Элино́р тоже беременна. Король щедро одарил обеих жен, а их отцам и братьям пожаловал новые земли, но радость его длилась недолго. За три луны до срока у Жиенны начались схватки. Разрешившись, как и Алис Харроуэй, мертвым уродцем без рук и без ног, с признаками обоего пола, она умерла сама.

Мейегор проклят, говорили в народе. Он убил родного племянника, восстал против Веры, бросил вызов богам, повинен в многих убийствах, разврате и кровосмешении. От гнилого семени живой сын не родится. Сам Мейегор думал иначе; он приказал сиру Оуэну Бушу и сиру Маладону Муру схватить и бросить в темницу королеву Тианну.

Увидев, какие ей готовятся пытки, пентошийка призналась, что отравила дитя Жиенны во чреве и поступила так же с плодом Алис Харроуэй. Отродью Элино́р тоже не жить, заявила она.

Говорят, будто король сам вырезал ей сердце из груди Черным Пламенем и скормил своим псам. Все, однако, вышло по ее слову: на следующей луне королева Элино́р родила мертвого уродца мужского пола с зачатками крыльев.

Шел 48 год ОЗ, шестой год правления короля Мейегора и последний год его жизни. Теперь уже никто в Семи Королевствах не сомневался, что король проклят. Последние его сторонники таяли, как роса на утреннем солнце. Королю донесли, что сир Джоффри Доггет вошел в Риверран не пленником, а как гость лорда Талли. Септон Мун вел тысячи верующих на Старомест, намереваясь заставить «верховного прихлебателя» отречься от чудовища на троне и отменить запрет на ордена Веры. Лорды Рован и Окхарт вышли ему навстречу со своими людьми, но не для битвы, а чтобы присоединиться к нему. Лорд Селтигар, отказавшись от поста десницы, вернулся в свой замок на Коготь-острове.

С Дорнских Марок докладывали, что дорнийцы собираются у перевалов, чтобы вторгнуться во владения короля.

Самый тяжкий удар, однако, нанес Штормовой Предел. Лорд Робар Баратеон объявил принца Джейехериса единственным законным королем андалов, ройнаров и Первых Людей, а принц, в свою очередь, назначил лорда Робара Хранителем Государства и королевским десницей. В присутствии матери Алиссы, сестры Алисанны, ста лордов-знаменосцев и штормовых рыцарей Джейехерис поклялся на Темной Сестре положить

конец правлению дяди-узурпатора. Красивый четырнадцатилетний принц хорошо владел копьем, стрелял из длинного лука, был отменным наездником и летал на бронзово-буром драконе по имени Вермитор. У Алисанны, двенадцати лет, был свой дракон Среброкрылый. «У Мейегора только один дракон, – сказал Баратеон своим лордам, – а у нашего принца два».

Вскоре их стало три. Рейена Таргариен, узнав, что Джейехерис собирает войска у Штормового Предела, прилетела к нему на Огненной Мечте, взяв с собой дочь Эйерею... и меч Черное Пламя, похищенный у Мейегора, пока тот спал.

Король, что было на него совсем не похоже, медлил с ответом. Он велел великому майстеру разослать воронов с приказом всем верным лордам явиться в Королевскую Гавань, но оказалось, что Бенифер уплыл в Пентос. Желая наказать жену за измену, он потребовал, чтобы Старомест прислал ему голову малютки Рейеллы, но лорд Хайтауэр вместо этого взял под стражу его гонца. Двое его королевских гвардейцев перешли к Джейехерису, а сира Оуэна Буша нашли мертвым у городского борделя с собственным членом во рту.

Лорд Веларион с Дрифтмарка присягнул Джейехерису в числе первых. Веларионы по традиции были королевскими адмиралами, и Мейегор в одно прекрасное утро узнал, что потерял весь свой флот. За лордом-адмиралом последовали Тиреллы из Хайгардена со всей мощью Простора, Хайтауэры из Староместа, Редвины из Бора, Ланнистеры из Бобрового Утеса, Аррены из Орлиного Гнезда, Ройсы из Рунстона.

В столице при короле остались около двадцати мелких лордов: Дарклин из Синего Дола, Масси из Плясунов, Тауэрс из Харренхолла, Стаунтон из Грачевника, Бар-Эммон с Острого Мыса, Баквелл из Оленьего Замка, Росби, Стокворт, Хэйфорд, Харт, Берч, Роллингфорд, Байвотер, Маллери и так далее. Все они, вместе взятые, привели с собой около четырех тысяч войска, где рыцарем был едва ли не каждый десятый.

Однажды ночью Мейегор собрал всех лордов в Красном Замке, чтобы обсудить с ними предстоящую битву. Видя, как их мало, и понимая, что великие дома не придут к ним на помощь, многие пали духом, а лорд Хэйфорд отважился даже просить короля отречься от престола и надеть черное. Мейегор тут же приказал его обезглавить и продолжал военный совет с головой лорда, вздетой на пику у Железного Трона. Совет затянулся за полночь, и лишь в час волка король позволил всем разойтись. Лорды Тауэрс и Росби были последними, кто видел его в живых – король сидел на троне, погруженный в мрачную думу.

Там, на рассвете, и нашла его Элинон, последняя из королев Мейегора: мертвого, бледного как полотно, в окровавленных одеждах. Одно из лезвий трона вспороло ему руку от запястья до локтя, другое пронзило шею.

Многие и по сей день верят, что Мейегора убил сам Железный Трон. Росби и Тауэрс, уходя, видели короля живым, часовые у дверей клялись, что в тронный зал до королевы никто не входил. Говорят также, что это Элинон насадила его на острия трона, чтобы отомстить за убийство своего первого мужа. Рыцари Королевской Гвардии тоже могли это сделать, но тогда им пришлось бы действовать сообща, ибо у каждой двери стояли по два гвардейца. Возможно также, что один или несколько неизвестных проникли в зал через потайной ход: секреты Красного Замка ведомы только мертвым. Наконец, сам король, не совладав с отчаянием в темные часы ночи, мог таким образом лишиться себя жизни и тем избежать поражения и позора.

Мейегор Первый Таргариен, оставшийся в истории и преданиях как Мейегор Жестокий, царствовал шесть лет и шестьдесят шесть дней. Тело его сожгли во дворе Красного Замка, прах схоронили рядом с матерью на Драконьем Камне. Он умер бездетным, не оставив после себя наследника.

Восхождение Джейехериса I. Принц становится королем

Джейехерис I взошел на Железный Трон в 48 году ОЗ и правил Семью Королевствами пятьдесят пять лет вплоть до своей кончины в 103 году. В последние годы и после, когда стал править его преемник, его по очевидной причине называли Старым Королем. Но на протяжении куда более долгих лет Джейехерис был молодым и деятельным, поэтому более вдумчивые историки почтительно именуют его Умиротворителем. Архимейстер Умберт век спустя сказал о нем так: «Эйегон и его сестры завоевали семь королевств Вестероса (вернее, шесть), но единым целым их сделал лишь Джейехерис Умиротворитель»

Задача перед ним стояла нелегкая, ибо предшественники его разрушили многое из того, что создал Завоеватель: Эйенис – по слабости и нерешительности своей, Мейегор – по жестокости и свирепости. Новому правителю, совсем еще мальчику, досталось обедневшее, незаконное, раздираемое войной королевство.

Даже его право на престол вызывало некоторые сомнения. Теперь он, правда, остался единственным из сыновей короля Эйениса, но ранее королем объявлял себя его старший брат Эйегон Некоронованный, погибший в битве у Божьего Ока. Эйегон оставил после себя двух дочерей-близнецов: Эйерею и Рейеллу. Если Мейегор был узурпатором, занявшим трон не по праву (каковым его и полагали некоторые мейстеры), то законным королем приходилось считать Эйегона, а наследницей престола – его старшую дочь Эйерею.

Весомым доводом против этого были пол и возраст двойняшек: в год смерти Мейегора девочкам сравнялось всего шесть лет. Кроме того, Эйерея, по отзывам современников, была ребенком тихим, плаксивым и до сих пор прудила в постель, Рейелла же, более смелая и крепкая, жила послушницей в Звездной септе. В королевы, по всем меркам, ни одна из них не годилась; даже их мать королева Рейена соглашалась, что трон должен отойти не им, а брату ее Джейехерису.

Кое-кто говорил, что больше всего прав как раз у самой Рейены, первенца короля Эйениса и королевы Алиссы. Шептались даже, что она-то и освободила страну от Мейегора Жестокого, – хотя каким образом она могла это совершить, улетев из Королевской Гавани на драконе, никто

толком не мог сказать. Препятствием служил опять-таки ее пол. «Здесь не Дорн, – говорил лорд Робар Баратеон, – а Рейена не Нимерия». Да и сама дважды овдовевшая королева, успев всей душой возненавидеть столицу и двор, желала лишь одного: вернуться на Светлый остров, где узнала недолгий мир и покой, пока дядя не сделал ее одной из своих Черных Жен.

Принцу Джейехерису оставалось еще полтора года до совершеннолетия. Поэтому решено было, что регентшей при нем будет мать, вдовствующая королева Алисса, а Робар Баратеон стал его десницей и Хранителем Государства. Не следует, однако, думать, что Джейехерис был всего лишь марионеткой: юный король с самого начала настоял на том, что все важные решения будут приниматься с его участием.

Ждать с этим пришлось недолго. Как только бранные останки Мейегора возложили на погребальный костер, перед Джейехерисом встал главнейший вопрос: как быть со сторонниками покойного короля? К тому времени, как Мейегора нашли на Железном Троне мертвым, почти все великие лорды и многие из малых уже отреклись от него... но «почти» и «многие» не значит «все до единого». Немало лордов, чьи владения располагались на королевских землях близ столицы, стояли за Мейегора до самой его смерти, в том числе Росби и Тауэрс – последние, кто видел его живым. Под знамена Мейегора встали также Дарклин, Масси, Стаунтон, Бар-Эммон, Стокворт, Хэйфорд, Харт, Берч, Роллингфорд, Байвотер, Маллери, Баквелл.

Когда они узнали, что король мертв, их охватило смятение. Росби выпил чашу болиголова и последовал за своим королем, Баквелл и Роллингфорд бежали на корабле в Пентос, многие другие поспешили укрыться в своих замках. Только Дарклин, Стаунтон и Тауэрс остались, чтобы достойно сдать Красный Замок, когда туда прилетел Джейехерис с сестрами Рейеной и Алисанной. Как только юный принц сошел с Вермитора, гласит придворная хроника, «три верных лорда» склонили перед ним колена, сложили мечи к его ногам и признали его королем.

«Вы немного опоздали, – будто бы ответил им принц, хотя и без гнева. – Эти самые мечи помогли умертвить моего брата Эйгона у Божьего Ока». По его повелению лордов немедля заковали в цепи, хотя многие из сторонников Джейехериса требовали казнить их на месте. В темницах к ним вскоре присоединились королевский палач, лорд-дознаватель, смотритель тюрьмы, командир городской стражи и четверо оставшихся при Мейегоре королевских гвардейцев.

Две недели спустя, когда в столицу прибыли с войском лорд Робар Баратеон и королева Алисса, в тюрьму бросили еще сотни узников. Всех

их – будь то рыцарь, оруженосец, стюард, септон или простой солдат – обвиняли в одном и том же: пособничестве узурпатору Мейегору Таргариену во всех его преступлениях и беззакониях. Не пощадили и женщин: знатных леди, служивших Черным Женам, взяли под стражу заодно с горожанками, объявленными «шлюхами Мейегора».

Темницы Красного Замка были наполнены до отказа, и никто не знал, какая участь ждет заключенных. Всех, кто поддерживал узурпатора, полагалось бы признать изменниками и предать смерти. За это стояла королева Алисса, у которой Мейегор отнял двух сыновей. «Этих людей и судить незачем, – говорила она. – Они молча, без всяких возражений, смотрели, как моего Визериса подвергают жестоким пыткам, так зачем же выслушивать их теперь?»

Ее гневу противостоял Робар Баратеон, десница короля и Хранитель Государства. «Наказания они, бесспорно, заслуживают, – говорил он, – но если казнить их, то другие приверженцы Мейегора побоятся склонить колена». Придется ему, лорду Робару, ездить от замка к замку и выковыривать их оттуда огнем и сталью. «В конце концов это будет сделано, но какой ценой? Столь кровавое деяние ожесточит сердца против нас». Пусть узники предстанут перед судом, советовал он. Повинные в наихудших преступлениях будут казнены, другие же просто оставят заложников и отдадут казне часть своих земель.

Лорды молодого короля в большинстве своем признавали мудрость его рассуждений, но мнение лорда Робара могло и не возобладать, не вмешайся в дело сам Джейехерис. Четырнадцатилетний юноша сразу же доказал, что не станет сидеть сложа руки, пока другие правят от его имени. Взяв с собой мастера, сестру Алисанну и горстку молодых рыцарей, он воссел на Железный Трон и созвал своих лордов. «Не будет ни судов, ни пыток, ни казней, – заявил он. – Страна должна знать, что я не такой, как мой дядя. С кровавой купели я свое правление не начну. Одни из вас пришли под мои знамена раньше, другие позже – пусть все остальные придут теперь».

Несовершеннолетний король не был еще помазан и коронован, посему его заявление не имело законной силы; решать что-либо без регентши и советников было также не в его воле. Но столь решительно и властно взирал он на всех с высоты Железного Трона, что лорды Баратеон и Веларион тут же поддержали его, а за ними и прочие. Лишь сестра Рейена осмелилась сказать «нет». «Они будут восхвалять тебя, когда на твою голову возложат корону, – сказала она, – как до тебя восхваляли дядю, а прежде отца».

Решение оставалось за регентшей, и королева Алисса, как ни жаждала

она мщения, не пожелала идти наперекор сыну. «Иначе его сочтут слабым, – якобы сказала она лорду Робару, – а этого допускать нельзя. Именно это погубило его отца».

Вслед за этим тюрьмы стали понемногу пустеть. Узников, дав им сперва еду, питье и чистое платье, вводили в тронный зал по семь человек. Там перед взорами богов и людей они отрекались от Мейегора и клялись в верности его племяннику. Джейехерис каждого поднимал с колен, даровал помилование, возвращал земли и титул – впрочем, не совсем безвозмездно. Лордам и рыцарям предписывалось отправить на службу королю сына (если же у кого сыновей не имелось, то дочь). У самых богатых лордов, наподобие Тауэrsa, Дарклина и Стаунтона, отчуждалась часть земель, прочие платили золотом за королевскую милость.

Оная милость простиралась не на всех. Дознавателя, палача и тюремщиков признали виновными в пособничестве Тианне из Башни, до смерти замучившей принца Визериса, бывшего одно время наследником и заложником Мейегора. Их головы и руки, дерзнувшие подняться на кровь дракона, принесли королеве Алиссе, чем ее величество осталась довольна.

Лишился головы также королевский гвардеец сир Маладон Мур. Его обвинили в том, что он удерживал леди Серису, первую жену Мейегора, в то время как другой гвардеец, сир Оуэн Буш, пытался вырезать ей язык. Королева якобы отбивалась так сильно, что клинок соскользнул и перерезал ей горло. Сир Маладон все отрицал, утверждая, что эта история выдумана и королева Сериса умерла единственно по причине своей «язвительности». Он, впрочем, сознался, что привел к Мейегору Тианну из Башни и стал свидетелем ее казни – а стало быть, кровью одной королевы все-таки себя запятнал.

Пять рыцарей из гвардии Мейегора оставались пока в живых. Двое из них, Оливер Бракен и Реймунд Маллери, вовремя перебежали к Джейехерису, но юный король справедливо заметил, что тем самым они преступили свои обеты, обязующие защищать короля даже ценой своей жизни. «Клятвопреступники мне здесь не нужны», – сказал он. Всех пятерых приговорили к смерти, но по просьбе принцессы Алисанны предложили помилование, буде они согласятся сменить свои белые плащи на черное облачение Ночного Дозора. Четверо – сир Оливер, сир Реймунд, сир Джон Толлетт и сир Саймонд Крейн – дали согласие и отправились на Стену.

Пятый, сир Харрольд Лангвард, потребовал испытания поединком. Джейехерис дозволил и хотел сам выйти против него, но тут королева-мать решительно воспротивилась, и бойцом короны стал молодой штормовой

рыцарь. Сир Джайлс Морриген приходился племянником Дамону Верному, капитану Сынов Воина, который в свое время сразился с Мейегором на Испытании Семерых. Желая доказать свою преданность новому королевскому дому, сир Джайлс быстро покончил с пожилым сиром Харрольдом и вскоре был назначен лордом-командующим гвардии Джейехериса.

Весть о королевском милосердии разнеслась между тем повсюду. Приверженцы Мейегора один за другим покидали свои убежища и ехали в столицу, чтобы присягнуть новому королю. Многие делали это неохотно, опасаясь, что Джейехерис окажется столь же никчемным и слабым, как и его отец... но за отсутствием у Мейегора наследников не было и вождя, к которому могла бы примкнуть оппозиция. Затем они встречались с королем лично, и встреча эта убеждала даже самых заядлых его противников в том, что перед ними истинный государь: искренний, щедрый, отважный и рыцарственный. Великий мейстер Бенифер, вернувшись из добровольного изгнания в Пентосе, писал, что Джейехерис «учен, как мейстер, и благочестив, как септон». В этом, конечно, есть доля лести, но и правда присутствует. Даже королева-мать называла Джейехериса «лучшим из трех моих сыновей».

Не следует, впрочем, думать, что мир в Вестеросе воцарился за одну ночь. Истребление Сынов Воина и Честных Бедняков настроило против Мейегора и всего дома Таргариенов множество благочестивых мужей и жен. Покойный король обезглавил сотни воителей Веры, но сотни оставались еще на воле, и тысячи малых лордов, рыцарей-помещиков и крестьян укрывали их, кормили, помогали чем только могли. Призрачные отряды Нищего Сайласа и Денниса Хромого нападали внезапно и тут же скрывались в лесах. К северу от Золотого Зуба, между западными и речными землями, рыскал сир Джоффри Доггет, Рыжий Пес из холмов, поддерживаемый женой риверранского лорда леди Люсиндой. Объявив себя новым капитаном Сынов Воина, он намеревался вернуть былую славу этому ордену и собирал под свое знамя других рыцарей.

Наибольшая же угроза существовала на юге, где стояло под стенами Староместа войско септона Муна и союзников его, лордов Рована и Окхарта. Мун (был ли он септоном на самом деле, остается загадкой), наделенный мощным сложением и громовым голосом, объявлял себя подлинным главой верующих, но образцом праведной жизни отнюдь не служил. Он хвастал, что из всех книг прочел лишь Семиконечную Звезду, но и это остается сомнительным, ибо цитат из священного писания он ни разу не приводил, и за чтением или письмом его никогда не видели.

Босой, заросший, он мог говорить часами и каждую свою проповедь начинал со слов: «Я сам грешник». Таким он, обжора, пьяница и распутник, и был. Каждую ночь Мун брал себе новую женщину, и понесли от него столь многие, что прихожане его начали говорить, будто он способен оплодотворить и бесплодную. Многие по невежеству своему в это верили. Мужья предлагали ему своих жен, матери – дочерей, и Мун никому не отказывал. Межевые рыцари и латники из его войска начали рисовать на своих щитах «лунный член» (ибо Мун на общем языке означает «луна»), а сметливые ремесленники за хорошую плату придавали ту же форму посохам, дубинкам и ладанкам. Прикладывание к сим талисманам обеспечивало, по общему мнению, удачу и благополучие.

Каждый день Мун обличал грехи дома Таргариенов и «верховного прихлебателя», закрывающего глаза на их прегрешения. Настоящий верховный септон сделался, по сути, узником в своем староместском дворце. Лорд Хайтауэр, правда, не допускал Муна в город, но и выступать – вопреки настояниям его святейшества – против него не спешил. На вопрос, отчего он бездействует, лорд отвечал, что не желает лить кровь праведников, но многие полагали, что он попросту опасается вступать в бой с лордами Рованом и Окхартом. За отказ что-либо предпринять он получил у мейстеров Цитадели прозвище Доннел Медлительный.

Долгий раздор между Мейегором и Верой породил особую необходимость того, чтобы Джейехериса помазал на царство верховный септон. В этом лорд Робар сходилась с королевой Алиссой, но чтобы принц мог совершить путешествие в Старомест, нужно было как-то рассеять орды септона Муна. Надежда, что для этого будет довольно одной вести о смерти короля Мейегора, не оправдалась: из пяти тысяч сторонников от Муна ушли лишь несколько сотен человек. «Что значит смерть одного дракона, когда на его место восходит другой? – вопрошал свою паству Мун. – Вестерос не очистится, пока всех Таргариенов не перебьют или не загонят обратно в море». Каждый день он призывал лорда Хайтауэра сдать ему Старомест, «верховного прихлебателя» – встретиться лицом к лицу с Честными Бедняками, коих тот предал, простых горожан – восстать против нечестивых правителей. (И каждую ночь грешил с новым пылом.)

В далекой Королевской Гавани тем временем держали совет, как избавить страну от этой напасти. И у короля, и у сестер его были драконы, посему иные убеждали его последовать примеру Эйгона Завоевателя с сестрами, сокрушившими двух королей на Огненном Поле. Но Джейехерис не хотел убивать, а королева Алисса это попросту запрещала, памятуя гибель Рейенис Таргариен вместе с драконом в Дорне. Лорд Робар не

слишком охотно предлагал, что сам поведет войско и разобьет Муна, но в походе ему пришлось бы схлестнуться со штормовыми людьми, силами Рована и Окхарта, с межевыми рыцарями и Честными Бедняками. «Победу мы, конечно, одержим, но дорогой ценой», – говорил десница.

Возможно, их услышали боги, ибо затруднение это разрешилось самым неожиданным образом. В сумерки септон Мун, устав от целодневных речей, удалился в свой шатер для вечерней трапезы. Его, как всегда, охраняли Честные Бедняки – громадные бородатые воины с топорами, – но смазливую молодку, принесшую его святейшеству штоф вина, они пропустили беспрепятственно, догадываясь, что та желает зачать от него дитя.

Малое время из шатра доносились только раскаты смеха, а после стражники слышали стон, женский крик и яростный рев. Полунагая женщина выбежала и унеслась прочь, прежде чем Бедняки успели ее задержать. Следом наружу вывалился голый, окровавленный Мун. Он зажимал рукой рану на горле, и кровь струилась в его длинную бороду.

Говорят, будто он пробежал половину лагеря от костра к костру, пытаясь догнать беглянку. Но тут даже его силища изменила ему, и он упал замертво среди воющих от горя сподвижников. Убийца исчезла бесследно, и больше ее не видели. Разъяренные Честные Бедняки искали ее всю ночь – срывали палатки, хватали женщин, избивали мужчин, если те чинили препятствия, но их усилия оказались напрасными. Даже караульщики у шатра не могли толком описать ту, что убила Муна.

Четверо Бедняков, отнесших тело пророка в его шатер, допили вино из наполовину полного штофа и к полудню были мертвы.

Как только Муна не стало, войско его начало таять. Ручеек, заструившийся сразу после вестей о смерти Мейегора и воцарении Джейхериса, превратился в бурный поток. От покойника еще и дух не пошел, а десяток соперников уже дрались за звание вожака. Следовало бы предположить, что теперь людей Муна возглавят лорды, его союзники, но ничего подобного не случилось. Простолюдины, особенно Честные Бедняки, недолюбливали знать, а нежелание Окхарта и Рована штурмовать городские стены лишь усилило недоверие к ним.

Самое обладание останками Муна стало костью раздора между его преемниками: Честным Бедняком по прозвищу Роб-Заморыш и неким Лоркасом-Ученым, будто бы знавшим всю Семиконечную Звезду наизусть. Лоркасу, по его словам, явилось видение, что Мун отдаст Старомест своим верным последователям даже и после смерти. Отняв тело Муна у Роба, сей ученый болван привязал голый, покрытый кровью, разлагающийся труп

ремнями к коню и вознамерился штурмовать с ним ворота Староместа.

К нему примкнули менее ста человек. Почти все они погибли под градом камней, стрел и копий, не приблизившись и на сто ярдов к городу, а тех, кто все-таки добрался до стен, в том числе и самого Лоркаса, ждали потоки кипящего масла и горячей смолы. Когда все они полегли, несколько храбрейших рыцарей лорда Хайтауэра произвели вылазку и отделили голову Муна от туловища. Ее выдубили, набили опилками и поднесли в дар верховному септону.

После этой неудачной атаки поход септона Муна выдохся окончательно. Лорд Рован со всеми своими людьми снялся с лагеря через час, лорд Окхарт ушел назавтра. Прочие – Честные Бедняки, межевые рыцари и так далее – разбрелись по сторонам, грабя и поджигая все деревни, хутора и остроги у себя на пути. У Староместа вместо прежних пяти тысяч остались едва ли четыреста человек, и лорд Доннел Медлительный, наконец-то выйдя из города, расправился с ними.

Убийство Муна устранило последнее серьезное препятствие между Джейехерисом и Железным Троном, но споры о том, кто совершил его, не утихают и по сей день. Никто не верит, что женщина, которая принесла «грешному септону» отравленное вино, а после его зарезала, действовала по собственному почину. Кто-то поручил ей это, но кто? Сам юный король, королева-мать, лорд Робар Баратеон? Полагают даже, что женщину эту прислали Безликие, гильдия убийц-чародеев из Браавоса. Недаром она сразу же исчезла, «растаяв в ночи», недаром двое часовых описывали ее совершенно по-разному.

Однако те, кто ближе знаком с преступлениями Безликих, с этим не соглашаются. Браавосские наемники действуют куда тоньше и всегда придают своим убийствам вид естественной смерти. Это предмет их гордости, краеугольный камень их мастерства. Перерезать человеку горло так неумело, что он после этого еще долго шатался по лагерю, было бы для Безликих позором. Большинство ученых ныне сходятся на том, что убийца была всего лишь лагерьной потаскушкой, выполнявшей приказ лорда Рована, лорда Окхарта или же их обоих. При жизни Муна они не смели его покинуть, но их поспешный уход после его смерти доказывает, что они враждовали лишь с Мейегором, а против дома Таргариенов в целом ничего не имели. Вскоре они и впрямь вернулись в Старомест на коронацию Джейехериса, чтобы склонить перед ним колена.

Торжество сие состоялось на исходе 48 года, как только путь в Старомест очистился. «Верховный прихлебатель», коего Мун так тцился сместить, помазал короля священным елеем и увенчал короной,

принадлежавшей ранее отцу его Эйенису. Семь дней после этого длились празднества, и сотни лордов великих и малых присягали на верность новому королю. Джейехериса сопровождали сестры Рейена и Алисанна, маленькие племянницы Эйерея и Рейелла, королева-мать Алисса, десница Робар Баратеон, лорд-командующий Королевской Гвардией сир Джайлс Морриген, великий мейстер Бенифер. В Звездную септу пришли архимейстеры Цитадели и тот, кого никто не думал увидеть здесь: сир Джоффри Доггет, Рыжий Пес из Холмов, провозгласивший себя капитаном упраздненных Сынов Воина. Он приехал вместе с лордом и леди Талли из Риверрана – не в цепях, как следовало бы ожидать, а с охранной грамотой, скрепленной печатью самого короля.

Бенифер написал после, что встреча короля с объявленным вне закона рыцарем «проторила дорогу» всем будущим деяниям юного государя. На просьбу сира Джоффри и леди Люсинды отменить указ Мейегора и восстановить ордена Звезд и Мечей Джейехерис ответил твердым отказом. «Вере мечи не нужны, – сказал он, – ибо защитой ей служат король и Железный Трон». Король отменил лишь награды, назначенные Мейегором за головы воителей Веры. «С собственным народом я воевать не стану, – добавил венценосный юноша, – но измены и бунта не потерплю».

«Да, я восстал против вашего дяди, но ведь и вы поступили так же», – дерзко заметил Доггет.

«Восстали и храбро сражались, этого отрицать нельзя. Сынов Воина больше нет, и обеты, данные им, вас более не связывают, но вы можете еще послужить». – С этими словами король, поразив свою свиту, предложил сире Джоффри плащ рыцаря Королевской Гвардии. Настала глубокая тишина, пишет Бенифер. Доггет обнажил меч, и все испугались, думая, что он намерен пронзить короля, но рыцарь преклонил колено и сложил меч к ногам Джейехериса. Говорят, что лицо его оросили слезы.

Через девять дней после коронации король выехал из Староместа в Королевскую Гавань. На всем пути через Простор за ним тянулся длинный кортеж, но Рейена проводила брата лишь до Хайгардена. Там она села на свою Огненную Мечту и улетела на Светлый остров к лорду Фармену, оставив не только брата, но и своих дочерей. Послушница Рейелла осталась в Звездной септе, ее сестра-близнец Эйерея вернулась с Джейехерисом в Красный Замок, где стала чашницей и компаньонкой принцессы Алисанны.

Было замечено, что с девочками произошла удивительная перемена. Они были схожи как две капли воды, но лишь лицом, а не нравом. Рейелла росла упрямой и непокорной – септы, воспитывавшие ее, намучились с ней, – Эйерею же отличали робость и боязливость. «Она боится лошадей,

собак, горластых мальчишек, бородатых мужчин и танцев, а драконы ее повергают в ужас», – писал Бенифер, когда девушку впервые привезли ко двору.

Однако после коронации маленькая послушница стала прилежно учиться, усердно молиться, и наказывать ее больше не приходилось; сестра же ее, выказав вдруг большую живость и смелость, полдня проводила в псарнях, конюшнях, на драконьих дворах. Многие, хотя доказательств тому не было, полагали, что королева Рейена или королева Алисса, воспользовавшись случаем, поменяли двойняшек местами. Разоблачать обман, если он на самом деле случился, охотников не нашлось: ведь пока у Джейехериса не появилось потомства, наследницей престола считалась та, что звалась теперь Эйереей.

Все сходятся на том, что возвращение Джейехериса в Королевскую Гавань стало настоящим триумфом. Рядом с ним ехал сир Джоффри, и вдоль всего пути их приветствовали восторженные толпы народа. К тракту то и дело выходили Честные Бедняки, изнуренные бородачи с топорами, прося оказать им ту же милость, что и Рыжему Псу. Король миловал их при условии, что они пойдут на Север и вступят в Ночной Дозор, и сотни человек, меж ними и Роб-Заморыш, клялись исполнить королевскую волю. «Всего лишь за одну луну, истекшую после его коронации, – пишет Бенифер, – Джейехерис примирил Железный Трон с Верой и положил конец кровопролитию, терзавшему страну при дяде его и отце».

Год Трех Свадеб

49 год ОЗ, давший Вестеросу желанную передышку после недавней смуты, вошел в историю как Год Трех Свадеб.

Первая из них состоялась в самом начале года на западе, в водах Закатного моря. Скромная церемония под открытым небом соединила Рейену Таргариен с Андроу Фарменом, вторым сыном лорда Светлого острова. Для жениха это был первый брак, для невесты третий; дважды овдовевшей Рейене было в ту пору всего двадцать шесть, Андроу же – и вовсе семнадцать. Юноша, миловидный и мягкого нрава, был, как говорят, без памяти влюблен в свою суженую.

Обряд совершил септон лорда Марка Фармена. Из знатных гостей на остров прибыли лишь Лиман Ланнистер из Бобрового Утеса с женой Иокастой; невесту сопровождали подруги ее юных лет Саманта Стокворт и Алейна Ройс вместе с леди Элиссой, сестрой жениха. Прочими гостями были знаменосцы и домашние рыцари, присягнувшие домам Фарменов или Ланнистеров. Король и двор его ничего не знали об этой свадьбе, пока, много позже, в столицу с Утеса не прилетел ворон.

По свидетельству летописцев, королева Алисса была глубоко оскорблена тем, что дочь не пригласила ее на свадьбу, и прежние теплые чувства между ними остыли. Робар же Баратеон пришел в ярость оттого, что Рейена посмела вновь выйти замуж без дозволения короны, то есть его самого как десницы короля. Было бы такое дозволение дано, неизвестно, ибо Андроу, второй сын невеликого лорда, не мог считаться достойной парой для той, что дважды была королевой и оставалась матерью наследной принцессы. Между тем младший брат лорда Робара и двое его племянников были еще холосты и подходили Рейене по возрасту – чем можно объяснить как гнев десницы, так и тайну, окружавшую замужество Рейены Таргариен. Сам король и сестра его Алисанна обрадовались известию, послали на Светлый остров подарки и поздравления и приказали, чтобы колокола Красного Замка звонили как в праздник.

Король Джейхерис и королева-регентша были в это время заняты отбором советников, долженствующих помогать им в управлении государством два предстоящих года. Главной заботой обоих оставался мир в государстве, ибо раны, нанесенные Вестеросу войной, только еще начали заживать. Король рассудил, что отстранение от власти бывших людей Мейегора и служителей Веры лишь углубит эти раны, и мать согласилась с

ним.

Памятуя об этом, король предложил лорду Эдвеллу Селтигару с Коготь-острова, бывшему десницей при Мейегоре, пост лорда-казначея и мастера над монетой. Лордом-адмиралом и мастером над кораблями Джейехерис назначил своего дядю Дейемона Велариона, лорда Дрифтмарка и брата королевы Алиссы, одного из первых великих лордов, покинувших короля Мейегора. Лорда Прентиса Талли из Риверрана призвали ко двору как мастера над законом; вместе с ним приехала жена его, суровая леди Люсинда, известная своим благочестием. Командовать городской стражей, наибольшим воинством Королевской Гавани, король поставил лорда Кварла Корбрея из Дома Сердец, который сражался на стороне Эйегона Некоронованного у Божьего Ока. Все они подчинялись деснице лорду Баратеону.

Неверно было бы полагать, что сам Джейехерис в годы регентства не принимал участия в государственных делах; молодой король присутствовал на многих заседаниях совета (хотя и не на всех, как мы увидим позднее) и не стеснялся высказывать свое мнение. Окончательное решение, впрочем, принимала королева-регентша вкупе с десницей, мужем грозным и властным.

Голубоглазый, чернобородый, сильный как бык, лорд Робар был старшим из пяти братьев, внуков Ориса Однорукого, который первым из Баратеонов стал лордом Штормового Предела. Сам Орис был побочным братом Эйегона Завоевателя и самым доверенным из его воевод. Убив Аргилака Надменного, последнего из Дюррандонов, он взял в жены его дочь, поэтому лорд Робар мог похвастаться тем, что кровь дракона в его жилах смешалась с кровью старых штормовых королей. Сражаться он предпочитал не мечом, а двойным топором, «столь тяжелым, что дракону череп разрубить впору».

Говорить такие слова при Мейегоре Жестоком было опасно, но если лорд Робар и опасался королевского гнева, то хорошо скрывал свои опасения. Знавшие его люди не удивились, когда он дал приют королеве Алиссе и ее детям после ее бегства с Драконьего Камня, и он же первый провозгласил Джейехериса королем. Брат его Борас во всеуслышание говорил, что Робар только и мечтает сойтись с Мейегором в единоборстве и зарубить его своим топором.

Мечта эта так и не сбылась. Вместо того чтобы убить старого короля, лорд Робар создал нового и возвел Джейехериса на престол. Право его занять место десницы оспаривали немногие, но очень многие шептались, что отныне страной будет править Робар Баратеон: Джейехерис-де совсем

еще мальчик, сын слабого отца, а королева-мать – всего лишь женщина. Когда же было объявлено о скором браке лорда Баратеона с королевой Алиссой, шепотки сделались еще громче – ибо как же назвать лорда-мужа королевы, если не королем?

Первая жена лорда Робара умерла от горячки, не прожив с ним и года. Он был десятью годами моложе сорокадвухлетней Алиссы, неспособной более к деторождению, как все думали. Септон Барт позднее писал, что Джейехерис был против этого брака, подозревая, что лордом Робаром движет скорее жажда власти, нежели искренняя привязанность к королеве. Гневался король и на то, что ни мать, ни ее жених даже не подумали спросить его позволения... но поскольку он не возражал против брака сестры, то счел, что не вправе мешать и матери. Поэтому он молчал и делился своим недовольством лишь с самыми близкими из наперсников.

Десница вызывал восхищение своим мужеством, уважение – своей силой, страх – своим воинским мастерством, королева же внушала всем одно только чувство: любовь. «Такая красивая, такая храбрая и такая несчастная», – говорили о ней женщины Вестероса. Даже лорды, недовольные, что оказались под женской рукой, признавали ее своей государыней, ибо знали, что ей помогает Робар Баратеон, а королю остается до шестнадцатилетия меньше года.

Все соглашались, что Алисса, дочь могущественного Эйетана Велариона и леди Аларры из дома Масси, была очень красива в юности. Ее мать в свое время тоже считалась красавицей, отца же, лорда Дрифтмарка, называли в числе старейших и ближайших друзей Эйегона Завоевателя и его королев. Боги, одарив Алиссу Веларион темно-фиолетовыми глазами и серебристыми волосами Древней Валирии, наделили ее также умом, добротой и женскими чарами. В девичьи годы поклонники стекались к ней со всех концов Вестероса, но надеяться на ее руку едва ли стоило: столь прекрасной и одаренной девице из старинного и богатого рода под пару был только принц. В 22 году ОЗ Алисса стала женой Эйениса Таргариена, наследника Железного Трона.

Брак оказался счастливым. Эйенис был добрым, внимательным, щедрым мужем и ни разу не изменил Алиссе. Она родила ему двух дочерей и трех сыновей, здоровых и крепких (шестой ребенок, девочка, умерла вскоре после рождения). В 37 году, после смерти Эйегона, трон перешел к Эйенису, и Алисса стала его королевой.

Последующие годы принесли им множество бед. Королевство Эйениса под ударами врагов рассыпалось в прах, и в 42 году, в возрасте всего тридцати пяти лет, он умер сломленным, всеми презираемым человеком.

Не успела Алисса оплакать мужа, как трон, по праву принадлежавший ее старшему сыну, захватил деверь. Сын, восстав против дяди-узурпатора, погиб вместе с драконом, на котором сражался. Второго сына замучила до смерти Тианна из Башни. Алисса с двумя младшими детьми стала негласной пленницей чудовища, убившего их обоих, и принуждена была видеть, как старшую ее дочь выдают за него же.

Но в игре престолов случаются неожиданные повороты, и Мейегор Жестокий, в свою очередь, пал. Этому в немалой мере способствовало мужество королевы Алиссы, решившейся на побег, и Робара Баратеона, давшего ей приют. Боги даровали им победу, и теперь Алиссе из дома Веларионов представлялся случай выйти замуж повторно и вновь стать счастливой.

Ожидалось, что свадьба королевского десницы и королевы-регентши будет пышной в отличие от почти тайного брака королевы Рейены. Обряд должен был совершить сам верховный септон на седьмой день седьмого месяца в недостроенном Драконьем Логове, чей каменный амфитеатр мог вместить десятки тысяч гостей. Далее намечались семь дней пиров и забав, большой рыцарский турнир и даже потешный морской бой в Черноводном заливе.

Столь великолепного празднества в Вестеросе на памяти живых еще не бывало. Лорды, великие и малые, стекались в столицу со всех концов государства. Его святейшество сопровождали семьдесят семь Праведных и лорд Доннел Хайтауэр с сотней рыцарей. Лорд Лиман Ланнистер привел из Бобрового Утеса триста рыцарей. Из далекого Винтерфелла прибыл недужный лорд Брандон Старк с сыновьями Уолтоном и Алариком, дюжиной северян-знаменосцев и тридцатью братьями Ночного Дозора. Лорды Аррен, Корбрей и Ройс представляли Долину, лорды Селми, Дондаррион и Тарли – Дорнские Марки. Не было недостатка и в иноземных вельможах. Из Дорна приехала сестра принца, из Браавоса – сын Морского Начальника. Тирошийский архон с незамужней дочерью прибыл лично, как и двадцать два магистра из вольного города Пентоса. Все гости подносили новобрачным дары; особенно изощрялись бывшие сторонники Мейегора, а также союзники септона Муна – Рикард Рован и Торген Окхарт.

Все они, несомненно, приезжали не только на свадьбу. Одни желали поговорить с десницей, в коем видели подлинного правителя Вестероса, другие – посмотреть своими глазами, чего стоит новый король. Джейехерис предусмотрел это: сир Джоффри Доггет, телохранитель короля, объявил, что его величество готов встретиться с любым лордом и рыцарем-

помещиком, и об аудиенции попросили больше ста человек. Король принимал их не в величественном тронном зале, а у себя в горнице, и всю свиту его составляли сир Джайлс, мейстер да несколько слуг.

Всех лордов он поощрял говорить свободно и спрашивал, как они полагали бы справиться с главнейшими государственными заботами. «Он не сын своего отца», – сказал лорд Ройс своему мейстеру после аудиенции: хоть и скупая, но похвала. «Слушает он хорошо, но говорит мало», – заметил лорд Венс из Отдыха Странника. Рикард Рован нашел короля доброжелательным, Кайл Коннингтон – остроумным, Мортон Карон – осторожным и проницательным. «Он не прочь посмеяться даже и над собой», – одобрительно заключил Джон Мертенс, но Алеку Хантеру король показался суровым, а Торгену Окхарту – угрюмым. Лорд Маллистер счел, что Джейехерис не по годам мудр, лорд Дарри заявил, что «перед таким королем всякий лорд с гордостью склонит колено». Самое глубокое суждение высказал Брандон Старк из Винтерфелла, увидевший в молодом короле черты его деда.

Десница на аудиенциях не присутствовал, но это не значит, что лорд Робар уделял гостям мало внимания. Он охотился с ними, не скупился на ставки в азартных играх и пировал так, что «осушил все погреба замка». Не пропустил он ни одной схватки и на турнире, окруженный веселой и зачастую хмельной толпой великих лордов и прославленных рыцарей.

Самая дерзостная потеха, однако, была устроена за два дня до свадьбы. В придворных хрониках о ней ничего не сказано, но горожане узнали обо всем от болтливых дворцовых слуг. Из самых изысканных притонов города Лисса в Королевскую Гавань доставили семь юных девственниц. Свою невинность королева Алисса давным-давно отдала Эйенису Таргариену, отчего лорд Робар никак не мог сорвать ее цветочек в брачную ночь, и лисские девы должныствовали вознаградить его. Если верить слухам, он успешно лишил девичества четырех, пока хмель его не свалил, а братья его, племянники и друзья проделали то же самое с тремя прочими, насладившись после еще с сорока приплывшими из Лисса красотками.

Пока десница бражничал, а король принимал своих лордов, принцесса Алисанна развлекала их жен, дочерей и сестер. Старшая сестра короля Рейена предпочла остаться со своим молодым мужем на Светлом острове, королева Алисса была занята приготовлениями к свадьбе, и принцесса, всего тринадцати лет, по общему мнению, справлялась с сей трудной задачей блестяще. Все семь дней она завтракала в одной компании высокородных леди, обедала в другой, ужинала в третьей. Она показывала

гостям чудеса Красного Замка, каталась с ними по заливу, разъезжала верхом по городу.

Мало кто из лордов и леди прежде знал Алисанну, младшее дитя Алиссы и Эйениса. В детстве ее затмевали братья и старшая сестра; о ней говорили как о «малютке» и «второй дочке». И вправду маленькая, тоненькая и хрупкая, с глазами скорее синими, чем лиловыми, и копной медовых кудрей, она не слыла красавицей, хотя красоты у нее в роду было вдоволь с обеих сторон. Зато в уме Алисанне никто не мог отказать.

Позже стали говорить, что читать она научилась раньше, чем ее отняли от груди; придворный шут уверял, будто она капала молоком своей кормилицы на валирийские свитки. Будь она мальчиком, ее наверняка послали бы в Цитадель учиться на мастера, писал септон Барт, ценивший Алисанну даже больше, чем ее муж, которому он так долго служил. До этого было еще далеко, но и в 49 году все соглашались с тем, что тринадцатилетняя Алисанна производила неизгладимое впечатление на всякого, кто видел ее.

День свадьбы настал наконец, и более сорока тысяч горожан поднялись на холм Рейенис к Драконьему Логову. Тысячи других приветствовали на улицах свадебный кортеж, сопровождаемый сотнями рыцарей на конях с расшитыми чепраками и сотнями звонящих в колокольчики септ. «Такого зрелища в Вестеросе еще не видывали», — пишет великий мастер Бенифер. Лорд Робар был в парче с головы до ног и в полушлеме с оленьими рогами. Платье невесты, блистающий дорогими камнями, украшал двойной герб: на одном поле трехглавый дракон Таргариенов, на другом — серебряный морской конек Веларионов.

Но, несмотря на великолепие невесты и жениха, больше всего поразили зрителей дети Алиссы. Джейхерис и Алисанна слетели с небес на своих драконах Вермиторе и Среброкрылом (вспомним, что Драконье Логово тогда еще не было увенчано своим знаменитым куполом). Кожистые крылья чудовищ взметали песок, вселяя благоговейный ужас в сердца собравшихся, но басня о том, что верховный септон при виде их будто бы замарал одежды, скорее всего просто досужая выдумка.

Мы не станем подробно описывать саму церемонию, а также следовавшие за ней пир и провожание молодых. Огромный тронный зал Красного Замка вместил величайших лордов и знатнейших заморских гостей; меньшие лорды со своими рыцарями пировали в других чертогах и во дворах, простые горожане праздновали в харчевнях, винных погребах и борделях. Лорд Робар, вопреки давешним любовным излишествам, с честью исполнил свой супружеский долг, о чем его пьяные братья

раструбили повсюду.

Сразу после свадьбы начался семидневный турнир. От конных поединков у всех дух захватывало, но больше всего страстей разгорелось вокруг пеших сражений на мечах, копьях и топорах – и вот почему.

Вспомним, что из королевских гвардейцев Мейегора в живых остались лишь четверо, и всех их послали на Стену. В собственную гвардию король назначил пока только сиров Джайлса Морригена и Джоффри Доггета. Королева-регентша предложила, чтобы остальные пятеро были отобраны в воинских состязаниях – и где способнее это сделать, как не на свадьбе, куда съедутся рыцари со всего Вестероса? «Мейегор окружил себя стариками, льстецами, трусами и скотами, – заявила она. – Я хочу, чтобы моего сына защищали лучшие рыцари государства, чьи верность и мужество не внушают сомнений. Свои белые плащи они завоюют в честном бою, у всех на глазах».

Король Джейхерис охотно согласился на это, но добавил кое-что от себя: пусть-де его будущие защитники докажут свою доблесть не в конном, а в пешем бою. «На королей редко нападают верхом и с копьями», – справедливо заметил он. Потому-то конные схватки на этом турнире уступили первенство кровавым боям, которые мастера после нарекли Войной за Белые плащи.

Сотни рыцарей бились за честь состоять в Королевской Гвардии. Некоторые из них сделались любимцами простого народа – к примеру, сир Виллем Стаффорд, низенький, тучный и пьяный без просыпу. Диво, как он на ногах-то держался, не говоря уж о битве! Его прозвали Пивным Бочонком и распевали «у Бочонка есть силенка» всякий раз, как он выходил на поле. Любили также Тома-Бренчалу, барда с Блошиного Конца – он высмеивал своих врагов, сочиняя про них озорные песни. Таинственного рыцаря, известного как Алый Угорь, тоже подбадривали многие; под конец, снявши маску, он оказался женщиной, Джонквиль Дарк, побочной дочерью лорда Синего Дола.

Никому из них, конечно, белый плащ не достался. Те, кто завоевал его, были не столь забавны, зато не имели себе равных в доблести и боевом мастерстве. Из знатного дома происходил только один, сир Лоренс Рокстон с Простора. Сир Виктор Отважный служил как присяжный рыцарь лорду Ройсу из Рунстона, сир Виллем-Оса – лорду Смолвуду из Желудей. Самый младший, Пейт-Кулик, сражался не мечом, а копьем, и многие сомневались, посвящен ли он в рыцари; но он так ловко управлялся с этим своим оружием, что сир Джоффри Доггет присудил ему победу и посвятил его сам среди всеобщего ликования.

Самый старший, межевой рыцарь шестидесяти трех лет, назывался Самгудом с Кислого Холма, или Кислым Сэмом. По его словам, он участвовал в сотне битв: «Не спрашивайте только, на чьей стороне, про то знаю я да боги». Одноглазый, лысый, почти беззубый, тощий как жердь, в бою он не уступал воинам вдвое моложе, отточив свое мастерство в помянутой сотне битв.

Многие рыцари носили белые плащи за те пятьдесят пять лет, что Джейехерис провел на Железном Троне, – но недаром сказано, что никто из Таргариенов не мог похвалиться такими гвардейцами, как первая семерка юного короля.

Война за Белые плащи завершила празднество, прозванное вскоре Золотой Свадьбой. Все гости, разъезжаясь по своим замкам, соглашались с тем, что торжество удалось на славу. Молодой король завоевал любовь и восхищение многих лордов, а у жен их и дочерей только и разговору было, что о милой принцессе. Горожане Королевской Гавани также остались довольны: их король выказывал все признаки справедливого, милостивого, благородного государя, а десница его проявил себя не только отважным воином, но и щедрым хлебосолом. Содержатели гостиниц, харчевен, борделей, а также купцы, пивовары, шлюхи и карманники радовались более всех.

Да, Золотая Свадьба прогремела по всему Вестеросу и за его пределами, но самой важной стала третья свадьба судьбоносного 49 года.

Королева-регентша и десница, благополучно вступив в брак, начали подыскивать невесту для Джейехериса, а заодно и жениха для сестры его Алисанны. Пока король оставался холостым и бездетным, наследницами престола считались дочери его старшей сестры Рейены, которые были еще малы и, по общему мнению, не годились в правительницы.

Более того, лорд Робар и королева Алисса опасались за судьбы Вестероса в том случае, если Рейена вернется в столицу как регентша одной из двойняшек. О раздоре меж двумя королевами предпочитали не говорить, но все знали, что он налицо, ибо Рейена не пригласила мать на свою свадьбу и сама на свадьбу матери не приехала. Шептались даже, что Рейена – колдунья, убившая Мейегора черной магией на Железном Троне. По этим причинам королю следовало как можно скорее взять себе жену и зачать наследника.

Но кого же выбрать в невесты? Лорд Робар, носившийся с мыслью распространить влияние Вестероса за Узкое море, предлагал дочь тирошийского архона, пригожую девицу пятнадцати лет, очаровавшую всех на свадьбе своим остроумием, невинным кокетством и синевато-зелеными

волосами.

Его супруга, однако, воспротивилась этому. Народ Вестероса, говорила она, ни за что не признает крашеную иноземку своей королевой, как бы очаровательно та ни щебетала на общем. Восстанут против нее и верующие, ибо в Тироше поклоняются не Семерым, а красному Рглору, Творцу Узоров, трехглавому Триосу и прочим чуждым богам. Алисса предпочитала взять дочь одного из домов, поддержавших Эйегона Некоронованного. Пусть Джейехерис женится на девице Венс, Корбрей, Вестерлинг или Пайпер, настаивала она. Таким образом Таргариены вознаградят своих верных союзников и почтут память как Эйегона, так и тех, кто сражался и умирал за него.

Против этого, в свою очередь, усиленно возражал великий мейстер Бенифер. Предпочтение тех, кто сражался за Эйегона, сторонникам Мейегора повредит делу мира, говорил он. Лучше выбрать какой-нибудь великий дом, оставшийся в стороне: Тиреллов, Ланнистеров или Арренов.

Видя, что между десницей, королевой-регентшей и великим мейстером нет согласия, другие советники осмелились выступить со своим выбором. Прентис Талли, мастер над законом, предложил младшую и не менее благочестивую сестру своей супруги Люсинды: такой союз наверняка будет угоден Вере. Лорд-адмирал Дейемон Веларион высказался за вдовую королеву Элинон из дома Костейнов: наилучшим доказательством того, что люди Мейегора прощены, будет женитьба на одной из его Черных Жен и, быть может, усыновление трех ее мальчиков от первого брака. Кроме того, сама Элинон уже доказала свою плодовитость. Лорд Селтигар, еще недавно сватавший двух своих дочерей Мейегору, теперь желал отдать их за Джейехериса. «Ну уж нет, – заявил ему Робар. – У девок твоих ни подбородков, ни грудей, ни мозгов».

Алисса и ее советники обсуждали возможных невест чуть не месяц, но к согласию так и не пришли. Короля – в чем сошлись и королева-мать, и десница – на заседания совета не приглашали: он, хоть и мудрый не по годам, оставался мальчиком, и никто не желал, чтобы юношеские бредни помешали благополучию всей страны. Королева Алисса ничуть не сомневалась в том, что сам Джейехерис выбрал бы родную свою сестру Алисанну.

У Таргариенов такие браки заключались веками, и Джейехерис с Алисанной росли в уверенности, что когда-нибудь поженятся, подобно старшим брату с сестрой, Эйегону и Рейене. Алисанна была всего двумя годами моложе брата, и детская их привязанность сохранилась и в юности. Отец, король Эйенис, наверняка поженит бы их, и мать ничего лучшего не

желала... но ужасы, пережитые после смерти мужа, изменили образ мыслей королевы Алиссы. Хотя Сыны Воина и Честные Бедняки были распущены и объявлены вне закона, многие из них оставались еще на свободе и могли схватиться за мечи, дай только повод. Королева, хорошо помня, что случилось после свадьбы с ее детьми Эйегоном и Рейеной, не раз повторяла: «Эта дорога нам отныне заказана».

В этой решимости ее поддерживал новый советник, септон Маттеус из числа Праведных, оставшийся в столице после возвращения в Старомест верховного септона и других служителей Веры. Огромный как кит, в роскошных одеждах, он объявлял себя потомком стародавних королей Гарденеров, правивших некогда Простором из замка Хайгарден. Многие полагали, что следующим главой Септы станет он.

Нынешний глава, коего септон Мун заклеил как «верховного прихлебателя», благословил бы какой угодно брак, лишь бы сохранить за собой священный престол в Звездной септе. Но он был уже далеко не молод, и путешествие в Королевскую Гавань для совершения свадебного обряда едва не утомило его.

«Ежели его мантия ляжет на мои плечи, я поддержу любой выбор его величества, – говорил септон Маттеус, – но не все мои собратья настроены столь снисходительно, а новые Муны, да простятся мне такие слова, найдутся всегда. Праведные, памятуя недавнее прошлое, сочли бы брак между братом и сестрой тяжким оскорблением Веры, и я боюсь того, что может произойти в будущем».

Уважая мнение королевы и священнослужителя, Робар Баратеон и прочие лорды совета сразу же исключили принцессу Алисанну из числа возможных невест короля. Принцесса в свои тринадцать только что расцвела, отчего замуж ее требовалось выдать как можно скорее. Совет, не долго думая, постановил, что на седьмой день нового года она выйдет за Оррина Баратеона, самого младшего из братьев десницы.

Так решили королева-мать, десница и лорды-советники – но они, как случалось испокон веков, недооценили решимость самой принцессы и молодого короля Джейхериса.

Помолвку еще не объявили, и никто не ведал, как узнала о ней принцесса. Великий мейстер подозревал кого-то из слуг, шмыгавших туда-сюда во время заседания в горнице королевы; сам лорд Робар думал на Дейемона Велариона, человека гордого и возмущенного тем, что Баратеоны пытаются отнять у лордов Дрифтмарка место второго вестеросского дома. Простые же люди много лет спустя рассказывали, будто к принцессе прибежали с вестями «крысы, жившие в стенах замка».

Неизвестно, что сказала или подумала Алисанна Таргариен, узнав, что предназначена в жены Оррину, десятью годами старше нее, которого она едва знала и который ей, по слухам, не нравился. Известно лишь, как она поступила. Другая девушка на ее месте могла разрыдаться или пасть на колени перед матерью, моля ее пощадить, а в песнях поется, что девицы, приневоленные к замужеству, имели обыкновение бросаться с высоких башен. Алисанна, не сделав ничего подобного, отправилась напрямик к Джейхерису.

Брата известие поразило не менее, чем ее. «Не сомневаюсь, что они и на мой счет строят брачные планы», – рассудил он и, по примеру сестры, не стал тратить времени на упреки и мольбы. Вместо этого он приказал своей Королевской Гвардии немедленно отплыть на Драконий Камень, где будет и он. «Вы присягали во всем мне повиноваться, – сказал он семерым рыцарям. – Помните свой обет и никому об этом не говорите».

В ту же ночь, под покровом мрака, король и принцесса улетели на драконах в древнюю крепость Таргариенов. «Мне нужен септон», – едва ступив на остров, сказал Джейхерис.

Король поступил правильно, не доверившись Маттеусу, который непременно выдал бы их. Септоном на Драконьем Камне еще со времен короля Эйениса служил престарелый Освик, знавший обоих детей с младенческих лет и наставлявший их в таинствах Семерых. Подвизаясь в отрочестве послушником при дворе королевы Рейенис, он был наслышан о брачных обычаях дома Таргариенов и не стал противиться велению короля.

Недолгое время спустя пришла галера с королевскими рыцарями. На следующее утро, как только взошло солнце, король Джейхерис, первый этого имени, взял в жены сестру свою Алисанну на большом дворе замка перед взорами богов, людей и драконов. Септон Освик дрожащим старческим голосом провел обряд, ни слова не упустив, рыцари в хлопающих на ветру белых плащах были свидетелями. Присутствовали также слуги, гарнизон замка и жители ютившейся под крепостными стенами рыбацкой деревни.

После скромного пира, где пили за здоровье молодой королевской четы, супруги удалились в опочивальню. Эйегон Завоеватель в свое время спал там с Рейенис, но провожания ввиду юных лет невесты не устраивали, и брак не был скреплен плотским соитием.

Это упущение не замедлило сказаться, когда на остров с запозданием прибыли лорд Робар и королева Алисса с дюжиной рыцарей, сорока латниками, септоном Маттеусом и великим мейстером Бенифером, из писем коего нам и стало известно о происшедшем.

Джейехерис и Алисанна встречали их у ворот, держась за руки.

«Глупые дети, – разрыдалась, увидев их, королева Алисса. – Вы сами не знаете, что наделали!»

Тут слово взял септон Маттеус. Он всячески обличал новобрачных и пророчил, что содеянное ими вновь ввергнет государство в войну. «“Ваше кровосмешение проклянут от Дорнских Марок до Стены, и всякий сын Отца и Матери отречется от вас, нераскаянных грешников”, – вещал септон, налившись кровью и брызжа слюной», – пишет Бенифер.

Джейехерис Умиротворитель справедливо прославился как человек спокойный и рассудительный, но не думайте, что в нем не пылало пламя Таргариенов. Дождавшись, когда септон остановился перевести дух, он молвил: «От матушки я могу принять укор, от тебя нет. Придержи свой язык, толстый боров: я велю зашить тебе рот, если ты еще раз его откроешь».

Септон умолк, но лорд Робар тут же взял быка за рога, спросив, осуществился ли брак на деле. «Скажите правду, ваше величество: возлегли ли вы с ней? Рассталась ли она с девственностью?»

«Нет, – отвечал король, – она еще слишком юна для этого».

«Вот и хорошо, – улыбнулся на это лорд Робар, – стало быть, вы еще не женаты. Разлучите детей, не прибегая к насилию, – приказал он рыцарям, приплывшим с ними из Королевской Гавани. – Принцессу отведите в башню Морского Дракона, а его величество вернется с нами в Красный Замок».

Но тут вперед, обнажив мечи, выступили семь рыцарей Королевской Гвардии.

«Не приближайтесь, – предостерег сир Джайлс Морриген. – Каждый, кто коснется короля с королевой, умрет».

«Уберите оружие, – оторопел лорд Робар. – Вы забыли, что я королевский десница?»

«Не забыли, – сказал Кислый Сэм, – но мы не десницына гвардия, а королевская, и на троне сидит этот вот паренек, а не ты».

«Вас только семеро, – ошетинился Баратеон, – а со мной полсотни мечей. Одно мое слово, и вас на куски порубят».

«Может, и порубят, – возразил юный Пейт-Кулик, наставив копье, – только вы умрете первым, милорд, даю слово».

Никто не знает, что было бы дальше, если б не королева Алисса.

«Я, как и все мы, видела довольно смертей, – сказала она. – Вложите свои мечи в ножны, сиры. Что сделано, то сделано, придется нам теперь с этим жить... да смилуются боги над Вестеросом. Мы уйдем с миром, и

пусть каждый молчит о том, что видел сегодня».

«Как прикажете, матушка, – отвечал Джейехерис, обнимая жену за плечи. – Не думайте только, что сумеете отменить наш брак. Мы теперь одно, и ни боги, ни люди не в силах нас разлучить».

«Этому не бывать никогда, – поддержала его Алисанна. – Отошлите меня на край света, выдайте за короля Моссови или за лорда Серой Пустыни – Среброкрылый все равно отнесет меня назад к Джейехерису». С этими словами она привстала на цыпочки, подняв лицо к королю, и он на глазах у всех поцеловал ее в губы.

Так рассказывает о столкновении у ворот Драконьего Камня великий мейстер Бенифер, бывший его очевидцем. Влюбленные уже несколько веков знают эту историю наизусть, и немало бардов сложили песни о семи воинах в белых плащах, отважно вышедших против полусотни врагов. Сказки и песни не берут, однако, в расчет гарнизон Драконьего Камня, где, по нашим сведениям, имелось двадцать лучников и столько же стражников под командой сира Меррела Буллока с сыновьями Алином и Ховардом. Чьей стороны они держались, нам уже не узнать, но подвиг семерых рыцарей, возможно, немного преувеличен.

Когда королева-регентша и десница отбыли, новобрачные закрыли ворота и вернулись в свои покои. Вплоть до совершеннолетия короля Драконий Камень оставался их резиденцией и убежищем. Говорят, что молодой король с королевой были почти неразлучны: вместе трапезничали, вспоминали недавнее детство, мечтали о будущем, вместе охотились с соколами, рыбачили, веселились с простолюдинами в прибрежных харчевнях, читали друг другу из запыленных, найденных в библиотеке томов, брали уроки у мейстеров («нам еще многому следует научиться», – говорила мужу юная королева), молились с септоном Освиком. А еще они летали вокруг острова на драконах, добираясь порой до самого Дрифтмарка.

Если верить рассказам слуг, спали они нагими и целовались как на ложе, так и весь день напролет, но мужем и женой по-настоящему так и не стали. Прошло полтора года, прежде чем это случилось.

На остров порой приезжали лорды-советники, и Джейехерис принимал их в Палате Расписного Стола, где дед его некогда размышлял над завоеванием Вестероса, – всегда вдвоем с Алисанной. «Эйегон ничего не утаивал от своих королев, а у меня нет секретов от Алисанны», – говорил он.

В то первое, блаженное время их брака меж ними, быть может, и вправду секретов не было, но сам брак держался в секрете. Лорд Робар,

вернувшись с Драконьего Камня, наказал всем очевидцам молчать, если они дорожат языками. О свадьбе не объявлялось; когда септон Маттеус собрался послать донесение в Старомест, великий мейстер Бенифер, ведавший почтовыми воронами, сжег письмо по приказу десницы.

Лорду Баратеону требовалось выиграть время. Привыкший побеждать и разгневанный тем, что король прилюдно выказал ему неуважение, он вознамерился во что бы то ни стало разлучить молодых супругов. Полагая это возможным, пока брак их не завершен, лорд Робар надеялся расторгнуть сей опасный союз без ведома кого бы то ни было.

Королева Алисса, хотя и по другой причине, тоже хранила тайну. «Что сделано, то сделано», – с полной искренностью произнесла она у ворот Драконьего Камня, но память о кровавом хаосе, последовавшем за женитьбой ее старших детей, не давала ей спать по ночам, и она отчаянно изыскивала способы помешать новому кровопролитию.

Кроме того, ей и ее мужу приходилось еще править страной, пока сын не возьмет власть в свои руки.

Так обстояли дела в Вестеросе, когда истек Год Трех Свадеб и настал новый, пятидесятый год от завоевания Эйегона.

Противостояние

Все люди грешны, учат нас отцы Веры. Даже величайшие короли и благороднейшие рыцари, уступая гневу, похоти или зависти, совершают порой поступки, пятнающие их доброе имя. С другой стороны, любовь и сострадание живут даже в самых черных сердцах, и самые порочные мужчины и женщины могут порой совершить что-то хорошее. «Мы таковы, какими нас создали боги, – пишет септон Барт, мудрейший из всех королевских десниц. – Сильные и слабые, хорошие и плохие, добрые и жестокие, герои и себялюбцы. Да будет это известно всякому, кто поставлен правителем над людьми».

Редко когда правота сих слов проявлялась столь явно, как в 50 году ОЗ. Полувековое правление Таргариенов намечалось отпраздновать пирами, турнирами, ярмарками. Ужасы Мейегора Жестокого отошли в прошлое, Железный Трон примирился с Верой, молодого короля Джейехериса обожали как лорды, так и простой народ. Но на небе уже собирались тучи, заметные лишь немногим, и чуткое ухо могло уловить громовые раскаты.

Королевство о двух королях что человек о двух головах, говорят в народе. Вестерос в 50 году имел короля, десницу и трех королей, совсем как при Мейегоре. Но если королевы Мейегора во всем зависели от супруга, который распоряжался самой их жизнью, то нынешние, каждая в своем роде, обладали определенной властью.

В Красном Замке властвовала королева Алисса, вдова короля Эйениса, мать короля Джейехериса, жена королевского десницы лорда Баратеона. На Драконьем Камне за Черноводным заливом явилась новая королева: дочь Алиссы, девица тринадцати лет, вопреки воле матери и лорда-отчима вышла замуж за брата своего Джейехериса. Наконец, на далеком Светлом острове жила старшая дочь Алиссы, вдова принца Эйегона Некоронованного. В западных и речных землях, даже в Просторе, ее называли уже королевой Запада.

Мать и двух дочерей, помимо родства, связывали былые страдания... и разделяли тени, сгущавшиеся день ото дня. Единство и дружество, позволившие Джейехерису, его матери и сестрам свергнуть Мейегора Жестокого, понемногу изнашивались, а старые обиды давали о себе знать. В эти последние месяцы регентства между молодыми королем с королевой и королевой-матерью с мужем-десницей зародилось несогласие, грозившее Вестеросу новой войной.

Не будем забывать, что в Вестеросе была и четвертая королева, дважды овдовевшая Элинор из дома Костейнов. Это она нашла Мейегора мертвым на Железном Троне, а после восшествия на престол Джейехериса уехала из столицы. В глубоком трауре, сопровождаемая лишь служанкой и одним стражником, она отправилась в Долину Аррен, где воспитывался в Орлином Гнезде ее старший сын от первого мужа, сира Тео Боллинга. Оттуда она проехала в Хайгарден, где воспитывался средний; убедившись в благополучии старших детей, она вместе с младшим мальчиком вернулась в отцовскую усадьбу Три Башни, намереваясь дожить там на покое остаток дней – но судьба и король Джейехерис, как мы увидим позже, имели другие замыслы на ее счет.

Поводом для ссоры между Джейехерисом и Алиссой стал его неожиданный тайный брак с младшей сестрой, сорвавший брачные планы королевы-матери и десницы, но были и другие причины: зерна раздора посеяли две другие свадьбы минувшего года.

Лорд Робар не спрашивал у короля разрешения жениться на его матери, и юный Джейехерис счел это знаком неуважения. Более того, король не одобрял этот брак в целом; он, как позже признался септону Барту, ценил своего десницу как советника и друга, но в новом отце не нуждался, полагая себя умнее и выше лорда Баратеона. На сестру Рейену, тоже не просившую у него позволения выйти замуж, он гневался несколько меньше, а вот королеву Алиссу глубоко обидело то, что дочь не посоветовалась с ней и не пригласила ее на свадьбу.

Рейена, как она говорила близким подругам, никогда, в свою очередь, не понимала увлечения матери лордом Баратеоном. Она нехотя признавала, что тот помог ее брату в борьбе с Мейегором, но не могла ни забыть, ни простить, что тот же лорд Робар оставил без поддержки мужа ее Эйгона в битве у Божьего Ока. С течением времени ее все более возмущало, что ей и ее дочерям, законным наследницам Железного Трона, предпочли «младшего братца», как она стала называть Джейехериса. Она, как-никак, первенец, говорила Рейена всем, кто был склонен слушать, и на драконе стала летать задолго до младших, но все они, «даже родная мать», сговорились ее обойти.

Задним числом легко оправдывать во всем Джейехериса с Алисанной и выставлять злодеями Алиссу и лорда Робара. Вольно и певцам сочинять, что любовь короля и принцессы не знала себе равных со времен Флориана-Дурака и его Джонквиль. В песнях любовь побеждает всегда, но в жизни всё не так гладко: королева Алисса отнюдь не без причины тревожилась за своих детей, за династию Таргариенов и за все государство.

Мотивы лорда Робара были не столь бескорыстны. «Неблагодарность» юного короля, в котором он видел сына, ранила его самолюбие, а вынужденное отступление на глазах у полусотни своих людей уязвляло и того пуще. Природный воин, мечтавший сойтись в поединке с королем Мейегором, не мог переварить унижения, которое претерпел из-за пятнадцатилетнего мальчика. Не будем, однако, судить его чересчур сурово, помня слова септона Барта. Совершивший под конец своей службы ряд глупостей и жестокостей, он в душе не был ни жестоким, ни даже глупым. Раньше он проявил себя как герой, и мы не должны забывать об этом даже в самый темный год его жизни.

После столкновения с Джейехерисом десница только и думал, что о своем позоре. Первым его побуждением было вернуться на Драконию Камень с бóльшим числом людей, перебить гарнизон замка и насильственно исправить то, что сотворил Джейехерис. Что до Белых Плащей, поклявшихся защищать короля ценой своей жизни, то лорд Робар, как он заявил на совете, охотно бы предоставил им эту честь. На слова лорда Талли, что король может попросту закрыть перед ним ворота, Баратеон ответил: «И пусть, я возьму замок штурмом». Лишь королеве Алиссе удалось отговорить его от такого безумства. «У моих детей есть драконы, любимый, – мягко сказала она, – а у нас нет».

Королева-регентша не меньше мужа желала бы расторгнуть необдуманный брак, опасаясь, что весть о нем вновь поднимет Веру против короны. Септон Маттеус раздувал ее опасения; сей благочестивый муж, не боясь больше, что ему зашьют рот, говорил лишь о том, как «все добрые люди» восстанут против незаконной свадьбы короля и принцессы.

Примирение могло бы еще состояться, если бы Джейехерис и Алисанна приехали в столицу отпраздновать Новый год. Королева Алисса неустанно молилась об этом, говоря совету, что дети скоро опомнятся и повинятся – но этого не случилось.

Прошло две недели, а там и месяц. Когда король так и не прибыл ко двору, королева-мать объявила, что снова отправится на Драконию Камень, одна, и попросит детей вернуться. Лорд Робар ей это решительно запретил. «Твой мальчишка, если ты приползешь к нему на коленях, слушать тебя не станет. Он поставил свои желания выше благополучия Вестероса, и этому нельзя потакать. Ты хочешь, чтобы он кончил так, как его отец?» Королева покорилась воле мужа и никуда не поехала.

«Королева, несомненно, желала поступить правильно, – писал много лет спустя септон Барт. – Беда лишь в том, что она не всегда знала, что правильно, а что нет. Ей, как и ее первому мужу королю Эйенису, хотелось

прежде всего, чтобы ее любили, обожали и восхваляли – но правитель должен иногда совершать деяния, которые, как он знает, вызовут недовольство и возмущение, и вот на них-то не доставало решимости у королевы Алиссы».

Дни шли, складываясь в недели, и сердца по обе стороны Черноводного залива все больше ожесточались. Молодая пара оставалась на Драконьем Камне в ожидании дня, когда Джейехерис сможет взять власть в свои руки, зрелая чета думала о том, как их разлучить и отвратить тем грядущие бедствия. Алисса и лорд Робар обсуждали случившееся только с советом, а бывшие с ними солдаты и рыцари молчали, боясь потерять язык. Если вовремя отменить брачную церемонию, сохранив ее в тайне, то никто в Вестеросе и знать ничего не будет – так рассуждал десница. Все еще возможно, пока брак не скреплен на ложе.

Надежды эти, как мы знаем теперь, были тщетными, но в 50 году Робар Баратеон думал именно так. Ободряло его, безусловно, и молчание самого короля: Джейехерис, сыграв свою свадьбу без промедления, объявлять о ней не спешил, хотя имел к тому средства. На острове еще со времен королевы Висеньи служил мейстер Калипер, вполне бодрый в свои восемьдесят годов, и ему помогали два молодых мастера. Драконий Камень располагал достаточным количеством воронов; по слову короля они оповестили бы о свадьбе все королевство, но король этого слова не произнес.

Ученые по сей день спорят о причинах его молчания. Не раскаялся ли он в своем поспешном решении, как надеялась королева Алисса? Не обидела ли его чем-нибудь Алисанна? Не убоился ли он последствий, вспомнив о судьбе Эйгона и Рейены? Не поколебали ли его волю мрачные пророчества септона Маттеуса? Или он попросту, как всякий пятнадцатилетний юнец, сначала сделал, а потом уж задумался, как быть дальше?

В пользу всех этих версий приводилось немало доводов, но в свете того, что нам известно о Джейехерисе Первом сейчас, они мало правдоподобны. Ни в молодости, ни в старости сей король никогда не поступал необдуманно. Автору этих строк представляется ясным, что Джейехерис ни на миг не раскаялся в своем браке и не намеревался расторгнуть его. Он избрал свою королеву по велению сердца и хотел известить о том королевство в нужное время – не мальчиком, женившимся вопреки желанию матери, но полноправным правителем.

Отсутствие короля в Красном Замке не прошло незамеченным. Не успел остыть пепел новогоднего костра, как жители Королевской Гавани

начали перешептываться. Чтобы пресечь слухи, королева Алисса распространила весть, что его величество предаётся отдыху и размышлениям на Драконьем Камне, в фамильном замке... но когда король так и не появился, этим озаботились лорды. Не болен ли он? Не взят ли под стражу по неизвестной причине? До тех пор король постоянно бывал в городе и беседовал с горожанами; внезапное его исчезновение волновало умы.

Алисанне возвращаться ко двору совсем не хотелось. «Здесь ты мой днем и ночью, – говорила она, – а в Красном Замке мне едва ли удастся урвать тебя хоть на час, ибо твоего внимания потребует вся страна». Драконий Камень был для нее идиллией. «Много лет спустя, состарившись и поседев, мы будем оглядываться на эти дни с улыбкой, вспоминая, как счастливы были здесь».

Джейехерис, несомненно, отчасти разделял ее чувства, но у него были и другие причины не спешить в Красный Замок. Он в отличие от дяди своего Мейегора не впадал в безумную ярость, но гнев ему не был чужд; король не мог простить, что его не звали на совет лордов, где решалась его судьба и судьба сестры. Джейехерис был по-прежнему благодарен Робару Баратеону за помощь при восшествии на престол, но ни за что не позволил бы ему помыкать собой. «У меня был один отец, второй мне не нужен», – говорил он мейстеру Калиперу. Цня достоинства своего десницы, король хорошо видел и его недостатки, ставшие особенно явными перед Золотой Свадьбой, когда Джейехерис принимал своих лордов, а лорд Робар охотился, бражничал и лишал невинности юных дев.

На предмет собственных недостатков король также не заблуждался и хотел искоренить их, прежде чем занять трон. Отца его Эйениса называли слабым большей частью из-за того, что тот не был воином в отличие от брата своего Мейегора, и Джейехерис решил, что никому не позволит усомниться в своей отваге и воинском мастерстве. На Драконьем Камне в его распоряжении был командир гарнизона сир Меррел Буллок с сыновьями сиром Алином и сиром Ховардом, был поседельный мастер над оружием сир Элиас Скелс; была, наконец, Королевская Гвардия, состоявшая из семи лучших в Вестеросе бойцов. Каждое утро он приказывал им нападать на себя свирепо и беспощадно, а сам отбивался мечом, копьем, топором и палицей. Учения велись на замковом дворе от восхода до полудня, и королева смотрела, как бьется ее король.

Тяжко ему давалась эта наука. Каждая схватка заканчивалась лишь тогда, когда Джейехериса объявляли убитым. Убивали его столь часто, что стражники на стенах завели привычку кричать «король умер» всякий раз,

как он падал, и «да здравствует король» всякий раз, как он поднимался. Противники его бились об заклад, кто сколько раз убьет короля; победителем, по слухам, вышел молодой Пейт-Кулик, от чьего копья Джейехерис никак не мог увернуться. К полудню король, к огорчению Алисанны, бывал весь в синяках и в крови, но под конец своего островного сидения стал таким добрым воином, что сам сир Элиас сказал ему так: «В Королевскую Гвардию, государь, вас не примут, но кабы дядя ваш Мейегор чудом восстал из могилы, я бы поставил на вас».

Как-то раз, когда королю особо сильно досталось, мейстер Калипер спросил его: «К чему ваше величество так изводит себя? У нас теперь мир». На это Джейехерис с улыбкой ответил: «Мир был и когда умер мой дед, но стоило взойти на трон моему отцу, враги повылезли отовсюду. Они хотели испытать его силу – захотят испытать и мою».

В этом король не ошибся, но к первому испытанию, коему он подвергся, никакие воинские учения не могли его подготовить, ибо доказывать ему пришлось не боевую доблесть, а любовь к юной своей королеве.

О детстве Алисанны нам мало что известно: о ней как о пятом ребенке женского пола в хрониках почти не писали, уделяя все внимание старшим детям, более близким к трону. Была она, насколько мы знаем, умненькой, но ничем особо не выделялась; маленькой и хрупкой, однако никогда не болела; послушной, учливой, с приятным голосом и милой улыбкой. На радость родителям, она не выказывала застенчивости, отличавшей ее старшую сестру в детстве, и никогда не грешила упрямством, как племянница ее Эйерея.

Ее как принцессу с ранних лет окружали прислужницы и компаньонки всякого рода. Сначала, конечно, была кормилица, ибо королева Алисса, как и большинство знатных дам, сама своих детей не выкармливала. Потом мейстер должен был учить ее счету, чтению и письму, а септа – наставлять в правилах благочестия. Девушки простого звания обстирывали ее и выносили за нею судно, а с возрастом к ней приставили ровесниц из знатных домов, с которыми она играла, каталась верхом и шила.

Подруг выбирала не сама Алисанна, а ее матушка, и менялись они часто, чтобы принцесса к ним не слишком привязывалась. Старшая, Рейена, питала к своим компаньонкам слишком пылкие чувства; при дворе это находили не совсем подобающим, и королева не желала, чтобы Алисанна стала предметом таких же сплетен.

Всё переменилось, когда король Эйенис умер и трон захватил брат его Мейегор, вернувшийся из-за Узкого моря. Новый король племянников

недолюбливал и ни на грош им не доверял. Весь двор королевы Алиссы – рыцарей, фрейлин, слуг и мальчиков на побегушках – распустили, а Джейехериса с Алисанной отдали на воспитание двоюродной бабке, грозной королеве Висенье. Заложников во всем, кроме имени, их перевозили то на Дрифтмарк, то на Драконий Камень, то в Королевскую Гавань; но в 44 году Висенья скончалась, и Алисса, не упустив случая, бежала с Драконьего Камня с Джейехерисом, Алисанной и мечом Темная Сестра.

Достоверных сведений о жизни Алисанны после бегства не сохранилось. Она появляется в анналах лишь после смерти Мейегора Жестокого, когда ее мать и Робар Баратеон выступили на Королевскую Гавань, а Рейена, Алисанна и Джейехерис прилетели туда верхом на драконах.

У нее, конечно же, и в ту пору были подруги и служанки, но имена их, к сожалению, до нас не дошли. Известно лишь, что никто из них не сопровождал Алисанну при их с Джейехерисом побеге из Красного Замка; в покоях и на кухне Драконьего Камня служили только мужчины.

Это едва ли приличествовало принцессе, тем более королеве, и ее мать Алисса отправила на Драконий Камень тщательно подобранный штат служанок и фрейлин. Делалось это с тайной мыслью развести молодых. План, как уверяет великий мейстер Бенифер, принадлежал королеверегентше, но лорд Робар охотно с ним согласился, усмотрев случай использовать его в своих целях.

Септон, как мы уже знаем, на острове был, но при особе королевы должна была состоять и септа. Королева-мать прислала дочери сразу трех: суровую сестру Изабель и двух послушниц возраста Алисанны из благородных семей, Лиру и Эдит. Начальницей всех посланных на остров женщин Алисса поставила леди Люсинду Талли, известную всей стране праведницу, а с ней приехала младшая сестра Элла из дома Брумов, которую одно время прочили Джейехерису в жены. Дочерей лорда Селтигара, коих десница совсем недавно презрел за недостаток подбородков, грудей и мозгов, тоже включили в свиту. «Пусть от них хоть какая-то польза будет», – сказал будто бы их отцу лорд Робар. От Долины, штормовых земель и Простора также выбрали по девице: Дженнис из дома Темплтонов, Корианну из дома Уайлдов и Розамунду из дома Боллов.

Королева Алисса, безусловно, хотела, чтобы дочери прислуживали леди ее возраста и хорошего происхождения, но не в одном этом состоял ее замысел. Она надеялась, что три септы вкупе с набожными Люсиндой и Эллой внушат Алисанне, а быть может и Джейехерису, что брату спать с

сестрой грешно и постыдно. В «детях», как Алисса продолжала называть молодых короля с королевой, нет зла, они просто юны и упрямы; если наставить их на путь истинный, они раскаются и отрекутся от греховного своего сожителства – об этом по крайней мере молилась их мать.

Цели лорда Робара были не столь высокими. Не полагаясь на солдат гарнизона и королевских гвардейцев, он желал иметь собственные глаза и уши на острове. Леди Люсинде он дал наказ докладывать ему обо всем, наипаче же о том, не намерены ли король с королевой осуществить наконец свой брак – чему, особо указал он, надлежит помешать всеми средствами.

Быть может, он добивался не только этого.

Сейчас, как ни жаль, нам придется заглянуть в одну скверную книгу, вышедшую лет через сорок после описываемых событий. Ее и теперь можно найти в притонах (хозяйки коих умеют читать) и в библиотеках образованных нечестивцев, между тем как все сохранившиеся списки должно держать под замком подальше от взоров девиц, честных жен, детей и всех благочестивых людей.

Ходит она под разными заглавиями, как-то: «Грехи плоти», «Высокое и низкое», «История распутницы», «Пороки рода людского», но подзаголовок всегда один и тот же: «Назидание юным девам». Написана она будто бы благородной девицей, которая отдалась конюху своего лорда-отца, родила от него ребенка и прожила после долгую жизнь, полную всевозможных злоключений, грехов и пороков.

Если история эта правдива (во что порой с трудом верится), рассказчица побывала фрейлиной королевы, любовницей молодого рыцаря, лагерной потаскушкой на Спорных Землях, трактирной прислужницей в Мире, лицедейкой в Тироше, подругой предводительницы пиратов на островах Василиска, рабыней в Волантисе (где ее татуировали и вдели ей в нос кольцо), служанкой партийского колдуна и хозяйкой веселого дома в Лиссе, после чего уехала в Старомест и посвятила себя служению Вере. Дни свои она окончила в Звездной септе, где якобы и написала эту книгу в назидание молодым девушкам, дабы те не вступили на ее гибельный путь.

Непотребных ее походов мы касаться не станем: нас занимает лишь рассказ о юных ее годах, ибо предполагаемая сочинительница «Назидания юным девам» есть не кто иная, как Корианна из дома Уайлдов, посланная вместе с другими девицами в услужение маленькой королеве.

Мы не можем опираться на «Назидание» как на достоверный источник, даже если книгу в самом деле написала она (многие предполагают, что у этого сочинения несколько авторов, ибо стиль написания одних частей заметно отличается от других), но ранняя история

леди Корианны подтверждается записками мастера, служившего в Доме Дождя. Он пишет, что младшую дочь лорда Уайлда в тринадцать лет и верно лишил невинности конюх. Сама она описывает своего соблазнителя как «пригожего юношу», мастер же говорит, что это был рябой тридцатилетний мужик, наделенный мужским орудием «что у твоего жеребца».

Как бы то ни было, лорд узнал о содеянном. Конюха оскотили и послали на Стену, а леди Корианна, заточенная в своих покоях, родила сына. Мальчика отправили в Штормовой Предел, где его усыновили замковый стюард с женой, у которых своих детей не было.

Ребенок, по словам мастера, родился в 48 году. С леди Корианны теперь глаз не спускали, но вне стен усадьбы о ее позоре мало кто знал. Когда ворон принес ей вызов в Королевскую Гавань, леди-мать строгонастрого наказала дочери молчать о своем грехе: «В Красном Замке все думают, что ты девственница». Корианна отправилась в столицу с отцом и братом; они заночевали в гостинице на южном берегу Черноводной, откуда ходил паром, и оказалось, что там ее ожидает некий великий лорд.

С этого места всё еще больше запутывается: даже те, кто признаёт за «Назиданием» некоторую долю истины, спорят меж собой о том, кем же этот лорд был.

При многократном переписывании в книги вкрадывается немало ошибок и разночтений. Мастеров Цитадели учат копировать оригинал слово в слово, но светские писцы не столь ревностно относятся к своему ремеслу. Служители Веры, со своей стороны, часто перетолковывают по-своему то, что находят непристойным или кощунственным. «Назидание», непристойное от начала и до конца, мастера и септоны вряд ли копировали. Принимая во внимание, что списки этой книги исчисляются сотнями (хотя при Бейелоре Благословенном сожгли не меньше), то переписчиками ее скорей всего были септоны, лишенные сана за пьянство, воровство и разврат; школяры, так и не выковавшие себе цепь в Цитадели; наемные писцы из Вольных Городов и, наконец, скоморохи, худшие из всей шайки. Все они, не стесняемые мастерским уставом, склонны «украшать» текст, над которым трудятся.

В случае с «Назиданием» подобные «украшатели» старались добавить как можно больше сальных подробностей в любовные сцены. С годами одни добавления наслаивались на другие, и даже мастера Цитадели, как уже говорилось, не могут с уверенностью назвать первоначального заглавия книги. Одно из наиболее спорных мест – это имя человека, ожидавшего Корианну Уайлд в гостинице у переправы, ежели такая

встреча состоялась на самом деле. В копиях, озаглавленных «Грехи плоти» или «Высокое и низкое» (старейших и самых коротких), его называют сиром Борасом, вторым по старшинству из братьев Баратеонов, а в «Истории распутницы» или «Пороках рода людского» он превращается в самого лорда Робара.

Однако о том, что случилось дальше, всюду пишется одинаково. Отцу и брату лорд велел удалиться, а девице раздеться. «Он ощупал меня с головы до пят, – говорится в книге, – поворачивал так и этак, приказывал наклоняться и расставлять ноги». Лишь удовлетворившись осмотром, лорд объяснил, зачем ее вызывают в столицу. «Тебя отошлют на Драконий Камень служить королеве Алисанне, – сказал он, – на самом же деле ты должна будешь соблазнить короля Джейехериса. Король наверняка еще девственник, – продолжал лорд, – и влюблен в свою сестрицу без памяти, но Алисанна дитя, а ты женщина, которую любой мужчина желал бы иметь. Авось, его величество, отведав тебя, забудет о глупой своей женитьбе. Может, потом он оставит тебя при себе, как знать? О браке, конечно, речи нет, но у тебя будут слуги, драгоценности – всё, что ты пожелаешь. Та, что греет постель короля, ни в чем не нуждается. Если принцесса Алисанна застанет вас на ложе вдвоем, тем лучше. Она девушка гордая и с неверным супругом не останется ни на миг. Если ты забеременеешь снова, о тебе и ребенке хорошо позаботятся, а родители твои будут щедро вознаграждены за оказанные тобою услуги».

В «Истории распутницы» иногда прибавляется, что лорд Робар сам познал эту девушку и пробыл с нею всю ночь, но это скорее всего приписано позже чьим-то стастолюбивым пером.

Можно ли этому верить? Трудно дать определенный ответ теперь, когда всех участников тех событий давно нет в живых. В том, что касается свидания у переправы, нам приходится полагаться на слова самой Корианны; если кто-то из Баратеонов и вправду виделся с ней, то как знать, что он сказал ей на самом деле. Он мог просто дать ей указания касательно шпионства и доносительства, как всем другим девушкам.

Архимейстер Крей писал в последние годы короля Джейехериса, что встреча в гостинице – всего лишь неумелая клевета, выдуманная с целью очернить лорда Робара; он даже приписывал эту клевету самому сиру Борасу, который под старость лет рассорился со старшим братом. Мейстер Рибен, первейший в Цитадели знаток запрещенных и непристойных текстов, полагает со своей стороны, что эта сцена придумана для разжигания похоти блудниц и мужчин, которые ими пользуются. «В простонародье всегда найдутся охотники послушать, как великие лорды и

благородные рыцари бесчестят невинных дев, – пишет Рибен. – Сии истории позволяют им верить, что и высокородным мужам не чужды страсти низкого сословия».

Быть может, это и так, но кое-какие вещи, известные доподлинно, позволяют нам прийти к собственным выводам. Мы знаем, что младшая дочь лорда Моргана Уайлда лишилась невинности в юном возрасте и произвела на свет незаконного сына. Мы можем с уверенностью предположить, что лорд Робар Баратеон знал об этом; он был сюзереном Уайлда, и ребенка отдали на воспитание в собственный его замок. Мы знаем, что Корианна Уайлд вошла в число девушек, посланных на Драконий Камень; весьма необычный выбор, если она предназначалась лишь для услуг королеве, ведь в королевстве имелись десятки других благородных девиц, чья непорочность не вызывала сомнений.

Так отчего же выбрали Корианну? Не обладала ли она каким-то особым даром? Никто в ту пору об этом не поминал. Не было ли у ее родителей каких-то особых заслуг перед лордом Робаром или королевой Алиссой? Свидетельств этому нет. Сколько-нибудь правдоподобного объяснения, помимо той неприглядной правды, что описана в «Назидании юным девам», не существует: на остров ее послали не к Алисанне, а к Джейхерису.

Говорят, что много лет спустя кто-то при хмельном Эйгоне IV вспомнил эту историю. Король будто бы рассмеялся и сказал, что лорд Робар, имея он хоть каплю ума, должен был сделать такое же предложение всем девушкам, отправленным на Драконий Камень: ведь десница не мог знать, которая из них больше понравится Джейхерису. Недостойные эти слова укоренились в простонародье, но мы за отсутствием доказательств можем смело забыть о них.

В придворных хрониках сказано, что септа Изабель, леди Люсинда и их подопечные сели на торговую галею «Мудрая жена» на заре седьмого дня седьмого месяца 50 года и с утренним приливом отплыли к Драконьему Камню. Королева Алисса, отправив вперед ворона с известием об их приезде, тем не менее опасалась, что женщинам не откроют ворота. Страхи эти не оправдались: маленькая королева с двумя гвардейцами встретила их еще в гавани, каждую приветствовала улыбкой и всем вручила подарки.

Прежде чем рассказывать о том, что случилось дальше, вернемся ненадолго на Светлый остров, где жила с новым мужем и содержала новый двор Рейена Таргариен, «королева Запада».

Вспомним, что королева Алисса осталась не более довольна третьим замужеством дочери, чем женитьбой сына, хотя брак Рейены был куда

менее важен, – и была в этом не одинока, ибо Андроу Фармен, по чести сказать, казался странным избранником для дамы из рода драконов.

Второй сын (даже и не наследник) лорда, на девять лет моложе жены, он был красивым юношей с голубыми глазами и длинными льняными локонами. В отцовском замке его презрительно называли «наполовину девчонкой» за мягкость и учтивость манер. Оруженосцем он был никудышным, рыцарем так и не стал; отец и старший брат намного превосходили его в воинском мастерстве. Лорд-отец думал послать Андроу в Старомест, чтобы тот выучился на мастера, но домашний мастер Светлого Замка ему отсоветовал, сказав, что у мальчика для этого маловато ума, да и грамоту он едва знает. Когда Рейену спрашивали, отчего она выбрала себе столь неподходящего мужа, она отвечала так: «Он был добр ко мне».

Отец Андроу к ней тоже был добр: он приютил Рейену на Светлом острове после битвы у Божьего Ока, когда король Мейегор требовал ее выдачи, а Честные Бедняки клеймили ее как грешницу и кровосмесительницу. Говорили даже, будто она вышла за сына, чтобы вознаградить за помощь отца: лорд Фармен сам в свое время был вторым сыном без особых надежд на лордство и своего Андроу, несмотря на его недостатки, очень любил. Доля правды, возможно, в этом и есть, но мастер Смайл дал, как мы думаем, более верное объяснение. «Истинную любовь на Светлом острове, – писал он в Цитадель, – королева обрела не с Андроу, а с леди Элиссой, его сестрой».

У Элиссы Фармен, тремя годами старше брата, были такие же голубые глаза и льняные волосы, но в остальном никакого сходства меж ними не наблюдалось. Умная, острая на язык Элисса любила лошадей, собак, соколов, красиво пела, хорошо стреляла из лука, но больше всего любила ходить под парусом. «Скакун наш – ветер» – гласит девиз Фарменов, бороздящих западные моря с Рассветных Веков, и Элисса служила живым его воплощением. В детстве она больше времени проводила на море, чем на суше: отцовские матросы смеялись, глядя, как она лазит по вантам наподобие обезьянки. В четырнадцать лет она уже плавала вокруг родного острова на собственной лодке, в двадцать – путешествовала на север к Медвежьему острову и на юг к Бору. Порой, к ужасу лорда-отца и леди-матери, она высказывала желание отправиться далеко на запад и посмотреть, какие чудеса таятся по ту сторону Закатного моря.

Дважды, в двенадцать и шестнадцать лет, леди Элисса была помолвлена, но женихов своих, как признавал с грустью ее отец, отпугнула. В Рейене она нашла родственную душу, и они вместе со старинными

подругами королевы Самантой Стокворт и Алейной Ройс скоро сделались неразлучны. Сир Франклин, старший сын лорда Марка, прозвал их тесный кружок четырехглавым чудищем. Андроу Фармен время от времени допускался туда, но не столь часто, чтобы счесть его пятой головой. То, что Рейена никогда не катала его на драконе в отличие от своих подруг говорит о многом (возможно, впрочем, что Андроу, не будучи любителем приключений, отклонял ее приглашения сам).

Было бы ошибкой представлять жизнь Рейены на Светлом острове как идиллию. Ее пребывание здесь устраивало не всех. Честные Бедняки даже на этом далеком острове выражали свое недовольство тем, что лорд Марк, как прежде его отец, привечает у себя «врагов Веры». Непросто было и с Огненной Мечтой. Если одни жители острова гордились тем, что у них есть «свой дракон», других это тревожило: дракон рос, и корму ему требовалось все больше. Когда же стало известно, что Огненная Мечта отложила яйца, некий нищенствующий брат стал пророчествовать, что скоро на Светлом острове выведутся драконы, которые начнут пожирать «и скот, и людей». Лорд Фармен послал рыцарей схватить его, но пророчество уже разошлось по округе, и слова умершего в темнице проповедника продолжали жить, наполняя страхом невежественные умы.

Даже в стенах Светлого Замка у Рейены имелись враги, и первым среди них был наследник лорда, сир Франклин. Он пролил свою кровь у Божьего Ока, сражаясь за Эйегона Некоронованного, а дед его и дядя погибли там, и молодому рыцарю выпало везти домой их тела. Сир Франклин полагал, что Рейена недостаточно раскаивается в том, что причинила дому Фарменов столько горя, а дружба ее с Элиссой возмущала его еще более. Королеве, по его мнению, следовало бы не поощрять сестрины выходки, а побудить ту исполнить свой долг, найдя себе подходящего мужа. Не одобрял он и того, что «четыреглавое чудище» сделалось средоточием всей жизни в замке, в то время как он и его лорд-отец в число избранных не вошли. В этом он нисколько не заблуждался. На остров, как пишет мейстер Смайк, приезжали многие лорды западных земель, искавшие аудиенции у королевы и ее окружения, а отнюдь не у мелкого лордика с его сыном.

Королеву и ее подруг это, впрочем, ничуть не заботило, пока всем распоряжался лорд Марк. Он по доброте сердечной любил всех своих детей – и своевольную дочь и никчемного сына, – а Рейена была ему дорога тем, что тоже любила их. Время шло, и Рейене с Андроу оставалось меньше двух недель до первой годовщины свадьбы, как вдруг лорд Марк, подавившись рыбьей костью, скончался у себя за столом в возрасте сорока

шести лет, и лордом Светлого Замка стал сир Франклин.

Назавтра после похорон он, не теряя времени, призвал Рейену в свой великий чертог и приказал ей немедленно покинуть остров. «Вам здесь больше не рады, – заявил он. – Забирайте своего дракона, своих друзей и моего брата – он ведь, чего доброго, штаны намочит, если вы его не возьмете. Но знайте, что сестра моя останется здесь и будет выдана замуж по моему выбору».

Лорд Франклин, по словам мастера Смайка, при всей своей отваге умом не блистал и не понимал, что в тот миг был как никогда близок к смерти. «Глаза ее вспыхнули, – пишет мастер, – и мне померещилось, будто пламя охватило весь замок. Я видел, как чернеют и рушатся в море его белые башни, а в небе все кружит и кружит дракон».

Гордая дочь драконов под негостеприимным кровом не задержалась и в ту же ночь улетела в Бобровый Утес, велев мужу и подругам отплыть следом на корабле «со всеми, кто меня любит». Андроу, красный от гнева, хотел было вызвать брата на поединок, но жена быстро отговорила его. «Он изрубит тебя на куски, любимый, – сказала она, – а меня как трижды вдову сочтут ведьмой и прогонят из Вестероса». Лорд Лиман Ланнистер, напомнила Рейена, уже давал ей приют – она уверена, что он и на сей раз ей не откажет.

Андроу, Саманта и Алейна со свитой из более чем сорока человек собрались в путь на следующее утро. С ними была и леди Элисса, которая не намеревалась оставаться на острове. Корабль ее, «Девичья причуда», стоял готовый к отплытию, но в гавани они увидели лорда Франклина, сказавшего им: «Вам всем попутного ветра, но сестру я не отпущу».

С ним, однако, было всего полдюжины стражников, и он не принял в расчет, как любят его сестру рыбаки, моряки, корабельные мастера и другие прибрежные жители, многие из коих знали ее с самого детства. Когда леди Элисса плюнула в брата и потребовала, чтобы тот убрался с дороги, вокруг нее собралась не на шутку разгневанная толпа. Лорд попытался схватить сестру, но людей его обезоружили, не дав обнажить клинки, и побросали в воду, а самого лорда Франклина швырнули в трюм «Причуды», груженный треской свежего улова. Элисса и все остальные взошли на борт беспрепятственно, и корабль отплыл в Ланниспорт.

Лиман Ланнистер, лорд Бобрового Утеса, приютил у себя Эйегона с Рейеной, когда Мейегор хотел лишить их свободы и самой жизни. Его внебрачный сын сир Тайлер Хилл сражался вместе с Эйегоном у Божьего Ока. Жена его, суровая леди Йокаста из дома Тарбеков, подружилась с Рейеной и первая догадалась, что та ждет дитя. Как предвидела королева,

они и на сей раз оказали радушный прием ей и ее двору. В честь гостей был устроен роскошный пир; Огненной Мечте отвели целую конюшню, а «четырёхглавому чудищу» и Андроу Фармену – покои в недрах Утеса, где они могли чувствовать себя в полной безопасности. Там они пробыли больше месяца, пользуясь гостеприимством богатейшего из вестеросских домов.

Со временем, однако, это гостеприимство начало тяготить Рейену. Она догадывалась, что все предоставленные им слуги – шпионы, докладывающие обо всем лорду и леди Ланнистерам. Одна из замковых септ спрашивала Саманту Стокворт, осуществлен ли брак Андроу и Рейены на деле и кто при этом присутствовал, если да. Сир Тайлер Хилл открыто презирал Андроу и старался подольститься к Рейене: повествовал о своих подвигах у Божьего Ока и показывал шрамы, полученные на службе «вашему Эйегону». Сам лорд Лиман проникся неподобающим интересом к трем драконьим яйцам, привезенным королевой со Светлого острова, и расспрашивал, когда же из них вылупятся детеныши. Леди Йокаста намекала, что одно-два яйца стали бы достойной благодарностью Ланнистерам за всё, что их дом сделал для королевы; видя, что это ни к чему не приводит, лорд Лиман предложил за яйца баснословную сумму в золоте.

Рейене понемногу открывалось, что доброта их небескорыстна, что лорд хочет заключить союз с Железным Троном, выдав ее замуж за своего законного сына или бастарда; таким образом Ланнистеры, потеснив Хайтауэров, Баратеонов и Веларионов, стали бы вторым домом Вестероса. Кроме того, он желал получить драконов: имея собственных наездников, он во всем бы сравнился с Таргариенами. «Раньше они были королями, – говорила Рейена Самми Стокворт. – Лорд улыбается, но он взращен на сказаниях об Огненном Поле и ничего не простил нам». Рейена хорошо знала как историю Вестероса, так и историю своей родины, Древней Валирии, писанную кровью и пламенем. «Больше здесь нельзя оставаться», – сказала она подругам.

Оставим ее на время и вновь обратимся на восток, к Королевской Гавани и Драконьему Камню.

Королевский брак был хоть и важной, но далеко не единственной заботой королевы Алиссы и лорда Робара. Деньги, вернее недостаток таковых, докучали им всего более. Войны Мейегора опустошили казну; его мастер над монетой ради пополнения сундуков увеличивал существующие налоги и вводил новые, но мало преуспел в этом и лишь усилил ненависть лордов к жестокому королю. Немногим лучше обстояло дело и в годы

регентства. Коронация Джейехериса и свадьба его матери помогли завоевать сердца и лордов, и простого народа, но заплатить за них пришлось немалую цену. В будущем тоже предвиделись большие расходы: лорд Робар вознамерился достроить Драконье Логово, прежде чем вручить Джейехерису город и государство.

Эдвелл Селтигар, лорд Коготь-острова, был плохим десницей при Мейегоре и оказался столь же плохим мастером над монетой при королеверегентше. Не желая обременять других лордов, он придумал новые подати для горожан Королевской Гавани, благо те были под рукой. Портовые сборы увеличились втрое, некоторые товары облагались пошлиной как при ввозе, так и при вывозе; с содержателей гостиниц и строительных подрядчиков также стали взимать больше прежнего.

Все эти меры, вместо того чтобы пополнить казну, привели к застою. Строительные работы остановились, гостиницы опустели. Пострадала и торговля, поскольку купцы теперь вели свои корабли в Дрифтмарк, Синий Дол, Девиный Пруд и другие порты, где пошлины были меньше. (В Ланниспорте и Староместе лорд Селтигар тоже ввел свои новшества, но там дело обстояло менее скверно: Ланнистеры и Хайтауэры собирали лишнюю мзду спуская рукава.) Мастер над монетой добился лишь того, что столица прониклась к нему дружной ненавистью, доля которой перепала королеве Алиссе и лорду Робару. Драконье Логово продолжало стоять непокрытым – достраивать его было не на что.

На севере и на юге тоже собирались грозные тучи. Дорнийцы, видя, что дела удерживают лорда Баратеона в столице, осмелели и стали чаще вторгаться не только на Марки, но даже на штормовые земли. Пошли слухи, что в Красных горах появился новый Король-Стервятник, а братья Робара Борас и Гарон заявляли, что у них нет ни людей, ни средств для борьбы с ним.

С Севера долетали вести похуже южных. На Стене, в фортах Серебряный Иней и Соболий, вспыхнул бунт. Брандон Старк, лорд Винтерфелла, умер еще в прошлом году, вскоре после возвращения с Золотой Свадьбы; северяне говорили, что как раз путешествие и доконало его. Новый лорд, его сын Уолтон, собрал войско и выступил к Стене на подмогу верным братьям Дозора.

Все бунтовщики были прежде Честными Бедняками и Сынами Воина, помилованными королем Джейехерисом, а возглавили их сир Оливер Бракен и сир Реймунд Маллери, перебежавшие к Джейехерису из гвардии Мейегора. Когда лорд-командующий неосмотрительно доверил им отстроить два заброшенных форта, рыцари решили превратить их в свои

замки и сесть там лордами.

Продлилось это недолго: на каждого примкнувшего к мятежу приходилось десять, сохранивших верность своим обетам. Как только подошел лорд Уолтон со своими людьми, Серебряный Иней отбили, а бунтовщиков перевешали (самого сира Оливера лорд Старк обезглавил своим прославленным мечом по имени Лед). Узнав об этом, мятежники из Собольего бежали за Стену в надежде объединиться с одичалыми. Лорд Уолтон, погнавшись за ними, два дня спустя был осажден великанами. Двух он, согласно летописи, убил, но другие стащили его с коня и растерзали на части – в таком виде и привезли его уцелевшие воины в Черный Замок.

Сир Реймунд со своими дезертирами союзников за Стеной на нашел: ворон, даже если они бунтовщики, вольный народ не любит. Полгода спустя голову Маллери доставили в Восточный Дозор. На вопрос, где остальные мятежники, вождь одичалых со смехом ответил: «Да съели мы их».

Лордом Винтерфелла теперь стал Аларик, второй сын Брандона. Владыка рачительный, хотя и суровый, он правил Севером целых двадцать три года. Долгая его нелюбовь к королю Джейехерису была хорошо известна: он винил юношу, помиловавшего бывших своих врагов, в гибели брата и говорил, что король должен был не посылать гвардейцев Мейегора в Дозор, а казнить их сам.

Джейехерис и Алисанна ничего об этом не ведали, но в добровольном своем изгнании жили не праздно. Утром король продолжал свои воинские занятия с гвардейцами и другими рыцарями, вечером читал о временах деда своего Эйгона Завоевателя, желая править страной по его образцу. В ученых трудах ему помогали три мастера и сама королева.

С прошествием времени на Драконий Камень стали все чаще приезжать посетители. Первым явился лорд Масси из Плясунов; за ним вскорости последовали лорды Стаунтон из Грачевника, Дарклин из Синего Дола, Бар-Эммон с Острого Мыса. Следом потянулись Харт, Роллингфорд, Моутон, Стокворт. Молодой лорд Росби, чей отец лишил себя жизни после смерти короля Мейегора, униженно молил о прощении, которое Джейехерис охотно ему даровал. Лорд-адмирал Дейемон Веларион неотлучно пребывал в Королевской Гавани, но Джейехерис и Алисанна сами слетали на Дрифтмарк, где осмотрели его верфи с сыновьями лорда Корвином, Йоргеном и Виктором. Лорд Робар, услышав о визитах лордов, пришел в ярость и даже спросил адмирала, нельзя ли вывести флот в залив, чтобы помешать «льстивым прихвостням» шастать на остров. «Нет», –

коротко ответил Веларион, и десница усмотрел в этом еще один неуважительный выпад.

Новые фрейлины и служанки Алисанны тем временем обжились на Драконьем Камне, и стало ясно, что надеждам королевы-матери на то, что сии «мудрые жены» убедят дочь в незаконности и нечестии ее брака, не суждено сбыться. Ни молитвы, ни проповеди, ни чтения Семиконечной Звезды не могли поколебать Алисанну, убежденную, что боги предназначили ее быть женой брата, матерью его детей, советницей его и помощницей. «Он будет великим королем, – говорила она септе Изабели, леди Люсинде и девушкам, – а я великой королевой». Но во всем остальном она была столь доброй и ласковой, что даже праведные жены не дерзали ее осудить и все больше склонялись на ее сторону.

Не лучше выполнялся и хитроумный план лорда Робара. В зрелые годы королю с королевой, как известно, случалось ссориться и сходиться вновь, но в ту первую пору ни одно облачко не омрачало их небосклона; в этом нас заверяют и септон Освик, и мейстер Калипер.

Мы не знаем, потерпела ли Корианна неудачу, пытаясь уложить короля в постель, или же не пыталась вовсе. Быть может, вся история со встречей в гостинице была выдумкой? На то, что об этом пишется в книге, полагаться нельзя: нам предлагают с полдюжины басен, одна другой непристойнее.

Беспутной кокетке, конечно, обидно признаться, что король не поддался ей или что она так и не нашла случая его соблазнить. «История распутницы» убеждает нас в том, что Корианна переспала не только с королем, но и со всеми семью рыцарями его гвардии. Король, насытившись ею, будто бы передал ее Пейту, а тот – сирю Джоффри, и так далее. «Высокое и низкое» потчует нас другой сказкой: король-де не только возлег с Корианной, но и Алисанну позвал порезвиться с ними, как это заведено в лиссенийских публичных домах.

Немного правдоподобнее рассказано об этом в «Грехах плоти». Корианне удалось соблазнить Джейехериса, но он был неловок и тороплив, как многие юноши, впервые познающие женщину. Корианна, которая успела полюбить Алисанну «как родную сестру» и питала теплые чувства к самому Джейехерису, не пожелала разрушить их брак и даже помогла сохранить его, обучив короля любовной науке, дабы он не посрамил себя в первую ночь с молодой женой.

Возможно, это такая же выдумка, как все остальные, но доброе начало в ней побуждает некоторых ученых думать, что так все и было на самом деле. Вот что, однако, известно нам о леди Корианне не из ее собственных сочинений, а из правдивой летописи: на пятнадцатый день восьмого месяца

50 года она под покровом ночи покинула Драконий Камень вместе с сиром Ховардом Буллоком, младшим сыном гарнизонного командира. Сир Ховард покинул также свою жену, забрав немалую часть ее драгоценностей. Рыбачья лодка увезла их на Дрифтмарк, где они сели на корабль и уплыли в Пентос. Оттуда судьба привела их в Спорные Земли; там сир Ховард записался в вольный отряд, называемый, за недостатком воображения, Вольным Отрядом. Три года спустя в Мире он погиб – не в бою, а упав с лошади после ночной попойки. Одинокая, без гроша за душой, Корианна вновь ступила на путь приключений, и больше нам нет нужды говорить о ней.

Узнав, что Корианна сбежала с чужим мужем и чужими драгоценностями, лорд Робар понял, что план его провалился с не меньшим треском, чем план королевы Алиссы. Ни святость, ни похоть не смогли разорвать узы между Джейехерисом и его Алисанной.

Хуже того: слух о женитьбе короля понемногу распространялся. Слишком много свидетелей видели стычку у ворот Драконьего Камня, а лорды, приезжавшие на остров позднее, не могли не заметить близости между Алисанной и королем. Робар Баратеон, сколько ни грозился, что вырежет болтунам языки, со слухами бороться не мог. Они ползли по стране и проникли даже за Узкое море, где Корианне Уайлд было что порассказать пентошским магистрам и наемным мечам.

«Теперь уж ничего не поделаешь, да помогут нам Семеро, – сказала королева-регентша лордам совета. – Придется нам жить с этим и всеми силами защищать молодых от того, что может случиться в будущем». Мейегор Жестокий лишил ее двух сыновей, старшая дочь от нее отдалилась – она не могла смириться с мыслью, что потеряет еще и младших детей.

Но лорд Робар так легко не сдавался, и слова жены привели его в бешенство. Не стесняясь великого мейстера Бенифера, септона Маттеуса, лорда Велариона и остальных, он обрушился на нее с презрительной речью: «Ты слаба, как твой первый муж, слаба, как твой сын. Нежности простительны матери, но не регенту и уж конечно не королю. Мы поступили глупо, короновав Джейехериса. Он думает только о себе и стал бы еще худшим королем, чем его отец. Хвала богам, время у нас есть: мы должны низложить его».

В чертоге совета сделалось тихо. Королева, взглянув на Робара с ужасом, разрыдалась, и лишь тогда советники обрели дар речи. «В своем ли вы уме?» – спросил лорд Веларион. «Мои люди никогда не пойдут на это», – заявил командующий городской стражей сир Корбрей. Мастер над

законом Талли, переглянувшись с великим мастером, задал деснице вопрос: «Не сами ли вы хотите сесть на Железный Трон?»

«Нет, – твердо ответил Баратеон. – По-вашему, я узурпатор? Я хочу Семи Королевствам только добра, да и Джейехерису мы ничего худого не сделаем. Пошлем его в Старомест: он книжник, мастерская цепь подойдет ему в самый раз».

«Кто же тогда займет трон?» – спросил лорд Селтигар.

«Принцесса Эйерея, – не задумываясь ответил лорд Робар. – В ней есть огонь, которого недостает Джейехерису. Она еще юна, но я как десница буду опекать ее и научу всему, что должна знать правительница. У нее и прав больше: ее родители были старшими детьми короля Эйениса, а Джейехерис всего лишь четвертый по счету. – Он стукнул кулаком по столу (все это мы знаем из записок великого мастера) и добавил: – Мать, королева Рейена, бесспорно поддержит дочь, а у нее есть дракон!»

«Мы молчали, – пишет далее Бенифер, – хотя на устах у всех трепетало: “У Джейехериса и Алисанны они тоже есть”. Кварл Корбрей, сражавшийся у Божьего Ока, своими глазами видел, как страшна битва двух драконов, а перед прочими вставали картины Древней Валирии, где владыки драконов вели войны между собой».

В этот миг королева Алисса сквозь слезы произнесла: «Регент здесь я. Пока мой сын не достиг совершеннолетия, вы все, в том числе и десница, повинуетесь мне. – Вслед за сим она, по словам Бенифера, посмотрела на своего лорда-мужа, и глаза ее стали черными, как осколки обсидиана. – Ваша служба мне более не угодна, лорд Робар. Вернитесь в Штормовой Предел, и мы забудем о ваших изменнических речах».

«Не думай, что можешь сместить меня, женщина», – рассмеялся лорд Робар.

Тут сир Корбрей, поднявшись с места, обнажил валирийский меч Покинутая, гордость своего дома. «Она может», – сказал он и положил меч на стол острием к лорду Робару. Лишь тогда, пишет Бенифер, Баратеон понял, что зашел слишком далеко и восстановил против себя всех присутствующих.

Десница, не сказав больше ни слова, швырнул королеве золотую брошь, знак своего сана, и вышел вон. В ту же ночь он с братом Оррином переправился через Черноводную и ждал шесть дней, пока другой брат, Роннал, собирал рыцарей и латников для перехода к родному замку.

Легенда гласит, что остановился лорд Робар в той самой гостинице, где он или его брат Борас встречался с Корианной Уайлд. Братья Баратеоны выступили в Штормовой Предел с наполовину меньшим числом людей,

чем два года назад, когда они шли свергать Мейегора. Остальные предпочли соблазны большого города мокрым лесам, зеленым холмам и крытым мхом хижинам штормовых земель. «Я ни разу не терял столько людей в бою, сколько потерял в столичных пивных и харчевнях», – с горечью молвил лорд Робар.

Потерял он также и Эйерею. В ночь его отставки сир Роннал Баратеон с дюжиной человек проник в покои принцессы, чтобы увезти ее с собой в Штормовой Предел, но королева Алисса опередила их, и служанки не знали, куда подевалась девочка. Лишь позже стало известно, что из замка ее увел сир Корбрей по приказу регентши. Эйерею одели в лохмотья, серебристые с золотом волосы выкрасили в тускло-каштановый цвет, и весь остаток регентства она проработала на конюшне у Королевских ворот. Восьмилетняя принцесса любила лошадей и после говорила, что счастливее времени у нее в жизни не было.

Королева же Алисса, как ни печально, была глубоко несчастна. Если лорд Робар и любил ее прежде, отставка засушила эту любовь на корню, и брак их превратился в руины, где бродили призраки прошлого. «Алисса Веларион пережила мужа, двух старших сыновей, умершую в младенчестве дочь, пережила ужасные годы Мейегора Жестокого и утрату дружбы с другими детьми, но эта последняя потеря надломила ее», – напишет о ней в будущем септон Барт.

Сходным образом писал и Бенифер, ее современник. После ухода лорда Робара Алисса назначила десницей своего брата Дейемона Велариона. Отправив на Драконий Камень ворона с письмом, где она извещала сына о происшедшем (однако не полностью), королева удалилась в свои покои в крепости Мейегора. До конца своего регентства она предоставляла Дейемону править страной и при дворе не показывалась.

Хотелось бы сказать, что лорд Робар, вернувшись к себе домой, раскаялся и повинился в своих ошибках – но он, к несчастью, был не таков. Горечь поражения жгла его словно желчь. Он любил говорить, что топора в бою не опустит, покуда в нем теплится жизнь; вознамерившись выиграть и эту войну, он совершил последнее из своих безумных деяний.

В женскую обитель при Звездной септе Староместа явился внезапно сир Оррин Баратеон с десятком людей. Предъявленное им письмо с печатью лорда Робара предписывало немедля вручить ему послушницу Рейеллу Таргариен; на словах сир Оррин добавил, что лорду Робару-де она неотложно требуется. Уловка, возможно, и удалась бы, но септа Каролина, исполнявшая в тот день обязанности привратницы, обладала стальной волей и подозрительным складом ума. Послав будто бы за девочкой, она

известила верховного септона. Его святейшество почивал (к счастью, возможно, как для девочки, так и для всего государства), но стюард его, бывший капитан Сынов Воина, не дремал.

Вместо испуганного ребенка люди Баратеона увидели перед собой тридцать вооруженных септонов во главе со стюардом Каспером Строу. Сир Оррин выхватил меч, но сдался, услышав от Строу, что сюда идут сорок рыцарей лорда Хайтауэра (что, как выяснилось потом, было ложью). На допросе сир Оррин показал, что лорд Робар в Штормовом Пределе хотел добиться от Рейеллы признания, что на самом деле ее зовут Эйереей, и провозгласить ее королевой.

Верховный септон, человек мягкий и слабовольный, исповедал Оррина и отпустил ему грех, но это не помешало лорду Хайтауэру бросить Баратеона в темницу и уведомить обо всем как Красный Замок, так и Драконий Камень. Лорд Доннел, справедливо прозванный Медлительным за нежелание сразиться с ордами септона Муна, отчего-то не побоялся прогневать Штормовой Предел, заключив в тюрьму брата самого лорда Робара. «Пусть-ка попробует освободить братца, – сказал он своему мастеру, озабоченному положением дел. – Собственная жена ему яйца оттяпала, а король скоро оттяпает голову».

Робар Баратеон пришел в ярость, узнав, что брат потерпел неудачу и взят под стражу... но знамена, чего опасались многие, не стал созывать. «Мне конец, – мрачно сказал он мастеру Штормового Предела. – Если боги будут милостивы, меня ждет Стена, если нет, мальчишка отрубит мне голову и преподнесет ее своей матери». Будучи бездетным, он велел мастеру написать свое завещание. В сей грамоте Робар ручался, что братья его Борас, Гарон и Роннал не были посвящены в заговор, просил милости для младшего брата Оррина и назначал сира Бораса наследником Штормового Предела. «Всё, что я совершил, было сделано для блага Вестероса и Железного Трона», – говорилось в конце завещания.

Решения своей судьбы лорд дожидался недолго. Срок регентства уже истекал, королева-регентша устранилась от дел, новый же десница Дейемон Веларион, по словам Бенифера, «говорил мало, а делал и того меньше».

В двадцатый день девятого месяца 50 года Джейехерису Таргариену сравнялось шестнадцать лет. По законам Вестероса он теперь считался взрослым мужчиной и в регенте более не нуждался. И народ, и знать по всей стране ждали, каким королем он себя покажет.

Время испытаний

Джейехерис Первый прилетел в Королевскую Гавань один. Пятеро рыцарей его гвардии приехали тремя днями ранее, чтобы приготовить всё к прибытию короля. Королева Алисанна ввиду своего непрочного статуса и размолвки с королевой-регентшей оставалась пока на Драконьем Камне еще с двумя гвардейцами и своими дамами.

День, как пишет великий мейстер Бенифер, выдался не самый благоприятный. Моросил дождь, и члены совета ожидали короля во внутреннем дворе, закутавшись в плащи с капюшонами. Рыцари, оруженосцы, конюхи, прачки и прочие обитатели замка занимались своими делами, то и дело поглядывая на небо. Когда послышался наконец шум крыльев и часовые на восточной стене различили вдали бронзовую чешую Вермитора, громкое «ура» покатилося из замка по холму Эйгона, прогремело по всему городу и вышло далеко за его пределы.

Король не сразу сел в Красном Замке. Он облетел город трижды, постепенно снижаясь, так что все мужчины, женщины и босоногие ребятишки могли ему помахать. Лишь после этого он опустил наземь перед крепостью Мейегора, где ждали его лорды совета.

«Он сильно переменялся с тех пор, как я последний раз его видел, — пишет Бенифер. — Юнец, улетевший на Драконий Камень, исчез бесследно: перед нами стоял взрослый муж. Он вырос на несколько дюймов, мышцы на его груди и руках окрепли. Волосы падали на плечи, щеки и подбородок покрывал золотистый пушок. Одет он был в кожу с потеками соли, что приличествовало скорее выезду на охоту, и защитой ему служил один лишь колет с заклепками. Но на поясе у него висел дедов клинок Черное Пламя, меч королей, который и в ножнах ни с чем нельзя было спутать. Нет ли здесь предостережения, с трепетом думал я, глядя, как дракон пускает дым из ноздрей. После смерти Мейегора я сбежал в Пентос, боясь преследований; дурак же ты был, что вернулся, говорил я себе».

Но молодой король развеял страхи великого мейстера. Грациозно соскользнув с Вермитора, он улыбнулся (словно солнышко просияло сквозь тучи, по словам лорда Талли). Лорды склонились или преклонили колена, по всему городу зазвонили колокола. Джейехерис заткнул за пояс перчатки и произнес: «Ну что ж... за работу, милорды!»

Лишь одна особа не присутствовала при встрече: королева Алисса. Пришлось Джейехерису самому идти в крепость Мейегора, где она

затворилась. Никто не знает, как они встретились впервые после своего столкновения на Драконьем Камне, но говорят, что лицо королевы, вышедшей из внутренней крепости об руку с сыном, покраснело и распухло от слез. Вдовствующая королева, больше уже не регентша, пришла в тот вечер на пир и стала бывать при дворе, но на заседаниях совета больше не появлялась. «Ее величество, – пишет Бенифер, – продолжала исполнять свой долг перед сыном и государством, но радость жизни угасла в ней».

Прежде всего король преобразовал свой совет, оставив одних и сменив других, плохо справлявшихся со своими обязанностями. Деймон Веларион остался десницей, а сир Корбрей – командиром городской стражи. Лорд Талли получил благодарность за службу и вместе с супругой леди Люсиндой отправился домой в Риверран. Вместо него король назначил мастером над законом лорда Альбина Масси из Плясунов, который одним из первых посетил его на Драконьем Камне. Три года назад, когда Масси выковывал мейстерскую цепь в Цитадели, лихорадка унесла его старших братьев и лорда-отца. Из-за больного позвоночника бывший школяр прихрамывал, но хромота, как он сам часто говаривал, не мешала ему читать и писать. Лордом-адмиралом король сделал лорда Манфрида Редвина из Бора. Тот приехал ко двору с юными сыновьями-оруженосцами Робертом, Рикардом и Раэмом, и адмиральский пост впервые занял не Веларион, а кто-то другой.

Вся Королевская Гавань возрадовалась, услышав, что мастера над монетой Эдвелла Селтигара король тоже сместил. Джейехерис говорил с ним милостиво и сказал, что две его дочери, наперсницы Алисанны, «истинное сокровище». Они останутся при королеве и дальше, но сам лорд немедля вернется на Коготь-остров, а введенные им подати будут отменены (случилось это на третий день по прибытии короля в Красный Замок).

Однако найти замену лорду Эдвеллу оказалось не так легко. Советники предлагали Лимана Ланнистера, богатейшего лорда Семи Королевств, но король это предложение отклонил, сказав: «Не знаю, чем нам поможет лорд Лиман, – разве что откроет золотую жилу под Красным Замком». К родственникам Доннела Хайтауэра Джейехерис присматривался несколько дольше, ибо богатство Староместа проистекает из торговли, а не из подземных недр, но верность Доннела Медлительного внушала ему сомнения. В конце концов король принял смелое решение и взял человека из-за Узкого моря.

Это был Рего Драз – не лорд, не рыцарь, и даже не магистр, а простой купец и меняла. Поднявшись из низов, он стал богаче всех в Пентосе, но в

магистерский совет из-за незнатного происхождения не попал. В пику землякам Драз с радостью согласился на предложение короля и перебрался в Вестерос с семьей и всем своим состоянием. Король, чтобы уравнять его с другими членами совета, пожаловал ему титул лорда. Поскольку к титулу не прилагались ни земли, ни замок, ни поселяне, придворный остряк прозвал Дразу «лордом воздуха», но пентошиец лишь посмеялся: «Вот введу налог на воздух и стану истинным лордом».

Джейехерис уволил также септона Маттеуса, столь яростно ратовавшего против кровосмесительных браков. «Вера не одобрит короля, желающего править без помощи одного из ее слугителей», – с вызовом заявил тот. «В слугителях Веры у нас недостатка нет, – не замедлил с ответом король. – Септон Освик и септа Изабель остаются с нами, а молодой человек из Хайгардена по имени Барт займется нашей библиотекой». Маттеус сказал на это, что Освик давно выжил из ума, у Изабели, как у женщины, ума отродясь не бывало, а Барта он знать не знает. «Как и многого другого», – ответил король. Лорд Масси тоже не преминул пошутить: Маттеус-де весил столько, что на замену королю понадобились целых три священнослужителя.

Маттеус, которого ни один конь бы не выдержал, отбыл в Старомест в золоченом возке, сопровождаемый шестью стражниками и дюжиной слуг. При переправе через Мандер у Горького Моста он, по преданию, встретился с септоном Бартом, ехавшим на осле.

Реформы короля коснулись не только совета. Он заменил ключаря, всех дворцовых стюардов, портового начальника (со временем своих мест лишились также портовые начальники Староместа, Девичьего Пруда и Синего Дола), начальника монетного двора, палача, мастеров над оружием, над псарней, над конями и, наконец, крысоловов. Темницы под Красным Замком король приказал очистить, а всех узников вывести на воздух, помыть и рассмотреть их дела повторно. Джейехерис подозревал, что многие из них были заточены еще во времена его дяди; в этом он, увы, не ошибался, но сии несчастные за проведенные во тьме годы утратили разум и не подлежали освобождению.

Произведя все эти замены, Джейехерис велел великому мейстеру послать ворона в Штормовой Предел и вызвать лорда Робара Баратеона обратно в столицу.

Королевское письмо привело лорда и его братьев в смятение. Сир Борас, почитавшийся самым вспыльчивым из них, на сей раз сохранил спокойствие и сказал: «Если поедешь, не сносить тебе головы. Отправляйся лучше на Стену, Дозор тебя примет». Гарон и Роннал советовали не

подчиняться и отсидеться в неприступном Пределе. «Если мальчишке нужна твоя голова, пусть придет и возьмет ее сам», – говорили они. «В неприступном? – засмеялся на это лорд Робар. – Неприступным называли и Харренхолл. Нет уж, поеду к Джейехерису и дам ему объяснения. Черное надеть я успею всегда, в этом он мне не откажет». Наутро он выехал в Королевскую Гавань всего с шестью рыцарями, которых знал с детства.

Король принял его на Железном Троне, с короной на голове. Тут же присутствовали члены совета, а по бокам от трона стояли сир Джоффри Доггет и сир Лоренс Рокстон в белых плащах и белой броне; больше никого в тронном зале не было, и шаги лорда Робара порождали гулкое эхо. «Король хорошо знал, как горд его милость Баратеон, – пишет Бенифер, – и не стал созывать весь двор, щадя его самолюбие».

Сам гордец себя не щадил: он преклонил колено, понурил голову и сложил свой меч к подножию трона.

«Я пришел на зов вашего величества. Поступайте со мной, как вам будет угодно, молю лишь о милости для братьев своих. Все, что я делал, было сделано...»

«...для блага государства, как вы его понимали, – прервал его Джейехерис. – Я знаю, что вы делали, и что говорили, и какие строили планы. Верю, что моей особе и моей королеве вы не желали зла. Мейстер из меня вышел бы отменный, в этом вы правы, но король, надеюсь, выйдет и того лучше. Люди говорят, что мы с вами теперь враги, но я бы назвал нас друзьями, которым случилось поссориться. Когда моя мать пришла к вам просить убежища, вы приняли нас, рискнув очень многим. Вы могли бы заковать меня в цепи и выдать моему дяде, но вы вручили мне свой меч и создали свои знамена. Я этого не забыл».

«Слова – это ветер, – продолжал король. – Вы говорили об измене, дорогой друг, но не совершили ее. Вы хотели расторгнуть мой брак, но не сумели этого сделать. Вы хотели посадить на трон Эйерею, но сейчас на нем сижу я. Вы послали своего брата за Рейеллой – хотели, должно быть, на воспитание ее взять, ведь своих детей у вас нет. За неразумные слова в отличие от изменнических дел не наказывают. Если вы в самом деле хотите ехать на Стену, не стану задерживать: Дозор нуждается в сильных людях, но гораздо охотнее я бы оставил вас здесь. Все знают, что без вас я не взойшел бы на этот трон. Вы и теперь мне нужны – мне и Вестеросу. Когда великий Дракон умер и корону возложил на себя мой отец, его со всех сторон окружили самозванные короли и мятежные лорды. То же может случиться и со мной: враги захотят испытать мою силу, мою волю, мою решимость. Моя мать полагает, что все верующие восстанут против меня,

когда станет известно о моем браке. Мне нужны верные люди, *воины*, готовые сразиться и умереть за меня и за мою королеву. Согласны ли вы стать таким человеком?»

Лорд Робар, как громом пораженный, поднял глаза и вымолвил:

«Да, государь».

«В таком случае я прощаю вам все провинности, но взамен поставлю пару условий. Прежде всего, вы не скажете больше ни слова против моей королевы. С этого дня вы станете самым ярым ее защитником и никому другому не позволите говорить о ней дурно. Далее, я не потерплю никакого неуважения к моей матери. Она вернется в Штормовой Предел вместе с вами; вы вновь станете ее мужем и будете вести себя с нею учтиво и обходительно. Согласны ли вы на это?»

«От всего сердца. Могу ли я спросить, как поступят с Оррином?»

Король, помолчав, ответил: «Я прикажу лорду Хайтауэру освободить сира Оррина и всех, кто с ним был, но безнаказанными их не могу оставить. Чтобы не отправлять их на Стену пожизненно, я назначаю им изгнание сроком на десять лет. В их воле продать свои мечи на Спорных Землях или попытаться торговой удачи в Кварте; если через десять лет они будут живы и новых преступлений не совершат, то смогут вернуться. Теперь мы обо всем договорились, милорд?»

«Да, ваше величество... вы справедливы как нельзя более», – сказал Баратеон и спросил, должен ли он прислать королю заложников: у трех его братьев имелись малые дети.

Вместо ответа Джейехерис сошел с Железного Трона и поманил за собой лорда Робара. Они вышли во внутренний двор, где королевский дракон пожирал заколотого утром быка. Вермитор отрывал огромные куски мяса от дымящейся туши – драконы сжигают свою добычу, прежде чем приняться за еду, – но остановился, когда к нему подошел король, и вскинул на хозяина глазища, похожие на два озера расплавленной бронзы.

«Он растет с каждым днем, – сказал Джейехерис, почесывая чудовищу шею. – Оставьте ваших племянников при себе, лорд Робар. На что мне заложники? Довольно и вашего слова». Бенифер, однако, разгадал истинный смысл его слов. «Пока у меня есть он, все жители штормовых земель, от мала до велика, остаются моими заложниками». Так сказал король, и лорд Робар его услышал.

Вечером в честь примирения короля с его бывшим десницей устроили пир. Лорд Баратеон сидел рядом с королевой Алиссой в знак воссоединения с ней и пил за здоровье королевы Алисанны, клянясь в любви и верности ей перед всеми придворными. Четыре дня спустя

супруги уехали в Штормовой Предел; через Королевский лес их проводил сир Пейт-Кулик с сотней латников.

Сир Оррин Баратеон больше в Вестерос не вернулся. Он отправился со своими людьми в вольный город Тирош, где поступил на службу к архону и год спустя женился на его дочери (той самой девице, которую лорд Робар сватал Джейехерису, чтобы скрепить союз Железного Трона с Вольными Городами). Жена, пышная красавица с сине-зелеными волосами, скоро подарила сиру Оррину дочь (возможно, отцом был и не он, ибо женщины Вольных Городов не славятся супружеской верностью). Когда архонский срок его тестя истек, сир Оррин лишился должности и переехал из Тироша в Мир, где поступил в отряд Воинов Девы, имевший дурную репутацию даже среди наемников. Вскоре он погиб на Спорных Землях в стычке с Доблестными; о судьбе его жены и дочери мы ничего не знаем.

Среди множества трудностей, с коими столкнулся король Джейехерис, особенно тревожными представлялись две: пустая казна вкупе с растущим долгом и его «тайный» брак. Последний, становящийся с каждым днем все менее тайным, напоминал горшок с диким огнем, подогреваемый в очаге и готовый вот-вот взорваться. Оба эти вопроса требовали скорейшего разрешения.

Казну наполнил золотом Рего Драз, новый мастер над монетой, взявший в Браавосском Железном банке и у его соперников в Мире и Тироше не одну, а сразу три крупных ссуды. Противопоставляя один банк другому, Лорд Воздуха выговорил себе самые выгодные из возможных условий. Это позволило достроить Драконье Логово, и работа на холме Рейенис опять закипела.

При этом лорд Рего и его король хорошо понимали, что ссуды – мера вынужденная и временная: кровь она остановила, но рану залечить не могла. Казну следовало пополнять постоянно. Придуманные лордом Селтигаром налоги король отверг, не желая доить хозяев гостиниц и увеличивать пошлины. Требовать золота у своих лордов по примеру Мейегора он тоже не захотел: такого рода требования побуждают лордов к восстанию, а подавление мятежа, по словам короля, обходится очень дорого. Пусть лорды платят, но по своей воле: он обложит налогом любимые ими товары из-за Узкого и Дорнского морей. Они будут платить за шелк, атлас, парчу, драгоценные камни; за мирийское кружево и мирийские гобелены; за дорнские (но не борские) вина и дорнских коней; за филигранную броню и золоченые шлемы из Тироша, Лисса и Пентоса. Перец, гвоздика, корица, мускатный орех и другие пряности из-за Яшмовых Врат и раньше ценились дороже золота, а теперь станут еще

дороже. «Будем взимать налог со всего, что обогатило меня», – шутил лорд Рего.

«Никто не сможет пожаловаться на то, что эти налоги его задушили, – объяснил своему малому совету король. – Откажись от перца, от шелка, от жемчуга – и ни гроша не будешь платить, да только лорды ни от чего не откажутся. Как иначе выставить напоказ свое богатство и свою мощь? Постонут, посетуют, а платить будут».

Шелком и перцем дело не ограничилось: король издал указ о каменных стенах. Каждый лорд, желающий выстроить себе новый замок или расширить старый, должен будет отсчитать казне солидную сумму. «Этот налог послужит двоякой цели, – разъяснил Джейехерис великому мастеру. – Чем выше и крепче замок, тем больше его лорда подмывает восстать против своего короля. Казалось бы, пример Черного Харрена должен был научить их чему-то, но лорды плохо знают историю. Теперь у многих охота строиться пропадет; если же кому невтерпёж, так пусть из своей казны возьмет, а в мою положит».

Уладив на время финансовые дела, король приступил к решению другого первоочередного вопроса и наконец-то послал за своей королевой. Алисанна, чуть не месяц прожившая в разлуке с любимым, вылетела немедленно, а двор ее отплыл следом на корабле. Теперь даже слепые нищие с Блошиного Конца знали, что они с Джейехерисом муж и жена, но еще месяц, пока готовилась их вторая свадьба, супруги ради приличия спали врозь.

Король, при всей любви своих подданных к пышным празднествам, не собирался тратить скудные средства короны на еще одну Золотую Свадьбу. На бракосочетании его матери с лордом Робаром присутствовали сорок тысяч гостей, на его собственном повторном обряде – лишь одна тысяча. Мужем и женой на сей раз их объявил септон Барт перед Железным Троном.

Королева-мать и ее муж с братьями Гароном и Ронналом приехали на церемонию из Штормового Предела, но больше всего толков вызвали не они: свадьбу почтила своим присутствием королева Запада. Она прилетела на Огненной Мечте поздравить младших сестру и брата и навестить дочь.

По всему городу зазвонили колокола, и тучи воронов помчались во все концы Вестероса возвестить о «счастливом событии». Вторая свадьба короля отличалась от первой коренным образом, ибо за ней последовала брачная ночь. Королева Алисанна годы спустя призналась, что на этом настояла она: ей не терпелось наконец расстаться с невинностью и наскучило отвечать на вопросы, «вправду ли» она замужем. Мужчины во

главе с ревушим во хмелю лордом Робаром раздели королеву и отнесли на брачное ложе в крепости Мейегора, а Дженнис Темплтон, Розамунда Болл, Прюденс и Прюнелла Селтигар в числе других дам проводили к ней короля. Теперь брак Джейехериса Таргариена и сестры его Алисанны был скреплен согласно закону, перед глазами богов и людей.

Итак, тайна перестала быть тайной. Король и его двор ждали, как отзовется на это страна. Джейехерис видел несколько причин в том, что брак его покойного брата Эйегона встретил столь сильный отпор. Их дядя Мейегор, взяв себе в 39 году вторую жену наперекор верховному септону и своему брату Эйенису, расшатал хрупкое согласие между Железным Троном и Звездной септой, и Вера усмотрела в свадьбе Эйегона и Рейены новое оскорбление для себя. Грозный ордонанс верховного септона зажег искру, а Мечи и Звезды принялись раздувать ее вкуче с особо благочестивыми лордами, которые богов боялись больше, чем своего короля. Принца Эйегона с принцессой Рейеной народ знал плохо, и путешествие по стране они начали без драконов (в основном потому, что Эйегон на драконе тогда еще не летал); это сделало их беззащитными перед толпами, обступившими их в речных землях.

Джейехерису и Алисанне эти опасности не грозили. Звездная септа, они знали, не станет их проклинать; если многие Праведные до сих пор смотрели косо на браки между близкими родственниками, то «верховный прихлебатель» был человек осторожный и спящих драконов будить отнюдь не желал. Мечи и Звезды были распущены и объявлены вне закона, хотя бывшие Честные Бедняки, две тысячи коих служили в черных плащах на Стене, могли еще натворить бед, если бы захотели. Что до путешествия, то молодые король с королевой решили непременно его совершить. Они познакомятся со страной, узнают о нуждах народа из первых уст, встретятся с лордами в их собственных замках... но драконы будут при них неотлучно.

По всем этим резонам Джейехерис верил, что подданные отнесутся к его браку как должно, однако на случай все же не полагался. «Слова – это ветер, – сказал он лордам-советникам, – но ветер может раздуть пожар. Отец и дядя боролись со словами огнем и сталью, мы же ответим на них другими словами и загасим пожар до того, как он разгорится». Верный этой мысли, король выслал вперед не рыцарей с латниками, а глашатаев. «Говорите всем встречным и поперечным о доброте Алисанны, о ласковом ее нраве, о любви ее ко всем своим людям, великим и малым», – напутствовал их Джейехерис.

Глашатаев было семеро, трое мужчин и четыре женщины. Оружие им

заменяли ум, язык и отвага. Об их подвиге сложили легенды, обросшие со временем новыми подробностями, как это водится у легенд. Раньше народ знал из этих семерых лишь одну, королеву Элинон, нашедшую Мейегора мертвым на троне. В королевских одеждах, которые сильно поизносились в пути, Элинон из дома Костейнов шла по Простору, рассказывая о злых деяниях прежнего короля и о доброте его молодых преемников. Позже она, отказавшись от всех привилегий знатного происхождения, стала матерью Элинон, настоятельницей материнского дома в Ланниспорте.

Имена шести других сделали со временем не менее знаменитыми. Три септона прославились как хитроумный Балдрик, ученый Ролло и неистовый старый Альфин, который давно обезножил и передвигался в носилках. Септу Изабель переманила на свою сторону Алисанна. Маленькая септа Виоланта была целительницей и творила, как говорят, чудеса. Из Долины пришла мать Марис, воспитавшая несколько поколений девочек-сирот в островной обители близ Чаячьего города.

Семь Глашатаев, странствуя повсюду, говорили о благочестии королевы, о ее щедрости, о великой ее любви к брату и мужу своему, королю. Для септонов, лордов и рыцарей, думающих иначе и приводящих им отрывки из Семиконечной Звезды, у Глашатаев имелся наготове ответ, которым снабдил их сам король Джейехерис при содействии септонов Освика и особенно Барта. Позже и Цитадель, и Звездная септа назвали этот постулат доктриной особости.

Суть сей доктрины проста. Вера в Семерых зародилась в холмах Андалоса и пересекла Узкое море вместе с андалами. По законам Семерых брат не может иметь плотских сношений с сестрой, отец с дочерью, а мать с сыном; плоды таких сношений суть выродки, отвратительные богам. Всё это так, признавали Глашатаи, но с одной оговоркой: *к Таргариенам эти законы неприменимы*. Корни Таргариенов уходят не в Андалос, а в Древнюю Валирию, где существовали иные обычаи. Стоит лишь взглянуть на них, чтобы понять, как отличны они от всех прочих жителей Вестероса. Об этом говорят их глаза, их волосы и то, *что они способны летать на драконах*. Только их дому оставлена эта сила после того, как Рок обрушился на Валирию.

«Нас всех создал один бог, – вещал Альфин с носилок, – и андалов, и валирийцев, и Первых Людей... но сотворил он всех разными. Возьмем льва и зубра, тоже созданных им. Оба эти зверя благородны, но наделены разными качествами. Лев не может жить как зубр, а зубр – как лев. Для тебя, сир, было бы смертным грехом переспать с сестрой, но в нас с тобой не течет кровь дракона. Они поступают так, как поступали всегда, и мы не

вправе судить их».

Легенда гласит, будто в одной деревушке здоровенный межевой рыцарь, бывший Честный Бедняк, спросил Балдрика: «Ну а мне ты позволишь с сестрицей лечь?» «Попробуй сперва сесть на дракона, сир, – ответил ему хитроумный септон. – Если получится, я сам поженю вас с сестрой».

Здесь налицо противоречие, с которым сталкивается каждый историк. Оглядываясь на то, что случилось в прошлом, мы можем сказать: это произошло потому-то и потому-то. Рассматривая же то, чего *не* случилось, мы можем только предполагать. Мы знаем, что в 50 и 51 годах восстания против Джейехериса с Алисанной не было в отличие от девятилетней давности восстания против Эйегона с Рейеной. Почему же оно не вспыхнуло? На это с уверенностью ответить нельзя. Молчание верховного септона, разумеется, сделало свое дело, а от войны устали равно лорды и простолюдины... но если слова, ветер они или нет, имеют какую-то силу, то Семь Глашатаев тоже внесли свой вклад.

Итак, король был счастлив со своей королевой, а королевство не оспаривало их брак, но Джейехерис не ошибался, предвидя впереди испытания. Переустроив свой малый совет, помилив лорда Робара с королевой Алиссой и успешно введя налоги на роскошь, он столкнулся с новой загвоздкой в лице старшей сестры Рейены.

Покинув Бобровый Утес, она совершала своего рода королевский объезд. Вместе со своим странствующим двором Рейена посетила Марбрандов в Эшмарке, Рейнов в Кастамере, Леффордов в Золотом Зубе, Венсов в Отдыхе Странника и Пайперов в Розовой Деве. Всюду ее ожидало одно и то же. «Поначалу они все радушны, – говорила Рейена брату, приехав к нему на свадьбу, – но длится это недолго. Хозяева сетуют на то, что наше пребывание обходится им слишком дорого, но больше всего их волнует Огненная Мечта. Одни боятся ее, другие, что еще хуже, желают заполучить. Дракона я не отдам никому, но куда мне податься?»

«Сюда. Вернись ко двору», – предложил Джейехерис.

«Вернуться и стать твоей приживалкой? Мне нужен собственный дом, откуда ни один лорд не сможет меня прогнать, где никто не причинит зла моим приближенным. Мне нужны земли, люди и замок».

«Хорошо. Мы найдем тебе земли и выстроим замок».

«Свободных земель не найти во всем Вестеросе, но на один замок у меня, братец, прав побольше, чем у тебя. Я, как и ты, происхожу от крови дракона. Отдай мне поместье наших предков, где я родилась и выросла. Отдай мне Драконию Камень».

Король не нашелся с ответом и обещал подумать. Весь совет высказался против передачи вдовствующей королеве родового поместья Таргариенов, но лучшего выбора никто не смог предложить.

Поразмыслив, его величество сказал сестре так: «Я жалую тебе Драконий Камень, ибо для женщины с кровью дракона более подходящего места нет. Это, однако, не значит, что ты занимаешь его по праву. Наш дед спаял семь королевств воедино кровью и пламенем; я не позволю тебе отколоться и завести свое королевство. Тебя называют королевой лишь из учтивости, я же полноправный король, и права мои простираются от Стены до Староместа, включая Драконий Камень. Согласна ли ты с этим, сестра?»

«Твой железный стул такой шаткий, что ты заставляешь родных склоняться перед тобой? Что ж, будь по твоему. Отдай мне, кроме Драконьего Камня, еще кое-что, и больше я не стану тебя беспокоить».

«Чего же еще ты хочешь?»

«Эйерею. Верни мне дочь».

«Хорошо», – ответил король... быть может, слишком поспешно, ведь восьмилетняя Эйерея Таргариен была признанной наследницей Железного Трона. Последствия этого решения еще скажутся в будущем; тем не менее оно было принято, и королева Запада в одно мгновение сделалась королевой Востока.

Остаток года, отмечающего середину столетия, прошел без дальнейших тревог. Лорды малого совета немного опешили, когда их заседания стала посещать королева, но недоумением своим делились только друг с другом, а вскоре и совсем перестали, ибо нашли для себя полезными ум и начитанность молодой государыни.

Детство Алисанны до того, как ее дядя Мейегор захватил трон, было веселым и радостным. Мать, королева Алисса, приглашала ко двору музыкантов, бардов и лицедеев, состязавшихся в своем искусстве перед нею и королем. Борские вина рекой текли на пирах, в чертогах и во дворах звенел смех, придворные дамы щеголяли в жемчугах и алмазах. При Мейегоре двор стал мрачен, да и в пору регентства мало что изменилось. Королева Алисса не желала веселиться, скорбя о своих утратах, а лорд Робар, муж военного склада, заявлял, что лицедеи ничем не лучше обезьян. «И скачут, и визжат, и кривляются, а толку от них? Обезьяну, коль голод подопрет, хоть съесть можно».

С нежностью вспоминая счастливые, хотя и недолгие времена своего отца, Алисанна принялась украшать Красный Замок. Она накупила в Вольных Городах ковров и гобеленов, велела покрыть полы красивыми плитами, расставила статуи. Городская стража, прочесав по ее приказу

Блошиный Конец, отыскала Тома-Бренчалу, чьи песенки во время Войны за Белые плащи забавляли и короля, и народ. Алисанна сделала его придворным певцом, первым из многих, кто занимал потом эту должность. Из Староместа выписали арфиста, из Браавоса – труппу лицедеев, из Лисса – танцовщиц. Скоро в Красном Замке появился и первый шут, толстяк по прозвищу Жenuшка; он ходил в женском платье и не расставался со своими «детками», двумя деревянными куклами, которые отпускали такие словечки, что уши вяли.

Королю это нравилось, но больше всех порадовала его сама королева, сказав в конце года, что ждет дитя. 50 год завершился, как и начался, празднично.

Рождения, смерти, измены

Джейехерис показал себя самым непоседливым из всех королей, занимавших Железный Трон. Эйегон Завоеватель сказал в свое время, что простые люди должны иногда видеть своего короля и знать, что они всегда могут обратиться к нему с челобитной. «Вот пусть и увидят», – говорил Джейехерис, намечая свое первое королевское путешествие в 51 году. Оно положило начало многим другим; за свое долгое царствование король провел у лордов и поселян больше времени, чем в Красном Замке вкупе с Драконьим Камнем. Алисанна сопровождала короля очень часто, и ее серебристый дракон парил в небесах рядом с бронзовым Вермитором.

Эйегон Завоеватель брал с собой около тысячи рыцарей, латников, конюхов, поваров и слуг. Грандиозный сей поезд чинил немало трудностей лордам, которых удостаивал визитом король: легко ли прокормить такую ораву и напасть дичи для королевской охоты? Даже у богатейших хозяев винные погреба после отъезда короля бывали осушены, кладовые пусты, а половина служанок ходила с бастардами в животах.

Джейехерис постановил, что его будут сопровождать не больше ста человек: двадцать рыцарей, латники и прислуга. «На что окружать себя мечами, когда Вермитор есть», – сказал он. Кроме того, меньшая свита позволяла ему посещать меньших лордов, чьи замки попросту не вмещали кортеж Эйегона. Король собирался увидеть как можно больше мест и нигде не хотел задерживаться надолго, чтобы не стать нежеланным гостем.

Начал он с ближних земель, не желая утомлять Алисанну, которая носила их первенца. Посетив Росби и Стокворт, король с королевой проехали вдоль побережья на север, к Синему Долу. Пока Джейехерис осматривал верфи лорда Дарклина и выезжал на рыбную ловлю, Алисанна завела новый обычай, созвав к себе местных женщин и девушек, как знатных, так и простых; без мужчин они могли, не стесняясь, поделиться с молодой королевой своими страхами, заботами и надеждами.

Всё шло хорошо до самого Девичьего Пруда. Там королевская чета собиралась погостить две недели у лорда и леди Моутон, а после отплыть через Крабью бухту в Викенден, Чаячий город и Долину. Предание гласило, что у красивого пруда, который дал название городу, Флориан-дурак в Век Героев впервые увидел купающуюся Джонквиль. Алисанна, как тысячи женщин до нее, тоже пожелала искупаться в этом пруду, знаменитом своими целебными водами. Большую каменную купальню, выстроенную

когда-то на берегу, Моутоны отдали святым сестрам. Мужчины не допускались туда, и с королевой были только ее фрейлины, служанки, а также бывшие послушницы Эдит и Лира, успевшие принести обет и стать септами.

Добрые качества Алисанны, молчание Звездной септы и пламенные речи Семи Глашатаев привлекли многих верующих на сторону новобрачных, но закоренелое меньшинство оставалось при своем мнении. Были три таких женщины с ожесточившимися сердцами и среди сестер-смотрительниц пруда. Священные воды будут осквернены, говорили они меж собой, когда в них войдет женщина с «гнусным отродьем» во чреве. Как только королева разделась, они достали спрятанные под рясами кинжалы и накинудись на нее.

Оружием они, к счастью, владели плохо и к тому же не взяли в расчет отважных спутниц маленькой королевы. Девушки, нагие и безоружные, не колеблясь заслонили королеву собой. Септу Эдит полоснули по лицу, Прюденс Селтигар получила рану в плечо, а Розамунда Болл в живот и три дня спустя умерла, но Алисанны смертоносные ножи не коснулись. Сир Джоффри Доггет и сир Джайлс Морриген несли караул у купальни, не ведая об опасности; услышав крики и шум борьбы, они тут же бросились на подмогу.

Двух злодеек они убили на месте, третью оставили в живых для допроса. Она показала, что нападение готовили полдюжины септ, но лишь у трех хватило смелости осуществить замысел. Лорд Моутон повесил виновных, да и невинные могли поплатиться, не вступись за них королева.

Джейехерис, вне себя от ярости, отложил поездку в Долину и вернулся с Алисанной под безопасные своды крепости Мейегора. До разрешения от бремени королева никуда больше не выезжала, но пережитое потрясло ее и навело на невеселые мысли. «Мне нужна собственная защита, – сказала она королю. – Твои гвардейцы верны и доблестны, но они мужчины и не могут сопровождать меня всюду». Король согласился с ней и тут же послал ворона к лорду Моутону с просьбой отправить в Королевскую Гавань его побочную сестру Джонквиль Дарк, которая прославилась в борьбе за белые плащи как таинственный рыцарь по имени Алый Угорь. Она прибыла в столицу в том же алом наряде, охотно согласилась стать щитом королевы и вскоре стала известна как Алая Тень.

Как только молодые супруги вернулись в Королевскую Гавань, из Штормового Предела пришла нежданная весть: королева Алисса тоже носит дитя! Все думали, что она в свои сорок четыре давно вышла из детородного возраста, и смотрели на эту беременность как на чудо. Сам

верховный септон объявил это благословением богов, «даром, который Небесная Матерь ниспослала земной, перенесшей много страданий».

Новость, помимо радости, вызвала и немало волнений. Силы у Алиссы были уже не те; регентские заботы подкосили ее, а второй брак вопреки надеждам не принес счастья. Правда, теперь лорд Робар, не чаявший дожидаться потомства от немолодой жены, раскаялся в прежнем своем поведении и не отходил от нее. Сама Алисса тоже опасалась за исход родов, помня, что Вейелла, последняя ее дочь от Эйениса, умерла сразу после рождения. «Если это случится опять, мое сердце не выдержит», – говорила она мужу. Однако в свой срок она родила здорового мальчика, большого, красного, с густыми черными волосами, «кричавшего так, что от Дорна до Стены было слышно». Счастливый отец назвал сына Бормундом.

Боги равной мерой отпускают счастье и горе. Задолго до того, как пришло время Алиссы, дочь ее Алисанна тоже разрешилась от бремени сыном и назвала его Эйегоном в честь как Завоевателя, так и безвременно погибшего брата, Некоронованного Принца. Вся страна во главе с королем ликовала, но мальчик явился на свет раньше срока и умер три дня спустя. Алисанна так горевала, что мастера опасались и за ее жизнь. До конца своих дней она винила в смерти сына убийц, напавших на нее в Девичьем Пруд. Если бы ей позволили искупаться в целебных водах, принц Эйегон был бы жив, твердила она.

Не было счастья и на Драконьем Камне, где поселилась Рейена Таргариен со своим двором. Соседние лорды стали было наезжать к ней, как ранее к Джейхерису, но Рейена в отличие от брата встречала их холодно, а то и вовсе отказывалась принять.

Не ладилось у нее и с дочерью. Принцесса не помнила своей матери, а королева детей не любила и плохо знала свое дитя. Эйерее нравилось жить в Красном Замке среди лордов, леди и чужеземных послов. Там утром сходились рыцари в учебных боях, вечером выступали певцы и скоморохи, а за стенами шумел большой пестрый город. Там все наперебой искали ее внимания, все носились с ней как с наследницей престола – и лорды, и рыцари, и конюхи, и горничные, и прачки. Там возглавляемая ею стайка девчонок – как знатных, так и простых – наводила страх на весь замок.

На Драконьем Камне, куда против воли увезла ее мать, жилось скучно, тихо и сонно. Ни одной ее ровесницы в замке не было, с рыбацкими дочками ей водиться не разрешали. Мать, вечно погруженная в свои думы, держалась с ней то сурово, то скованно. Из всех женщин, окружавших Рейену, Эйерее полюбилась только Элисса Фармен, которая рассказывала ей о своих приключениях и обещала, что научит плавать под парусом.

Элиссе нравилось на Драконьем Камне не больше, чем самой Эйерее; она тосковала по западным морям и мечтала туда вернуться. «Возьми меня с собой», – просила девочка, но Элисса только смеялась на это.

Было, однако, на острове то, чего Королевской Гавани не хватало: драконы. С каждым месяцем их все больше выводилось под Драконьей горой. Все три яйца, что отложила Огненная Мечта на Светлом острове, здесь проклюнулись разом, и королева сказала принцессе: «Выбирай своего: когда-нибудь ты будешь летать на нем». Во дворах содержались драконы постарше, в пещерах на той стороне горы гнездились дикие, улетевшие в свое время из замка. К Вермитору и Среброкрылому в Красном Замке Эйерею не подпускали, здесь же она могла сколько ей угодно навещать и детенышей, и молодняк, и материнскую Огненную Мечту, и самых старых, Балериона с Вхагаром. За древностью лет они всё больше дремали, но бывали страшны, когда просыпались и расправляли крылья.

Драконы заменяли девочке всё, что она оставила в Королевской Гавани: лошадь, собак, подружек. Они стали ее единственными друзьями помимо Элиссы, и Эйерея считала дни до мгновения, когда сядет на кого-то из них и улетит далеко-далеко.

В 52 году король Джейехерис совершил наконец поездку в Долину Аррен. Остановившись в Чаячьем городе, Рунстоне, Редфорде, Длинном Луке, Доме Сердец и Воротах Луны, он сел на Вермитора и поднялся в Орлиное Гнездо на вершине Копья Гиганта, как королева Висенья во время Завоевания. Алисанна, все еще не оправившаяся после родов и снедаемая горем, сопровождала его только часть пути. В Чаячьем городе она обручила леди Прюдэнс Селтигар с лордом Графтоном и вновь созвала к себе женщин. Подобный же сход она устроила в Воротах Луны и узнала нечто такое, что впоследствии изменило законы Семи Королевств.

Часто употребляемое выражение «законы Алисанны» нельзя признать верным. Ее величество не имела власти принимать законы, издавать указы и выносить приговоры. Было бы ошибкой приравнивать ее к Рейенис и Висенье, королевам Завоевателя. Зато она имела огромное влияние на короля Джейехериса, и он к ней прислушивался; так случилось и после их возвращения из Долины.

Женщины пожаловались Алисанне на бесправное положение вдов. В мирное время мужчины нередко переживают жен: мужчины гибнут на полях битв, а женщины на родильной постели. Ничто не препятствует вдовцу жениться повторно, но если он сам умрет, дети от первого брака поступят с мачехой по своему усмотрению. В простых семьях ее могут

попросту выгнать из дома, в знатных же домах наследники отбирают у вдовы доходы и привилегии, превращая ее в жалкую приживалку.

Во избежание всего этого Джейехерис в 52 году принял «вдовый закон». Старший сын (а за неимением сына – старшая дочь) по-прежнему оставались наследниками, но вдове назначалось такое же содержание, каким она пользовалась при муже. Вдову лорда, будь она второй, третьей или какой угодно женой, запрещалось впредь изгонять из замка, лишать доходов, платья и слуг. Тот же закон, однако, запрещал главам семей лишать детей от предыдущего брака земель и доходов в пользу новой жены и ее детей.

Другой заботой короля в этом году стало городское благоустройство. Драконье Логово успешно достраивалось, и Джейехерис часто сам туда навещался, чтобы проследить за работами. При этом, проезжая с холма Эйгона на холм Рейенис, он невольно замечал, как неприглядна его столица. Королевская Гавань росла слишком быстро; лавки, хижины, крысиные ямы вылезали там и сям, как грибы после дождя. Из окошка на одной стороне узкой улочки можно было перелезть в окошко на другой стороне, переулки напоминали клубок пьяных змей. Всё это было завалено грязью, навозом и нечистотами.

«Жаль, что из этого города нельзя выгнать всех жителей, снести его и построить заново», – сетовал король на совете. Да и денег это потребовало бы громадных, поэтому Джейехерис сделал что мог. Улицы расширяли, выпрямляли, мостили, худшие из трущоб сносили. В центре города расчистили обширную площадь, засадили ее деревьями, обвели торговыми рядами. От нее расходились прямые, как копья, улицы: Королевская, Богов, Сестер и Речная, она же Грязная. Всё это делалось не в один день, а годами и даже десятилетиями, но начались работы в 52 году по приказу короля.

Строительство отяготило королевскую казну еще более, а мастера над монетой Рего Драз успели возненавидеть не меньше, чем его предшественника, хотя причины были другие. Его обвиняли в том, что он набивает королевским золотом собственный кошелек, на что Лорд Воздуха с презрением отвечал: «Зачем мне воровать у короля, когда я вдвое богаче». Обвиняли в безбожии и непоклонении Семерым. В Пентосе молятся многим богам, но лорд Рего держал дома лишь одного идола – беременную женщину с грудями как дыни и головою летучей мыши, – говоря: «Других богов мне не надобно». Обвиняли в нечистоте крови, чего Драз не мог отрицать: все пентошийцы частью андалы, частью валирийцы с примесью крови рабов и древних, давно забытых народов. Самую же лютую ненависть вызывало его богатство, коего он отнюдь не скрывал, щеголяя

шелковыми одеждами, рубиновыми кольцами и позолоченным паланкином.

Монетой он, как признавали даже его враги, управлял умело, но постройка Драконьего Логова и переустройство столицы оказались не по силам даже ему. Видя, что одними налогами на роскошь и каменные стены расходов не покроешь, Драз нехотя ввел новый сбор за вход в город и выход из него. За лошадей, ослов, мулов, волов взималась особая плата, а повозки обходились дороже всего. Пошлина эта, учитывая количество входящих и выходящих, обогатила казну, но учредившего ее пентошийца возненавидели вдесятеро сильнее.

Однако долгое лето, обильные урожаи, мир и процветание мешали недовольству прорваться, а под конец года королева Алисанна порадовала короля вестью о новой беременности. На сей раз, клялась она, ни один враг к ней и близко не подойдет. В это время король намечал очередную поездку; узнав о ребенке, он сказал, что останется подле жены, но она и слышать о том не хотела. «Поезжай», – сказала она, и сразу после Нового года Джейхерис отправился на Вермиторе в речные земли.

Для начала он погостил в Харренхолле у нового лорда, девятилетнего Мейегора Тауэrsa, оттуда двинулся в Риверран, Желуди, Атранту, Розовую Деву и Каменную Септу. По просьбе королевы с ним поехала леди Дженнис Темплтон, чтобы устроить женские сходы в Каменной Септе и Риверране. Сама Алисанна, оставшись дома, возглавляла совет и давала аудиенции, сидя на бархатной подушке у подножия Железного Трона.

В это время на другом берегу залива, близ Глотки, другая женщина произвела на свет мальчика, чьему имени суждено было прогреметь и в Вестеросе, и в иноземных краях. Старший сын Дейемона Велариона, впервые став отцом, нарек сына Корлисом в честь первого лорда-командующего Королевской Гвардией, но впоследствии тот стал известен как Морской Змей.

Вскоре подошел и срок королевы. В седьмом месяце 53 года она родила крепкую, здоровую девочку, которую назвала Дейенерис. Король, узнав об этом в Каменной Септе, тотчас же прилетел. Он надеялся на второго сына, который стал бы его наследником, но дочь полюбил, как только взял на руки. Радовалась и вся страна – за исключением Драконьего Камня.

Одиннадцатилетняя Эйерея Таргариен, дочь Эйегона Некоронованного и сестры его Рейены, считалась наследницей Железного Трона, сколько себя помнила (помимо тех трех дней, которые прожил новорожденный принц Эйегон). Пылкая, волевая, острая на язык Эйерея наслаждалась вниманием, которое оказывали ей по этой причине, и злилась на то, что

маленькая принцесса оттеснила ее от трона.

Ее мать королева Рейена, скорее всего разделявшая чувства дочери, не говорила об этом даже с ближайшими своими наперсницами. Рейене в ту пору хватало своих забот: между ней и любимой подругой Элиссой Фармен случилась размолвка. Элисса, которую старший брат лишил всяких средств, попросила у Рейены золота, чтобы построить на Дрифтмарке новый быстроходный корабль и уплыть в Закатное море. «Нет, – ответила королева, – я не вынесу разлуки с тобой». Но Элисса услышала только «нет».

Мы из своего далека ясно видим предвещавшие беду знаки, но тогда даже архимейстеры Цитадели, составлявшие гороскоп на будущий год, ни о чем не догадывались. Никто из них не думал, что год сей станет одним из самых темных в долгой жизни Джейехериса Первого; что он будет отмечен смертью, расколом и бедствиями; что и мастера, и простой народ назовут его Годом Неведомого.

Первая смерть случилась сразу после новогодних торжеств: скончался во сне септон Освик. Он был стар и некоторое время прихварывал, но его кончина омрачила весь двор. Он согласился поженить Джейехериса с Алисанной в то время, когда королева-регентша, десница и Вера были против этого брака. Король, не забывший этого, велел похоронить септона на Драконьем Камне, где тот долго и верно служил.

Пока Красный Замок пребывал в трауре, из Штормового Предела пришла новая весть, предвещавшая, казалось бы, радость: королева Алисса в свои сорок шесть снова ждала ребенка! «Еще одно чудо», – сказал великий мастер, вручая письмо королю. Септон Барт, принявший на себя обязанности покойного Освика, был настроен менее радужно. Королева еще не совсем оправилась после рождения сына, замечал он; вряд ли у нее хватит сил доносить до срока это дитя. Но Робар Баратеон, преисполненный надежд на второго сына, только отмахивался: жена-де родила уже семерых, а где семь, там и восемь.

На Драконьем Камне тем часом дела шли все хуже. Леди Элисса не могла больше выносить жизни на острове. «Море зовет меня, – сказала она Рейене, – мне пора уходить». Королева Востока, никогда не выказывавшая своих чувств открыто, выслушала ее с каменным лицом и ответила: «Я просила тебя остаться, но умолять не стану. Хочешь уйти – уходи». С принцессой Эйереей вышло иначе: когда Элисса пришла к ней прощаться, девочка с плачем обхватила ее ноги, моля, чтобы та и ее взяла. «Я тоже хочу плавать по морям в поисках приключений», – кричала она. Элисса, уронив скупую слезу, высвободилась и мягко сказала: «Нет, дитя, твое

место здесь».

Наутро леди Фармен отплыла сначала на Дрифтмарк, а после в Пентос. Оттуда она сушей отправилась в Браавос, к прославленным тамошним корабелям. Рейена и Эйерея об этом не знали; королева полагала, что конечной целью Элиссы был Дрифтмарк, но та имела вескую причину бежать от нее на другой конец Эссоса. Через две недели после отъезда Элиссы сир Меррел Буллок, все еще командовавший гарнизоном замка, притащил к королеве смотрителя драконьего двора и трех перепуганных грумов. Три драконьих яйца пропали, и найти их не удавалось. Допросив всех, кто имел к ним доступ, сир Меррел пришел к заключению, что их похитила леди Элисса.

Рейена не показала, как глубоко ранило ее предательство той, кого она так любила, но гнева своего не пыталась скрыть. Она велела сиру Меррелу допросить смотрителя и грумов еще раз, с пристрастием; он ничего от них не добился, и королева изгнала его с острова вместе с сыном его сиром Адамом и еще дюжиной человек, вызывавших у нее подозрения. Мало того: она приступила с вопросами к своему мужу Андроу, желая знать, не был ли тот сестриным соучастником. Их крики в пылу ссоры разносились по всему замку. Королева послала людей на Дрифтмарк; ей доложили, что Элисса уехала в Пентос. Королева послала в Пентос, но и там след давно простыл.

Тогда Рейена села на Огненную Мечту и полетела в Красный Замок рассказать брату о происшедшем. «Драконы Элиссе без надобности, – говорила она. – Ей нужно золото, чтобы построить корабль. Скоро она продаст эти яйца, на которые можно купить...»

«...целый флот, – завершил король. Он принимал сестру в горнице, и только великий мейстер Бенифер был свидетелем их беседы. – Если из этих яиц вылупятся детеныши, в мире появится еще один владыка драконов, помимо Таргариенов».

«Может, и не вылупятся, – сказал Бенифер. – Вне горячих пещер Драконьего Камня яйца могут просто окаменеть, такое уже случалось».

«Значит, у какого-нибудь пентошийского торговца пряностями появятся три очень дорогих камня, – произнес Джейхерис. – А трех драконьих детенышей в тайне тем паче не сохранишь: их владелец проболтается непременно. Нам нужны глаза и уши в Пентосе, Тироше, Мире и других Вольных Городах. Предложим награду за любую весть о драконах».

«Как ты поступишь, если что-то станет известно?» – спросила Рейена.

«Мы поступим как должно. Даже не думай умывать руки, сестрица. Ты

просила Драконий Камень, и я отдал его тебе, а ты привезла туда эту свою воровку».

Долгое правление Джейехериса Первого было большей частью мирным, а войны его короткими. Не следует, однако, сравнивать его с отцом, королем Эйенисом. Слабости и нерешительности в Джейехерисе не было и следа, что засвидетельствовали в тот день Бенифер и Рейена.

«Если драконы объявятся, будь это хоть в Йи Ти, – продолжал король, – мы потребуем их назад. Они украдены у нас, и мы имеем на них все права. Если наше требование будет отклонено, мы возьмем их сами. Будет возможность – вернем себе, а нет, так убьем. Против Вермитора и Огненной Мечты молодым драконам не выстоять».

«А что же Среброкрылый? – спросила Рейена. – Наша сестра...»

«Ее я опасности не подвергну».

«Понимаю, – улыбнулась королева Востока. – Она Рейенис, я Висенья. Так я всегда и думала».

«Ваше величество, – вставил великий мейстер, – война за Узким морем повлечет за собой большие издержки...»

«Ничего не поделаешь. Я не дам Валирии опять поднять голову. Представьте, что драконами завладеют триархи Волантиса... будем молиться, чтобы этого не случилось». На этом король закончил аудиенцию, наказав обоим молчать о пропаже: «Это должно остаться между нами тремя».

С этим, однако, он опоздал. На Драконьем Камне о краже знали все, даже рыбаки, которые, как известно, заходят на соседние острова. Бенифер через Рего Дразу, имевшего агентов в каждом порту, предложил «хорошие деньги дурным людишкам» (по словам того же мастера над монетой) за любую весть о драконьих яйцах, драконах или Элиссе Фармен. Сотни шпионов, осведомителей, придворных и куртизанок из-за Узкого моря представили донесения, многие из коих имели некоторую ценность для Железного Трона, но ни один слух о драконьих яйцах не подтвердился.

Леди Элисса явилась к браавосскому Морскому Начальнику, назвавшись Алис Вестхилл (имя предполагало, что она родилась вне брака). Начальник, известный собиратель редких зверей, купил драконьи яйца с большой охотой. Золото Элисса поместила в Железный банк, взяв часть на постройку корабля своей мечты «Летающий за солнцем».

В Вестеросе ничего об этом не знали, а у короля к тому времени появилась другая забота. Верховный септон, поднимаясь в свою опочивальню, упал с лестницы и умер, еще не докатившись до низа. Скорбный звон колоколов оповещал всех о том, что святейший отец ушел к

Семерым.

Королю, однако, было не до молитв. Сразу после погребения Праведные в Звездной септе должны были выбрать нового верховного септона, и теперь все зависело от того, продолжит ли новоизбранный глава Веры политику своего предшественника. У Джейехериса на это место был свой кандидат, септон Барт, ставший из скромного библиотекаря самым доверенным лицом короля. Сам Барт всю ночь убеждал его величество в неразумии подобного выбора: он слишком молод, слишком мало известен, слишком волен в своих суждениях и даже в число Праведных не вошел. Лучше найти другого, более достойного кристальной короны.

Король и его совет твердо знали одно: нельзя допустить, чтобы избрали Маттеуса. Он оставил плохую память о себе в Королевской Гавани, а слов, сказанных им у ворот Драконьего Камня, король не мог ни забыть, ни простить.

Рего Драз предлагал подкупить кого надо. «Если Праведных подмазать, они и меня могут выбрать, хотя мне это ни к чему». Лорды Веларион и Корбрей стояли за применение силы: лорд Дейемон готов был привести к Староместу флот, а лорд Кварл – войско. Альбин Масси, согбенный мастер над законом, полагал, что Маттеуса может постигнуть участь того верховного септона, что так сильно вредил Эйенису и Мейегору: загадочная внезапная смерть. Но септона Барта, великого мастера и королеву Алисанну эти предложения ужаснули, и король сразу же их отверг. Они с королевой отправятся в Старомест лично, решил он. Покойный верно служил богам и был верным другом Железного Трона; они просто обязаны проститься с ним подобающим образом.

Попасть в Старомест вовремя можно было лишь на драконах.

Всем советникам, даже Барту, не нравилось, что король и королева летят одни. «Не все мои братья любят ваше величество», – замечал септон, а лорд Дейемон напоминал о том, что случилось в Девичьем Пруду с королевой. Когда же король сказал, что полагается на защиту дома Хайтауэров, лорды совета с тревогой переглянулись. «Лорд Доннел большой интриган, – сказал Манфريد Редвин. – Я не верю ему, и вам не следует верить. Он делает то, что считает полезным для себя, своего дома и Староместа; для всех прочих, будь это даже его король, он пальцем не шевельнет».

«Значит, ему нужно будет понять, что услуга королю принесет пользу также ему, его дому и Староместу. Думаю, мне по силам убедить его в этом». – С этими словами Джейехерис закрыл заседание и велел приготовить драконов.

Даже дракон не может проделать такой путь в одночасье. Король с королевой останавливались на ночлег дважды, в Горьком Мосте и Хайгардене. Советники настояли на необходимости хоть какой-то защиты; сир Джоффри Доггет летел с Алисанной, Алая Тень с Джейехерисом, чтобы оба дракона несли примерно одинаковый вес.

Горожане Староместа, не знавшие о прибытии государей, воззрились в небо с изумлением и немалым испугом, а септон Маттеус побледнел, услышав об этом. Вермитор опустился на мраморную площадь у Звездной септы, Среброкрылый же, заставив всех ахнуть, сел на верхушку Высокой Башни и заколебал крыльями огонь знаменитого маяка.

Их величества прилетели на погребение верховного септона, но к тому времени его святейшество уже схоронили в крипте под храмом. Джейехерис тем не менее произнес надгробную речь, обращаясь к собравшейся на площади несметной толпе септонов, мастеров и простых горожан. Под конец он объявил, что останется с королевой в Староместе еще на некоторое время, дабы испросить благословения нового отца Веры. «Горожане радовались, – писал архимейстер Гудвин, – мастера важно кивали, септоны переглядывались, думая о драконах».

Королевская чета разместилась в личных покоях лорда Доннела на самом верху башни, откуда был виден весь город. Мы не знаем в точности, что происходило между гостями и хозяином дома, ибо на их беседах даже мастера не присутствовали. Много позже король, однако, посвятил в суть дела септона Барта, и тот записал для истории следующее.

Род Хайтауэров был древен, могуч, богат, горд и весьма многочислен. Издавна повелось, что младшие сыновья, кузены и бастарды этого дома шли в служители Веры и нередко достигали высоких постов. В то время у лорда Доннела состояли в септонах брат, два племянника и шесть кузенов, причем брат, один племянник и два кузена носили парчовые одеяния Праведных. Естественно, что лорд Доннел желал, чтобы верховным септоном стал кто-то из них.

Джейехерису не было дела до того, из какого дома будет происходить святейший отец; король не возражал и против низкого звания, лишь бы новый пастырь придерживался доктрины особости и вопрос о родственных браках между Таргариенами никогда больше не поднимался. Джейехерис желал, чтобы эта доктрина была принята Звездной септой как официальный догмат, однако благочестивые родичи лорда Доннела на сей предмет пока не высказывались.

После долгих переговоров согласие было достигнуто и скреплено пиром, где лорд Доннел, восхваляя мудрость короля, знакомил его со

своими братьями, дядями и прочей родней. Между Праведными, которые уже собрались на выборы, без чьего-либо ведома затесались агенты короля и лорда Хайтауэра. Голосовать полагалось четыре раза; на первом круге, как и ожидалось, победил Маттеус, однако голосов для кристальной короны ему все-таки не достало. Затем он начал отставать, и его опередили другие.

В четвертый раз Праведные вопреки традиции выбрали не одного из своих, а престарелого септона Альфина, странствовавшего по Простору в носилках. Не было у Таргариенов заступника более рьяного, но король справедливо заметил, что Альфин самый старый из Семи Глашатаев, да и ноги его не слушаются; скоро Неведомый наверняка его приберет, и тогда, если Хайтауэры всемерно поддержат доктрину особи, его место займет кто-то из них.

Именно такую сделку, если верить септону Барту, заключил король с лордом Доннелом. Сам Барт в этом не сомневался, хотя и скорбел о том, что Праведные так легко поддались на подкуп. «Лучше бы Семеро сами выбирали своего наместника на земле, но боги безмолвствуют, и служители Веры невольно прислушиваются к лордам и королям». К этому Барт прибавляет, что Альфин и брат лорда Доннела, ставший его преемником, были куда достойнее кристальной короны, чем тот же Маттеус.

Никто не удивился такому исходу больше самого Альфина, который услышал о своем избрании в Эшфорде и добрался в Старомест лишь две недели спустя. Джейхерис, дожидаясь его прибытия, посетил Бандаллон, Три Башни, Вышеземье и Медовую Рощу. Слетал он и в Бор, где отведал редчайшие вина. Королева Алисанна тем временем посвятила один день молитве и размышлениям у Молчаливых Сестер, а другой провела с септами, что ходят за болящими в госпитале. Там среди послушниц она встретила свою племянницу Рейеллу и нашла в ней ученую, благовоспитанную девицу, хотя та «заикалась и постоянно краснела». В библиотеке же Цитадели королева просидела целых три дня.

Прослушав в сем храме науки лекции о валирийских драконьих войнах, о лечебных пиявках и о богах Летних островов, она устроила для архимейстеров пир в их собственной трапезной и обратилась к ним с такой речью: «Может быть, из меня тоже получился бы мейстер. Я хорошо пишу и читаю, люблю думать, не боюсь воронов... даже крови в небольшом количестве не боюсь. Таких, как я, девочек немало в благородных домах; почему бы их не принимать в Цитадель? Тех, кто будет учиться плохо, можно отправить домой, как отправляете вы не слишком способных мальчиков, но вы удивитесь тому, как много девушек смогут выковать себе

цепь». Архимейстеры, не желая перечить ей, улыбались, кивали и обещали подумать.

Новый верховный септон наконец прибыл, провел бдение в Звездной септе, был помазан и посвящен Семерым, отрекся от земного своего имени и всех земных уз. После этого он торжественно, при большом стечении народа, благословил короля с королевой. К этому времени в Старомест приехала Королевская Гвардия вместе с небольшой свитой, и Джейехерис решил возвращаться домой через Дорнские Марки и штормовые земли с заездом в Рогов Холм, Ночную Песнь и Черную Гавань.

Последнюю усадьбу Алисанна нашла самой гостеприимной. Сам замок был невелик и скромн, но лорд Дондаррион оказался превосходным хозяином, а сын его Саймон играл на большой арфе не хуже, чем ломал копья, и вечером в большом чертоге звучали грустные песни о разлученных возлюбленных и падении королей. Король и королева задержались в Черной Гавани дольше, чем намеревались; туда-то ворон и принес им скорбную весть о том, что их мать, королева Алисса, при смерти.

Джейехерис и Алисанна тотчас же вылетели к ней на драконах, а свита их во главе с сиром Джайлсом Морригеном двинулась низом через Стонхельм, Воронье Гнездо и Гриффин-Руст.

Твердыня Баратеонов состоит из единственной башни-барабана, воздвигнутой в Век Героев Дюрраном-Богоборцем; лишь она смогла выстоять против гнева морского бога. На самом верху, под вороньей вышкой и кельей мейстера, дети нашли свою мать на обмоченной, пропотевшей постели. Больная исхудала как скелет, не считая вздутого живота. Мейстер, повитуха и три служанки, неотлучно находившиеся при ней, ни на что уже не надеялись. Лорд Робар сидел за дверью пьяный и в полном отчаянии. На вопрос короля, отчего он не рядом с женой, Баратеон прошептал: «Там Неведомый, я чую его».

Королева сильно мучилась, объяснил мейстер Кайри, и забылась только теперь, когда ей дали вина со «сладким сном». «Криком кричит, – добавила одна из служанок, – и никакой еды в себе удержать не может».

«Но ведь ей еще не пора», – пролепетала потрясенная Алисанна.

«Месяц еще, – подтвердила повитуха. – Это не роды, миледи, это у нее порвалось внутри что-то. Ребенок лежит неправильно и скоро умрет, а мать слишком стара и не имеет сил тужиться. Оба, простите великодушно, уйдут с первым светом».

Мейстер Кайри не противоречил ее словам. Крепкий настой макового молока избавит страдальцу от боли, сказал он, но и убить может, а младенца в утробе непременно убьет. «Спасти мать не в моей власти, –

ответил он на вопрос Джейехериса о том, что думает предпринять, – но есть слабая надежда спасти младенца. Для этого мне придется разрезать королеве живот и достать его. Будет он жить или нет, сказать невозможно, но мать умрет в любом случае».

Алисанна разрыдалась, а Джейехерис тяжело проронил: «Она и моя мать тоже». Потом он притащил лорда Робара к постели Алиссы, заставил мастера повторить всё сизнова и сказал: «Ты ее муж, тебе и решать».

Лорд Робар боялся даже взглянуть на жену. Лишь когда король хорошенько встряхнул его, он опомнился и попросил мастера: «Спасите моего сына». Тот склонил голову и послал за своими ножами.

В некоторых дошедших до нас записях говорится, что Алисса очнулась еще до того, как мастер приступил к делу. Несмотря на сильнейшую боль и конвульсии, она прослезилась от радости, увидев рядом своих детей. Дочь сказала ей, что они намерены делать, и королева дала согласие, сказав: «Вы спасайте малыша, а я скоро увижусь со старшими мальчиками. Старица осветит мне путь». Хотелось бы думать, что ее последние слова были именно таковы, но другие отчеты, к сожалению, утверждают, что больная не очнулась даже тогда, когда мастер взрезал ей чрево, и умерла, не приходя в чувство. Достоверно одно: Алисанна держала мать за руку, пока младенец не издал первый крик.

Второго сына лорд Робар не получил. Родилась девочка, маленькая и слабенькая; мастер и повитуха не чаяли, что она выживет, но она удивила их, как удивляла после многих других. Лорд Робар, когда вновь начал мыслить здраво, дал дочери имя Джослин.

Сначала, впрочем, ему пришлось столкнуться с другой особой женского пола. Рассвет едва брезжил, и тело Алиссы еще не остыло, когда Вермитор, свернувшийся клубком во дворе, проснулся и взревел, перебудив весь замок. Он учуял другого дракона, и скоро голубые крылья Огненной Мечты заслонили алое небо. Рейена Таргариен прилетела помириться с матерью на смертном одре.

Король не советовал ей смотреть на покойницу, но Рейена все же откинула простыню и обозрела дело рук мастера. Она поцеловала брата и долго обнимала сестру, однако новорожденную не захотела взять на руки и спросила о лорде Робаре.

Тот в окружении своих братьев и рыцарей сидел в великом чертоге с маленьким Бормундом на коленях. Рейена, растолкав всех, встала перед ним и обрушила на него град проклятий. «Кровь ее на твоих руках и на твоём члене, – кричала она. – Чтоб ты издох в муках!»

«Что ты несешь, женщина? – оторопел Робар. – Это воля богов.

Неведомый рано или поздно приходит за всеми, при чем же здесь я?»

«Ты обрухатил ее! Мало тебе было одного сына? Жену твою должен был спасать мейстер, а не ребенка, но что значат жены для таких подлецов, как ты? – Рейена схватила его за бороду и притянула к себе. – Вот что, милорд: не вздумай жениться снова. Воспитывай двух щенят, которых родила тебе моя мать, и я тебя, так и быть, не трону. Но если ты посватаешься еще к какой-нибудь бедной девушке, я превращу Штормовой Предел вместе с вами во второй Харренхолл».

Когда она выбежала, чтобы улететь к себе на Драконий Камень, лорд Робар с братьями подняли ее на смех. «В своем ли она уме? – говорил лорд. – Вздумала пугать меня... меня, который и Мейегора Жестокого не боялся!» Он выпил вина, распорядился относительно жениных похорон и послал своего брата сира Гарона просить короля с королевой остаться на пир в честь новорожденной.

Жениться лорд Робар, однако, больше не стал.

Опечаленным вернулся король в Красный Замок. Угодный ему верховный септон был избран, доктрина особости сделалась отныне догматом Веры, он заключил союз с могущественным домом Хайтауэров, но все эти победы по сравнению с утратой матери не значили ничего. Впрочем, Джейехерис был не из тех, кто предается мрачным раздумьям. Он, как случилось еще не раз за его долгие годы, стряхнул с себя горе и погрузился в государственные дела.

Лето уступало дорогу осени, во всех Семи Королевствах падали листья, в Красных горах объявился новый Король-Стервятник, Три Сестры посетила потная горячка, между Тирошем и Лиссом назревала война, грозящая захлестнуть Ступени и помешать торговле. Всё это требовало королевского внимания, и король всем этим занимался.

Алисанна боролась с горем иначе. Потеряв мать, она нашла утешение в дочери. Полутороговая принцесса Дейенерис начала говорить, на свой лад, сразу после первых своих именин и на карачках почти не ползала: быстро поднялась на ножки и стала ходить, а скоро и бегать. «Торопится жить», – говорила ее кормилица. Малютка восхищала всех своей веселостью, любознательностью и полным бесстрашием. Ее величество теперь частенько пропускала заседания совета, предпочитая играть с дочкой и читать ей сказки, которые ей самой в детстве читала мать. «Она такая умница, что скоро сама мне читать начнет, – говорила королю Алисанна. – У нее все задатки великой правительницы».

Но жестокий 54 год еще не истек, и Неведомый не спешил уходить из дома Таргариенов. Рейена по возвращении из Штормового Предела

встретила у себя на Драконьем Камне новые горести. Эйерея в отличие от Дейенерис утешением служить не могла. Упрямая, своевольная девочка не слушалась ни мать, ни септу, ни мейстеров, обижала слуг, отлынивала от молитв, уроков и трапез, награждала придворных Рейены милыми кличками «сир Дурак», «лорд Свиное Рыло», «леди Пердунья».

Андроу Фармен, муж королевы, был тоже сердит, хотя вслух этого не высказывал. Желая поддержать жену в трудный час, он просился с ней к больной королеве Алиссе, но Рейена наотрез ему отказала. Перед ее отлетом они повздорили, и королева обронила во всеуслышание: «Лучше бы отсюда сбежал другой Фармен». Их брак, и раньше не слишком счастливый, обратился теперь в сущий фарс, «притом, – по замечанию Алейны Ройс, – не смешной».

Пригожий семнадцатилетний юноша, которого пять лет назад Рейена взяла в мужа, стал дряблым, толстым и некрасивым. Западные лорды, принимавшие супругов у себя в пору их скитаний, не обращали на него никакого внимания, да и на Драконьем Камне дело обстояло немногим лучше. Жена его оставалась королевой, к Андроу же никто не относился как к королю и даже как к лорду-консарту. Он по-прежнему сидел рядом с Рейеной за высоким столом, но спали они в разных башнях. Королева, согласно придворным сплетням, говорила ему, что не будет возражать, если он положит с собой какую-нибудь служаночку, но Андроу как будто ни разу не соблазнился.

Дни его были столь же пусты, как и ночи. Выросший на одном острове и переехавший на другой, он не умел ни плавать, ни ходить под парусом, ни рыбачить, а в бытность оруженосцем так и не выучился владеть мечом, топором и копьем. Пока солдаты гарнизона упражнялись по утрам во дворе, он валялся в постели. Мейстер Калипер, пытавшийся заинтересовать его сокровищами библиотеки, толстыми томами и древневалирийскими свитками, восхищавшими короля Джейхериса, скоро обнаружил, что супруг королевы не умеет читать. Верхом Андроу ездил недурно и порой трусил рысцой по двору, но никогда не выезжал за ворота – ни на дальнее скалистое плоскогорье, ни даже в рыбацью деревню и гавань.

«Он много пьет, – писал мейстер Калипер в Цитадель, – и целые дни проводит в Палате Расписного Стола, двигая по карте деревянных солдатиков. Подруги королевы говорят, что он планирует собственное завоевание Вестероса. В лицо они над ним не смеются из уважения к ней, а хихикают за спиной. Рыцари и латники не замечают его, слуги ничуть не боятся. Самыми жестокими обидчиками, как обычно, бывают дети, особенно Эйерея: как-то она рассердилась на мать и выместила свою

злость на отчима, вылив ему на голову полный ночной горшок».

После отъезда Элиссы всё пошло еще хуже. Сестра, замечает Калипер, была его близким и, возможно, единственным другом; по этой причине Рейена никак не могла поверить, что Андроу не приложил руку к краже драконьих яиц, хотя он слезливо всё отрицал. Когда королева уволила сира Меррела Буллока, Андроу попросил назначить командиром гарнизона его. Рейена в это время завтракала в компании четырех своих фрейлин. Они расхохотались, услышав такую просьбу, и королева присоединилась к ним. Андроу предлагал сопроводить жену в Королевскую Гавань, чтобы доложить о краже королю Джейхерису. «К чему это? – презрительно ответствовала она. – Какой мне от тебя прок? Еще с дракона свалишься, чего доброго».

Отказ Рейены взять его в Штормовой Предел послужил, как видно, последней каплей. Когда она вернулась, Андроу даже не пытался утешить ее и держался с ней очень холодно. Он молчал за столом и сторонился жены весь день. Если Рейену как-то огорчало его поведение, виду она не показывала и все время проводила в обществе своих дам. К старым любимцам, Саманте Стокворт и Алейне Ройс, теперь прибавились новые: кузина Лианна Веларион, красивая дочь лорда Стаунтона Каселла, молодая септа Мариам.

Ей, однако, не суждено было долго наслаждаться их дружбой. На Драконьем Камне, как и повсюду, настала осень, которая привела холодные ветры с севера и штормы с Узкого моря. Древняя крепость, и без того мрачная, совсем потемнела. Даже драконы, казалось, страдали от сырости, а к исходу года на остров пожаловала болезнь.

По утверждению Калипера, это была не потная горячка, не трясучка и не серая хворь. Начиналось всё с кровавого поноса и ужаснейших спазм в кишечнике; причиной этого могли быть многие болезни, но мейстер так и не определил, которая из них его доконала. Он слег и умер два дня спустя. Мейстер Ансельм, заменивший его, винил в этом преклонный возраст: Калипер немного не дожил до девяноста.

Четырнадцатилетняя Каселла Стаунтон, впрочем, умерла тоже. За ней последовали септа Мариам, Алейна Ройс и даже большая, шумливая Самми Стокворт, хваставшаяся тем, что не болела ни разу в жизни. Все три умерли в одну ночь, одна за другой.

Рейену болезнь не трогала; мейстер Ансельм полагал, что ее спасает валирийская кровь, кровь дракона, против которой всякая зараза бессильна. Заметил он также, что мор, не считая мейстера Калипера, разит одних женщин: все мужчины, будь то рыцари, конюхи, певцы или повара,

оставались здоровыми.

Ворота замка Рейена приказала наглухо запереть: поветрие еще не вышло за них, и она не хотела подвергать опасности население острова. А Джейехерис, получив весть от сестры, тут же приказал лорду Велариону расставить боевые галеи вокруг Драконьего Камня, чтобы никто с него не уплыл. Десница выполнил приказ, хотя и сожалел о своей юной племяннице.

Лианна умерла, как только дядины галеи отчалили с Дрифтмарка. Тщетно мейстер Ансельм ставил ей клистиры, отворял кровь и обкладывал ее льдом. Она умерла в корчах на руках горько плачущей королевы.

«Ты и по мне будешь плакать?» – спросил Андроу Фармен. Рейена, в ярости ударив его по лицу, приказала выйти и оставить ее одну. «Ты и так одна, – сказал муж, – эта была последняя».

Но королева, всецело поглощенная горем, и тогда не поняла, что происходит вокруг нее. Первым заподозрил неладное Рего Драз. Прочтя на спешном заседании совета отчет мейстера Ансельма, пентошиец наморщил лоб и сказал: «Какое уж там поветрие. Спазмы в животе и смерть через сутки? Слезы Лисса, вот это что».

«Яд?!» – вскричал король в ужасе.

«У нас в Вольных Городах это дело обычное. Старый мейстер наверняка догадался бы, вот его и убрали первым. Я бы сделал именно так... хотя нет. Яд – оружие подлецов».

«Но умерли только женщины», – возразил лорд Веларион.

«Значит, только женщин и отравили».

Когда септон Барт и великий мейстер подтвердили, что лорд Рего прав, король сразу же послал ворона на Драконий Камень. Рейена, прочитав послание, призвала капитана стражи и велела немедленно привести к ней супруга.

Андроу не нашли ни у него в спальне, ни в спальне жены, ни в великом чертоге, ни в септе, ни на конюшне, ни в саду Эйегона. В башне Морского Дракона лежал убитый мейстер Ансельм с кинжалом между лопатками. При запертых воротах замок можно было покинуть только верхом на драконе, но Рейена сказала: «Мой червяк на это никогда не отважится».

Фармен отыскался в Палате Расписного Стола, с длинным мечом в руке. Вину свою он отрицать не пытался и даже хвастался: «Они пили вино, которое я им приносил. Еще и благодарили! Почему бы и нет? Слуга, виночерпий, вот кем я был для них. Славный Андроу-дурачок. Что я могу, кроме как с дракона упасть? А ведь я мог бы многое. Мог бы писать законы

и советы тебе давать. Мог бы убивать твоих врагов столь же легко, как твоих подружек. *Мог бы детей тебе подарить*».

Рейена, не удостоив его ответом, велела стражникам: «Оскопите его, а потом поджарьте отрезанное и скормите ему. Он не должен умереть, пока всё не съест».

«Э, нет, – сказал Андроу, неумело замахнувшись мечом. – Я умею летать не хуже моей жены». С этими словами он выпрыгнул в окно и свершил свой полет. Рейена велела изрубить его тело на куски и отдать драконам.

Это была последняя громкая смерть 54 года, но Год Неведомого еще держал кое-что в запасе. Как расходятся круги от брошенного в пруд камня, так зло, содеянное Андроу, расходилось по всей стране и ломало чьи-то жизни уже после того, как драконы пожрали его дымящийся труп.

Первая волна дала о себе знать на королевском совете, когда Дейемон Веларион пожелал уйти в отставку с поста десницы. Напомним, что королева Алисса приходилась ему сестрой, а племянница Лианна была в числе отравленных на Драконьем Камне. Некоторые полагали, что его побудило к этому соперничество с Манфридом Редвином, ставшим лордом-адмиралом вместо него, но такой мотив представляется слишком мелким для мужа, долго и честно служившего дому Таргариенов. Поверим его милости, сославшемуся на преклонные лета и желание провести остаток дней на Дрифтмарке со своими детьми и внуками.

Сначала король хотел найти замену лорду Велариону среди членов совета. И Альбин Масси, и септон Барт, и Рего Драз успели показать свои способности и заслужить его благодарность, но каждый из них отчего-нибудь не годился. Септона Барта подозревали в том, что Звездную септу он ставит выше Железного Трона, притом великие лорды остались бы недовольны, увидев сына кузнеца на месте десницы. Рего Драз был язычником, пентошийцем и выскочкой, по рождению еще ниже Барта. Лорд Альбин, хромой и сгорбленный, был очень уж страшен с виду. «Меня непременно сочтут злодеем, – сказал он сам королю, – лучше мне остаться в тени».

О возвращении Робара Баратеона или кого-то из бывших десниц Мейегора не могло быть и речи. Лорд Талли за всю свою службу во время регентства ничем не блеснул. Родрик Аррен стал лордом Орлиного Гнезда в десять лет после гибели дяди, лорда Дарнольда, и отца, сира Раймонда (они предприняли неосмотрительную вылазку в Лунные горы, где их убили дикие племена). С Доннелом Хайтауэром Джейехерис достиг согласия лишь недавно и доверял ему не более, чем Лиману Ланнистеру. Берtrand

Тирелл, лорд Хайгардена, слыл пьяницей с множеством незаконных сыновей, бесчинства которых осрамили бы короля. Упрямому и суровому Аларику Старку было самое место у себя в Винтерфелле, а тащить в столицу железного лорда никто бы и подавно не стал.

Отвергнув таким образом всех великих лордов, король перешел к их знаменосцам. Он рассуждал так: желательно, чтобы десницей при молодом короле состоял человек пожилой и притом опытный воин (ибо книжников в совете и так хватает); его боевая слава будет отпугивать врагов Железного Трона. Перебрав с дюжину имен, Джейехерис остановился на Милсе Смолвуде, лорде Желудей в речных землях. Тот сражался за Эйгона Некоронованного у Божьего Ока, бился с Уотом-Рубакой у Каменного Моста и вместе с покойным лордом Стоквортом усмирят Харрена Рыжего при короле Эйенисе.

После всех этих битв лорд Милс носил на лице и теле с десяток шрамов. Сир Виллем-Оса из Королевской Гвардии, служивший ранее в Желудях, клялся, что более свирепого и верного бойца не найти во всем Вестеросе. Сюзерены Смолвуда, лорд Прентис Талли и леди Люсинда, также отзывались о нем с похвалой. Король решился, ворон вылетел, и две недели спустя лорд Смолвуд отправился в Королевскую Гавань.

Королева Алисанна в выборе десницы не принимала участия: она улетела на Драконий Камень, чтобы побыть с сестрой и утешить ее.

Утешить Рейену было не так-то просто. Потеряв столько любимых подруг, она впала в черную меланхолию, а одно лишь упоминание об Андрои Фармене ввергало ее в неистовый гнев. Общества сестры она не желала и пыталась отослать ее прочь; доходило до того, что она кричала на Алисанну в присутствии всего замка. Когда молодая королева стерпела всё и осталась, Рейена заперлась у себя в покоях и выходила только к столу, да и это случалось все реже.

Алисанна, предоставленная самой себе, старалась навести в замке хоть какой-то порядок. Она послала за новым мейстером, назначила нового гарнизонного командира, попросила свою септу Эдит занять место умершей Мариам.

Отвергнутая сестрой, Алисанна попыталась сблизиться с племянницей, но и там встретила лишь гневную неприязнь. «Я по ним плакать не стану! – кричала девочка. – Она найдет себе других, как всегда». Услышав от Алисанны, как Рейена положила своей маленькой сестричке в колыбель драконье яйцо и как нежно о ней заботилась, Эйерея отрезала: «Мне она яйца не дарила. Отдала меня чужим людям и улетела на Светлый остров». Любовь Алисанны к собственной маленькой дочке тоже злила

принцессу. «Почему королевой должна быть она, а не я? – Тут Эйерея расплакалась и стала просить королеву увезти ее обратно в Королевскую Гавань. – Леди Элисса обещала, что мы вместе отправимся путешествовать, но уехала без меня и совсем обо мне забыла. Я хочу назад ко двору, там весело! Там певцы, шуты, и лорды, и рыцари! Пожалуйста, возьмите меня с собой!»

Алисанна, тронутая слезами девочки, обещала спросить позволения ее матери, но Рейена, появившись за столом, сразу же отказала. «Хочешь отнять у меня последнее? Мою дочь? Не бывать этому! У тебя есть твой трон, им и довольствуйся». Вечером Рейена вызвала Эйерею к себе, и на весь Каменный Барабан было слышно, как они ссорятся. После этого Эйерея с Алисанной больше не разговаривала, и королева, устав от всего этого, вернулась домой к любимому мужу и маленькой Дейенерис.

Год Неведомого между тем подошел к концу, и Драконье Логово наконец-то достроили. Грандиозное сооружение на холме Рейенис, покрытое куполом, уступало высотой лишь Красному Замку на холме Эйегона. Чтобы отпраздновать его завершение и вступление в должность нового десницы, лорд Редвин предложил королю вновь устроить большой турнир, как на Золотой Свадьбе. «Оставим все наши горести позади и начнем новый год с веселья», – говорил лорд. Осенний урожай был хорош, казна благодаря лорду Рего пополнялась исправно; разорение двору не грозило, тем более что турнир обещал привлечь в столицу множество гостей с толстыми кошельками. Совет эту затею одобрил, и король дал согласие. Народу нужны развлечения, сказал он, да и нам не мешает приободриться.

Приготовления прервало неожиданное прибытие Рейены с Драконьего Камня. «Драконам, видимо, как-то передаются чувства наездников, – пишет септон Барт, – ибо Огненная Мечта в тот день низверглась из туч подобно молнии, а Вермитор и Среброкрылый дружно взревели. Слыша это, мы испугались, что они сейчас кинутся на Мечту и растерзают ее, как Балерион растерзал Ртуть над Божьим Оком».

Этого не случилось, хотя оба дракона шипели и скалились, когда Рейена, прыгнув с Мечты, ворвалась в крепость Мейегора. Причина ее визита вскоре стала известна: пропала принцесса Эйерея. Девочка улетела с острова на рассвете, да не на ком-нибудь, а...

«Балериона взяла! – вне себя кричала Рейена. – Молодняк не для нее, ей подавай Черный Ужас! Мейегорова зверя, что убил ее родного отца! И всё это ради того, чтобы заставить меня страдать! Что такое вышло из моего чрева, что за чудовище произвела я на свет?»

«Она не чудовище, а просто сердитый ребенок», – сказала Алисанна, но старшая сестра, по свидетельству Бенифера и Барта, пропустила это мимо ушей. Рейену заботило лишь одно: где ее «безумная дочь»? Мать поначалу думала, что девочка улетела в Королевскую Гавань, куда так рвалась: где же она, если ее здесь нет?

«Думаю, мы скоро это узнаем, – как всегда спокойно сказал король. – Балерион слишком велик, чтобы его не заметили, и аппетит у него хоть куда. – Он велел Бениферу разослать воронов по всем замкам Семи Королевств. – Если кто-то хоть мельком видел Балериона или мою племянницу, я хочу узнать об этом немедленно».

Но Эйерею нигде не заметили ни на следующий день, ни через день. Рейена то бушевала, то вся дрожала и пила сонное вино на ночь. Дейенерис так боялась своей тетки, что сразу начинала плакать при виде ее. Так прошло семь дней, и Рейена сказала, что больше не может сидеть и ждать: «Я должна найти ее. По крайней мере возьмусь за поиски».

Она улетела, и в последние дни этого жестокого года никто ничего не слышал ни о матери, ни о дочери.

Триумфы и трагедии первого десятилетия

Достижения короля Джейехериса Первого слишком многочисленны, чтобы перечислять их здесь. Главные из них, по мнению большинства историков, – это долгие периоды мира и благоденствия. Нельзя сказать, что войн не случалось вовсе – подобное не во власти земных королей, – но все войны Джейехериса были короткими, победными и велись большей частью на море или в дальних краях. «Плох тот король, что воюет с собственными лордами, и разоряет свое королевство, и усеивает выжженную землю телами подданных, – пишет септон Барт. – У его величества достало мудрости не совершать этого».

Архимейстеры могут спорить о точных цифрах, но сходятся в том, что население Вестероса к северу от Дорна при Джейехерисе удвоилось, а число жителей Королевской Гавани выросло вчетверо. То же самое, хотя и в меньшей степени, происходило в Ланниспорте, Чаячем городе, Синем Доле и Белой Гавани.

Мужчины, которым не приходилось идти на войну, распахивали не обработанные ранее земли. Цены на зерно падали, рыба тоже подешевела, и в море выходило все больше рыбацких лодок. От Простора до Перешейка разбивались плодовые сады, на лугах паслись тучные овечьи стада. Торговый оборот увеличился в десять раз вопреки непогоде и случавшимся изредка войнам. Ремесленники всякого рода: кузнецы, каменщики, плотники, мельники, дубильщики, красильщики, ткачи, золотых и серебряных дел мастера, виноделы, пекари, мясники, пивовары и сыровары достигли процветания, невиданного прежде к западу от Узкого моря.

Выдавались, конечно, и неудачные годы, но справедливо будет сказать, что при Джейехерисе и его королеве удачных лет было гораздо больше. Случались бури, засухи и холодные зимы, но теперь правление Умиротворителя видится нам как долгое зеленое лето.

Сам Джейехерис это вряд ли предвидел, когда колокола Королевской Гавани возвестили о приходе 55 года от Завоевания Эйегона. Раны, нанесенные минувшим Годом Неведомого, еще не зажили, а грядущее не сулило ничего доброго. Эйерея и Балерион пропали бесследно, не было вестей и от Рейены, искавшей их.

Сначала мать полетела в Старомест, предполагая, что дочь отправилась к своей сестре-близнецу. Лорд Доннел и верховный септон приняли ее как подобает, но помочь ничем не могли. Рейена побыла немного с Рейеллой,

такой похожей на сестру и такой непохожей; хочется верить, что со второй дочерью она обрела хотя бы малое утешение. Когда королева посетовала на то, что была плохой матерью, юная послушница обняла ее и сказала: «Лучшей матери, чем Небесная, не может пожелать ни одно дитя, и я благодарю тебя за нее».

Из Староместа Огненная Мечта повернула на север, в Хайгарден, Кракехолл и Бобровый Утес. Ни в одном из этих замков черного дракона не видели, и Рейена вновь оказалась на Светлом острове у лорда Франклина Фармена. С годами он не стал любить королеву больше и говорил с ней все так же дерзко: «Я надеялся, что моя леди-сестра, сбежав от вас, вернется домой и наконец исполнит свой долг, но ни о ней, ни о вашей дочери мы и слыхом не слышали. С принцессой я не знаком, но могу лишь поздравить как ее, так и Светлый остров со счастливым от вас избавлением. Если она явится сюда, мы попросим ее удалиться, как попросили вас».

«Охотно верю, что с принцессой вы не знакомы, – ответила на это Рейена. – Если она в самом деле отыщет сюда дорогу, вы найдете Эйерею далеко не столь терпеливой, как ее мать. Хотелось бы также посмотреть, как вы “попросите удалиться” Балериона. Черному Ужасу так понравился ваш брат, что он наверняка захочет вновь отведать того же блюда».

На этом история Рейены Таргариен прерывается. Она не вернулась ни в Королевскую Гавань, ни на Драконий Камень, ни в какой-либо из замков Вестероса. Есть сведения, что Огненную Мечту видели далеко на севере, в Курганах и на реке Горячке, и далеко на юге, в Красных горах и Торентинских ущельях. Рейену замечали над Перстами, над Лунными горами, над окутанными туманом лесами мыса Гнева, над Щитовыми островами и Бором. Чураясь людей, она выбирала места дикие и пустынные, горные вершины, пустоши и болота. Продолжала она разыскивать дочь или искала лишь одиночества? Этого мы никогда уже не узнаем.

Ее отсутствие в Королевской Гавани пришлось, впрочем, кстати, ибо у короля и его совета она вызывала все большее раздражение. Ее столкновение с лордом Фарменом всех возмутило. «В своем ли она уме говорить так с лордом в собственном его замке? – негодовал Милс Смолвуд. – Я бы на его месте велел вырезать ей язык».

«Надеюсь, у вас достало бы благоразумия этого не делать, милорд, – ответил ему король. – Рейена при всех своих безумствах остается женщиной из рода дракона и моей любимой сестрой». В остальном, заметим себе, Джейхерис со своим десницей не спорил.

Септон Барт пишет об этом так: «Власть Таргариенов зиждется на

драконах, огненных чудищах, спаливших дотла Харренхолл и убивших двух королей на Огненном Поле. Король Джейхерис, как и его дед Эйегон, хорошо это понимает. Понимает он также то, что недоступно королеве Рейене: невысказанная угроза сильнее высказанной. Лорды Вестероса горды, и срамить их негоже. Мудрый король никогда не покусится на их достоинство. Покажи им дракона, и всё станет ясно. Но если ты пригроишь сжечь их замки и скормить драконам их родичей, они лишь ожесточатся против тебя».

Королева Алисанна молилась за племянницу каждый день. Она порицала себя за ее побег, но сестру винила гораздо больше. Король, мало замечавший Эйерею, даже когда та считалась его наследницей, тоже себя упрекал, но больше всего его тревожил огромный опасный дракон в руках сердитой тринадцатилетней девочки. Ни метания Рейены, ни разосланные великим мастером вороны не привели ни к чему: в Красный Замок приходили лишь ложные донесения и досужие выдумки. Шли месяцы, и король начинал опасаться, что его племянницы нет в живых. «С Балерионом шутки плохи, – говорил он совету. – Вскочить на него, никогда не летавши прежде, и полететь напрямик через море... скорее всего он сбросил ее, и бедное дитя камнем ушло на дно».

Септон Барт соглашался с ним. Драконы по природе своей не бродяги, говорил он; чаще всего они находят себе какое-нибудь укрытие, пещеру или разрушенный замок, откуда вылетают охотиться и куда возвращаются. Балерион, избавившись от наездницы, наверняка в таком логове и сидит, а поскольку в Вестеросе его ни разу не видели, то принцесса, как видно, направила его за Узкое море, к бескрайним равнинам Эссоса.

«Будь она мертва, я бы знала, – возражала им королева. – Я чувствую, что Эйерея жива».

Все шпионы, посланные Рего Дразом по следу Элиссы Фармен и краденых драконьих яиц, получили вдобавок задание найти Эйерею с Балерионом. Поступающие от них донесения были, как и в случае с яйцами, лживыми или вымышленными ради награды. Одни осведомители ссылались на сведения из третьих-четвертых рук, другие кратко сообщали, что вроде бы видели дракона... во всяком случае, что-то большое и с крыльями.

Самая любопытная весть пришла из андалосских холмов к северу от Пентоса. Тамошние пастухи со страхом рассказывали о чудовище, пожирающем целые стада и оставляющем за собой кровавые кости. Самиде они его не видали, потому и спаслись... а те, кто видел, ничего уже не расскажут, ибо чудище не одну баранину любит. О том, что чудовище

сжигает свою добычу, никто не упоминал; Джейехерис поэтому думал, что Балерион ни при чем, однако все же послал в Пентос десяток людей во главе с королевским гвардейцем сиром Виллемом-Осой, чтобы этого зверя выследить.

Тем временем браавосские корабели без ведома кого-либо в Королевской Гавани закончили постройку галеона «Летящий за солнцем». Вёсел на нем в отличие от галей, каждый день выходящих из браавосского Арсенала, не было; он предназначался для открытого моря, а не для прибрежных вод и укромных бухт. Четырехмачтовый галеон нес столько же парусов, что и лебединые корабли Летних островов, но более глубокая осадка позволяла запастись провизией для дальнего путешествия. Когда некий браавосец спросил леди Элиссу, не думает ли та плыть в Йи Ти, она со смехом ответила: «Возможно... но не тем путем, который ты разумеешь».

В ночь перед отплытием Морской Начальник пригласил ее к себе во дворец, где угостил соленой рыбой и пивом. «Хочу предостеречь, миледи, – сказал он, – в Узком море вам больше оставаться нельзя. О вас спрашивают, за вас предлагают награду. Нехорошо будет, если вас найдут в Браавосе. В старину мы укрылись здесь, чтобы спастись от Валирии, а Таргариены – валирийцы до мозга костей. Поднимайте паруса и уходите как можно дальше».

Пока леди, называющая себя Алис Вестхилл, прощалась с Браавосским Титаном, жизнь в Королевской Гавани шла своим чередом. Джейехерис, как всегда в тяжелые времена, проводил свои дни в трудах. В тиши библиотеки Красного Замка он работал над тем, что стало главным из его великих свершений. Совместно с септоном Бартом, великим мастером Бенифером, лордом Альбином Масси и королевой Алисанной (которых он называл «мой уменьшенный малый совет») король создавал новый свод законов.

В каждом из королевств Вестероса, какими Эйегон Завоеватель застал их, имелись собственные законы, обычаи и традиции, которые различались даже в пределах одного государства. «До семи королевств у нас было восемь, – пишет Альбин Масси, – до восьми – двенадцать, еще раньше – тридцать и так далее, и так далее. В Век Героев насчитывалось около ста королевств (девятью семью в одно время и сто тридцать два в другое). Их число постоянно менялось в зависимости от исхода войн и судьбы королей».

Законы были столь же изменчивы. Один король был суров, другой милостив, третий во всем следовал Семиконечной Звезде, четвертый –

древним законам Первых Людей, пятый – своим капризам, шестой судил трезвый так, пьяный эдак. Противоречивых прецедентов со временем накопилось столько, что каждый лорд, имевший право заточать и казнить (а то и не имевший такого права), решал дела своих вассалов по собственному разумению.

Джейехерис, не терпевший беспорядка и путаницы, взялся вычистить законодательные конюшни. «Семью Королевствами теперь правит один король – значит, и закон должен быть для всех одинаков», – сказал он. Столь колоссальная задача была рассчитана не на один год и даже не на десять лет. Лишь на то, чтобы собрать и изучить все существующие законы, понадобилось два года, а последующие реформы затянулись очень надолго. Но зачинался Кодекс септона Барта (чей вклад оказался втрое большим, чем у всех остальных) именно тогда, в осеннем 55 году.

Королева представила свой труд куда раньше, всего через девять месяцев. Король и вся страна возрадовались, узнав о ее новой беременности, а принцесса Дейенерис, разделяя общую радость, строго предупредила мать, что согласна лишь на сестру. «Настоящая королева: сказала, как отрезала», – смеялась Алисанна.

Браки между великими домами Вестероса издавна служили для заключения союзов и прекращения споров. Алисанна, как раньше жены Завоевателя, охотно брала на себя роль свахи и в том году с особым удовольствием обручила двух своих фрейлин. Дженнис Темплтон стала невестой лорда Маллендора из Вышеземья, Прюнелла Селтигар отдала руку Утеру Пеку, лорду Звездной Вершины, Данстонбери и Белой Роции. Для обеих девушек это были прекрасные партии, и королева торжествовала.

В середине года наконец состоялся турнир, которым лорд Редвин предлагал отпраздновать завершение Драконьего Логова. Поле устроили к западу от города, между Королевскими и Львиными воротами, и конные поединки, по рассказам, особенно удались. Сир Роберт, старший сын лорда Редвина, успешно выступал с копьем против лучших бойцов Вестероса, брат его Рикард выиграл турнир оруженосцев и был посвящен в рыцари самим королем, но лавры победителя достались красивому и галантному сире Саймону Дондарриону из Черной Гавани; он завоевал сердца простого народа и самой королевы, избрав королевой любви и красоты принцессу Дейенерис.

Громадное Логово, куда еще не поселили драконов, использовали под общую схватку, и такого сражения Королевская Гавань еще не видывала. Бойцов, числом семьдесят семь, разбили на одиннадцать команд. Битву

начинали конными, но продолжали биться и спешенные, на мечах, топорах и палицах. Семеро оставшихся на ристалище последними сражались друг с другом, чтобы определить победителя.

Схватка, несмотря на тупое оружие, учинилась кровавая, к вящему восторгу толпы. Двух человек убили, десятка два ранили. Джонквиль Дарк и Тому-Бренчале королева запретила участвовать, но старый Пивной Бочонок явился и вышел на поле под одобрителный рев зрителей. Когда его сразили, народ нашел себе нового любимца, оруженосца Хариса Хогга, чей шлем в виде свиной головы снискал ему прозвище Харри-Окорок. Участие в бою принимали также сир Адам Буллок, братья лорда Баратеона сир Борас, сир Гарон и сир Роннал, межевой рыцарь сир Гюйл Коварный и сир Аластор Рейн, первый боец западных земель, мастер над оружием в Бобровом Утесе. После многочасового побоища на поле остался стоять белокурый бык из речных земель, сир Люкамор Стронг.

Когда турнир завершился, королева отправилась ждать родов на Драконий Камень. Все еще горя по принцу Эйгону, прожившему только три дня, Алисанна сочла за благо удалиться от тревог и обязанностей двора в тихий родовой замок. Ее, помимо септ Эдит и Лиры, сопровождала дюжина новых молодых фрейлин, отобранных из сотни благородных девиц, желавших послужить королеве. В числе избранных были две племянницы лорда Баратеона, а также дочери и сестры лордов Аррена, Венса, Рована, Ройса, Дондарриона. Мара Мандерли, дочь лорда Теомора из Белой Гавани, приехала с самого Севера. Чтобы они не скучали, королева взяла и шута Женушку с его куклами.

Многие при дворе возражали против переезда королевы на остров, особенно сырой и мрачный в пору осенних бурь. Недавние трагедии еще более очернили репутацию Драконьего Камня, и кое-кто верил, что в его чертогах бродят призраки отравленных подруг Рейены Таргариен. «Мы с королем были там очень счастливы, – отвечала боязливым Алисанна, отменяя все возражения. – Нет места лучше, чтобы родить наше дитя».

На тот год намечалось еще одно королевское путешествие, теперь в западные земли. Королева, как и в прошлый раз, когда ждала Дейенерис, не позволила королю отменить поездку и отправила его в путь одного. Вермитор перенес его в Золотой Зуб, куда позже прибыла свита. Далее его величество посетил Эшмарк, Крэг, Кайс, Кастамере, Тарбек, Ланниспорт, Бобровый Утес и Кракехолл. Примечательно, что на Светлый остров он при этом не завернул; Джейехерис в отличие от Рейены угрозами не бросался, но и недовольство свое умел показать.

Вернулся он за месяц до родов, чтобы быть рядом со своей королевой.

Ровно в предсказанный мастерами день на свет явился здоровый мальчик с сиреневыми глазами и волосами как белое золото – такой цвет считался редким даже в Древней Валирии. Джейехерис назвал его Эйемоном. «Дейенерис рассердится, – сокрушалась королева, прижимая сына к груди, – она так хотела сестренку». – «Пусть подождет до следующего раза», – рассмеялся король. В ту же ночь он по просьбе Алисанны положил в колыбель принца драконье яйцо.

Когда они месяц спустя вернулись в Королевскую Гавань, вдоль улиц стояли толпы народа, воодушевленного рождением принца. Доехав до Красного Замка, король взобрался на стену у главных ворот и поднял младенца над головой так, чтобы всем было видно. Тут поднялся такой рев, что и за Узким морем, не иначе, слышали.

Помимо поздравлений, Джейехерис получил весть, что сестра его Рейена объявилась на острове Эстермонт близ мыса Гнева. Самая первая из ее закадычных подруг, кузина Ларисса Веларион, была, как мы помним, замужем за вторым сыном лорда Вечерней Звезды с острова Тарт. К этому времени она уже овдовела, а дочь свою выдала за пожилого лорда Эстермонта и поселилась с ней вместе в усадьбе Зеленая Скала, не пожелав остаться на Тарте или вернуться на Дрифтмарк. Рейена, конечно, прилетела на Эстермонт только из-за нее, ибо голый, открытый всем ветрам остров ничем другим не манил. Неудивительно, что королева, лишившись любимых подруг, а возможно, и дочери, искала утешения у той, с кем дружила в детстве.

Рейена пришла бы в ярость, узнав, что совсем недалеко от нее находится сейчас другая бывшая любимица. Алис Вестхилл, запасшись провизией в Пентосе, пришла на «Летящем за солнцем» в Тирош, отделенный от Эстермонта лишь узкой полоской воды. Впереди лежали кишачие пиратами Ступени, и леди Алис, как многие предусмотрительные капитаны, нанимала в Тироше мечников и арбалетчиков для защиты. Но боги распорядились так, что обе подруги остались в неведении; корабль прошел Ступени благополучно, Алис высадила наемников в Лиссе и повернула на запад, к Староместу.

В 56 году в Вестерос вместе с зимой пришли дурные вести из Эссоса. Все, кого Джейехерис послал выследить загадочного хищного зверя в Андалосе, погибли. В Пентосе сир Виллем-Оса нанял проводника, будто бы знавшего, где обитает чудовище; вместо этого предатель завел вестеросцев в ловушку, и в Бархатных холмах их перебили разбойники. Люди короля отбивались свирепо, но разбойников было гораздо больше. Голову сира Виллема, павшего последним, вернули одному из агентов

лорда Рего в Пентосе.

«Нет там никакого чудовища, – рассудил септон Барт, услышав эту грустную повесть. – Разбойники сами воровали овец и сочиняли страшные сказки, чтобы напугать пастухов». Десница Милс Смолвуд настаивал на том, что Пентос следует наказать, но Джейхерис счел, что весь город не должен расплачиваться за злодеяния воровской шайки. Судьба сира Виллема стала достоянием Белой Книги, а освободившийся белый плащ король пожаловал сиру Люкамору Стронгу, победителю общей схватки в Драконьем Логове.

Затем из-за моря пришло донесение о драконе с обрезанными крыльями. В астапорских бойцовых ямах его выпускали против быков, медведей и целых полчищ рабов с топорами и копьями. «Виверн, конечно, – уверенно сказал Барт. – Те, кто настоящих драконов в глаза не видывали, часто принимают за них соторосских вивернов».

Большой пожар, разгоревшийся на Спорных Землях две недели спустя, заинтересовал короля и его совет куда больше. Питаемый сухой травой и раздуваемый ветром, огонь полыхал три дня и три ночи. Он поглотил полдюжины деревень и погубил вольный отряд Искателей Приключений, оказавшийся между пожаром и тирошским войском, которым командовал сам архон. Страшась сгореть заживо, наемники бросились на тирошские копья и погибли все до единого.

Причину пожара так никто и не разгадал. «Дракон это, что ж еще», – утверждал Милс Смолвуд. «Мало ли что, – возражал ему Рего Драз. – Молния, костер, пьяный с факелом в поисках бабы». Король согласился с мастером над монетой: «Будь это Балерион, его наверняка бы увидели».

Женщина, называющая себя Алис Вестхилл, о пожаре даже не думала: ее взор устремлен был за горизонт, на бурные западные моря. Ее «Летающий за солнцем» пришел в Старомест под конец осени, но она все еще оставалась там, набирая себе команду. Даже самые отчаянные из моряков, согласившиеся плыть к неведомым западным землям, в пути могли струсить, поднять бунт и вынудить ее повернуть назад. Алис требовались такие же мечтатели, как и она сама, а таких даже в Староместе сыскать было не просто.

В то время (как и теперь, впрочем) невежественные и суеверные люди полагали, что земля плоская и обрывается где-то на западе. Одни толковали об огненных стенах и кипящих морях, другие – о вечных черных туманах, третьи – о вратах в самую преисподнюю. Лишь ученые знали, что это не так. Всякому, у кого есть глаза, видно, что луна и солнце суть сферы; не следует ли предположить, что и земля такова? Архимейстеры Цитадели в этом не

сомневались, как не сомневались валирийские владыки драконов и мудрецы Кварта, Йи Ти и Ленга.

Но в том, что касалось величины земной нашей сферы, между архимейстерами согласия не было. Одни полагали, что Западное море столь велико, что ни один человек не сможет его пересечь. Другие говорили, что оно не шире, чем Летнее море между Бором и Великим Мораком: расстояние, конечно, огромное, но знающий капитан на хорошем корабле может его одолеть. Западный путь к шелкам и пряностям Йи Ти и Ленга сделал бы открывшего его человека баснословно богатым... будь земная сфера и впрямь так мала.

Алис Вестхилл в это не верила. Еще в детстве, судя по скудным заметкам, оставшимся после нее, она полагала, что «мир куда больше и куда диковиннее, чем думают мейстеры». Купецкое стремление прийти в Ультос или Асшай с запада ее не прельщало. Между Вестеросом и далекими восточными берегами Эссоса с Ультосом ей виделись сказочные, не открытые еще земли: новый Вестерос, новый Эссос, новый Соторос. Виделись широкие равнины, бурные реки, горы с заоблачными вершинами, зеленые острова. Виделись никем не прирученные звери, никем не отведенные плоды и золотые города под чужими звездами.

Не ее первую посетила эта мечта. За тысячи лет до Завоевания, когда Севером правили еще Короли Зимы, Брандон Корабельщик построил целый флот и сам повел его через Закатное море. Назад он не вернулся, и сын его, тоже Брандон, сжег верфи, где строились корабли, за что был прозван Брандоном Поджигателем. Тысячу лет спустя Железных Людей с Большого Вика унесло далеко на северо-запад, и через восемь дней они наткнулись на кучку скалистых островков. Их капитан выстроил там маяк и взял себе имя Фарвинд Первопроходец, а новое свое владение назвал Одиноким Светом. Его потомки до сих пор ютятся на этих скалах, где тюленей в пятьдесят раз больше, чем их. Даже Железные Люди считают Фарвиндов безумными и называют тюленьим народом.

И Брандон Корабельщик, и Железные Люди шли через северные моря, в чьих холодных серых водах плавают чудовищные кракены, морские драконы и левиафаны величиной с острова, а морозный туман скрывает плавающие ледяные горы. Алис Вестхилл собиралась идти не их путем, а куда более южным курсом, через теплые воды, где дуют попутные ветры. Но сначала нужно было набрать матросов.

Одни смеялись ей в лицо, другие называли безумицей и ругались. «Невиданные звери там точно водятся, – говорил один капитан, – и один из них как пить дать тебя сожрет». Но в надежных склепах Железного банка

лежала еще куча золота, вырученного за драконьи яйца; леди Алис предлагала за работу втрое больше, чем прочие капитаны, и охотники малопомалу стали отыскиваться.

Ее труды неизбежным образом привлекли внимание лорда Хайтауэра. Он послал своих внуков Юстаса с Норманом, опытных моряков, допросить леди Алис и заковать в железо, буде они сочтут это нужным. Вместо этого молодые люди предложили отважной путешественнице себя и свои корабли, и от матросов, желающих к ней наняться, не стало отбоя: раз уж Хайтауэры куда собрались, жди хорошей поживы. «Летящий за солнцем» отплыл из Староместа в двадцать третий день третьего месяца 56 года курсом на Шепотный залив; его сопровождали «Осенняя луна» сира Нормана и «Леди Мередит» сира Юстаса.

Произошло это как нельзя более вовремя, ибо вести о мореплавательнице достигли наконец Королевской Гавани. Джейехерис, тут же разгадав, кто скрывается под именем Алис Вестхилл, послал к лорду Доннелу воронов с приказом взять оную женщину под стражу и доставить в Красный Замок. Но то ли вороны запоздали, то ли, как полагает кое-кто по сей день, Доннел Медлительный вновь промедлил. Опасаясь королевского гнева, он снарядил самые быстроходные свои корабли в погоню за Алис, но все они вернулись ни с чем: поди-ка догони в бескрайнем море «Летящего», когда он идет на всех парусах!

Тогда король задумал вылететь сам: быть может, Вермитор отыщет беглянку там, где не сумели найти корабли лорда Хайтауэра. Самая мысль об этом привела королеву в ужас. Даже дракону нужно иногда отдыхать, говорила она, а в Закатном море, судя по картам, нет ни одного островка, на который он мог бы сесть. Когда ее поддержали великий мейстер и септон Барт, Джейехерис нехотя отказался от своего замысла.

Тринадцатый день четвертого месяца 56 года выдался холодным и серым, с резким восточным ветром. Король, согласно придворным хроникам, завтракал с послом Железного банка, приехавшим получить очередной взнос в счет ссуды. Беседа у них сложилась не слишком мирно. Джейехерис, уверенный, что Элисса Фармен построила свой корабль в Браавосе, спрашивал, не Железный ли банк дал ей на это денег, и желал знать, известно ли банку что-нибудь о драконьих яйцах. Посол отрицал то и другое, не моргнув глазом.

Алисанна проводила утро с детьми. Дейенерис все-таки полюбила братика, хотя и жалела, что он не сестренка. Септон Барт находился в библиотеке, великий мейстер Бенифер – в воронятнике, лорд Корбрей – в восточных казармах городской стражи, Рего Драз принимал в своем доме

близ Драконьего Логова молодую девушку нестрогого поведения.

Все они хорошо запомнили, что делали в тот миг, когда слышали рог. «Звук этот пронзил меня как ножом, – говорила впоследствии королева, – хотя я затруднилась бы сказать почему». Тревогу протрубил часовой на сторожевой башне у Черноводного залива, увидев вдали чьи-то черные крылья. Он подул в рог снова, когда черный летун приблизился, и в третий раз, когда хорошо разглядел дракона на сером ненастном небе.

Балерион вернулся в Королевскую Гавань.

Годы прошли с тех пор, как над городом видели Черный Ужас, и многие горожане перепугались, решив, что сам Мейегор Жестокий вернулся к ним с того света. Но на драконе, увы, сидел не покойный король, а умирающая принцесса.

Балерион, накрыв своей тенью весь Красный Замок, опустился во внутренний двор крепости Мейегора. Эйерея тут же соскользнула с его спины, но даже те, кто часто видел девочку при дворе, не сразу ее признали. Изорвавшаяся в лохмотья одежда едва прикрывала тело, волосы спутались, руки и ноги превратились в тонкие палочки. «Прошу вас... Я никогда...» – крикнув это рыцарям, оруженосцам и слугам, Эйерея лишилась чувств.

Сир Люкамор Стронг, несший караул на мосту через сухой ров вокруг крепости, подхватил ее на руки и понес к великому мастеру. После он рассказывал, что чувствовал снедающий ее жар даже сквозь свой чешуйчатый панцирь. Глаза у нее налились кровью, а «внутри что-то шевелилось и дергалось». Рассказывал он, впрочем, недолго: на следующий день король вызвал его и приказал молчать.

За королем и королевой послали немедленно, но Бенифер их к себе не пустил, сказав, что им не следует видеть Эйерею такой. У мастерских покоев поставили часовых; впустили одного лишь септона Барта, чтобы тот дал последнее напутствие умирающей. Бенифер напоил больную маковым молоком и посадил в ледяную ванну, но больше ничем не мог ей помочь. Все, кто был в Красном Замке, молились за здоровье Эйереи в септе, король с королевой несли бдение у дверей. Солнце зашло, и близился час нетопыря, когда Барт возвестил о кончине Эйереи Таргариен.

На рассвете принцессу, закутанную с головой в белый саван, возложили на погребальный костер. Великий мастер, готовивший ее к погребению, сам выглядел полумертвым, как сказал лорд Редвин своим сыновьям. Было объявлено, что племянница короля умерла от горячки, и всех добрых подданных просили молиться о ней. После недолгого траура жизнь в Красном Замке пошла своим чередом, и об умершей больше не

поминали.

К разгадке сей таинственной смерти мы не приблизились и теперь.

Великих мастеров в Красном Замке сменилось около сорока. Их письма, счетные книги, воспоминания и придворные календари служат нам единственным путеводителем во мраке прошлого, но не все ученые мужи одинаково аккуратны. Если одни сообщают даже о том, что король ел на ужин и понравились ли ему эти блюда, то другие отделяются десятком записей в год. Бенифер в этом смысле числится среди наилучших: его письма и дневники подробно повествуют о том, что он делал и наблюдал при королях Мейегоре и Джейехерисе, однако в них не найдется ни единого слова о возвращении Балериона и о том, как умерла Эйерея. Септон Барт, к счастью, менее сдержан; к его запискам мы и обратимся сейчас.

«Я не сплю уже три ночи со смерти принцессы, – пишет он, – и не знаю, смогу ли уснуть в дальнейшем. Я всегда верил в милосердие Матери и справедливость Отца, но нет ни милосердия, ни справедливости в том, что приключилось с этим несчастным ребенком. Как могут боги быть столь слепы или столь равнодушны, что допускают подобное? Или во вселенной есть и другие боги, о которых говорят нам жрецы красного Рглора? Злые боги, которым наши короли и наши Семеро все равно что мухи?

Не знаю и не хочу знать. Если это делает меня невером, быть по сему. Мы с великим мастером сговорились не рассказывать никому о том, что видели у него в покоях: ни королю, ни королеве, ни матери усопшей девочки, ни даже архимейстерам Цитадели. Но память не дает мне покоя, и я хочу записать всё здесь. Быть может, к тому времени, когда это найдут и прочтут, люди будут лучше понимать природу такого зла.

Мы сказали всем, что Эйерея умерла от горячки. Так оно и есть, но такой горячки я еще не видывал и надеюсь впредь не увидеть. Девочка *сгорала заживо*. Когда я положил ей руку на лоб, мне показалось, что меня облили кипящим маслом. От нее остались кожа да кости, но мы видели также и опухоли, как будто... Нет, не «как будто»: я пишу о том, что видел собственными глазами. В ней вздувалось и опадало нечто живое, искавшее выхода. Это причиняло несчастной такую боль, что даже маковое молоко помогало плохо. Мы сказали королю, что Эйерея ни слова не вымолвила, и скажем то же самое ее матери, но это неправда. Я молюсь о том, чтобы поскорей забыть о том, что шептали мне ее растрескавшиеся в кровь губы. Забыть, как молила она о смерти.

Всё врачебное искусство было бессильно против этой горячки, если можно назвать столь обычным именем ужас, который мы видели. Кожа больной потемнела и стала трескаться, напоминая, да помогут мне Семеро,

поджаристую свиную корочку. Дым повалил изо рта, носа и нижних губ, да простится мне сия непристойность. Девочка к тому времени замолчала, но нечто внутри нее продолжало двигаться. Глаза спеклись и лопнули, как два яйца, которые слишком долго варились.

Я думал, что страшнее этого ничего быть не может, но худшее ждало меня впереди. Мы с великим мастером погрузили бедное дитя в ванну со льдом. Думаю, от этого у нее сразу остановилось сердце... и хорошо, если так, ибо то, что было внутри, теперь полезло наружу.

Эти твари... смилуйся, Матерь... я не знаю, как описать их. Черви с лицами, змеи с руками...слизистая гнусь, которая извивалась и копошилась, вырываясь из ее тела. Некоторые всего с мизинец, но одна была в руку длиной. А звуки, которые они издавали, спаси меня Воин!

Все они, однако, издохли. Я все время напоминаю себе об этом. Порождению огня во льду пришлось худо. Они бились в ледяной воде и подышали у меня на глазах, хвала Семерым. Не беру на себя смелость дать какое-то название этому ужасу».

На этом кончается первая часть повествования, но несколько дней спустя Барт записывает:

«Принцесса Эйерея ушла от нас, но люди о ней не забыли. В септах молятся о ее невинной душе, за стенами септ задают одни и те же вопросы. Где больше года пропадала принцесса? Что ее привело домой? Не Балерион ли был тем чудовищем, что охотилось в Бархатных холмах Андалоса? Не он ли зажег большой пожар в Спорных Землях? Не он ли, долетев до самого Астапора, стал тем самым драконом в бойцовой яме? Отвечаю: нет, нет и нет. Это чистейший вздор.

Но если даже оставить в стороне эти сказки, тайна все равно остается. Куда отправилась принцесса после отлета с Драконьего Камня? Королева Рейена думала, что ее целью был Красный Замок, – девочка не скрывала, что скучает по придворной жизни, – но там Эйереи не оказалось. Вслед за этим Рейена искала дочь на Светлом острове и в Староместе, что имело свой смысл, но и там ее не было. Никто во всем Вестеросе не видел ее. Многие, включая королеву Алисанну и меня самого, полагали, что Эйерея улетела не на запад, а на восток, и ее следует искать в Эссосе. Ее величество была особенно уверена в том, что девочка замыслила сбежать от матери в Вольные Города. Но шпионы Рего Дразы не нашли никаких следов и за Узким морем. Отчего так?

Не имея никаких доказательств, я все же могу дать ответ. Эйерее в день побега не исполнилось еще и тринадцати, и на драконах она пока не летала, но выбрала почему-то Балериона, а не одного из молодых и более

послушных зверей. Быть может, девочка, которая постоянно ссорилась с матерью, просто хотела, чтобы ее дракон был больше и страшнее, чем Огненная Мечта Рейены. Быть может, ею руководило также желание укротить зверя, убившего ее отца и отца дракона над Божьим Оком; но отца своего Эйерея не знала, и нам неизвестно, какие чувства она питала к нему. По той или иной причине выбор был сделан.

Быть может, принцесса и впрямь намеревалась лететь в Королевскую Гавань, как думала ее мать. Могла она также навестить сестру-близнеца в Староместе или отправиться на поиски леди Элиссы Фармен, которая уехала путешествовать без нее вопреки своему обещанию. Но ее планы, каковы бы они ни были, не сбылись. Одно дело сесть на дракона, совсем другое – подчинить его своей воле, особенно такого старого и свирепого, как Черный Ужас. Вместо того чтобы строить догадки, куда улетела Эйерея на Балерионе, нам следовало бы задуматься, куда Балерион унес Эйерею.

На ум приходит только один ответ. Вспомним, что Балерион был самым крупным и *самым старым* из трех драконов, на коих летали Эйегон и его сестры в пору Завоевания. Вхагар и Мираксес вывелись уже на Драконьем Камне, но пять драконов, молодой Балерион в том числе, прилетели на остров вместе с Эйенаром Изгнанником и Дейенис Сновидицей. Четверо других умерли по прошествии лет, Балерион же знай себе рос, матерел и становился все злее. Если не принимать во внимание рассказы шарлатанов всякого рода, он может быть единственным живым существом, помнящим Валирию перед Роком.

Туда-то и унес Черный Ужас бедное обреченное дитя, сидящее у него на спине. Я бы очень удивился, узнав, что Эйерея полетела туда по собственной воле; у нее попросту не достало сил и умения его обуздать.

Не смею гадать, что с ней случилось в Валирии. Валирийцы не только укрощали драконов, они владели магией крови и прочими темными искусствами. Они извлекали из земли тайны, которые лучше оставить в покое, и творили чудовищных химер из плоти людей и животных. За это боги и покарали их. Все знают, что Валирия проклята: к ее дымящимся костям не подходят даже самые отважные мореходы, но неверно было бы думать, что ничего живого там нет. Там, видимо, обитают те самые твари, что вселились в принцессу, вкупе с другими ужасами, о коих лучше не помышлять. Я подробно описал, как умирала принцесса, но не упомянул о другом, еще более устрашающем: *на Балерионе тоже остались раны.*

Самый грозный дракон, когда-либо летавший в небесах Вестероса, вернулся к нам с полузажившими шрамами, которых прежде никто не помнил на нем, и с кровавой дымящейся раной футов девяти длиной на

левом боку.

Септоны и мастера Цитадели по-своему еще более горды, чем вестеросские лорды, но многого в этом мире мы пока не понимаем, а возможно, и никогда не поймем. Это, пожалуй, и к лучшему. Отец сотворил людей любопытными (чтобы испытать нашу веру, как говорят). Я сам грешен тем, что стремлюсь заглянуть во всякую закрытую дверь, но некоторые двери лучше не открывать. В одну из таких и вошла Эйерей Таргариен».

Так заканчивается повесть Барта об Эйерее. Больше он в своих писаниях о принцессе не поминал; даже приведенные нами заметки хранились запечатанными среди его личных бумаг и были найдены лишь сто лет спустя. Но те ужасы, что он увидел, не прошли бесследно: они возбудили в нем жажду знаний, которую он сам называл греховой. Сразу после гибели Эйереи Барт начал работать над тем, что впоследствии стало «Противоестественной историей драконов, змеев и вивернов» – книгой, которую Цитадель объявила «легковесными измышлениями», а Бейелор Благословенный велел изъять отовсюду и сжечь.

Есть вероятность, что Барт высказал свои соображения королю. На совете об этом не говорилось, но в том же году вышел королевский указ, запрещающий вход в гавани Семи Королевств всем судам, подозреваемым в посещении валирийских островов и Дымного моря. Тот же эдикт под страхом смерти запрещал вестеросцам бывать в Валирии.

Балериона первым водворили в Драконье Логово. Кирпичные ходы, уходящие глубоко в холм, были устроены как пещеры и впятеро превышали величиной логовища Драконьего Камня. К Черному Ужасу вскоре подселили трех драконов помоложе, но Вермитор и Среброкрылый по-прежнему жили в Красном Замке рядом со своими хозяевами. Чтобы случаи, подобные бегству Эйереи с Драконьего Камня, не повторялись, король приказал дено и ночно охранять всех драконов без исключения. Для этой цели учредили новый орден Драконьих Стражей. Они носили черную блестящую броню, а шлемы их увенчивал чешуйчатый гребень, спускающийся на спину.

Рассказ о возвращении Рейены с Эстермонта будет недолог. Когда в Зеленую Скалу прилетел ворон со скорбной вестью, принцесса уже умерла и была сожжена. Мать, прилетев на Огненной Мечте в Красный Замок, застала лишь пепел и кости. «Видно, мне на роду написано всюду опаздывать», – сказала она. Король предлагал ей схоронить прах на Драконьем Камне вместе со всеми усопшими Таргариенами, но она отказалась. «Драконий Камень дочь терпеть не могла. Она хотела летать».

Рейена поднялась в небо и развеяла прах Эйереи по ветру.

Возвращаться на Драконию Камень сама она также не пожелала. «Для меня там нет ничего, кроме горя и призраков». На вопрос Алисанны о Зеленой Скале Рейена ответила: «Там обитает свой призрак – добрее тех, но вселяющий одну только грусть». Король приглашал ее остаться при дворе и даже предлагал место в своем малом совете, но старшая сестра лишь рассмеялась на это: «Вряд ли мои советы, милый братец, придутся тебе по вкусу». – «Ты еще молода, – убеждала Алисанна, держа ее за руку. – Хочешь, мы найдем какого-нибудь славного лорда, который будет нежить тебя и лелеять? У тебя еще могут родиться дети». Рейена вырвалась и прорычала: «Одного мужа я скормила драконам, а другого, чего доброго, сама съем».

Тогда Джейехерис предложил ей поселиться в самом невероятном из всех мест: в Харренхолле. Джордан Тауэрс, один из последних лордов, сохранивших верность королю Мейегору, умер от грудной жабы, и руины Черного Харрена перешли к младшему из его сыновей, названному в честь покойного короля. Все старшие братья юного Тауэрса погибли на войнах короля Мейегора; в замке, способном вместить тысячи человек, кроме этого хилого мальчика, жили только его повар и трое пожилых латников. «В Харренхолле пять огромнейших башен, – сказал Джейехерис Рейене. – Лорд Мейегор занимает одну, четыре других можешь взять себе». – «Мне и одной хватит, – усмехнулась Рейена, – слуг у меня еще меньше, чем у него». На замечание Алисанны, что и в Харренхолле водятся призраки, сестра пожала плечами: «Они не мои и не станут мне докучать».

На том и порешили. Дочь одного короля, вдова двух других и сестра четвертого прожила свои последние годы во Вдовьей башне Харренхолла, а через двор от нее, в башне Страха, жил тезка короля, убившего отца ее дочерей. Со временем между ними, как ни странно, завязалось подобие дружбы; после смерти Мейегора Тауэрса в 61 году Рейена взяла к себе его слуг и кормила их, пока сама не скончалась.

Умерла Рейена в пятьдесят лет, в 73 году ОЗ. Потеряв Эйерею, они ни разу не была ни в Королевской Гавани, ни на Драконьем Камне и в государственных делах не принимала участия. Раз в году она летала в Старомест навестить дочь Рейеллу, служившую богам в Звездной септе. Под старость ее золотые с серебром волосы побелели; в речных землях ее боялись, считая ведьмой. Приходившим в Харренхолл странникам давали хлеб, соль и ночлег, но королеву они могли видеть лишь мельком, на стене замка или верхом на драконе: Рейена, начавшая летать с детских лет, летала на Огненной Мечте до конца.

Король Джейхерис приказал сжечь тело сестры и похоронить ее прах в Харренхолле. У ее погребального костра он сказал: «Мой брат Эйегон погиб от руки нашего дяди Мейегора в битве при Божьем Оке. Рейена, его жена и моя сестра, не пошла с ним на битву, но тоже рассталась с жизнью в тот день». Харренхолл со всеми его землями и доходами король пожаловал сиру Бевину Стронгу, брату королевского гвардейца сира Люкамора и не менее славному рыцарю.

Но до того как Неведомый пришел за Рейеной, в Семи Королевствах произошло немало всего – и хорошего, и дурного. Не будем же забегать вперед.

В 57 году боги вновь послали королю с королевой сына. Назвали его Бейелоном в честь одного из Таргариенов, который владел Драконьим Камнем до Завоевания и тоже был вторым сыном. Родился он не таким крупным, как его брат Эйемон, но кричал громче, а сосал так рьяно, что кормилицы только диву давались. За два дня до его рождения белые вороны из Цитадели возвестили о приходе весны, и мальчика тут же прозвали Весенним Принцем.

Принцу Эйемону в ту пору минуло два, принцессе Дейенерис четыре. Брат и сестра были совсем непохожи. Дейенерис, веселая и живая, день-деньской скакала по замку на палочке с головой дракона, перепачканная травой и грязью; мать и няньки с ног сбивались, разыскивая ее. Эйемон рос серьезным, послушным и осторожным. Сам он читать пока не умел, но любил, чтобы ему читали. Королева, смеясь, говорила, что первым его словом было «почему».

За мальчиками великий мейстер Бенифер наблюдал особенно пристально. Раны, нанесенные стране враждой между двумя сыновьями Завоевателя, еще не до конца зажили, и Бенифер, как и многие лорды преклонных лет, опасался, как бы и эти двое в свой час не залили Вестерос кровью. Опасения оказались напрасными: не бывало еще на свете братьев столь дружных, исключая разве что близнецов. Младший, как только научился ходить, всюду следовал за старшим и во всем ему подражал. Когда Эйемону впервые сделали деревянный меч, а Бейелона сочли для этого слишком маленьким, он подобрал палку и вступил с братом в бой, насмешив до колик мастера над оружием.

Бейелон и спать ложился с этим своим «мечом», не поддаваясь на просьбы и мольбы. Эйемон, пишет Бенифер, в раннем детстве побаивался драконов, а вот Бейелон, когда его привели впервые в Драконье Логово, тут же стукнул Балериона по морде. «Этот малыш либо храбрец, либо сумасшедший», – сказал Кислый Сэм. С тех пор Весенний Принц стал

известен также как Бейелон Храбрый.

Маленькие принцы обожали сестру, она любила их и любила ими командовать, Джейехерис без памяти любил всех троих. Бенифер, однако, замечает, что наследником своим король всегда называл Эйемона, к неудовольствию Алисанны. «Дейенерис старшая, ей и быть королевой», – напоминала мать. «Она будет ею, когда они с Эйемоном поженятся, – отвечал на это отец. – Они будут править вместе, как мы с тобой». Но королеву, по словам Бенифера, это не очень устраивало.

В том же 57 году король освободил Милса Смолвуда от обязанностей десницы. Лорд, бесспорно преданный и старательный, советником оказался неважным. «Я создан для седла, а не для мягкого кресла», – не раз говорил он сам. Повзрослевший и умудренный опытом Джейехерис заявил, что копаться в сотнях имен более не намерен и сразу назначит десницей того, кто ему угоден: септона Барта. Лорд Корбрей напомнил, что септон низкого рода, но король лишь пожал плечами: «Что из того, если его отец ковал мечи и подковывал лошадей. Рыцарю нужен меч, коню подковы, мне – Барт».

Новый десница тут же отплыл в Браавос на переговоры с Морским Начальником и Железным банком. Сопровождал его сир Джайлс Морриген с шестью гвардейцами, но все беседы Барт вел один. От исхода переговоров зависело, быть войне или нет. Король, уважая Браавос и помня об отношении города к драконьим лордам Валирии, сам от визита пока воздерживается, сказал Барт Морскому Начальнику; но если он, десница, не сумеет решить дела миром, то его величество прилетит в город на Вермиторе и продолжит беседу «в ином ключе». На вопрос морского лорда, что же это за дело такое, септон с печальной улыбкой ответил: «Притворяться нет нужды. Речь идет о неких трех яйцах».

«Не понимаю, – возразил Морской Начальник. – Если бы они у меня и были, то лишь потому, что я их купил».

«Вы их купили у вора».

«Чем вы это докажете? Разве вор был схвачен и признан виновным? Браавос живет согласно закону. Может ли законный владелец доказать свое право на эти яйца?»

«Король докажет вам, что владеет драконами».

«Завуалированная угроза, – улыбнулся Морской Начальник. – Ваш король ловко ими пользуется. Он сильнее своего отца, теньше дяди. Я прекрасно знаю, что мог бы сделать с нами Джейехерис, если бы захотел. У браавосцев долгая память, и мы хорошо помним древних драконьих лордов. Впрочем, и мы не столь уж безобидны. Мне высказаться прямо или

оставить угрозу завуалированной?»

«Как вашей милости будет угодно».

«Ну что ж... Ваш король может сжечь мой город дотла. В драконьем огне погибнут тысячи горожан – мужчины, женщины, дети. Той же монетой я Вестеросу отплатить не сумею. Мои наемники обратятся в бегство перед вашими рыцарями; мой флот на время вытеснит с моря ваш, но корабли строятся из дерева, а дерево хорошо горит. Есть у нас, однако, некая гильдия, члены коей отменно владеют своим ремеслом. Они не уничтожат Королевскую Гавань и не покроют ее улицы трупами, но убить нескольких избранных им не составит труда».

«Короля денно и нощно охраняет Королевская Гвардия».

«Да, рыцари... как тот, что ждет вас снаружи. А что, если сир Джайлс уже мертв? – Септон Барт привстал было, но Морской Начальник махнул рукой. – Сядьте. Я сказал «если», хотя и думал об этом. Но его смерть повлекла бы за собой гибель многих невинных, чего я совсем не желаю. Довольно угроз. Вы, вестеросцы, полагаете себя воинами, мы же люди торговые – давайте-ка поторгуемся».

Барт сел поудобнее: «И что же вы предлагаете?»

«Вы не докажете, что эти яйца находятся у меня. Даже будь это так, до поры они остаются простыми камешками... не посетует же король Джейхерис на то, что у меня завелись три новых красивых камня? Три дракончика, конечно, другое дело, тут я его понимаю. Ваш король, право же, восхищает меня. Он гораздо лучше своего дяди, и Браавос не хотел бы видеть его несчастным. Позвольте мне предложить вам золота за три этих камня».

Тут-то и начался настоящий торг.

Многие и посейчас думают, что Морской Начальник облапошил, одурачил и унизил септона Барта: нельзя ведь отрицать, что тот вернулся в Королевскую Гавань без драконьих яиц. Однако съездил он совсем не напрасно: Железный банк по просьбе Морского Начальника простил Железному Трону весь оставшийся долг.

«И всё это за каких-то три камешка», – сказал Барт королю.

«Для Морского Начальника будет лучше, если камешки так и останутся окаменевшими, – ответил ему Джейхерис. – При малейшем слухе, что из них что-то вывелось, его дворец запылает первым».

Соглашение с Железным банком принесло большую пользу всему Вестеросу, хотя и не сразу. Мастер над монетой Рего Драз долго сидел над счетными книгами и наконец объявил, что предназначенные банку деньги можно употребить на благоустройство Королевской Гавани, столь

желанное королю.

Многие улицы уже расширили, выпрямили и вымостили булыжником, но сделать предстояло еще немало. Королевская Гавань в нынешнем своем виде не могла сравниться ни со Староместом, ни с Ланниспортом, не говоря уж о великолепных Вольных Городах за морем. Король решил это неравенство устранить. По его приказу распланировали сеть подземных каналов для отвода нечистот с городских улиц в реку.

Септон Барт обратил его внимание и на нечто другое: питьевая вода в столице, по мнению многих, годилась лишь для лошадей и свиней. Сточные канавы еще более загрязнят реку, а в заливе вода не чище и к тому же соленая. Король и его двор пьют вино, мед и пиво, бедняки же принуждены пить из дурно пахнущей Черноводной. Барт предлагал выкопать колодцы, как в городе, так и к северу от его стен. Оттуда вода по глиняным туннелям и трубам будет поступать в четыре городские цистерны, и горожане будут брать ее из фонтанов на перекрестках и площадях.

Стоило это дорого, и король с Рего Дразом чесали в затылках, но на следующем совете Алисанна подала всем по кружке речной воды. Пить ее король и лорды не стали, а колодцам дали добро. На строительство ушло около дюжины лет, но после «фонтаны королевы» поставляли чистую воду многим поколениям жителей.

Король давно уже никуда не ездил, и в 58 году они с Алисанной решили посетить Север. За Перешейком расстояния велики, а дороги плохи, к тому же королю наскучило вылетать вперед и ждать, когда свита его догонит. Он решил на сей раз послать придворных и слуг вперед, и они отплыли на трех кораблях в Белую Гавань, чтобы достойно подготовиться к прибытию королевской четы.

Боги и Вольные Города, однако, распорядились по-своему. Пока королевские корабли шли на Север, в Красный Замок приехали послы Тироша и Пентоса. Эти города уже три года воевали между собой и желали заключить мир, но не могли прийти к согласию о месте переговоров. Война порядком мешала передвижениям по Узкому морю, и Джейехерис охотно предложил свою помощь. После долгих прений тирошийский архон и принц Пентоса согласились встретиться в Королевской Гавани, если Джейехерис будет посредником.

Отказываться не приходилось, но это значило, что поездка на Север откладывается; король и совет опасались, как бы лорд Винтерфелла, известный своей обидчивостью, не обиделся еще больше. Выход из положения нашла Алисанна: пока король будет принимать у себя архона и

принца, она отправится в путь одна, а сразу после заключения мира король присоединится к ней в Винтерфелле.

Королева начала свое путешествие в Белой Гавани, где тысячи горожан, приветствовавших ее, глазели на Среброкрылого с почтением и примесью ужаса. Раньше северяне драконов не видывали, и такому многолюдству удивлялся даже их лорд. «Не знал, что их столько, – говорил Теомор Мандерли, – откуда ж они все повылезли?»

Мандерли среди великих домов Севера стоят наособицу. Раньше они жили в Просторе и нашли убежище в устье реки Белый Нож, когда враги согнали их с богатых земель на Мандере. Накрепко преданные Старкам из Винтерфелла, они тем не менее привезли с юга свои обычаи, поклонялись Семерым и блюли традиции рыцарства. Алисанна, всегда искавшая случая сплотить Семь Королевств еще больше, усмотрела несколько брачных возможностей в семействе Мандерли, славном своей многочисленностью. К отъезду королевы две ее фрейлины были помолвлены с младшими сыновьями лорда, а третья – с племянником; в то же время старшей дочери и трем племянницам Теомора предстояло ехать с Алисанной на юг, где им обещали найти женихов среди придворных лордов и рыцарей.

Лорд Мандерли не скупился, принимая гостей. На пиру в честь прибытия подавали зажаренных целиком зубров, и дочь его милости Джессамин сама подливала королеве крепкий северный эль, который Алисанна нашла вкуснее всех вин, что ранее пробовала. Был устроен также турнир. Один из бойцов, не будучи рыцарем, оказался девушкой из одичалых; разведчики Дозора нашли ее к северу от Стены и отдали в приемыши домашнему рыцарю лорда Мандерли. Алисанна, в восторге от этой девицы, кликнула собственную телохранительницу, и Алая Тень с мечом сразилась против одичалой с копьем под громкий рев северян.

Пару дней спустя королева собрала в чертоге лорда сотни две женщин и девушек; раньше на Севере о таком не слыхали.

Покинув гостеприимный город, свита королевы поднялась по реке до порогов и продолжила путь в Винтерфелл по суше, Алисанна же вылетела вперед. Разницу между Винтерфеллом и Белой Гаванью она почувствовала немедля: когда Среброкрылый сел перед воротами замка, встречать ее выехали только лорд Аларик и его сыновья. Владелец Винтерфелла пользовался репутацией человека сурового, непрощающего, скупого и неулыбчивого. Даже его знаменосец Теомор Мандерли не скрывал, что Старка на Севере уважают, однако не любят. Дурак лорда Мандерли высказался более прямо: «Мне сдается, у лорда Аларика запор с юных лет».

Алисанна сразу поняла, что ничего хорошего от дома Старков она не дождется. Едва успев спешиться и склонить колено, лорд сказал ей: «Надеюсь, вы захватили что-нибудь потеплее» и дал понять, что не потерпит дракона в своих стенах. «В Харренхолле я не бывал, но знаю, что там случилось». Свиту ее он, разумеется, примет, «и короля тоже, коли найдет дорогу», но задерживаться им здесь не следует. «Это Север, и зима близко. Тысячу человек нам долго не прокормить». Услышав от королевы, что ее сопровождает вдесятеро меньше людей, лорд Аларик буркнул: «Тем лучше». Он, как и боялись в Красном Замке, остался недоволен, что королева прилетела одна, и признался, что занять ее ничем не сумеет: «Балы да маскарады у нас не заведены».

Лорд Старк овдовел три года назад. Когда Алисанна выразила сожаление, что так и не повидалась с его женой, он сказал: «Она была Мормонт с Медвежьего острова, не совсем леди по вашим понятиям. Зато в двенадцать лет отбилась с топором от стаи волков, двух убила и сшила себе плащ из их шкур. А еще она подарила мне двух крепких сынов и красавицу дочь, ничем не хуже ваших южанок».

На предложение ее величества поженить его сыновей с дочерьми великих южных домов Старк ответил решительным отказом: «Мы здесь по-прежнему чтим старых богов. Мои мальчики поженятся перед сердцем-деревом, а не в септе».

Но Алисанна так легко не сдалась. На юге старых богов чтут наряду с новыми, сказала она; почти в каждом из знакомых ей замков есть, кроме септы, и богороцца. В дюжине домов, как и на Севере, Семерых вовсе не приняли: взять хоть Блэквудов в речных землях. Против ее упрямого обаяния не устоял даже такой кремень, как Аларик Старк. Он сказал, что подумает и поговорит с сыновьями.

Чем больше он ее узнавал, тем теплее к ней относился, и она поняла, что не все слухи о нем правдивы. Аларик берёт деньги, но не скупердяйничал; не был он чужд и веселью на свой северный лад, а дети и все домочадцы его любили. Когда растаял первый ледок, лорд поохотился с королевой на лося и вепря в Волчьем лесу, показал ей великанские кости и позволил рыться в своей скромной библиотеке сколько душе угодно. Он даже к Среброкрылому стал подходить, хотя и с опаской. Подружилась королева и с винтерфеллскими женщинами, особенно с Аларрой, дочерью лорда. Когда королевская свита одолела наконец летние снега и обширные болота, их встретили горы мяса и реки меда.

В Королевской Гавани тем временем всё складывалось не столь удачно. Переговоры затягивались, и Джейхерис начинал понимать, что

раздор между двумя городами куда глубже, чем он полагал. Когда он пытался прийти к согласию, каждая сторона обвиняла его в потворстве другой. Ни принц, ни архон не уступали ни пяди, а люди их дрались меж собой в городских кабаках и борделях. В одну из ночей был убит пентошийский гвардеец, в другую загорелась в гавани личная галера архона; отъезд короля постоянно откладывался.

Королева, устав от ожидания, решила навестить братьев Ночного Дозора. На пути в Черный Замок она останавливалась в Последнем Очаге и других усадьбах, к изумлению и восторгу хозяев. Часть свиты как могла поспевала за ней, остальные сидели в Винтерфелле.

При виде Стены, как после рассказывала она королю, у Алисанны захватило дыхание. То, как примут ее в Черном Замке, вызывало некоторые сомнения, ведь многие черные братья служили раньше в Честных Бедняках и Сынах Воина. Но лорд Старк послал воронов предупредить о визите королевы, и лорд-командующий Лотор Бэрли собрал для встречи восемьсот человек. Гостью потчевали мясом мамонта, запивая его медом и водкой.

На рассвете следующего дня лорд Бэрли поднялся с королевой на Стену. «Это край света», – сказал он, обводя рукой бескрайний Зачарованный лес на той стороне. Он также извинился за неудобства, которые ее величеству пришлось терпеть в Черном Замке: «Мы сделали что могли, но постели у нас жесткие, чертоги холодные, а еда...»

«Она питательна, – прервала королева, – а больше ничего и не нужно. Я не капризна и буду есть то же, что и вы».

Дракон поразил дозорных не меньше, чем жителей Белой Гавани, но ему самому, как заметила королева, «Стена не пришлась по вкусу». Летом она истекла слезами, но холодом от нее все же веяло, и Среброкрылый, чувствуя это, шипел и скалился. «Трижды я пыталась направить его за Стену, – писала королю Алисанна, – но он каждый раз отказывался и поворачивал обратно на юг, хотя раньше всегда меня слушался. Перед братьями я притворилась, что хотела лишь покружить над замком, но его поведение обеспокоило меня и до сих пор беспокоит».

Там же, в Черном Замке, королева впервые увидела одичалых. Сюда доставили в клетках несколько человек, захваченных при попытке взобраться на Стену. На вопрос, что с ними сделают, королеве ответили, что им отрежут уши, а потом отпустят на волю. «Кроме вот этих, которым отрубят головы, – добавил черный брат, показывая на трех пленников с уже отрезанными ушами. – Они уже раз попались». Он надеялся, что остальные усвоят полученный урок и будут впредь держаться на той стороне Стены, «хотя так редко бывает».

Трое братьев, бывших певцов, по вечерам развлекали королеву балладами, военными песнями и озорными казарменными куплетами. В сопровождении лорда-командующего и сотни разведчиков Алисанна совершила прогулку в Зачарованный лес и выразила желание посетить другие крепости Ночного Дозора. Первый разведчик Бентон Словер повез ее по Стене на запад; миновав Снежные Врата, они достигли Твердыни Ночи и там устроились на ночлег. Ничего похожего на эту езду королева еще не испытывала: «Просто дух захватывает, хотя и страшно: ветер там такой, что того и гляди снесет вниз». Твердыня Ночи показалась ей зловещей и мрачной. «Замок так огромен, что люди чувствуют себя как мыши в развалинах большого чертога, – рассказывала она Джейехерису, – и есть в тамошнем воздухе нечто такое, что я рада была уехать».

Не следует, впрочем, думать, что королева проводила время в одних только развлечениях. Она напомнила лорду-командующему, что прибыла сюда как посланница Железного Трона, и посвятила многие часы беседам о нуждах Дозора.

«Королева прежде всего должна уметь слушать», – часто говаривала она. В Черном Замке Алисанна доказала, что умеет это делать как нельзя лучше, и заслужила вечную признательность Ночного Дозора. Замок между Снежными Вратами и Ледовым Порогом, конечно, необходим, сказала она лорду Бэрли, но Твердыня Ночи слишком велика, сильно разрушена, и протопить ее наверняка невозможно. Лучше оставить ее и построить другой небольшой замок ближе к востоку. Так-то оно так, отвечал Бэрли, но на постройку новых замков у Дозора нет средств. Королева, предвидевшая это, сказала, что жертвует на это свои драгоценности, «которых у нее много».

Замок, построенный восемь лет спустя, получил название Глубокое Озеро. В нем по сей день стоит статуя Алисанны Таргариен. Твердыню Ночи, по желанию королевы, забросили еще до завершения нового замка, а Снежные Врата лорд Бэрли в ее честь переименовал во Врата Королевы.

Королева желала также повидать местных женщин. Бэрли объяснял ей, что на Стене женщин нет, но она настаивала; тогда он с большой неохотой проводил ее в деревушку под названием Кротовый городок. Здешние женщины в большинстве своем шлюхи, сказал он. Братьям Дозора жениться запрещено, но они остаются мужчинами, и у них есть свои нужды. Алисанна сказала, что ей это все равно. Свой женский сход она провела со шлюхами Кротового городка, и то, что она там услышала, навсегда изменило историю Семи Королевств.

В Королевской Гавани архон, принц и король наконец-то скрепили

своими печатями «вечный мир». Заключить договор, представлявшийся всем истинным чудом, помог туманный намек Джейхериса на вступление Вестероса в войну, если согласие не будет достигнуто. Архон по возвращении обозвал Королевскую Гавань зловонной язвой, не заслуживающей именоваться городом, а пентошийским магистрам условия мира до того не понравились, что они, как у них это принято, зарезали принца на жертвенном алтаре. Лишь тогда король полетел на Север и встретился в Винтерфелле с королевой. Полгода прошло со дня их разлуки.

Начало визита было зловещим: лорд Старк сразу же повел короля в крипту показать ему гробницу своего брата. «За то, что Уолтон лежит здесь, благодарить следует и ваше величество. Что за дело было северянам до Звезд и Мечей, огрызков ваших семи богов? Но вы слали их на Стену сотнями и тысячами, так что Дозор не знал уже, чем их кормить. Затем эти клятвопреступники восстали, и победа над ними стоила моему брату жизни».

«Жестокая цена, – согласился король, – но всё это случилось вопреки нашим намерениям. Примите мои соболезнования и мою благодарность, милорд».

«Я предпочел бы живого брата», – проворчал Старк.

Друзьями эти двое так и не стали: тень Уолтона Старка до конца стояла меж ними. Лишь старания королевы помогали им как-то ладить. Первым делом она обсудила с мужем Брандонов Дар – полосу земли южнее Стены, которую пожаловал Ночному Дозору Брандон Строитель. «Им этого мало, – говорила она. – Почва там скудная, дичи в холмах почти нет. Дозор нуждается в деньгах, а с приходом зимы будет нуждаться и в пище». Алисанна предлагала отдать братству еще один надел, южнее того, и назвать его Новым Даром.

Лорду Старку это предложение не понравилось. Он всегда был другом Дозора, но знал, что нынешние владельцы этих земель возмутятся, если дар будет сделан без их согласия. «Но вы, конечно же, сумеете их убедить, лорд Аларик», – сказала королева. Перед ней он, как и прежде, не мог устоять, и Дар таким образом увеличился вдвое.

Больше о пребывании короля и королевы на Севере сказать почти нечего. Погостив в Винтерфелле еще две недели, они проследовали в Торрхенов Удел и Барроутон, где лорд Дастин устроил в их честь нечто вроде турнира – зрелище небогатое по сравнению с южными состязаниями. Оттуда Таргариены отправились на драконах в обратный путь.

Свита еще не успела доехать до Белой Гавани, а в Красном Замке по просьбе королевы уже созвали совет. Алисанна поведала лордам о том, что

видела и слышала на Стене и в Кротовом городке.

«Есть там моя ровесница, все еще красивая, несмотря на все испытания. В четырнадцать лет отец ее, который был кузнецом, выдал ее замуж за своего подмастерья. Девушка и юноша любили друг друга, но на их свадьбу явился лорд и по праву первой ночи увез невесту в свой замок. Насладившись ею, он наутро вернул ее мужу, который сразу разлюбил обещенную жену. Не смея под страхом смерти поднять руку на лорда, он выместил злобу на ней и выбил из нее зачатого в ту ночь ребенка. Звал он ее не иначе как шлюхой, и жена решила: раз меня так называют, такой я и стану. Судьба забросила ее в Кротовый городок, где она с тех пор и живет, но другие лорды в других деревнях продолжают пользоваться своим правом с другими невестами. Той женщине пришлось хуже всех, но она не единственная: мне рассказывали о таких случаях и в Барроутоне, и в Белой Гавани. Милорды, это стало для меня откровением. Я, конечно, знала об этой традиции: даже на Драконьем Камне мужчины моего дома, Таргариены, имели детей от служанок и дочерей рыбаков...»

«Драконье семя, – нехотя проронил Джейехерис. – Хвалиться тут нечем, но случалось это чаще, чем нам бы хотелось признать. Отцы, впрочем, не оставляли своих детей. Сам Орис Баратеон был драконьим семенем, побочным братом моего деда. Не знаю, был ли он зачат в первую ночь, но все знали, что родился он от лорда Эйериона. Тот щедро одарил мать...»

«Одарил?! – гневно прервала королева. – Скажи еще, что он оказал ей честь. Я знала, что в старину это происходило сплошь да рядом, но как-то не задумывалась над тем, что обычай этот дожил до наших дней... быть может, не хотела задумываться. Я закрывала на это глаза, но женщина из Кротового городка мне их открыла. Молю вас, государь и милорды, покончить наконец с этим так называемым правом».

В чертоге, пишет Бенифер, стало тихо. Советники ерзали и переглядывались. «Это будет непросто, – сказал наконец король. – Лорды не любят, когда верховная власть что-то у них отбирает: золото, земли, права...»

«И жен? – подхватила Алисанна. – Будь ты кузнецом, а я прачкой, что бы ты сделал, если б некий лорд захотел лишить меня невинности в ночь нашей свадьбы?»

«Убил бы его, – сказал Джейехерис, – но ведь я не кузнец».

«А разве кузнец не мужчина? Кто, кроме труса, потерпит надругательство над своей молодой женой? Не хотим же мы, чтобы кузнецы убивали лордов. Я знаю, как погиб Гаргон Квохорис, Свадебный

Гость, – сказала королева великому мейстеру. – Сколько еще таких случаев вам известно?»

«Не перечить, – ответил Бенифер. – Об этом избегают говорить, боясь, что другие мужья сделают то же самое, но...»

«Право первой ночи есть нарушение королевского мира, – горячо продолжала Алисанна. – Оно оскорбляет не только девушку, но и ее жениха... не забудем и о жене лорда. Что делает высокородная леди, пока ее муж бесчестит чужую невесту? Шьет, играет на лютне, молится? Я бы на ее месте молилась о том, чтобы мой лорд-муж по пути домой свалился с коня и сломал себе шею».

Король улыбнулся на это, но видно было, что ему не до смеха. «Это очень древний обычай, – произнес он, – почти такой же, как право заточать и казнить. Мне сказали, что к югу от Перешейка им редко пользуются, но отмена его разозлит некоторых не слишком покорных мне лордов. Не надо будить спящего дракона, любимая».

«Спящие драконы – это мы! – воскликнула Алисанна. – А любители чужих невест – обыкновенные кобели. Почему от их похоти должны страдать девушки, только что давшие брачную клятву другому мужчине? У них что, жен нет? Шлюх недостает в их владениях? Руки у них отсохли?»

«Это не просто похоть, ваше величество, – вмешался лорд Альвин Масси. – Обычай этот древнее андалов и Семерых; он восходит к самым Рассветным Векам. Первые Люди были свирепым племенем и уважали, подобно нынешним одичалым, одну лишь силу. Все их вожди были могучими воинами и требовали того же от своих сыновей. Если воевода желал возлечь с девой в ее первую брачную ночь, в этом видели нечто вроде благословения; если же от его семени рождался ребенок, муж с гордостью говорил, что в семье у него растет сын героя».

«Может быть, десять тысяч лет назад всё так и было, – не сдавалась королева, – но теперь лорды уже не те. Слышали бы вы, что говорят о них женщины! Старые, толстые, грубые, слюнявые, золотушные, все в чирьях, гнилые, полгода не мывшиеся, вшивые – вот вам ваши герои. Ни одна из женщин, с которыми я говорила, благословленной себя не чувствовала».

«В Андалосе такого обычая не было, – заметил Бенифер. – Андалы, придя в Вестерос и разгромив королевства Первых Людей, просто сохранили его наряду с богорощами».

Тут слово взял септон Барт: «Простите мою смелость, государь, но ее величество, думается, права. Для Первых Людей этот обряд имел смысл, но Первые Люди дрались бронзовыми мечами и кормили чардрева кровью. Мы во всем отличны от них, и этому злу давно пора положить конец. Оно

вопиет против всех идеалов рыцарства. Наши рыцари клянутся защищать невинных дев... кроме тех случаев, когда лорд, коему они служат, пожелает испортить одну из них. Супруги же клянутся Отцу и Матери хранить верность друг другу, пока Неведомый не придет разлучить их, и об исключениях для лордов в Семиконечной Звезде нет ни слова. Ваше величество совершенно правы: некоторые лорды, особенно северяне, будут весьма недовольны, но все невесты, все женихи и все их родители поблагодарят нас за это, как изволила сказать королева. Праведные, думаю, примут нашу сторону, и святейший отец не замедлит изречь свое слово».

«Вижу, мне следует признать себя побежденным, – вскинул руки король. – Быть по сему».

Так был принят второй из законов Алисанны, как стал называть их народ: древнее право первой ночи было отменено. Закон провозглашал, что отныне девичество невесты, будь брак заключен в септе или перед сердцедеревом, принадлежит лишь ее мужу, и никому более. Всякий мужчина, будь он лорд или крестьянин, покусившийся на чужую жену в свадебную или любую другую ночь, будет обвинен в насилии над оной женой.

В конце 58 года ОЗ король Джейехерис отпраздновал десятую годовщину своей коронации в Звездной септе. Место зеленого юнца, которого увенчал короной верховный септон, занял муж двадцати четырех лет, король до мозга костей. На безусом прежде лице выросла пышная, золотая, прошитая серебром борода; не стриженные ни разу волосы, заплетенные в толстую косу, ниспадали до пояса. Высокий и красивый, он отличался грацией как на балу, так и в учебных боях. Улыбка его согревала сердца всех девушек в Семи Королевствах, а у мужчин кровь стыла в жилах, когда он хмурился. Сестру его и жену любили еще больше, чем самого короля: доброй королевой Алисанной называли ее люди от Стены до Староместа. По милости богов у них было уже трое детей: два крепыша-принца и прелестная принцесса.

За это десятилетие они познали горе и ужас, измену, раздор и утрату близких, но вышли из перенесенных бурь еще сильнее и чище. Свершения их были у всех на виду: в Семи Королевствах царил мир, и такого благоденствия не помнил никто из ныне живущих.

В честь годовщины устроили большой турнир в Королевской Гавани. Принцесса и принцы сидели с отцом и матерью в королевской ложе и кричали вместе со всеми что было сил. В конных поединках отличился сир Разм, младший сын лорда-адмирала Манфрида Редвина. Одного за другим он спёшил Роннала Баратеона, Артора Окхарта, Саймона Дондарриона, Хариса Хогга (в просторечии Харри-Огорока) и двух королевских

гвардейцев: Лоренса Рокстона и Люкамора Стронга. Когда он подъехал к ложе и короновал Алисанну королевой любви и красоты, народ разразился восторженными криками.

Лето подходило к концу, и придворные дамы шили себе платья цвета осенних листьев. На пир в конце турнира прибыл лорд Робар Баратеон с детьми Бормундом и Джослин; король и королева встретили его тепло, как близкого родича. Празднества привлекли в столицу многих великих лордов: Лимана Ланнистера, Дейемона Велариона, Прентиса Талли, Родрика Аррена. Приехали даже лорды Рован и Окхарт, поддерживавшие когда-то септона Муна. Теомор Мандерли представлял северян. Аларик Старк прислал вместо себя сыновей и дочь Аларру, назначенную новой фрейлиной королевы, а недужного верховного септона заменила недавняя септа Рейелла, носившая прежде имя Таргариен. Девочка осталась все такой же застенчивой, но улыбка не сходила с ее лица. Королева прослезилась, увидев в ней живой образ погибшей Эйереи.

Цвели улыбки, звенел смех, произносились здравицы, возобновлялись старые дружбы и завязывались новые, люди обнимались и целовались. Золотая осень радовала изобилием и покоем, но зима была близко.

Долгие годы Джейехериса и Алисанны. Политика, потомство, потери

В седьмой день 59 года в гавань Староместа приплелся корабль с рваными парусами и облупившимися бортами. Флаг на мачте так выгорел, что сделался неузнаваемым. Далеко не сразу в паруснике признали «Леди Мередит», ушедшую почти три года назад в Закатное море.

Моряки, купцы, грузчики, шлюхи, воры таращили глаза на сходящую с корабля команду. Девять из десяти черны что твои головешки! Неужто «Леди Мередит» впрямь пересекла Закатное море, где на сказочном дальнем западе живут, как на Летних островах, темнокожие люди?

Но вот на берег сошел сам сир Юстас Хайтауэр, внук лорда Доннела. Он исхудал, изжарился на солнце, ранние морщины покрыли его лицо. С ним были несколько староместян, остатки прежней команды. Один из таможенников, переговорив с ним, узнал, что матросы «Мередит» не просто похожи на летнийцев – это и есть летнийцы, нанятые за бешеные, по словам сира Юстаса, деньги вместо погибших в пути. Сир Юстас сказал еще, что трюм его полон товарами, но взяты они не в странах Закатного моря. «Это всего лишь мечта», – вздохнул капитан.

Вскоре прибыли рыцари лорда Доннела, чтобы проводить его в Высокую Башню. Там, сидя в дедовом чертоге над чашей вина, сир Юстас поведал свою историю. Писцы лорда Доннела записывали за ним, а гонцы, барды и вороны в считанные дни разнесли ее по всем Семи Королевствам.

Путешествие начиналось так, что лучше и желать невозможно. За Бором леди Вестхилл направила «Летящего за солнцем» на юг через юго-запад, в чаянии теплых вод и попутных ветров, а «Осенняя луна» и «Леди Мередит» последовали за ней. Браавосский галеон шел очень быстро, и Хайтауэры с трудом поспевали за ним. «Семеро улыбались нам поначалу. Днем светило солнце, ночью луна, и легкий ветер нес нас вперед. В море мы порой видели рыбаков, а однажды заметили большое темное судно, не иначе иббенийского китобоя. Рыба ловилась в изобилии, дельфины подплывали и смотрели на нас, будто никогда не видели корабля. Все мы думали, что боги благословили наш путь».

Через двенадцать дней капитаны, согласно своим вычислениям, прошли на юг до Летних островов, а на запад дальше всех мореплавателей (если другие корабли и заходили туда, то назад не вернулись). На «Луне» и

«Мередит» в честь такого события открыли бочки с борским золотым, на «Летящем» пили пряный ланниспортский мед. Если кто и заметил, что вот уже четыре дня они не видели птиц, то не стал поминать об этом.

Септоны и Семиконечная Звезда говорят нам, что боги не любят людской гордыни. Быть может, капитаны отпраздновали свою удачу слишком шумно и слишком рано; так или иначе, с тех пор удача стала им изменять. «Сначала настал штиль, – рассказывал сир Юстас. – Две недели ни ветерка: корабли приходилось тащить на шлюпках. На “Луне” в дюжине бочонков с солониной завелись черви – на первый взгляд, мелочь, но знак дурной. Наконец вернулся ветер, и небо на закате стало красным как кровь. Люди тревожились, на него глядя, а я лгал им, говоря, что это к добру. Ночью звезды скрылись, ветер завыл, и океан всколыхнулся».

За первым штормом последовали второй и третий. «Волны вздымались выше мачт, гром слышался отовсюду, молнии невиданной прежде силы слепили глаза. Одна из них расщепила до самой палубы мачту “Луны”. Мой помощник кричал о людях за бортом – худшего не может услышать ни один капитан. “Летящего” мы потеряли из виду, и каждый вал смывал в море новых людей. Я своими глазами видел, как затонула “Луна”: только что она была здесь, разбитая и пылающая, потом накатила волна, и ее не стало. Да, корабль потопила чудовищная волна, но мои матросы кричали: “Кракен, кракен!” – и я не мог переубедить их.

Не знаю, как пережили мы эту ночь. Наутро море успокоилось, на ясном небе сияло солнце: кто бы мог подумать, что под этой голубой гладью лежат останки моего брата и многих его людей? На “Леди Мередит” сорвало паруса, поломало мачты. Девять наших унесло в море. Помолившись за них, мы стали чинить корабль, и скоро дозорный увидел вдали паруса: к нам вернулся “Летящий за солнцем”».

Леди Вестхилл не просто пережила шторм: она нашла землю. Ветер и бурное море угнали ее на запад, и на рассвете матрос в «вороньем гнезде» увидел птиц, кружащих над увитой туманом горой. В той стороне лежали три необитаемых островка, «гора и два холмика». «Леди Мередит» была не в состоянии плыть сама, но три шлюпки с «Летящего» дотащили ее до суши.

Оба корабля простояли там две недели, починяясь и пополняя запасы. Леди Алис торжествовала: вот она, западная земля, которой нет ни на одной карте! Острова она назвала Эйегоном, Рейенис и Висеньей. Там били родники, бежали ручьи, и моряки наполнили пресной водой все опустевшие бочки. Из живности там водились дикие свиньи и серые ящеры с оленя величиной. На деревьях зрели орехи и фрукты.

Отведав их, Юстас решил, что дальше идти ни к чему. «Мы уже совершили свое открытие. Таких пряностей я ни разу не пробовал, а эти розовые плоды... здесь мы можем стать богачами».

Алис Вестхилл ушам не верила. Что это за открытие – три маленьких островка, самый большой из коих втрое меньше Драконьего Камня! Истинные чудеса ждут их на западе; быть может, за горизонтом лежит второй Эссос.

«Или тянется на тысячу лиг пустой океан», – возражал ей сир Юстас. Ни уговоры ее, ни мольбы не смогли его тронуть. «Если бы я даже и согласился, команда бы не позволила, – говорил он лорду Доннелу в Староместе. – Они все до одного утверждали, что видели, как гигантский кракен утащил в пучину “Осеннюю луну”. Прикажи я плыть дальше на запад, они бы утопили меня самого и выбрали в капитаны другого».

И вот корабли расстались. «Леди Мередит» повернула домой, на восток, леди Алис полетела вслед за солнцем на запад. Обратный путь оказался ничуть не менее труден. Их трепали штормы, хотя и не столь страшные, как тот, что потопил «Луну». Противные ветры вынуждали бесконечно лавировать. Один из трех серых ящеров, взятых на борт, укусил рулевого, и позеленевшую ногу пришлось отнять. Потом им встретилась стая левиафанов. Огромный белый самец, больше «Мередит», ударил ее с такой силой, что пробил борт. Тогда сир Юстас изменил курс и повел корабль к Летним островам – он полагал, что это самая близкая к ним земля. Но они отклонились слишком далеко к югу и вместо островов пришли к берегам Сотороса.

«Мы пробыли там целый год, пытаюсь сделать “Мередит” пригодной для плавания, но ущерб оказался больше, чем мы думали. Пожиться можно и там: золото, изумруды, пряности, создания одно другого диковеннее. Обезьяны, что ходят как люди, и люди, что воют как обезьяны; виверны, василиски, сто пород змей, и все ядовитые. Одни мои люди ночами исчезали бесследно, другие начали умирать. С матроса, укушенного мухой, три дня спустя начала сползать кожа, а из ушей, члена и зада потекла кровь. Всякий моряк знает, что от соленой воды люди сходят с ума, но там и пресная ненамного лучше. В ней водятся черви, почти не видные глазу: проглотить их, а они в тебе яйца отложат. Да еще лихорадка – что ни день, меньше половины людей для работы годятся. Мы все бы там перемерли, если б не летний корабль. Летнийцы, похоже, знают эту преисподнюю лучше, чем говорят. С их помощью мы кое-как дотащились до Высокодрева, а оттуда пошли домой».

Так закончились приключения Юстаса Хайтауэра, но что мы можем

сказать о приключениях Элиссы из дома Фарменов, назвавшей себя Алис Вестхилл? Ушедшего на запад «Летящего» не видел больше никто, разве что...

Много лет спустя Корлис Веларион, рожденный в 53 году на Дрифтмарке, совершил на своем «Морском змее» девять великих походов и побывал там, где не бывал до него ни один вестеросец. В первом своем путешествии он прошел через Яшмовые Врата в Йи Ти и на остров Ленг и вернулся с таким ценным грузом шелка, пряностей и драгоценных камней, что Веларионы на время сделались богатейшим домом Семи Королевств. Во втором сир Корлис прошел еще дальше к востоку и первым из вестеросцев достиг Асшая у Края Теней, черного и мрачного города колдунов, заклинающих тени. Потеряв там свою любовь и половину команды, он увидел в гавани старый обветшалый корабль и после клялся, что это мог быть только «Летящий за солнцем».

Но в 59 году шестилетний Корлис Веларион только мечтал о море; оставим его и вернемся в тот судьбоносный год, когда небеса заволоклись тучами и в Вестерос снова пришла зима.

Она длилась два года и выдалась необычайно суровой; с этим согласны все, кто ее пережил. Север пострадал больше всех: урожай на полях погиб, ручьи замерзли, над Стеной выли морозные ветры. Аларик Старк строго наказывал запасать половину каждого урожая на черный день, но не все лорды-знаменосцы его послушались. Когда их кладовые и житницы опустели, начался голод. Старики прощались с детьми и уходили в снега умирать, чтобы выжили молодые. В речных и западных землях, в Долине и даже в Просторе тоже жилось не сытно. Те, у кого были припасы, берегли их как зеницу ока. Хлеб дорожал, мясо и того пуще, овощей и фруктов не стало вовсе.

Потом пришла трясучка, а с нею Неведомый.

Мейстеры наблюдали эту болезнь еще век назад и описали ее в своих книгах. Полагали, что в Вестерос она приходит из Вольных Городов и еще более дальних стран, ибо первыми она поражала портовые города. Простой народ верил, что трясучку разносят крысы: не местные, большие и серые, а мелкие черные, что живут в корабельных трюмах и спускаются по канатам на берег. Цитадель этого так и не доказала, но всем Семи Королевствам, от замков до хижин, внезапно понадобились кошки. Котята во время поветрия продавались по цене боевых коней.

Признаки болезни были всем хорошо известны. Заболевшие жаловались на холод, подбрасывали лишнее полено в очаг, укрывались теплыми одеялами и мехами, просили горячего супу, подогретого вина и,

непонятно почему, пива. Но ни похлебка, ни одеяла не помогали. Больных трясло, а потом и корчило, мурашки двигались по их членам подобно неприятельской армии, зубы лязгали. Когда у жертвы синели губы и начинался кровавый кашель, все понимали, что это конец. Смерть наступала не позже суток с начала озноба, и выживал лишь один человек из пяти.

Не знали мейстеры одного: откуда болезнь берется и как ее вылечить. Пробовали всё: припарки, горчичники, зелья с драконьим перцем, вино со змеиным ядом, от которого губы немеют. Больных сажали в ванны с горячей, чуть ли не кипящей водой. Считалось, что помогают зеленые овощи, сырая рыба, мясо с кровью; порой лекари просто давали больным пить бычью кровь. В курильницах жгли целебные листья. Один лорд приказал развести вокруг своего ложа жаркий огонь, чтобы пламя стеной стояло.

В 59 году трясучка пришла с востока и двинулась вверх по Черноводной через залив. Сначала затрясло острова. Первым из лордов умер Эдвелл Селтигар, бывший десница и ненавистный всем мастер над монетой. Три дня спустя за ним последовал его сын и наследник. В Грачевнике умерли лорд и леди Стаунтон; их дети затворились в одной из спален, но это не помогло. На Драконьем Камне скончалась любимая септа королевы, Эдит. Деймон Веларион на Дрифтмарке выжил, но болезнь унесла его второго сына и трех дочерей. Колокола звонили по лордам Бар-Эммону и Росби, по леди Джирелле из Девичьего Пруда, по многим умершим простого звания.

Трясучка, не щадя ни титулов, ни богатства, забирала величайших лордов, благороднейших дам и доблестнейших рыцарей. Пуще всего она косила старых и малых, но мужчины и женщины в самом расцвете сил тоже не могли полагать себя в безопасности. В Риверране похоронили лорда Прентиса Талли и леди Люсинду. Уморив могущественного Лимана Ланнистера, трясучка взялась за меньших западных лордов: Марбранда из Эшмарка, Тарбека из Тарбека, Вестерлинга из Крэга. Лорд Тирелл в Хайгардене болезнь одолел, но вскоре погиб, свалившись пьяным с коня. Робара Баратеона зараза не тронула, дети его от королевы Алиссы переболели и выздоровели, но брата Роннала и двух невесток не стало.

Портовый Старомест потерял четверть своего населения. Юстас Хайтауэр, вернувшийся живым из злосчастного путешествия по Закатному морю, снова обманул смерть, но лишился жены и детей. Дед его, лорд Доннел Медлительный, на сей раз тоже отсрочки не получил. Вслед за верховным септоном ушли полсотни Праведных, а в Цитадели ровно на

треть поубавилось архимейстеров, кандидатов и школяров.

Хуже всего, однако, пришлось Королевской Гавани. Белые Плащи простились со старым Кислым Сэмом и добрым Виктором Отважным, малый совет – с Альбином Масси, Кварлом Корбреем и самим великим мейстером. Бенифер, приехав в столицу после того, как Мейегор Жестокий обезглавил трех его предшественников, прослужил там пятнадцать нелегких лет. «Пример исключительной отваги или исключительной глупости, – высказался его язвительный преемник по этому поводу. – Я бы при Мейегоре не протянул и трех дней».

Все эти утраты были тяжелыми, но самые тяжкие последствия имела смерть Корбрея. Когда половина городской стражи слегла, а командовать здоровыми стало некому, город захлестнула волна злодеяний. Лавки громили, женщин насиловали, мужчин грабили и убивали прямо на улице. Король послал своих гвардейцев и домашних рыцарей восстановить порядок в столице, но их, и без того малочисленных, вскоре пришлось отозвать.

Еще одного из лордов совета погубила не хворь, а людская ненависть и невежество. Рего Драз не пожелал поселиться в покоях Красного Замка, которые король предлагал ему много раз. Он предпочитал собственный дом на Шелковой улице, под сенью Драконьего Логова, где мог принимать женщин вдали от пересудов двора. После десяти лет службы Железному Трону лорд Рего порядком раздобрел и больше не ездил верхом, а между замком и домом передвигался в золоченых носилках. Дорога, что было едва ли разумно, пролегла черезBloшиный Конец, самый бедный и преступный квартал столицы.

В тот злополучный день он напоролся на молодчиков, гнавших по переулку за поросенком. Пьяные и голодные – поросенок от них удрал, – они взбесились при виде Дразы, виня в высоких ценах на хлеб мастера над монетой. Вся шайка надела на паланкин – один с мечом, трое с ножами, остальные с палками и камнями. Носильщиков разогнали, лорда выкинули на мостовую. Очевидцы говорили, что пентошиец взывал о помощи на непонятном им языке.

Видя, как блестят кольца на руках, которыми он заслонялся от ударов, злодеи еще больше рассвирепели. «Это пентошийцы, гады ползучие, трясулку к нам занесли!» – крикнула какая-то женщина. Кто-то выворотил из мостовой булыжник и стал бить Рего по голове раз за разом. Лорд Воздуха погиб от тех самых камней, коими с таким тщанием мостил городские улицы. Раздробив ему череп, лиходеи сорвали с него богатые одежды и откромсали пальцы с кольцами вместе.

Джейехерис, узнав об этом, сам выехал забрать тело в сопровождении Королевской Гвардии. Гнев сделал его лицо таким страшным, что сир Джоффри Догетт после сказал: «Мне показалось, что я вижу перед собой его дядю».

Собравшиеся на улице зеваки глазели на короля и на окровавленный труп мастера над монетой. Джейехерис, развернув коня, прокричал им: «Мне нужны имена убийц. Кто скажет, получит награду, кто промолчит, языка лишится!»

Зеваки попятились, но одна босоногая девочка вышла вперед и тонким голоском пропищала имя. Король поблагодарил ее и велел показать, где этого человека можно найти. Она привела гвардейцев в погребок, где сидел убийца с женщиной на коленях и тремя кольцами Рего Дразы на пальцах. Под пыткой он быстро выдал всех остальных; один из них говорил, что раньше был Честным Бедняком, и просился на Стену. «В Ночном Дозоре служат мужи чести, – ответил король. – Крысам вроде тебя там не место». Джейехерис решил также, что эти подонки недостойны чистой смерти от меча или топора. Их повесили на стенах Красного Замка, сначала вспоров животы. Они умирали медленно, с висящими до колен внутренностями.

Девочку, назвавшую главного злодея, приветила сама королева. Ее отмыли в горячей ванне, накормили досыта хлебом и ветчиной, голову обрили, лохмотья сожгли. «Ты можешь остаться работать в замке, – сказала ей Алисанна. – На кухне или на конюшне, как пожелаешь. Есть у тебя отец?» – «Так вы ему кишки выпустили, – застенчиво ответила девочка. – Рябой такой, с ячменем на глазу». Работать она попросилась на кухню: «Хлеб, небось, там пекут».

Новый 60 год в Вестеросе мало кто праздновал. Год назад на площадях горели костры, и люди плясали вокруг них под веселый перезвон. Теперь на кострах жгли трупы, а колокола звонили по умершим. Столичные улицы, особенно ночью, были пусты, переулки замело снегом, с крыш свисали длинные как копья сосульки.

Джейехерис велел наглухо запереть ворота Красного Замка и удвоить стражу на стенах. Королевская семья посетила вечернюю службу в замковой септе, скромно отужинала и отправилась на покой.

В час совы королеву разбудила Дейенерис. «Матушка, – сказала она, – мне холодно...»

Нужно ли рассказывать, что было дальше? Для обожаемой принцессы делалось все возможное. В ход пошли молитвы, припарки, горячий суп, обжигающие ванны, одеяла, меха, нагретые камни, крапивный чай. К шестилетнему, давно отнятому от груди ребенку позвали кормилицу,

полагая, что грудное молоко тоже способствует исцелению. Мейстеры суетились, септоны и септы взывали к богам, король приказал нанять еще сто крысоловов и посулил серебряный олень за каждую убитую крысу, черную или серую. Дейенерис принесли любимого котенка, но девочку так трясло, что он вырвался и оцарапал ее. Ближе к рассвету Джейехерис решил внезапно, что дочери нужен дракон, и на Драконий Камень послали воронов с приказом сей же час отправить в Королевскую Гавань одного из детенышей.

Всё было тщетно: под вечер следующего дня маленькая принцесса скончалась. Королева без чувств упала на руки королю. Из-за дрожи, сотрясавшей все ее тело, многие испугались, что и она тоже заразилась трясучкой. Ее отнесли в опочивальню и дали макового молока, чтобы погрузить в сон. Джейехерис, сам чуть не падая от изнеможения и горя, все же отвязал Вермитора и полетел на Драконий Камень сказать, что в дракончике нужды больше нет. Вернувшись, он выпил чашу сонного вина и послал за септоном Бартом. «В чем она согрешила? За что боги забрали ее? *Как это могло случиться?*» Но даже такой мудрец как Барт на это не мог ответить.

Тысячи других родителей Вестероса тоже потеряли детей, но для Джейехериса и Алисанны утрата любимой дочери означала, помимо горя, сокрушительный удар по доктрине особости. Принцесса Дейенерис, Таргариен с обеих сторон, с чистейшей кровью Древней Валирии в жилах, должна была во всем отличаться от прочих людей. У Таргариенов лиловые глаза, золотые с серебром волосы, они летают на драконах, вступают в родственные браки, презирая запреты Веры... *и не подвержены заразным болезням.*

Это было известно с тех самых пор, как Эйенар Изгнанник сделал Драконий Камень своей твердыней. Таргариены не умирали ни от оспы, ни от кровавого поноса, ни от краснухи, ни от буроножия, ни от червекости, ни от сгущения в легких, ни от кишечной гнили – словом, ни одна болезнь из тех, что боги по ведомым только им причинам наслали на смертных, не трогала их. Люди полагали, что всё дело в крови дракона, в очистительном огне, выжигающем всю заразу. Казалось немыслимым, что принцесса такого дома умерла в трясучке, как самый обычный ребенок.

Король с королевой, оплакивая ее, мучились еще и этой ужасной мыслью. Быть может, Таргариены не столь близки к богам, как им думалось. Быть может, они всего лишь простые смертные.

Когда трясучка пошла наконец на убыль, король с тяжелым сердцем вернулся к своим трудам. Первой и крайне грустной задачей была замена

утраченных друзей и советников. Командовать городской стражей поставили сира Роберта, старшего сына лорда Манфрида Редвина. Два белых плаща король, по представлению сира Джайлса Морригена, пожаловал сиру Раэму Редвину и сиру Робину Шоу. Заменить мастера над законом Альбина Масси было труднее; в конце концов Джейехерис послал в Орлиное Гнездо за молодым и ученым лордом Родриком Арреном, которого они с королевой знали десятилетним мальчиком.

Вместо Бенифера Цитадель уже прислала в Красный Замок архимейстера Элизара. На двадцать лет моложе предшественника, он был остер на язык и мыслями своими ни с кем не делился. Говорили, будто Конклав обрадовался случаю сбыть его с рук.

Дольше всего король раздумывал над тем, кого сделать мастером над монетой. Рего Драз, хоть и низкого рода, был очень ловким дельцом. «Я сказал бы, что такие люди на улице не валяются, но куда вернее будет сказать, что в замках они не сидят», – говорил Джейехерис совету. Женат Лорд Воздуха не был, но имел трех внебрачных сыновей, коих обучал торговому и счетному делу чуть не с пеленок. Джейехерису очень хотелось послать за кем-то из них, но он, понимая, что нового пентошийца страна не примет, пришел к мрачному заключению: «Придется-таки лорда искать». Король заново перебрал знакомые имена Ланнистеров, Веларионов, Хайтауэров, коим помогли подняться как сталь, так и золото; все они чересчур горды, решил он. Тогда септон Барт назвал ему еще один дом.

«Тиреллы из Хайгардена произошли от стюардов, – напомнил он, – а Простор больше западных земель и разбогател не на золоте. Молодой лорд Мартин вполне достоин войти в наш совет».

«Тиреллы все тупицы, – усомнился лорд Редвин. – Не побоюсь этого слова, хоть они и мои сюзерены: сплошь тупицы, а лорд Берtrand был и вовсе круглый дурак».

«Если и был, то его больше нет, – не сдавался Барт. – Речь о сыне. За ум самого лорда Мартина я не ручаюсь, но женат он на леди Флоренс из Фоссоев, которая считает яблоки с тех пор, как ходить научилась, и с самого замужества ведет счетные книги Хайгардена. Говорят, она увеличила доходы Тиреллов на добрую треть. Если мы выберем ее мужа, он и жену, конечно, возьмет ко двору».

«Алисанне это понравится, – рассудил король. – Она любит общество умных женщин. – Быть может, он надеялся вновь привлечь в совет королеву, которая после смерти Дейенерис не бывала ни на одном заседании. – Испробуем тупицу с умной женой; авось, этому мои верные подданные не расколут череп булыжником».

Боги взяли, боги и дали. Не прошло и двух лун со смерти принцессы, как королева поняла, что опять ждет ребенка; быть может, над ней сжалилась сама Небесная Матерь. Поскольку зима еще держала Вестерос в своих ледяных объятиях и трясучка до сих пор гуляла по городу, Алисанна вновь переселилась на Драконий Камень до родов и в том же году произвела на свет свое пятое дитя, дочь, названную Алиссой в честь бабушки. «Будь старая королева жива, она больше оценила бы это», – съязвил великий мейстер Элизар, но так, чтобы король не услышал.

Вскоре после родов и зима кончилась. Алисса так походила на умершую сестру, что королева часто плакала над ней, вспоминая первую дочь. С годами сходство прошло: длиннолицая и худая Алисса росла дурнушкой. В русых ее волосах не усматривалось ни следа драконьего золота, глаза были разные: один лиловый, другой зеленый, уши большие, улыбка кривая. Нос тоже покривился после удара деревянным мечом, но девочку это ничуть не заботило. К этому времени мать поняла, что младшая дочь удалась вовсе не в Дейенерис, а в Бейелона.

Сестра бегала за ним, как он сам бегал за Эйемоном, но между братьями было только два года разницы, а между Бейелоном и Алиссой – целых четыре. «Ходит по пятам, как щенок, – сетовал Весенний Принц, – к тому же она девчонка». Принцесса, впрочем, девчонкой быть не желала. Она всячески ухитрялась одеваться как мальчик и не водилась с другими девочками. Вместо того чтобы учиться чтению, пению и шитью, она скакала верхом, лазала по стенам, дралась на деревянных мечях и решительно отказывалась есть овсяную кашу.

В 61 году лорд Робар Баратеон, старинный друг и старинный недруг, привез ко двору трех юных девиц. Две были дочери его брата Роннала, умершего от трясучки вместе с женой и сыновьями, а третья – леди Джослин, его собственная дочь от королевы Алиссы. Слабенький младенец, явившийся на свет в страшный Год Неведомого, превратился в высокую девочку с серьезным личиком, большими темными глазами и черными как ночь волосами.

Волосы самого Робара поседели, бледное лицо покрылось морщинами, и казалось, что одежда его скроена на куда более крупного человека. Когда он склонил колено перед Железным Троном, один из королевских гвардейцев должен был помочь ему встать.

Приехал он просить милости для Джослин, которой шел седьмой год. «Это дитя не знало матери. Жены братьев заботились о ней как могли, но родные дети были для них важнее, а теперь обеих и вовсе не стало. Я прошу вас принять Джослин и кузин ее как воспитанниц и вырастить

вместе со своими детьми».

«Мы почтем это честью и удовольствием, – ответила Алисанна. – Мы не забыли, что Джослин наша сестра».

У Робара точно гора с плеч свалилась. «Нижайше прошу вас присмотреть и за сыном. Бормунд сейчас остался на попечении своего дяди Гарона. Он хороший мальчик, сильный и со временем несомненно станет хорошим лордом, но ему всего девять лет. Брат мой Борас, как известно вашим величествам, давно уже уехал из Штормового Предела. Рождение Бормунда подкосило его ожидания, и с тех пор мы стали плохо с ним ладить. Он жил в Мире, потом в Волантисе, занимаясь одни боги ведают чем, но теперь снова объявился в Вестеросе, в Красных горах. Говорят, будто он примкнул к Королю-Стервятнику и воюет против своих. Гарон человек надежный и верный, но по сравнению с Борасом слабоват. Страшно подумать, что станется с сыном и штормовыми землями, когда я уйду».

«Куда и зачем вы хотите уйти, милорд?» – удивился король.

В улыбке Робара на миг проглянул прежний воинственный нрав. «В горы, ваше величество. Мой мейстер говорит, что я умираю, и я ему верю. Боли начались еще до трясучки, а теперь стали сильнее. Маковое молоко помогает, но я его принимаю малыми дозами: не хочу проспать оставшиеся мне дни. Чем умирать в постели с текущей из кишок кровью, найду лучше Бораса и разделаюсь с ним, да и с Королем-Стервятником заодно. Гарон называет это дурацкой затеей; правда его, но я хочу умереть с топором в руке и проклятием на устах. Прошу лишь вашего дозволения».

Глубоко тронутый Джейехерис сошел с Железного Трона и обнял Робара. «Ваш брат – предатель, а сей стервятник, не стану называть его королем, давно уже беспокоит наши пограничные Марки. Я даю вам свое дозволение и вручаю свой меч, милорд».

Последовавшую за этим кампанию принято называть Третьей Дорнской войной, но это неверно, поскольку принц Дорнийский в боевых действиях не участвовал. Гораздо правильнее будет назвать ее, как повелось в народе, Войной лорда Робара. Баратеона, выступившего в горы с пятью сотнями воинов, сопровождал Джейехерис на Вермиторе. «Он именует себя стервятником, но летать не умеет и прячется в трещинах, – говорил король. – Назвался бы лучше крысой». Второй Король-Стервятник был в самом деле не чета первому. Тот вел в бой тысячи человек, а этот, младший сын какого-то убогого дома, собрал лишь несколько сотен и промышлял грабежами, как обыкновенный разбойник. Горы он, однако, знал хорошо: скрывался в них от погони и устраивал засады на дерзнувших

его преследовать. Укрытием ему, по преданию, служил заоблачный замок.

Вермитор, облетев все его стоянки, врага не нашел, но сжег их дотла. Воины лорда Робара принуждены были бросить своих лошадей и продолжать подъем по козьим тропам, по крутым склонам, через пещеры, а невидимые люди Стервятника сбрасывали на них камни с вершин. Пока штормовое войско наступало с востока, лорд Саймон Дондаррион с небольшим отрядом марочных рыцарей перекрыл Стервятнику отход с запада, а Джейехерис командовал ими сверху, передвигая как некогда игрушечных солдатиков в Палате Расписного Стола.

Врага в конце концов обнаружили. Первым попался Борас Баратеон, знавший горные тропы не так хорошо, как дорнийцы. С людьми его штормовые солдаты расправились быстро, а к сошедшимся лицом к лицу братьям слетел с небес сам король. «Негоже вам становиться братоубийцей, милорд. Оставьте изменника мне».

Борас только рассмеялся на это. «А я так охотно стану цареубийцей!» – вскричал он и бросился на короля. Но Джейехерис с Черным Пламенем в руке не забыл уроков, полученных во дворе Драконьего Камня. Борас истек кровью у его ног: удар короля его почти обезглавил.

Месяц спустя настал черед самого Стервятника. Загнанный в одно из сожженных логовищ, он сопротивлялся до конца, осыпая людей короля копьями и стрелами. «Ну уж этот-то будет мой», – сказал Робар. По его приказу с плененного Стервятника сняли оковы, дали ему щит и копье. «Если убит буду я, отпустите его на волю», – распорядился лорд Робар.

Но тот оказался слабым противником. Изнуренный болезнью Робар, презрительно отразив пару атак, разрубил Стервятника от плеча до пупа. «Не суждено мне, видно, умереть с топором в руке», – грустно сказал он королю. Так и вышло: Робар Баратеон, лорд Штормового Предела, бывший королевский десница и Хранитель Государства, умер в Штормовом Пределе полгода спустя в присутствии мейстера, септона, своего брата сира Гарона и Бормунда, сына своего и наследника.

Война лорда Робара, не продлившись и полгода, закончилась в том же 61 году. Дорнские Марки больше никто не тревожил, а воинственные лорды Семи Королевств прониклись новым уважением к молодому королю. Сомнений больше не оставалось: Джейехерис пошел не в своего отца Эйениса. На самого короля война оказала целебное действие. «Против трясушки я был бессилен, – признался он септону Барту, – а теперь я снова король».

В 62 году Джейехерис пожаловал старшему сыну титул принца Драконьего Камня, сделав его тем самым признанным наследником трона.

Семилетний принц Эймон был высок и красив, но при этом скромен. Каждое утро он по-прежнему сражался с братом своим Бейелоном, не имея нужды ему поддаваться: старший брал ростом и силой, младший – проворством и злостью. Посмотреть на их поединки и подбодрить одного из принцев стекались слуги и прачки, домашние рыцари и оруженосцы, конюхи, септоны и мастера. Была среди них и Джослин, которая с каждым днем подрастала и становилась все краше. На пиру в честь назначения Эймона законным наследником королева посадила Джослин рядом с ним, и они весь вечер говорили и смеялись между собой, больше ни на кого не обращая внимания.

В том же году боги послали Джейехерису и Алисанне еще одну дочь, Мейегеллу. Добрая, ласковая, необычайно способная девочка вскоре приклеилась к своей сестре так же, как та сама приклеилась к Бейелону. Теперь пришел черед Алиссы негодовать на «малявку», что цеплялась за ее юбки, а Бейелон смеялся над ее гневом.

На исходе 62 года король задумался о преобразовании всех Семи Королевств. Одарив Королевскую Гавань мощными улицами, водными цистернами и фонтанами, он обратил взор за городские стены, на поля, холмы и болота, простиравшиеся от Дорнских Марок до Дара.

«Милорды, – сказал он совету. – Мы с королевой, путешествуя на драконах, видим внизу города, деревни и замки, реки и озера, леса и горы, нивы и пастбища, развалины, септы, кладбища. А знаете ли вы, милорды, чего я не вижу? – Король хлопнул ладонью по столу. – Дорог, милорды! Я не вижу дорог! Если опуститься пониже, можно порой разглядеть какие-то грязные колеи или пешие тропки, но мне нужны настоящие дороги, и я проложу их».

Сие грандиозное дело он продолжал всю свою жизнь, а после его продолжил другой король, но начало было положено в тот день на совете. Джейехерис, конечно, преувеличивал, говоря, что в Вестеросе совсем нет дорог: их были сотни, и многие восходили к временам Первых Людей. Даже у Детей Леса были свои тропы под сенью деревьев.

Ездить по ним, однако, было сущим мученьем. Узкие, грязные, изрытые колеями, они вились по земле как придется. Мостов почти не было, броды зачастую охранялись стражниками, взимавшими плату за проезд. Лорды иногда смотрели за дорогами, пролежавшими через их владения, но в большинстве своем не делали этого. Обочины размывались дождями, на путников нападали разбойники. Честные Бедняки до Мейегора обеспечивали кое-какую защиту людям простого звания (хотя сами частенько их грабили), но после роспуска орденов Веры дороги стали

опасны как никогда. Даже знатные лорды путешествовали с охраной.

Исправить столь великое зло за годы правления одного короля не представлялось возможным, но Джейехерис вознамерился хотя бы начать. Не забудем, что Королевская Гавань была очень молодым городом. До высадки Эйгона с сестрами на ее месте при впадении в залив реки Черноводной стояла маленькая рыбацья деревня, и никаких дорог, что неудивительно, ни к ней, ни от нее не вело. За шестьдесят два года от Завоевания, во время бурного роста города, появились и дороги, ведущие вдоль побережья в Росби, Стокворт, Синий Дол и через холмы в Девичий Пруд. С другими замками и городами столицу ничто не связывало; попасть в Королевскую Гавань было куда проще морем, чем сушей.

С этого Джейехерис и начал. К югу от Черноводной рос старый лес, хороший для охоты, но опасный для путников. Джейехерис распорядился прорубить сквозь него дорогу от Королевской Гавани к Штормовому Пределу. Та же дорога, продолжаясь на север от города, долженствовала дойти до Трезубца, повернуть вдоль Зеленого Зубца, пройти через Перешеек и пересечь весь бездорожный ранее Север до Винтерфелла и Стены. Народ назвал ее Королевским трактом; самая длинная и дорогостоящая из дорог Джейехериса, она была начата первой и первой завершена.

За ней последовали Дорога Роз, Речная, Морская и Золотая. Они существовали и раньше, порой веками, но Джейехерис изменил их до неузнаваемости, распорядившись засыпать рытвины, положить щебень, построить мосты через ручьи и реки. Стоило это, конечно, дорого, но страна не бедствовала, и новый мастер над монетой с женой, умевшей хорошо считать яблоки, управлялся почти не хуже, чем Лорд Воздуха. Дороги росли, миля за милей и лига за лигой, на протяжении многих десятилетий. «Нитями дорог он связал Семь Королевств в одно», – написано на постаменте памятника Старому Королю, что стоит в Староместе у Цитадели.

Семерым, как видно, были тоже угодны эти труды, ибо они продолжали благословлять короля и королеву детьми. В 63 году родился Вейгон, их третий сын и седьмое дитя. Годом позже в мир пришла принцесса Дейелла, еще через три года – Сейера, в 71 году – Визерра, шестая по счету дочь. Разница в годах меж ними была небольшая, но трудно было найти детей столь несхожих, как эти четверо.

Вейгон, некрепкого сложения мальчик с задумчивыми глазами, отличался от старших братьев как ночь ото дня. Другие дети и кое-кто из придворных находили его угрюмым. Не будучи трусом, он не любил

военных забав и предпочитал сидеть в библиотеке над книгами.

Хрупкая застенчивая Дейелла легко пугалась и часто плакала. Первое слово она произнесла лишь в два года, да и потом все больше молчала. Она обожала мать и сестру Мейегеллу, но Алисса ее, судя по всему, ужасала, а при мальчиках она краснела и отворачивалась.

Сейера с самого появления на свет кричала, чего-то требовала и никого не слушалась. Первое свое слово, «нет», она произносила часто и громко, а говорила больше, чем Вейегон и Дейелла, вместе взятые. До четырех лет ее не могли отлучить от груди: как только королева отпускала кормилицу, поднимался крик до небес, и приходилось брать новую. «Да помогут нам Семеро, – сказала как-то Алисанна Джейехерису, – я вижу в ней Эйерею». Если кто-то не уделял ей внимания, девочка мрачнела и дулась.

Младшая, Визерра, тоже умела добиваться своего, но никогда не кричала и уж давно не плакала. Все сходились на том, что она красива: темно-фиолетовые глаза, золотые с серебром волосы истых Таргариенов, безупречно белая кожа, тонкие черты, а грациозные манеры в столь малом возрасте казались даже тревожными. Один юный оруженосец назвал Визерру богиней, и она согласилась с ним.

Мы еще расскажем о том, сколько горя причинили родителям эти три принцессы и один принц, но пока вернемся в 68 год. Вскоре после рождения Сейеры король с королевой объявили о помолвке своего первенца Эйемона, принца Драконьего Камня, с Джослин Баратеон из Штормового Предела. После смерти принцессы Дейенерис предполагалось, что невестой Эйемона станет Алисса, но королева сказала твердое «нет». «Алисса предназначена Бейелону: она стала бегать за ним, как только ходить научилась. Они дружны, как мы с тобой в том же возрасте».

Два года спустя, в 70 году, брачная церемония Эйемона и Джослин заставила вспомнить о Золотой Свадьбе. Леди Джослин, длинноногая, полногрудая, с густыми, черными как вороново крыло волосами до пояса, в свои шестнадцать лет стала одной из первых красавиц Вестероса. Принц ЭйEMON был на год моложе и на целых три дюйма выше невесты, обогнавшей ростом большинство лордов; никто не спорил с тем, что они красивая пара. «Вот оно, будущее нашего государства», – сказал сир Джайлс Морриген, глядя на темную деву рядом со светлым принцем.

В 72 году в Синем Доле устроили турнир в честь свадьбы молодого лорда Дарклина с дочерью Теомора Мандерли. Оба старших принца и сестра их Алисса приняли участие в битве оруженосцев. Победителем стал

Эйемон, не без труда одолевший брата; отличившись также на конном ристалище, он получил рыцарские шпоры в семнадцать лет и сразу же после этого впервые сел на дракона. Его воздушным скакуном стал кроваво-красный Караксес, самый свирепый из молодняка Драконьего Логова.

В том же году скончался лорд Аларик Старк, долго правивший Севером. Оба крепких сына, коими он так хвалился, умерли прежде него, и Винтерфелл перешел к его внуку Эдрику.

Принц Бейелон, как замечали многие при дворе, не отставал от брата ни в чем. Вознамерившись стать рыцарем в шестнадцать лет против Эйемоновых семнадцати, он в 73 году отправился через весь Простор в Старую Дубраву, где лорд Окхарт по случаю рождения сына давал семидневный турнир. Прибыв туда как таинственный рыцарь по имени Серебряный Шут, он выбил из седла лорда Рована, сира Алина Эшфорда, близнецов Фоссовеев и наследника лорда Окхарта сира Дениса. Сир Рикард Редвин, победивший наконец его самого, снял с противника маску и тут же на месте посвятил его в рыцари.

Оставшись лишь на вечерний пир, Бейелон помчался галопом в Королевскую Гавань, чтобы незамедлительно сесть на дракона, которого давно для себя присмотрел. Вхагар, на котором никто не ездил двадцать девять лет после кончины королевы Висеньи, взревел, расправил крылья и мигом перенес всадника на Драконий Камень к вящему удивлению Эйемона с Караксесом.

«Милосердная Мать одарила меня множеством детей, красивых и умных, – сказала королева Алисанна в том же году, когда было объявлено, что принцесса Мейегелла поступает в послушницы Веры. – Будет только справедливо, если я отдам одно дитя ей». Десятилетняя Мейегелла мечтала стать септой и ежевечерне читала Семиконечную Звезду на ночь.

Не успело одно дитя покинуть Красный Замок, как на его место пришло другое: Мать приберегла для Алисанны еще один дар. Сына, одиннадцатого ребенка, назвали Гейемоном в честь Гейемона Славного, величайшего из лордов, правивших до Завоевания на Драконьем Камне. Явился он на свет раньше срока и весил вдвое меньше, чем Вейегон десять лет назад, а долгие тяжелые роды заставили мейстеров опасаться за жизнь матери. Королева выздоровела, а младенец, увы, умер в самом начале нового года, не дожив и до трех месяцев.

Королева, как всегда, тяжело переживала потерю ребенка и мучилась вопросом, нет ли в этом ее вины. «Не вините себя, – утешала септа Лира, ее наперсница с юных лет. – Маленький принц теперь у Небесной Матери, и

она позаботится о нем лучше, чем могли бы надеяться мы в нашей земной юдоли».

Вскоре королевскую семью посетило еще одно горе. Вспомним, что в 73 году в Харренхолле скончалась королева Рейена.

Ближе к концу года открылось нечто, поразившее и город, и двор. Выяснилось, что королевский гвардеец сир Люкамор Стронг, любимец простого народа, вопреки своей клятве женился. Хуже того: он взял себе не одну, а трех жен, каждая из коих не ведала о существовании двух других, и прижил с ними шестнадцать детей!

В Блошином Конце и на Шелковой улице, где промышляли шлюхи и сводники, чернь радовалась падению рыцаря и отпускала шуточки о Люкаморе Любострастнике, но в Красном Замке никто не смеялся. Короля и королеву, очень любивших Люкамора Стронга, удручало то, что он так бессовестно обманул их.

Братья Стронга по Королевской Гвардии гневались того пуще. Грешника изобличил один из них, сир Раэм Редвин; он рассказал всё лорду-командующему, а тот доложил королю. Сир Джайлс Морриген заявлял, что Стронг обесчестил всю гвардию, и требовал предать его смерти.

Сам сир Люкамор, пав на колени перед Железным Троном, признался во всем и молил короля о пощаде. Король, быть может, и внял бы, но грешник имел неосторожность присовокупить «ради жен моих и детей», швырнув, по словам септона Барта, свои преступления в лицо королю.

«Когда я восстал против дяди своего Мейегора, – сказал Джейехерис, – двое его гвардейцев перебежали ко мне. Они, как видно, рассчитывали, что я, сохранив за ними белые плащи, пожалуй им титулы лордов и места при дворе. Вместо этого я послал их на Стену. Клятвопреступников я не терпел даже в то время, не потерплю и теперь. Сир Люкамор, вы принесли перед богами и людьми священную клятву защищать меня и мою семью, повиноваться мне и умереть за меня, будь в том нужда. Вы клялись также не жениться, не иметь детей и хранить целомудрие. Если вы преступили один обет, как могу я верить, что вы соблюдете другой?»

«Вы нарушили не только рыцарские обеты, но и брачные, – добавила Алисанна, – и не однажды, а трижды. Ни одна из этих женщин в законном браке не состоит, поэтому дети ваши, единственно невинные в этом деле, будут бастардами. Каждая из ваших жен не знала о двух других, однако знала, что вы носите белый плащ. По этой причине они разделяют вашу вину, как и тот пьяный септон, что поженил вас. Их еще можно помиловать, но вас, сир, я не желаю видеть рядом с моим королем».

Жены и дети ложного рыцаря, приведенные в тронный зал, рыдали,

бранились и умоляли, но король, не внемля им, вынес свой приговор: сира Люкамора оскопить, заковать в железа и послать на Стену. «Ночной Дозор тоже потребует от вас клятвы, – предостерег Джейехерис. – Не держьте ее нарушить, ибо вслед за грешным естеством вашим лишитесь и головы».

Судьбу трех семей король предоставил решать королеве. Сыновья, распорядилась она, могут присоединиться к отцу на Стене, если того пожелают; двое старших пожелали и стали братьями Ночного Дозора. Дочери могли стать послушницами (желание изъявила только одна), прочие дети остались при матерях. Первая жена со своим потомством поступила на попечение брата Люкамора, Бевина Стронга, ставшего лордом Харренхолла всего полгода назад. Вторая отправилась на Дрифтмарк к лорду Дейемону Велариону. Третью, чьи дети были самыми младшими (один еще сосал грудь), послали в Штормовой Предел, вверив заботам Гарона Баратеона и молодого лорда Бормунда. Дети отныне назывались не Стронгами, а Риверсами, Уотерсами и Штормами, как пристало бастардам. «Благодарите за это вашего преступного отца», – сказала им Алисанна.

Позор, которым Люкамор Любострастник покрыл Королевскую Гвардию и весь двор, был не единственным, что удручало короля и королеву в 73 году. Много забот доставляли также принц Вейегон и принцесса Дейелла, седьмой и восьмая по счету.

Алисанна сосватала сотни женихов и невест, но никогда еще не встречала таких препятствий, как при подборе супругов для четырех младших детей. Это поглощало ее усилия еще много лет, рассорило сначала с детьми (особенно с дочерьми), затем с королем и причинило в конце концов столько страданий, что королева одно время подумывала провести остаток дней с Молчаливыми Сестрами.

Началось всё, как мы уже говорили, с Вейегона и Дейеллы. Принц был старше сестры всего на год, в раннем детстве они хорошо ладили, и казалось вполне естественным, что с годами они поженятся. Свадьба Бейелона с Алиссой, ставших уже неразлучными, намечалась в ближайшем будущем, а там, глядишь, и до новой недалеко. «Люби свою сестричку, – говорил Джейехерис пятилетнему Вейегону, – когда-нибудь она станет твоей Алисанной».

Но дети росли, и матери становилось все яснее, что они не такая уж хорошая пара. Вейегон не питал к сестре нежных чувств и никогда не искал ее общества, а Дейелла даже побаивалась угрюмого брата, которому книги нравились куда больше, чем игры. Он находил ее глупой, она его злым. «Они еще дети, – успокаивал Джейехерис Алисанну, когда она говорила ему об этом, – со временем они полюбят друг друга». Со временем, однако,

их взаимная неприязнь лишь усилилась.

Это сделалось особенно явным в 73 году, когда Вейегону сравнялось десять, а Дейелле девять. Новая фрейлина королевы спросила принца в шутку, когда же будет их свадьба, и Вейегон, вздрогнув как от пощечины, заявил в присутствии половины двора: «Я на ней не женюсь! Она и читать-то едва умеет. Пусть найдет себе лорда, который хочет детей, – больше он от нее ничего не дождется».

Дейелла, как следовало ожидать, залилась слезами и выбежала вон, королева за ней. Тринадцатилетняя Алисса вылила Вейегону на голову кувшин вина, чтобы привести его в разум, но он сказал лишь: «Зря потратила борское золотое» – и пошел переодеваться.

Немудрено, что родители после этого решили подыскать Вейегону другую невесту. Первым делом подумали о младших принцессах – шестилетней Сейере и двухлетней Визерре, – но королева сказала: «Вейегон на них и не смотрит; по-моему, он не знает даже, что они есть на свете. Вот если бы какой-нибудь мейстер написал о них в книге...»

«Завтра же прикажу великому мейстеру этим заняться, – пошутил Джейехерис и добавил: – Ему всего десять. Девочек он не замечает, как и они его, но это скоро изменится. Он довольно пригож и к тому же принц, третий по очереди наследник Железного Трона. Вскоре девушки начнут порхать вокруг него мотыльками и краснеть, если он удостоит их взглядом».

Королеву это не убедило. «Пригожим» длиннолицый и с детства сутулый Вейегон считаться никак не мог, хотя природа одарила его таргариеновскими глазами и волосами. Губы он поджимал так, будто только что лимон съел; королева, как подобает матери, прощала ему внешние недостатки, но видела его при этом насквозь.

«Страшит меня судьба мотыльков, которым вздумается порхать вокруг Вейегона: как бы он не прихлопнул их увесистым фолиантом».

«Он и впрямь слишком много времени проводит в библиотеке, – согласился король, – но это дело поправимое. Мы с Бейелоном его во двор вытащим, дадим меч в одну руку и щит на другую».

Великий мейстер Элизар рассказывает, что Бейелон по просьбе отца в самом деле снабдил младшего брата мечом и щитом, но это ничего не исправило. Вейегон ненавидел воинскую науку, был никуда не годным бойцом и обладал даром портить настроение всем вокруг, в том числе самому Бейелону Храброму.

По настоянию короля старший брат целый год провозился с младшим, говоря, что «чем больше он сражается, тем кислее с виду становится». Как-

то раз Бейелон – возможно чтобы побудить Вейегона больше стараться, – позвал к ним сестру Алиссу. Принцесса не забыла случай с борским вином; одетая в мужскую кольчугу, она скакала вокруг брата, выкрикивала насмешки и побивала его раз за разом, а Дейелла смотрела на все это из окна. Посрамленный Вейегон швырнул меч, ушел со двора и больше не возвращался.

В свое время мы вернемся к нему и Дейелле, но пока расскажем о счастливом событии. Боги вновь ниспослали благословение, и в 74 году леди Джослин подарила королю с королевой первую внучку. Принцесса Рейенис родилась в седьмой день седьмого месяца, что септоны сочли очень благоприятным знаком. Большая и крикливая, она унаследовала черные волосы Баратеонов и отцовские бледно-фиолетовые глаза. Многие думали, что она как первенец принца Драконьего Камня станет следующей наследницей; Алисанна, взяв девочку на руки, во всеуслышание назвала ее «нашей будущей королевой».

Бейелон и в этом не намного отстал от брата. В 75 году в Красном Замке сыграли еще одну пышную свадьбу; Бейелону было восемнадцать, Алиссе пятнадцать. Первую брачную ночь они в отличие от родителей провели столь бурно, что крики новобрачной разносились, по словам шутников, до самого Синего Дола. Более стыдливая невеста после смутилась бы, но Алисса любила выставлять себя разбитной бабенкой наподобие столичной трактирщицы. «Я на нем верхом скакала, – похвалялась она наутро, – и нынче ночью опять поскачу. Конь-то добрый».

В том году она оседлала не только своего принца. Эйемон стал летать на драконе в семнадцать лет, Бейелон в шестнадцать, она же вознамерилась сделать это в пятнадцать. Драконьи стражи, по их словам, едва убедили ее отказаться от Балериона. «Он стар и неповоротлив, принцесса, – уверяли они, – вам нужен кто-нибудь порезвей». В конце концов Алисса остановила выбор на ярко-алой необъезженной самке Мелейс. «Обе мы были девственницы, – смеялась она, – и обе потеряли невинность».

С тех пор принцесса прямо-таки пропадала в Драконьем Логове. «Полеты, – говорила она, – вторая по сладостности вещь на свете, о первой же при дамах упоминать не принято». Стражи не ошиблись: Мелейс показала себя самым быстрым драконом Вестероса и с легкостью обгоняла Караксеса и Вхагара.

А вот Вейегон родительских надежд не оправдывал. Относительно мотыльков король был в какой-то степени прав: придворные девицы начали уделять принцу некоторое внимание. Отцу и братьям удалось вдолбить Вейегону начатки хороших манер; он, вопреки опасениям королевы, никого

пока не прихлопнул, но и только. Единственной его страстью так и остались науки: история, картография, математика, языки. Великий мейстер Элизар, никогда особо не соблюдавший приличия, подсунул принцу книгу с непристойными картинками, в надежде, что изображения нагих дев, резвящихся одна с другой, с мужчинами и животными, пробудят в нем интерес к женщине. Принц оставил книгу у себя, но поведение его нисколько не изменилось.

На пятнадцатые именины Вейегона в 78 году, за год до его совершеннолетия, Джейехерис и Алисанна пришли к Элизару с давно назревающим вопросом: быть может, из принца получится мейстер?

«Нет, – ответил тот напрямик. – Способен ли он учить детей грамоте и арифметике? Держит ли у себя ворона или любых других птиц? Можете ли вы вообразить, как он отнимает кому-то ногу или принимает ребенка? Нет, Вейегон не мейстер, – добавил, помолчав, Элизар, – но задатки *архимейстера* в нем определенно имеются. Отправьте его в Цитадель; либо он найдет себя в их знаменитой библиотеке, либо окончательно затеряется в ней, и вам больше не будет нужды о нем беспокоиться».

Слова великого мейстера попали в цель. Три дня спустя Джейехерис вызвал сына в свою горницу и сказал, что через две недели тот отплывет в Старомест. «В Цитадели о тебе позаботятся, сам ты ничего не должен будешь решать». – «Хорошо, отец», – как всегда кратко ответил принц и чуть ли не улыбнулся, как после сказал король Алисанне.

У принца Бейелона после женитьбы улыбка не сходила с лица. Если они с Алиссой не летали, то проводили время вдвоем, большей частью в опочивальне. Бейелон был страстным мужем, и крики удовольствия, что слышались в Красном Замке в их брачную ночь, раздавались и много ночей спустя. Стоит ли удивляться, что Алисса вскорости понесла и в 77 году подарила своему принцу сына, получившего имя Визерис. Септон Барт описывал его как «славного пухленького мальчика, который смеялся больше, чем все известные мне младенцы, и выпивал свою кормилицу досуха». Мать, не слушая ничьих советов, привязала девятидневного младенца в свивальнике ремнями к груди, поднялась с ним в небо и после клялась, что он хохотал всю дорогу.

Семнадцатилетним беременность и роды даются легко, но у сорокалетней Алисанны, узнавшей, что она вновь беременна, к радости примешивалась немалая доля тревоги. В 77 году, после еще одних трудных родов, уложивших королеву в постель на полгода, на свет появился Валерион, маленький и хилый, как его брат Гейемон четыре года назад. Ему сменили полдюжины кормилиц, но он, так и не окрепнув, умер в 78

году за две недели до первых своих именин. Королева приняла его кончину с покорностью. «Мне уже сорок два, – сказала она королю. – Довольствуйся теми детьми, которых я тебе родила. Боюсь, что теперь я способна быть только бабушкой».

Джейехерис не разделял ее мнения. «Наша мать, королева Алисса, родила Джослин в сорок шесть, – сказал он великому мастеру. – Думаю, боги еще не покончили с нами».

Так и вышло. На следующий же год Элизар сказал Алисанне, к удивлению ее и испугу, что она вновь станет матерью, и в 80 году, сорока четырех лет, она родила принцессу Вейель. Девочка получила прозвище Зимнее Дитя за то, что родилась в холода (а возможно, и потому, что была последышем, рожденным на склоне женских лет своей матери). Элизар решил, что не даст маленькой хрупкой девочке разделить участь Гейемона и Валериона. С помощью септы Лиры, не отходившей от младенца ни днем ни ночью, он помог принцессе пережить самый трудный первый год и с известной уверенностью ручался, что она и дальше будет жива. Алисанна, отпраздновав годовые именины дочери, возблагодарила богов.

Благодарна она была и за то, что в том году наконец нашла жениха своему восьмому ребенку, принцессе Дейелле. Плаксивая девочка представляла трудность совсем иного рода, чем благополучно пристроенный Вейегон. «Мой цветочек», – называла ее королева. Маленькая, чуть выше пяти футов, как и сама Алисанна, она всем казалась моложе своих лет, но в остальном сильно отличалась от матери. Алисанна была бесстрашной, Дейелла бояливой. После того как любимый котенок оцарапал ее, она и близко к кошкам не подходила, а драконы, даже Среброкрылый, повергали ее в ужас. От малейшего упрека она заливалась слезами. Встретив как-то в замке принца с Летних островов в пернатом плаще, она завизжала от страха, приняв его за демона из-за темной кожи.

В жестоких словах ее брата Вейегона была некая доля истины. Даже ее септа признавала, что девочка не блещет умом. Читала она запинаясь и не слишком понимала, о чем читает. Не могла запомнить самых простых молитв. Обладала красивым голосом, но стеснялась петь оттого, что путала слова песен. Любила цветы, но боялась выходить в сад, где ее как-то ужалила пчела.

Джейехериса все это огорчало даже больше, чем Алисанну. «Как же она выйдет замуж, если боится даже заговорить с мальчиком? Мы могли бы отдать ее Вере, но она не знает молитв и плачет, когда ее просят почитать из Семиконечной Звезды, – так говорит ее септа». – «Дейелла – милое и ласковое дитя с нежным сердцем, – вступалась за дочь Алисанна. – Дай

срок, и я найду лорда, который будет ее обожать. Не каждый Таргариен должен владеть мечом и летать на драконе».

После своего расцвета Дейелла привлекала взоры многих знатных юношей, и мать трудилась, не покладая рук, чтобы устроить ее судьбу. В тринадцать принцессу отправили на Дрифтмарк для знакомства с Корлисом, внуком лорда Велариона. Будущий Морской Змей, на десять лет ее старше, был уже капитаном и опытным моряком. При переезде через Черноводный залив Дейелла страдала морской болезнью, а по возвращении сказала: «Свои лодки он любит больше, чем меня». В этом она, впрочем, не ошибалась.

В четырнадцать она водила компанию с Денисом Сванном, Саймоном Стаунтоном, Герольдом Темплтоном и Эллардом Крейном, оруженосцами своего возраста. Но Стаунтон пытался ее напоить, а Крейн поцеловал в губы без разрешения, и к концу года Дейелла возненавидела всех четверых.

В пятнадцать мать поехала с ней в Древорон (в возке, ездить верхом Дейелла боялась). Лорд Блэквуд оказывал радушный прием королеве, а сын его ухаживал за принцессой. Ройс Блэквуд – высокий, грациозный, учтивый – хорошо бился на мечах, хорошо стрелял из лука и хорошо пел, пленяя девичье сердце балладами собственного сочинения. Одно время казалось, что помолвка не за горами, и королева с лордом уже толковали о свадьбе, но тут Дейелла узнала, что Блэквуды верят в старых богов и свадебные обеты ей придется дать перед сердце-деревом. «Они не верят в Семерых! – с ужасом говорила девушка матери. – Я с ними в ад попаду!»

Шестнадцатилетие приближалось неумолимо. Алисанна не знала, что делать дальше, Джейхерис терял терпение. В первый день 80 года он сказал королеве, что хочет выдать дочь замуж не позже последнего дня. «Я пригоню ей сотню мужчин, выстрою перед ней голыми, и пусть выбирает. Лорд, конечно, предпочтительней, но если ей понравится межевой рыцарь, купец или Пейт-свинопас, быть по сему. Лишь бы выбрала хоть кого-то!»

«Сто голых мужчин напугают ее до смерти», – без улыбки заметила королева.

«Ее и сто голых уток напугать могут».

«А что, если она вовсе не выйдет замуж? Мейегелла говорит, что Вера не примет послушницу, не знающую молитв».

«Остаются еще Молчаливые Сестры... да не допустят этого боги. Найди ей кого-нибудь! Доброго человека, который никогда не поднимет на нее голос и руку, будет холить ее, лелеять и защищать от драконов, лошадей, пчел, котят, прыщавых мальчишек... чего еще она там боится».

«Сделаю всё, что в моих силах, ваше величество», – обещала

Алисанна.

Сто мужчин, голых или одетых, в конце концов не понадобились. Королева ласково, но твердо передала Дейелле слова отца и предложила ей выбрать из трех поклонников. Пейта-свинопаса среди них, надо сказать, не имелось; все трое были знатного рода и представляли собой хорошую партию.

Самым молодцеватым казался Бормунд Баратеон, вылитый отец в свои двадцать восемь, могучий, с раскатистым смехом, с густой черной гривой и такую же бородой. Он приходился единоутробным братом королю с королевой, а сестра его Джослин очень полюбила Дейелле.

Самым богатым из трех был, однако, сир Таймунд Ланнистер, наследник Бобрового Утеса со всем его золотом. В двадцать лет он больше подходил Дейелле по возрасту и к тому же считался одним из красивейших мужчин Вестероса: высокий, стройный, с золотистыми усами и локонами, одетый всегда в шелк и бархат. В Бобровом Утесе, самом неприступном замке страны, принцесса могла бы ничего не бояться, но всему этому противостояла репутация сира Таймунда: говорили, что он любит женщин, а вино еще больше.

Третьим был Родрик Аррен, лорд Орлиного Гнезда и Хранитель Долины. Он стал лордом в десятилетнем возрасте, а последние двадцать лет служил в малом совете как мастер над законом и верховный судья. Король и королева видели в нем верного друга, а жители Долины – сильного, справедливого и щедрого сюзерена. Его любили как лорды, так и простые люди. В совете он, здравомыслящий и неизменно доброжелательный, тоже зарекомендовал себя хорошо.

Ему, однако, стукнуло уже тридцать шесть; он был старше Дейеллы на двадцать лет и имел четырех детей от покойной первой жены. Алисанна признавала, что маленький, лысый, с круглым брюшком Аррен не из тех, о ком мечтают юные девы, «но ты говорил как раз о таком женихе. Он добрый, заботливый и не скрывает, что любит нашу девочку уже много лет. Он будет ей надежным защитником».

Именно лорда Родрика, к изумлению всех придворных дам, кроме самой королевы, и выбрала в мужья принцесса Дейелла. «Он такой же добрый и мудрый, как батюшка, – сказала она Алисанне, – и я буду матерью его детям!» Что думала на сей счет королева, нам неизвестно; Элизар записал лишь: «Да смилуются над нами боги».

Помолвка была недолгой: лорд Родрик и Дейелла, согласно желанию короля, поженились в том же году. На скромной церемонии в септе Драконьего Камня присутствовали только родные и близкие друзья:

большие сборища стесняли принцессу. Не было и провожання. «Я этого не вынесу, умру со стыда», – сказала Дейелла мужу, и он избавил ее от сего обряда.

После свадьбы Аррен повез молодую жену в Гнездо. «Надо познакомить детей с их новой матерью и показать Дейелле Долину. Жизнь у нас там спокойная, ей понравится. Могу заверить ваши величества, что она будет счастлива».

Так и случилось. Со старшей падчерицей Элис, тремя годами старше ее, Дейелла не поладила, но полюбила трех младших, и они тоже к ней привязались. Лорд Аррен, верный своему слову, сдувал пылинки со своей «бесценной принцессы». В письмах Дейеллы к Алисанне (письма писала за нее другая падчерица, Аманда) говорится о счастье, о красотах Долины, о любви к славным сыновьям мужа, о том, как все в Гнезде к ней добры.

Принцу Эйемону на двадцать седьмом году полагалось принимать больше участия в делах государства, и король ввел его в совет на место Родрика Аррена.

«Законы предоставляю тебе, брат, – сказал ему Бейелон, орошая вином его назначение, – у меня лучше получаются сыновья». В том же 81 году Алиса, и верно, родила ему второго сына по имени Дейемон, коего две недели спустя взяла с собой на Мелейс, как и Визериса.

У сестры ее в Долине дела шли не столь хорошо. Ворон оттуда принес в Красный Замок короткое письмецо, написанное самой Дейеллой кривыми буквами: «Я беременна. Матушка, приезжай, я боюсь».

Королева, прочитав это, испугалась сама и тут же вылетела в Долину. Остановившись в Чаячьем городе, она проследовала к Воротам Луны и поднялась в Гнездо. Шел 82 год, и Алисанна прибыла к дочери за три месяца до ее родов.

Принцесса пришла в восторг и извинилась за свое «глупое» послание, но чувствовалось, что ей и впрямь очень страшно. Она заливалась слезами по малейшему поводу, а то и без повода. «Можно подумать, она первая из женщин рожать собирается», – снисходительно проронила Элис, но Алисанна волновалась за дочь. «Сама такая маленькая, а живот огромный, – писала она королю. – Я бы на ее месте тоже боялась».

Всё оставшееся время королева сидела у постели Дейеллы, читала ей на ночь, успокаивала ее. «Всё будет хорошо, – твердила она. – Родится девочка, вот увидишь. Я знаю».

В этом Алисанна не ошиблась: после долгих тяжелых родов, на две недели раньше срока, у нее появилась внучка Эйемма Аррен. «Больно! Больно!» – кричала принцесса в родовых муках, но улыбнулась, когда к ее

грудь приложили дочь.

Ничего хорошего, однако, за сим не последовало: началась родильная горячка. Дейелла хотела кормить сама, но у нее не было молока. Послали за кормилицей. Мейстер сказал, что матери не следует даже на руки брать ребенка. Больная плакала, пока не уснула, но и во сне металась и вся горела в жару, а под утро ее не стало. Ей было всего восемнадцать лет.

Лорд Родрик тоже плакал и просил разрешения похоронить его бесценную принцессу в Долине. «Нет, – сказала Алисанна. – Она от крови дракона и будет сожжена, а похоронят ее рядом с прахом ее сестры Дейенерис».

Смерть Дейеллы разбила матери сердце, и мы, оглядываясь назад, понимаем, что тогда же возникла первая трещина между нею и королем. Жизнь наша и смерть зависят от воли богов, но люди в гордыне своей всегда тщатся возложить вину на кого-то из смертных. Алисанна винила и себя, и лорда Аррена, и его мейстера, но виновнее всех был в ее глазах Джейехерис. Это он настаивал, чтобы Дейелла выбрала себе мужа до конца года... что за беда, если бы дочь подождала еще год, или два, или все десять? «Она еще не созрела для материнства, – сказала Алисанна мужу, вернувшись домой. – Не надо было заставлять ее идти замуж». Мы не знаем, что ответил на это король.

В 83 году началась и закончилась Четвертая Дорнская война, в народе более известная как Безумие принца Мориона, или Война ста свечей. После смерти старого принца Дорнийского в Солнечном Копье стал править его сын Морион. Молодой, глупый и бесшабашный, он возмущался трусливым поведением отца во время Третьей Дорнской войны: тот-де бросил на произвол судьбы Короля-Стервятника и не препятствовал входу вестеросских рыцарей в Красные горы. Принц замыслил сам вторгнуться на земли Таргариенов и смыть это пятно с чести Дорна.

Зная, что у Дорна для борьбы с Железным Троном недостаточно сил, он все же рассчитывал застать врасплох короля Джейехериса и занять хотя бы мыс Гнева, а то и до самого Штормового Предела дойти. Напасть он собирался не через Принцев перевал, а со стороны моря. Он соберет войска в Торе и Призрачном Холме, посадит на корабли и высадится на том берегу неожиданно для штормовых лордов. Если ему дадут отпор, делать нечего... но прежде он поклялся сжечь сто селений и сровнять с землей сотню замков: будут впредь штормовые знать, как лезть нахрапом в Красные горы. Видно, он и впрямь был безумен: на штормовых землях не набралось бы и трети от ста селений и замков.

Дорн не мог похвастать сильным флотом с тех пор, как Нимерия

сожгла десять тысяч своих кораблей, но золото у Мориона было, и он без труда заручился поддержкой пиратов со Ступеней, наемников из Мира и корсаров с Перечного Берега. Подготовка к вторжению заняла чуть не год, но в конце концов корабли причалили к Дорну, и принц взошел на борт вместе со своими копейщиками. Он был возвращен на преданиях о былой славе Дорна и, как многие молодые дорнийцы, видел в Адовом Холме опаленные солнцем кости дракона королевы Рейенис; каждый корабль имел на палубе арбалетчиков и скорпионы вроде того, что сразил Мираксеса. Морион верил, что перебьет всех драконов, которых Таргариены против него пошлют.

Безумие принца сказывалось во всем. Начать с того, что план заставить Таргариенов врасплох был попросту смехотворным. У Джейехериса имелись шпионы при дворе принца и друзья среди более благоразумных дорнийских лордов, а пираты со Ступеней, наемники из Мира и корсары с Перечного Берега хранят тайны лишь до тех пор, пока несколько монет не перейдет из рук в руки. Ко дню отплытия король уже полгода знал о замыслах принца.

Лорд Штормового Предела Бормунд Баратеон, также предупрежденный, ждал на мысе Гнева, чтобы оказать врагу горячий прием, но случая ему не представилось. Джейехерис с сыновьями Эйемоном и Бейелоном обрушились на дорнийцев из облаков на Вермиторе, Караксесе и Вхагаре. В воздух полетели арбалетные болты и стрелы из скорпионов, но убить дракона не так легко. Несколько стрел отскочило от их чешуи, одна пробила Вхагару крыло, но летучие чудища уже снизились и изрыгнули огонь. Корабли загорались один за другим и на закате еще пылали, «как сто свечей в море». Обугленные тела еще полгода прибывало к берегам мыса Гнева, но ни один живой дорниец не ступил на штормовой берег.

Четвертая Дорнская война была выиграна за один день. Пираты со Ступеней, наемники из Мира и корсары с Перечного Берега присмирели на время, а принцессой Дорнийской стала Мара Мартелл. Джейехериса и его сыновей в Королевской Гавани встречали восторженно: даже Завоеватель не выигрывал войн без единой потери.

У принца Бейелона была и другая причина для радости: Алисса снова вынашивала дитя. Теперь, как Бейелон сказал брату, он молился, чтобы родилась дочь.

Алисса рожала на этот раз тяжело и в 84 году подарила мужу третьего сына, названного в честь Завоевателя Эйегоном. «Меня зовут храбрым, но ты намного храбрее, – сказал принц, сидя у постели жены. – Я бы скорей

сразился в дюжине битв, чем претерпел такие мучения». – «Ты создан для битв, а я вот для этого, – засмеялась Алисса. – У нас уже трое, а когда я поправлюсь, сделаем еще одного. Хочу нарожать тебе двадцать сынов, чтобы у тебя была своя армия».

Этому не суждено было сбыться. В груди Алиссы билось сердце воина, но она так и не оправилась после рождения Эйегона и умерла двадцати четырех лет от роду в том же году. Принц Эйегон пережил мать ненадолго и умер, не дожив до года. Бейелон утешался, глядя на двух других своих мальчиков, и всегда чтит память своей прекрасной принцессы с разными глазами и сломанным носом.

Боюсь, что теперь мы дошли до одной из самых неприятных глав в долгой повести о Джейехерисе и его королеве. Речь пойдет об их девятом ребенке, принцессе Сейере.

Рожденная в 67 году, тремя годами позже Дейеллы, она получила всю отвагу, коей недоставало ее сестре, и всегда была жадной – до молока, до всей прочей еды, до любви и похвал. В младенчестве она не столько плакала, сколько кричала, и ее пронзительные вопли наводили страх на всех служанок Красного Замка. «Если она чего хочет, то вынь да положи, – писал Элизар, когда принцессе было всего два года. – Да помогут нам Семеро, когда она подрастет. Драконьим стражам придется запирать Логово на замок». Знал бы он, сколь пророческими окажутся эти слова...

Септон Барт писал о двенадцатилетней Сейере уже иначе: «Она дочь короля и хорошо это знает. Слуги исполняют все ее приказания – быть может, не так быстро, как ей бы хотелось; лорды, рыцари и придворные дамы всячески угождают ей, ровесницы соперничают, чтобы с ней подружиться. Всё это Сейера принимает как должное и не желала бы ничего иного, будь она первенцем, а еще лучше – единственным ребенком. К несчастью, она девятая, и шесть старших детей родители любят ничуть не меньше. Эйемон будет королем, Бейелон скорее всего десницей при нем, Алисса обещает превзойти свою мать, Вейегон учение, Мейелла благочестивее, с плаксой Дейеллой все носятся, Сейеру же приласкать никто не считает нужным, она ведь не плачет. Это неверно: все дети нуждаются в ласке».

По сравнению с покойной Эйереей, дикой и непокорной, Сейера могла показаться образцом хорошего поведения, но это было одно лишь притворство. В этом возрасте не всегда заметна грань между невинными шалостями и злыми проделками, однако принцесса, без сомнения, не раз ее преступала. Зная, как Дейелла боится кошек, она то и дело подсовывала их сестре в спальню, а как-то раз посадила в ее ночной горшок пчел. В десять

лет она пробралась в башню Белый Меч, схватила все белые плащи, что попались ей под руку, и выкрасила их в розовый цвет. В семь уже знала, как и когда стянуть на кухне пирожки и прочие лакомства, а вскоре начала воровать эль и вино и к двенадцати годам частенько являлась в септу подвыпивши.

Королевский дурак Том-Репка то и дело становился жертвой ее проделок и порой, сам того не ведая, помогал ей в них. Однажды перед большим пиром она уговорила его прийти туда голым: так-де смешнее. Это вызвало всеобщее недовольство, а принцесса уже придумала еще более жестокую шутку: сказала, что Том станет королем, если на Железный Трон заберется, и неуклюжий дурачок в кровь изрезал себе руки и ноги. «Злое дитя», – говорила о ней одна из септ (до тринадцати лет Сейера сменила полдюжины септ и горничных).

Нельзя сказать, что хороших качеств у нее вовсе не было. Мейстеры говорили, что она на свой лад не уступит умом Вейгону. Красотой ее боги тоже не обделили; выше Дейеллы ростом, она росла столь же живой и сильной, как другая сестра, Алисса, и могла очаровать кого угодно, стоило ей пожелать. Братья Эймон и Бейелон не уставали смеяться ее проказам (не зная худшего), а у отца она выпрашивала всё, что хотела: котенка, гончую, пони, сокола, лошадь (на слоне она получила отказ). Мать Сейеру меньше баловала, сестры же, как говорит Барт, ее недолюбливали.

И вот она расцвела. Король и королева, намучившись с Дейеллой, не без облегчения, возможно, заметили, что другая дочка равнодушна к придворным юношам. В четырнадцать Сейера сказала отцу, что хочет стать женой принца Дорнийского или Короля за Стеной, чтобы быть королевой, «как матушка». Увидев в замке черного летнийского купца, она не упала в обморок подобно Дейелле, а рассудила, что и за него не прочь выйти.

К пятнадцати она оставила эти пустые фантазии. Зачем мечтать о чужеземных монархах, когда при дворе столько красивых оруженосцев, лордов и рыцарей? Из множества поклонников Сейера вскоре приблизила к себе трех. Джонас Моутон был наследником Девичьего Пруда, Рыжий Рой Коннингтон в свои пятнадцать стал уже лордом Гриффин-Руста, девятнадцатилетний рыцарь Бракстон Бисбери по прозвищу Шмель, наследник Медовой Рощи, считался лучшим копьем Простора. Завела она себе и близких подруг, Перианну Мур и Алис Торнберри, которых называла Пери и Ягодкой. Три девицы и трое юношей были неразлучны на всех пирах и балах, вместе охотились и как-то дошли под парусом до Драконьего Камня. Когда молодые люди наезжали с копьями на кольца или скрещенные мечи, девушки их подбадривали.

Король, вечно занятый с лордами, послами и советниками, смотрел на это благосклонно. Им не придется обшаривать всю страну в поисках жениха для Сейеры: вот они, женихи, под рукой, целых три. Королева же сомневалась и говорила: «Сейера неразумна, хоть и умна». Леди Перианну и леди Алис она считала пустоголовыми дурочками, Моутона и Коннингтона – бесчувственными юнцами. «И Шмель этот мне не нравится. Говорят, у него уже есть два бастарда, один в Просторе, другой здесь, в Королевской Гавани».

«Но ведь Сейера не остается с ними наедине, – возражал король. – Рядом всегда слуги, конюхи или стражники. Что может с ней приключиться, когда вокруг столько глаз?»

Ответ на сей вопрос явился скоро и не пришелся его величеству по душе. Теплой весенней ночью 84 года внимание двух городских стражников привлекли отчаянные вопли, несущиеся из борделя «Голубая жемчужина». Издавал их Том-Репка, бегающий по кругу от полудюжины нагих девок, которых с хохотом науськивали клиенты, в том числе Джонас Моутон, Рой Коннингтон и Шмель Бисбери, один другого пьянее. Они хотели посмотреть, как старый Репка справится с делом, признался Рыжий Рой, а Моутон добавил, что придумала это принцесса Сейера: вот ведь забавница!

Стражники вызволили дурака и препроводили его в Красный Замок, а трех гуляк привели к своему командиру. Тот, в свой черед, доставил их к королю, хотя Шмель сыпал угрозами, а Коннингтон пытался сира Роберта подкупить.

«Вскрывать нарывы – дело малоприятное, – пишет об этом Элизар. – Никогда не знаешь, сколько гною выйдет и насколько дурно он будет пахнуть». Гной, вытекший наружу из «Голубой жемчужины», пахнул куда как скверно.

Трое представших перед королем молодых людей успели протрезветь и держались смело. Они сознались, что умыкнули Тома-Репку и притащили его в бордель, но о принцессе никто не сказал ни слова. Джейехерис приказал Моутону повторить сказанное прежде, однако тот, краснея и заикаясь, стал уверять, что стражники не иначе ослышались. «Пусть переночуют в темнице, авось утром запоют по-другому», – распорядился король.

Королева Алисанна, зная, что леди Перианна и леди Алис в большой дружбе с этими юношами, предложила допросить и девиц: «Позволь мне поговорить с ними. Если ты будешь сверкать на них глазами с высоты трона, они со страху и слова не вымолвят».

Обе девушки в этот поздний час спали у леди Перианны, в одной кровати, но их разбудили и привели к королеве. «Если не хотите присоединиться к вашим друзьям в темнице, скажите правду», – велела им Алисанна, и Пери с Ягодкой тут же начали говорить, перебивая одна другую, плача и моля о прощении. Алисанна слушала молча, как вошло у нее в привычку на женских сходах. Королева умела слушать.

Поначалу, сказала Пери, это была всего лишь игра. «Сейера учила Алис целоваться, а я попросила научить и меня. Мальчишки учатся сражаться каждое утро, почему бы и нам своей девичьей науке не поучиться?» – «Потом мы начали целоваться, сняв всю одежду, – подхватила Алис. – Страшно, но сладко. Каждая по очереди притворялась, что она мальчик. Мы ничего дурного не делали, просто играли. Потом Сейера подзадорила меня вправду поцеловаться с мальчиком, я подзадорила Пери, а принцесса, когда мы стали подзуживать ее самое, сказала, что сделает еще лучше: поцелует взрослого рыцаря. Так и началось у нас с Роем, Джонасом и Шмелем». Леди Перианна поспешила добавить, что после этого их всему учил Шмель. «У него два бастарда, один в Просторе, другой прямо здесь, на Шелковой улице, от шлюхи из “Голубой жемчужины”».

Больше о «Голубой жемчужине» не поминалось. «Обе негодницы, как оказалось, ведать не ведали о шутке, сыгранной с Томом-Репкой, – пишет Элизар, – зато знали, не по своей вине, много других вещей».

«Где же были ваши септы? – спросила их королева. – Ваши служанки? Да и при юношах должны были постоянно находиться оруженосцы, грумы и слуги».

«Слугам мы приказывали ждть снаружи, – сказала Перианна с недоумением, как если бы объясняла, что солнце встает на востоке. – Их дело повиноваться. Шмель пригрозил, что отрежет языки тем, кто будет болтать. А септами занималась Сейера, она умеет перехитрить их».

Тут Ягодка зарыдала и стала причитать, разрывая на себе платье. Она раскаивается, она не хотела поступать дурно, ее Шмель заставлял, а Сейера называла трусихой, вот она им и доказала, а теперь она беременна и не знает, от кого, и *что же ей делать?*

«Ступай пока что в постель, – сказала ей королева. – Завтра мы придем к тебе септу, ты покаешься в своих прегрешениях, и Матерь тебя простит».

«Матерь-то простит, а моя мать навряд ли», – пролепетала Алис, и Перианна увела ее прочь.

Джейехерис, когда Алисанна всё ему рассказала, не поверил своим

ушам. Стражники начали приводить в тронный зал слуг, служанок, оруженосцев и грумов. Многие, дав показания, отправились в темницы следом за своими хозяевами. Когда выслушали последних, стало светать, и лишь тогда родители послали за принцессой Сейерой.

Она, конечно, почувствовала неладное, когда за ней пришли лорд-командующий Королевской Гвардии и командир городской стражи. Если король требует тебя к подножию Железного Трона, добра не жди. В зале не было никого, кроме великого мастера Элизара и септона Барта, представлявших Цитадель и Звездную септу; других своих лордов-советников король в это посвящать не стал.

Говорят, что в Красном Замке секретов нет: крысы в стенах слышат их и по ночам шепчут на ухо спящим. Принцесса, во всяком разе, уже знала, что случилось в борделе, и ничуть не стыдилась. «Я им подсказала, но не думала, что они это вправду сделают. Вот потеха была, должно быть, когда Том-Репка плясал со шлюхами!»

«Только не для него», – заметил король.

«Дураки затем и нужны, чтобы над ними смеялись, – пожалала плечами Сейера. – Какой в этом вред? Репка любит, когда над ним потешаются».

«Это была жестокая шутка, – вступила в разговор королева, – но меня больше заботит другое. Я говорила с твоими... девицами. Знаешь ли ты, что Алис Торнберри беременна?»

Лишь тогда принцесса начала понимать, что ей придется держать ответ не за Тома-Репку, а за проступки потяжелее. Впрочем, опомнилась она мигом и прошептала: «Ягодка? Как же так? Вот глупышка...» Септон Барт клялся, что по щеке ее скатилась слеза.

Королеву это не тронуло. «Ты прекрасно знаешь, как это вышло и что вы все делали. Скажи нам правду, дитя». Принцесса перевела взгляд на отца, но и там не нашла опоры. «Если солжешь, тебе же хуже будет, – сказал Джейехерис. – Трое ваших друзей в темнице, и от твоих слов зависит, где ты сама проведешь эту ночь».

Тут Сейера сломалась и повела свою речь, едва переводя дух. «Битый час она отрицала, отпиралась, увертывалась, обвиняла и оправдывалась, перемежая это рыданиями и смехом, – пишет Элизар. – Ничего такого она не делала; они лгут; как можно этому верить; это просто игра, просто шутка; кто это сказал; целоваться все любят; она сожалеет; это всё Пери; никакой беды не случилось; никто ей не говорил, что целоваться нехорошо; ее Ягодка подзадорила; Бейелон только и делал, что целовался с Алисой; ей очень стыдно; остановиться уже не могла; боялась Шмея; Мать простила ее; все девочки это делают; в первый раз она была пьяная; она не

хотела, этого только мужчины хотят; Мейегелла сказала, что боги прощают нам все грехи; Джонас сказал, что любит ее; она не виновата, что боги создали ее красивой; больше она так не будет, как будто и не было ничего; она выйдет замуж за Роя; ее нужно простить, больше она в жизни не поцелует мужчину и того другого тоже не станет делать; не она ведь брюхата; почему родители ей не верят, она же их девочка, их *принцесса*, а будь она королевой, делала бы что пожелает; они никогда ее не любили, она ненавидит их, пусть ее хоть отхлещут, но их рабыней она больше не будет. Я диву давался, на нее глядя: ни один лицедей не разыграл бы свою роль так искусно. Но под конец она выбилась из сил, и маска с нее упала».

«Так что ты, собственно, сделала? – спросил король, когда она наконец умолкла. – Отдала свою невинность одному из этих юнцов? Говори же».

«Одному? Как бы не так, – презрительно бросила Сейера. – Всем троим, и каждый думал, что он у меня первый. Их так легко обдурить».

Джейехерис от ужаса утратил дар речи, но королева сохранила спокойствие. «Вижу, ты очень горда собой и думаешь, что ты очень умная. Опытная женщина в шестнадцать-то лет! Но ум одно, а разум – другое. Что, по-твоему, теперь с тобой будет, Сейера?»

«Меня выдадут замуж. А что такого? Ты в мои года уже была замужем. Вот только за кого? Джонас и Рой меня любят, но оба они еще такие зеленые. Шмель не любит меня, но смешит, а порой и кричать заставляет. Что, если я возьму всех троих? У Завоевателя было две жены, а у Мейегора не то шесть, не то восемь».

Этого Джейехерис уже не вынес. Вне себя от гнева, он сошел с Железного Трона. «Сравниваешь себя с Мейегором? Вот, значит, с кого ты берешь пример? Отведите ее назад в спальню, – приказал он своим гвардейцам, – и не выпускайте, пока я снова за ней не пошлю».

«Отец!» – жалобно вскричала принцесса, но король отвернулся, а Джайлс Морриген взял ее под руку и хотел увести. Но она уперлась, и гвардейцы уволокли ее силой, кричащую, плачущую и взывающую к отцу.

Даже и тогда, пишет Барт, Сейеру могли простить и вернуть ей расположение, если бы она покорно сидела в своих покоях, каялась и молилась. Весь следующий день Джейехерис и Алисанна совещались с Бартом и Элизаром, как поступить с шестью грешниками, с принцессой в первую голову. Король был гневен и несгибаем: он остро чувствовал свой позор и не мог забыть слов Сейеры о его дяде. «Она мне больше не дочь», – повторял он.

Сердце королевы было не столь сурово. «Не отрекайся от нее, – говорила она. – Да, ее придется наказать, но она ведь еще ребенок, и нет

такого греха, который нельзя искупить. Любовь моя, ты простил сторонников Мейегора, простил союзников Муна, ты примирился с Верой и с лордом Робаром, желавшим разлучить нас и посадить на трон Эйерею; неужто ты не найдешь в себе сил простить родное дитя?»

Короля тронули слова королевы, говорит септон Барт. Алисанна умела убеждать и всегда склоняла Джейехериса на свою сторону, как бы сильно они ни расходились в начале спора. Будь у нее время, она и теперь, быть может, убедила бы мужа смягчиться.

Но Сейера в ту же ночь сама решила свою судьбу. Попросившись в отхожее место, она ускользнула, переоделась прачкой, взяла на конюшню лошадь и поскакала в Драконе Логово, где стражи схватили ее и вернули в замок.

Алисанна заплакала, услышав об этом: она поняла, что дело ее проиграно. «Итак, дракон, – только и проронил Джейехерис. – Тоже Балерион, не иначе?» Принцессу на сей раз заточили в башню; Джонквиль Дарк стерегла ее днем и ночью, даже в отхожее место сопровождала.

Сестер ее во грехе спешно выдали замуж. Перианне Мур дали в мужья Джонаса Моутона. «Ты погубил ее, ты и спасешь», – сказал король юноше. Брак оказался удачным, и супруги со временем стали лордом и леди Девичьего Пруда. С беременной Алис Торнберри пришлось потруднее: Рыжий Рой Коннингтон отказался жениться на ней. «Я не признаю бастарда Шмеля моим сыном, и наследником Гриффин-Руста ему не бывать», – заявил он королю. Ягодку отослали в Долину, и она родила ярко-рыжую девочку в островной обители Чаячьего города, куда отдавали своих внебрачных дочерей многие лорды. Позже она вышла за Дунстана Приора, лорда острова Гольш близ Перстов.

Коннингтону предоставили выбирать между Ночным Дозором и десятилетним изгнанием. Он, что неудивительно, выбрал второе и уехал сначала в Пентос, потом в Мир, где якшался с наемниками и прочим отребьем. За полгода до истечения срока изгнания его зарезала какая-то шлюха в игорном притоне Мира.

Самое суровое наказание приберегли для Шмеля, Бракстона Бисбери. «Я мог бы оскотить тебя и послать на Стену, – сказал король. – Так я поступил с Люкамором Стронгом, а он был лучше тебя. Мог бы отнять у твоего отца зéмли и замок, но ни он, ни твои братья в твоих грехах не повинны. Мы, пожалуй, отрежем тебе язык, чтобы ты не разносил басен о моей дочери, а заодно и нос, чтобы не вынюхивал податливых девушек. На мечах и копьях ты тоже не будешь биться: тебе переломают руки и ноги, и мастера позаботятся, чтобы срослись они криво. Остаток своих дней

проживешь калекой, если только...»

«Если что?» – пролепетал белый как мел Бисбери.

«Любой согрешивший рыцарь может доказать свою невиновность в бою», – напомнил король.

«Да, я согласен на испытание поединком! – закричал Шмель, юноша самонадеянный и уверенный в своем боевом мастерстве. – С кем из этих старцев я буду сражаться?» – спросил он, окинув взглядом семерых королевских гвардейцев, стоявших у Железного Трона в блестящей броне и длинных белых плащах.

«Вот с этим, – ответил король. – С отцом соблазненной и обещанной тобой дочери».

Они сразились на рассвете следующего дня. Наследнику Медовой Роши было девятнадцать, королю сорок девять, но никто бы не посмел назвать его старцем. Бисбери выбрал для поединка цепную шипастую палицу, полагая, как видно, что король к такому оружию непривычен. Джейехерис бился, как всегда, Черным Пламенем. Оба вышли на бой в доспехах и со щитами. Бисбери без промедления ринулся на короля, надеясь на свою молодую силу и ловкость; шипастый шар на цепи вращался и свистал в воздухе. Джейехерис до поры отражал удары щитом, изматывая противника, и перешел в наступление, как только у Бисбери устала рука. Валирийская сталь даже наилучшие доспехи может пробить, притом Джейехерис знал, где найти слабое место. Бисбери упал, истекая кровью из полудюжины ран, а король отшвырнул ногой его изрубленный щит, поднял его забрало и вогнал острие меча в глаз.

Королева не присутствовала на поединке: ее ужасала самая мысль, что король может быть повержен. Сейера смотрела на бой из окна своей башни, и Джонквиль Дарк не позволяла ей отворачиваться.

Две недели спустя Джейехерис и Алисанна отдали Вере еще одну дочь. Сейера Таргариен, неполных семнадцати лет, отправилась в Старомест на обучение к своей сестре Мейегелле. Было объявлено, что она поступит послушницей в орден Молчаливых Сестер.

Септон Барт, знавший короля лучше многих других, говорил после, что приговор этот задумывался как урок провинившейся дочери. Все понимали, что Сейера не Мейегелла и что септой, тем паче Молчаливой Сестрой, она никогда не станет. Родители полагали, что несколько лет строгой дисциплины, размышлений и молитв пойдут принцессе на пользу и наставят ее на путь исправления.

Но Сейера этим путем идти не желала. Некоторое время она терпела всё: молчание, холодные омовения, посты, колючую дерюжную ряску.

Сносила бритье головы, мытье лошадиной скребницей, телесные наказания. Она терпела это полтора года, но в 85-м, как только представился случай, сбежала из обители в гавань. Пожилую септу, заступившую ей дорогу, Сейера сбросила с лестницы и перескочила через нее.

В Королевской Гавани, узнав об этом, предположили, что Сейера прячется где-то в Староместе, но люди лорда Хайтауэра ее не нашли, хотя прочесали все дома в городе. Тогда стали думать, что она отправилась домой испросить у отца прощения. Когда она и в Красном Замке не появилась, сочли, что она будет искать помощи у друзей, и предупредили на сей счет Джонаса и Перианну Моутонов. Правда вышла наружу лишь год спустя, когда кто-то увидел принцессу, всё так же одетую послушницей, в лиссенийском саду удовольствий. «Нашу дочь сделали шлюхой», – плакала королева. «Она такой и была», – отвечал король.

В 84 году Джейехерис Таргариен отпраздновал свое пятидесятилетие. Годы начинали брать свое, и люди, хорошо его знавшие, говорили, что после бегства Сейеры король уже не был прежним. Он исхудал, и седина вытесняла золото из его бороды и волос. Его впервые стали называть Старым Королем наряду с Умиротворителем. Алисанна после перенесенных утрат все больше отстранялась от государственных дел и в совете бывала редко, но верный септон Барт и сыновья оставались при короле. «Если опять случится война, она будет вашей, – говорил им Джейехерис. – Мне дороги надо достроить».

«С дорогами у него получалось лучше, чем с дочерьми», – писал позднее Элизар в своем обычном язвительном духе.

В 87 году королева Алисанна объявила о помолвке шестнадцатилетней принцессы Визерры со старым лордом Теомором Мандерли. Брак сей свяжет Железный Трон с одним из величайших домов Севера, провозгласил король. В юности лорд Теомор показал себя славным воином, а после умелым правителем: Белая Гавань при нем процветала. Королева помнила, как хорошо он принимал ее в своем доме, и сохранила к нему теплые чувства.

Мандерли пережил, однако, четырех жен и порядком растолстел, хотя боец еще был хоть куда. Он вряд ли мог понравиться юной девушке, и Визерра мечтала о другом. Еще в детстве она была самой красивой из дочерей короля. Лорды, рыцари и оруженосцы вились вокруг нее, разжигая ее тщеславие, пока огонь не поднялся до небес. Любимым ее занятием было стравливать одного воздыхателя с другим, подзуживая их на дурацкие подвиги. Чтобы получить ее ленту на турнире, оруженосцы переплывали

Черноводную, взбирались на башню Десницы и выпускали на волю мастерских воронов. Однажды она привела шестерых мальчишек в Драконье Логово и обещала свою невинность тому, кто сунет голову в пасть дракона, но стража, к счастью, им помешала.

Королева знала, что сердце Визерры и уж подавно ее невинность оруженосцам не достанутся никогда. Принцесса была слишком хитра, чтобы пойти дорожкой сестры Сейеры. «Поцелуйчики и зеленые мальчишки ей ни к чему, – говорила королю Алисанна. – Она играет с ними, как со щенятами, но отдаться кому-то из них намерена не больше, чем лечь с кобелем. Она метит куда выше, наша Визерра. Я видела, как заигрывает она с Бейелоном: вот кого она хочет в мужа, и не по любви, а потому, что желает быть королевой».

Принц Бейелон был на четырнадцать лет старше сестры, но Визерра знала, что разница между женихами и невестами бывает и больше. Интерес к другим женщинам он не выказывал, хотя после смерти Алиссы прошло три года. «Он взял в жены одну сестру, так почему бы не взять другую? – говорила Визерра своей ближайшей подруге, глупенькой Беатрисе Батервелл. – Я намного красивее Алиссы, у нее нос был сломан!»

Но если принцесса решительно вознамерилась выйти за Бейелона, то королева столь же решительно вознамерилась не допустить этого, и ответом явился лорд Теомор. «Он хороший человек, – говорила дочери Алисанна, – добрый и с головой на плечах. Все вассалы любят его».

«Если он тебе так мил, матушка, сама и выходи за него», – отрезала принцесса и побежала жаловаться к отцу. Джейехерис сказал, что это хорошая партия, объяснил, как выгоден Железному Трону союз с Севером, и добавил, что предоставляет брачные дела королеве и никогда в них не вмешивается.

Тогда раздосадованная Визерра, если верить придворным сплетням, пошла напрямик к Бейелону. Ночью, пробравшись мимо часовых в его спальню, она разделась, легла в постель и стала его поджидать, угощаясь приготовленным для брата вином. Бейелон, найдя ее там, велел ей убираться подобру-поздорову, но Визерра так напилась, что провожать ее пришлось двум служанкам и одному рыцарю Королевской Гвардии.

Чем закончился бы поединок между матерью и упрямой дочерью, нам никогда не узнать. Королева уже готовила дочь к отъезду, когда принцесса поменялась платьем со своей горничной (чтобы обмануть стражу, коей наказали не спускать с нее глаз) и сбежала из замка «повеселиться последнюю ночь, пока на мороз не отправили».

В компанию себе она взяла только мужчин, двух мелких лордиков и

четырех рыцарей, зеленых как трава и жаждущих добиться от нее милостей. Один из них предложил показать Визерре те части города, где она еще не бывала: харчевни и крысиные ямы Блошиного Конца, кабаки в Речном и Угровом переулках, где прислужницы пляшут на столах, бордели на Шелковой улице. Визерра согласилась охотно, зная, что там будет вдоволь меду, вина и эля.

Ближе к полуночи принцесса и ее спутники (те, что еще на ногах держались) решили скакать обратно к замку наперегонки. Прохожие шарахались из-под копыт, а всадники веселились напропалую, пока у подножия холма Эйегона лошадь Визерры не столкнулась с кобылой рыцаря. Та упала, а принцесса, вылетев из седла, врезалась в стену головой и сломала шею.

В час волка, самый темный из всех часов ночи, сиру Раэму Редвину выпало разбудить короля с королевой и сказать, что их дочь найдена мертвой в переулке под холмом Эйегона.

Королева, несмотря на разногласия с Визеррой, была поражена горем. За пять лет боги забрали у нее трех дочерей: Дейеллу в 82-м, Алиссу в 84-м, Визерру в 87-м. Горевал и принц Бейелон, жалея, что не поговорил с сестрой по-хорошему, застав ее пьяной в своей постели. И он, и Эйемон с леди Джослин и Рейенис утешали родителей как могли, но королева обратилась за утешением к оставшимся у нее дочерям.

Двадцатипятилетняя септа Мейегелла отпросилась из обители, чтобы побыть с матерью, а милая семилетняя крошка Гейель ходила за Алисанной всюду и даже спала с ней вместе. Они придавали королеве сил, но мысли ее все чаще обращались к отсутствующей дочери. Несмотря на запрет короля, она давно отрядила шпионов следить за Сейерой и знала из их донесений, что та, уже двадцатилетняя, все еще в Лиссе и все так же принимает клиентов в одежде послушницы. Многие мужчины не прочь позабавиться с женщиной, принесшей обет целомудрия, хотя целомудрия уже и в помине нет.

Горе от потери Визерры побудило Алисанну вновь заговорить с мужем о Сейере. Королева взяла с собой септона Барта; когда тот завершил свою речь о милосердии и целительных свойствах времени, она начала свою: «Прошу тебя, верни Сейеру домой. Она наша дочь и понесла достаточно суровое наказание».

Король не склонился на ее мольбы. «Теперь она лиссенийская шлюха, а прежде переспала с половиной моих придворных, сбросила с лестницы старую женщину и пыталась украсть дракона. Думала ли ты, как она добралась до Лисса? Денег у нее не было, чем же она за проезд

расплатилась?»

Королева ежилась от его слов, но упорствовала: «Если не хочешь вернуть дочь из любви к ней, верни из любви ко мне. У меня в ней нужда».

«Она нужна тебе, как дорнийцу змеиная яма. Прости, но в Королевской Гавани и так шлюх довольно. Я не желаю больше слышать о ней. – Король пошел было прочь, но в дверях обернулся: – Мы с тобой вместе с самого детства, я знаю тебя не хуже, чем ты меня. Сейчас ты думаешь, что обойдешься и без моего разрешения, что можешь сесть на Среброкрылого и полететь в Лисс сама. И что же дальше? Навестишь дочку в саду удовольствий? Думаешь, она бросится в твои объятия и будет молить о прощении? Скорей оплеуху тебе закатит. И что скажут лиссенийцы, если ты попытаешься увезти одну из их шлюх? Она большую цену имеет. Сколько, по-твоему, стоит переспать с вестеросской принцессой? В лучшем случае они потребуют выкуп, в худшем – решат и тебя оставить. Что ты тогда сделаешь? Велишь Среброкрылому сжечь их город дотла? Или мне придется послать Эйемона и Бейелона с войском, чтобы вызволить сестру-потаскуху? Я слышал тебя и понял, что у тебя в ней нужда, но у нее нет нужды ни в тебе, ни во мне, ни в Вестеросе. Она умерла; похорони же ее».

Королева не полетела в Лисс, но королю этих слов не простила. На будущий год они собирались посетить западные земли, где не были уже двадцать лет, но она заявила, что не поедет. Она удалится на Драконию Камень и будет оплакивать своих дочерей.

И в 88 году король полетел в Бобровый Утес и другие замки один. На сей раз он посетил даже Светлый остров, ибо ненавистный ему лорд Франклин благополучно сошел в могилу. Он задержался дольше, чем намеревался, обозревая дорожные работы или останавливаясь в мелких замках и городках к восторгу многих лордов и рыцарей. В одних замках вместе с ним гостил Эйемон, в других Бейелон, но ни тот ни другой не уговорил его вернуться домой. «Слишком долго я не видел моего королевства и не говорил с моими подданными, – отвечал он. – В столице вы с матерью и без меня управитесь».

Покинув наконец запад, он не вернулся в Красный Замок, а перелетел в Простор и тут же начал вторую поездку. К этому времени отсутствие королевы заметили, и короля стали сажать на пирах рядом с пригожими девицами и сдобными вдовушками; они же оказывались подле него на охоте, но он их не замечал. В Бандаллоне, когда младшая дочь лорда Блэкбара дерзко села к нему на колени и поднесла к его губам виноградину, он отвел ее руку и сказал: «Простите, но я женат и в любовницах не

нуждаюсь».

Король провел в дороге весь 89 год. В Хайгарден к нему прилетела внучка Рейенис на «красной королеве» Мелейс. Вместе они посетили все четыре Щитовых острова, где король еще не бывал. На Зеленом Щите, в чертоге лорда Честера, Рейенис поведала деду о своих видах на замужество и получила его благословение. «Лучшего выбора ты не могла сделать», – сказал он.

Завершилось его путешествие в Староместе; там он повидался с дочерью Мейегеллой. Верховный септон благословил его, Конклав закатил ему пир, лорд Хайтауэр устроил турнир, где бойцом короля снова выступил сир Раэм Редвин.

Размолвку между королем и королевой мейстеры того времени называли «глубокой пропастью», нам же она известна как Первая Ссора. Со временем мы доберемся и до второй.

Мост через пропасть перекинула септа Мейегелла. «Глупо, отец, – сказала она. – Рейенис выходит замуж на будущий год, вот тебе и оказия. Она хочет, чтобы на свадьбе присутствовали мы все, считая тебя и матушку. Я слышала, архимейстеры называют тебя Умиротворителем: время заключить мир».

Ее слова возымели действие. Две недели спустя король вернулся наконец в Королевскую Гавань, а королева прибыла туда из своего добровольного изгнания. Мы не знаем, что было сказано между ними, но скоро они стали так же близки, как и прежде.

В 90 году они отпраздновали одно из последних счастливых событий, выпавших на их долю: свадьбу внучки Рейенис с Корлисом Веларионом, лордом Высокого Прилива.

Тридцатисемилетний Морской Змей, прославившийся после девяти своих путешествий как величайший мореход Вестероса, вернулся домой, чтобы жениться и завести семью. «Только ты одна способна отбить меня у моря, – говорил он принцессе. – Я вернулся с того края света ради тебя».

Шестнадцатилетняя Рейенис, красивая и бесстрашная, как нельзя лучше подходила своему мореплавателю. Она летала на драконах с тринадцати лет, и на свадьбу ее привезла алая Мелейс, носившая прежде ее тетку Алиссу. «Мы отправимся на край света вместе, – обещала она сиру Корлису, – но я там буду раньше тебя».

«Хороший был день», – с грустной улыбкой вспоминала впоследствии Алисанна. В том году ей исполнилось пятьдесят четыре, и хороших дней для нее, увы, осталось не так уж много.

В своей истории мы рассматриваем бесконечные интриги и войны

Вольных Городов Эссоса лишь в тех случаях, когда они непосредственно затрагивают дом Таргариенов и Семь Королевств. Как раз такой случай выдался в 91–92 годах во время так называемой Мирийской Бойни. Не станем докучать вам подробностями; довольно будет сказать, что в городе Мир боролись за власть две враждебные партии. Это сопровождалось убийствами, отравлениями, бунтами, насилием над женщинами, повешениями, пытками и морскими сражениями. Побежденная, изгнанная из города партия попыталась сначала утвердиться на Ступенях, но архон тирошийский, объединившись с пиратами, их и оттуда прогнал. Доведенные до отчаяния мирийцы высадились на острове Тарт, застав тамошнего лорда врасплох, и за короткий срок заняли всю восточную сторону острова.

К этому времени они сами, по сути, обратились в пиратов; и король, и его совет полагали, что сбросить их обратно в море не составит труда. Поход возглавил принц Эймон на Караксесе, а Морскому Змею поручили двинуться с флотом на юг и обеспечить переправу на остров лорду Бормунду, идущему с войском из Штормового Предела. Предполагалось, что с пиратами расправятся штормовые люди вместе с ополчением лорда Тарта, а Караксес оставался последним средством. «Поджигать он страсть как любит», – говорил принц.

Лорд Корлис отплыл с Дрифтмарка девятого дня третьего месяца 92 года. Несколько часов спустя за ним последовал принц Эймон, простившись с леди Джослин и дочерью Рейенис, которая не полетела с отцом лишь потому, что ожидала ребенка. «У тебя впереди своя битва, – сказал ей принц. – Лорду Корлису нужен сын, а мне внук».

Это были последние слова, которые дочь от него услышала. Караксес опередил флот Морского Змея и сел на Тарте, в лагере лорда Камерона Вечерней Звезды. Тот после вторжения ушел в горы посреди острова и следил за мирийцами из укромной долины. Пока дракон уминал свои полдюжины коз, оба воеводы обсуждали, как действовать дальше.

Но лагерь был не столь хорошо спрятан, как полагал лорд, и двое мирийских разведчиков, пробравшихся в горы, заметили дым от драконьей трапезы. Один из них узнал лорда Камерона, говорившего в сумерках с принцем. Мирийцы неважные моряки, а солдаты и того хуже. Их излюбленное оружие – кинжал и арбалетный болт, предпочтительно отравленные. Укрывшийся за камнями разведчик прицелился из арбалета в Вечернюю Звезду, стоявшего ярдах в ста ниже, и выстрелил... но попал не в лорда, а в принца.

Принц Драконьего Камня пал на колени, ухватившись руками за болт,

вошедший ему в горло и вышедший из затылка. Он не смог выговорить ни слова и умер, захлебнувшись собственной кровью. Ему было тридцать семь лет.

Как описать горе, поразившее Семь Королевств? Какими словами выразить страдания родителей, отчаяние вдовы, слезы дочери, узнавшей, что отец никогда не возьмет на руки дитя, которое она носит? Гнев Бейелона, который тут же вылетел на Вхагаре к Тарту, вообразить легче. Вражеский флот вспыхнул, как девять лет назад корабли Мориона, а лорды Тарт и Бормунд, спустившись с гор, отрезали мирийцам путь к отступлению. Тысячи трупов гнили у воды, розовые волны набегали на берег.

Бейелон Храбрый принял участие в избиении с Темной Сестрой в руке. Когда он вернулся с телом брата в Королевскую Гавань, люди на улицах приветствовали его как героя, но при виде матери он бросился ей в объятия и заплакал. «Я убил тысячу врагов, но его этим не воротишь». – «Да, знаю... знаю», – шептала, глядя его по голове, Алисанна.

За летом следовала зима, с моря дули соленые ветры, весной луга покрывались цветами, золотая осень приносила богатые урожаи. Дороги постепенно росли, через ручьи и реки перекидывались мосты, но все видели, что Джейехериса это больше не радует. «Для меня теперь и летом зима», – признался он септону Барту, выпив больше обыкновенного; после гибели Эйемона король не мог уснуть без двух-трех чаш подслащенного медом вина.

В 93 году шестнадцатилетний сын Бейелона Визерис явился в Драконье Логово за Балерионом. Старый дракон, перестав наконец расти, обленился, отяжелел и упирался, когда принц захотел поднять его в воздух, но Визерис все-таки трижды облетел на нем вокруг города. После он говорил отцу, что собирался слетать на Драконию Камень, но усомнился, что у Черного Ужаса достанет для этого сил.

Меньше чем через год Балерион умер. «Последний из живых, видевший Валирию во всей ее славе», – пишет о нем септон Барт. Сам Барт скончался четыре года спустя, в 98-м. Великий мейстер Элизар опередил его на полгода, лорд Редвин умер еще в 89 году, его сын сир Роберт вскоре после него. Их заменили новые люди, и Старый Король, входя в зал совета, порой не сразу мог припомнить, кого как зовут.

Джейехерис, скорбевший по принцу Эйемону до конца своих дней, не мог предугадать, что гибель сына уподобится адскому рогу из валирийской легенды, сулящему смерть и многие беды всем, кто слышит его.

Алисанна провела свои последние годы в печали и одиночестве. Когда-

то она любила всех своих подданных – как простых, так и знатных. Выслушивала жалобы женщин на своих сходах и всемерно старалась помочь им. Ни одна королева ни до, ни после нее столько не путешествовала. Она ночевала в сотне замков, очаровала сотню лордов, устроила сотню свадеб. Любила музыку, танцы, книги, но паче всего полеты. Она облетела всю страну от Стены до Староместа и видела ее, как дано лишь немногим, с заоблачной высоты.

Под старость она всё это разлюбила. «Мой дядя Мейегор был жесток, – говорила она, – но годы еще жесточе». Изнуренная частыми родами, странствиями и горем, она после смерти Эйемона совсем сдала. Вzbираться на холмы становилось для нее все труднее; в 95 году она оступилась на ступенях, сломала бедро и после ходила с тростью. Слух тоже начал ей изменять: она больше не могла наслаждаться музыкой и не понимала, о чем говорят на совете. Совершив свой последний полет в 93 году, она с мучительными усилиями слезла со Среброкрылого и заплакала, ступив наконец на землю.

Только любовь к детям до конца дней не покидала ее. «Ни одна мать не любила своих детей так, как вы», – сказал ей великий мейстер Бенифер, прежде чем умереть от трясучки. Алисанна много размышляла над его словами в свои последние дни. «Нет, – записала она, – Небесная Матерь любила моих детей больше, потому и забрала их себе».

«Мать не должна видеть, как сжигают ее дитя», – сказала она у погребального костра своего сына Валериона, но из тринадцати детей, что она родила Джейехерису, лишь трое пережили ее. Эйегон, Гейемон и Валерион умерли в младенчестве, Дейенерис от трясучей горячки, Эйемона убили из арбалета, Дейелла и Алисса скончались родами, пьяная Визерра разбилась в скачке. Доброй септы Мейегеллы не стало в 96 году: ее руки и ноги обратились в камень от серой хвори, ибо в последние свои годы она ухаживала за людьми, пораженными этой ужасной болезнью.

Самый тяжелый удар нанесла матери принцесса Гейель, Зимнее Дитя, рожденная в 80 году на самом исходе детородных лет Алисанны. Добрая, нежная, но хрупкая здоровьем и недалекая разумом, Гейель оставалась с матерью, когда другие дети давно уже выросли. В 99 году она пропала из замка, и вскоре было объявлено, что она умерла от летней горячки. Правда обнаружилась лишь после смерти короля с королевой: соблазненная и брошенная бродячим певцом, Гейель родила мертвого мальчика и, сраженная горем, утопилась в Черноводном заливе.

Говорят, что Алисанна так и не оправилась от этой потери, ибо одна лишь Гейель служила ей утешением. Сейера жила в Волантисе (из Лисса

эта падшая, но богатая женщина уехала несколько лет назад), но для Джейехериса она умерла, а на письма, что иногда тайно посылала ей Алисанна, ответа не было. Вейегон, став архимейстером Цитадели, остался столь же холодным и отстраненным, как в детстве и юности. Он писал матери только из чувства долга, а его самого Алисанна не видела уже много лет.

Бейелон навещал ее, когда только мог, и всегда добивался ее улыбки, но время для этого он, как принц Драконьего Камня и королевский десница, не часто выкраивал. Он постоянно находился в разъездах, заседал в совете, беседовал с лордами. «Ты станешь еще более великим, чем твой отец», – сказала ему Алисанна, когда они в последний раз виделись. Если бы она знала... но будущее закрыто для нас.

После смерти Гейели Королевская Гавань и Красный Замок сделались ненавистными Алисанне. Она не могла больше быть помощницей мужу в его трудах, а при дворе толпились чужие, которых она и по именам плохо помнила. Ища покоя, она вновь удалилась на Драконий Камень, где провела с Джейехерисом счастливейшие дни между их первой и второй свадьбой. «Почему это я Старый Король, а ты по-прежнему Добрая Королева?» – спрашивал он, часто бывая на острове. «Я хоть и старая, а всё моложе тебя», – смеялась она.

Алисанна Таргариен умерла на Драконьем Камне в первый день седьмого месяца 100 года, век спустя после Завоевания, шестидесяти четырех лет.

Наследники Джейехериса

Семена войны часто бывают посеяны в мирное время; так случилось и в Вестеросе. Истоки кровавой борьбы за Железный Трон 129–131 годов, известной как Пляска Драконов, следует искать на полвека раньше, когда страной правил Джейехерис Первый, самый долговечный и мирный король со времен Завоевателя.

Старый Король Джейехерис и добрая королева Алисанна правили совместно вплоть до ее смерти в 100 году, не считая двух размолвок, известных как Первая и Вторая Ссоры. Они произвели на свет тринадцать детей, девять из коих дожили до взрослых лет, а четверо – два сына и две дочери – обзавелись собственными детьми. Никогда еще боги не благословляли Семь Королевств (или не проклинали их, как кое-кто полагает) таким количеством принцев и принцесс из дома Таргариенов. От чресел Старого Короля и его возлюбленной королевы произошла такая неразбериха, что междоусобица наподобие Пляски Драконов, по мнению некоторых мейстеров, была попросту неизбежна.

В ранние годы Джейехериса это еще не вышло на явь, ибо у него имелись один прямой наследник и один запасной; редко когда на свет рождались два столь многообещающих принца. В 62 году семилетний Эймон был официально объявлен принцем Драконьего Камня и наследником Железного Трона. В семнадцать лет его посвятили в рыцари, в двадцать он победил на турнире, в двадцать шесть вошел в малый совет отца как мастер над законом и верховный судья. Королевским десницей он не стал потому лишь, что эту должность бессменно занимал септон Барт, ближайший друг и товарищ трудов короля. Не менее одаренным был и его брат Бейелон: в шестнадцать лет младший принц стал рыцарем, в восемнадцать женился. Братья постоянно соперничали, но при этом крепко любили друг друга. Будущее трона представлялось железным, как и он сам.

Железо дало первую трещину в 92 году, когда принца Эймона на острове Тарт убил мирийский арбалетчик, целивший не в него, а в другого. Его оплакивали король, королева и вся страна, но никто не горевал больше, чем принц Бейелон. Он тут же помчался на Тарт и перебил всех вторгшихся на остров мирийцев. В столице его встретили как героя, и король передал ему титул принца Драконьего Камня. Никто не возражал против этого, ибо Бейелона Храброго любили все – от лордов до простолюдинов.

У Эймона, однако, осталась дочь Рейенис. Рожденная в 74 году, она к

тому времени выросла в умную и красивую молодую женщину. В 90 году, шестнадцати лет, она стала женой королевского адмирала Корлиса Велариона, лорда Высокого Прилива, получившего прозвище Морской Змей по названию самого знаменитого из своих кораблей. Более того, в пору гибели своего отца она вынашивала дитя. Сделав Бейелона наследником престола, король обошел не только Рейенис, но и ее возможного сына.

В этом Джейехерис придерживался установившейся традиции. Первым правителем Семи Королевств стал Эйегон, хотя его сестра Висенья была на два года старше. Сам Джейехерис занял Железный Трон после дяди своего Мейегора, хотя по праву старшинства это следовало бы сделать Рейене, его сестре. Решение касательно Бейелона король принял не сразу. Помимо обсуждения на совете он, безусловно, прислушался к мнению септона Барта, как поступал во всех важных делах, и посоветался с великим мастером Элизаром. Все они согласились с тем, что испытанный в бою рыцарь тридцати пяти лет больше годится в наследники, чем восемнадцатилетняя леди Рейенис или младенец в ее утробе. О том, какого пола будет оный младенец, никто не ведал, в то время как у Бейлона подрастали уже два сына – Визерис и Дейемон. Любовь народа к Бейелону Храброму также принималась в расчет.

Были, впрочем, и несогласные – прежде всего сама Рейенис. «Ты лишаешь моего сына его наследственных прав», – сказала она деду, положив руку на свой вздутый живот. Супруг ее, лорд Корлис, пришел в такой гнев, что отказался от адмиральства и увез жену в свой замок на Дрифтмарке. Сторону Рейенис приняли ее мать, леди Джослин из дома Баратеонов, и дядя Бормунд, грозный лорд Штормового Предела.

Самой же рьяной ее заступницей явилась добрая королева. Помогавшая мужу править в течение многих лет, она ныне столкнулась с тем, что дочь ее сына отстранили от власти лишь потому, что та была женщиной.

«Правителю нужны хорошая голова и верное сердце, – сказала она королю. – Мужской член не столь важен. Если ваше величество полагает, что у женщины недостает мозгов для управления государством, то и я вам более ни к чему». С этими словами Алисанна покинула Королевскую Гавань, улетела на Драконий Камень и два года прожила отдельно от короля; впоследствии историки стали это называть Второй Ссорой.

Супруги помирились лишь в 94 году при посредстве своей дочери Мейегеллы, но в вопросах наследования так и не достигли согласия. Королева, скончавшаяся шестидесяти четырех лет в 100 году после долгой

болезни, до конца настаивала на том, что внучку и ее детей лишили прав незаконно. Спорный младенец, родившийся в 93 году, оказался девочкой, которую назвали Лейеной. На будущий год у нее появился брат Лейенор. Принц Бейелон уже прочно утвердился как наследник престола, но Веларионы и Баратеоны по-прежнему утверждали, что у младенца Лейенора прав больше; раздавались даже голоса в пользу его сестры Лейены и матери Рейенис.

Мы рассказывали уже о жестоких испытаниях, коим подвергли боги королеву Алисанну в ее последние годы, но встречались у нее и радостные мгновения. В 93 году она присутствовала на свадьбе Визериса, старшего сына Бейелона, с леди Эйеммой из дома Арренов, одиннадцатилетней дочерью покойной принцессы Дейеллы. (Их брак осуществился лишь два года спустя, после расцвета невесты.) В 97 году женился и младший внук, Дейемон. Он взял в жены леди Рею из дома Ройсов, наследницу древнего замка Рунстон в Долине.

Большой турнир 98 года, устроенный в честь пятидесятилетнего правления Джейехериса, тоже наверняка порадовал Алисанну, ибо на празднества съехались почти все ее дети, внуки и правнуки. Очевидцы говорили, что со времен Рока в одном месте еще не собиралось столько драконов, и это сущая правда. В последнем поединке между королевскими гвардейцами Размом Редвином и Клементом Крэбом было сломано тридцать копий; король присудил первенство обоим, а их схватку объявили лучшим единоборством в истории Вестероса.

Вскоре после турнира мирно скончался во сне септон Барт, сорок один год прослуживший королевским десницей. На его место король назначил командующего Королевской Гвардией сира Разма Редвина, но сей рыцарь, мастерски владевший копьем, в государственных делах оказался не столь хорош. «Не все задачи можно палкой сшибить», – изрек по этому случаю великий мейстер Эллар. Всего год спустя королю пришлось заменить его Бейелоном, и принц Драконьего Камня стал еще и десницей. С новыми обязанностями принц справлялся как нельзя лучше; не обладая ученостью септона Барта, он хорошо разбирался в людях и окружал себя преданными помощниками. И народ, и знать полагали, что судьба Железного Трона отдана в надежные руки.

Но боги судили иначе. В 101 году, на охоте в Королевском лесу, Бейелон пожаловался на боль в боку. По возвращении в Красный Замок боль усилилась, а живот раздулся и затвердел. Рунситер, новый великий мейстер, только что прибывший из Цитадели на смену Эллару, с коим случился удар, сумел немного сбить жар и облегчил страдания больного

маковым молоком, но Бейелону становилось все хуже. На пятый день болезни принц скончался в башне Десницы; отец сидел у его ложа и держал его за руку. Вскрыв тело, Рунситер объявил, что умер он по причине лопнувших внутренностей.

Бейелона Храброго оплакивали все Семь Королевств вместе с убитым горем отцом. На сей раз Джейехерис стоял у погребального костра сына один, без жены. Никогда еще он не был так одинок, к тому же перед ним снова встал вопрос о наследовании. По смерти обоих его сыновей у Железного Трона не стало больше прямых наследников, зато претендентов было хоть отбавляй.

Бейелон имел от сестры своей Алиссы двух сыновей. Будь он жив, его законным наследником считался бы старший сын Визерис, но безвременная кончина принца в сорок четыре года опять всё запутала. Вновь возникал вопрос о правах принцессы Рейенис и ее дочери Лейены Веларион; если же их пожелали бы отвести по причине пола, то у Рейенис был еще и сын Лейенор, внук старшего королевского сына, в то время как Визерис и Дейемон происходили от младшего.

Кроме того, у короля Джейехериса оставался еще один сын, Вейегон, архимейстер Цитадели, носивший кольцо, жезл и маску из желтого золота; об этом принце, прозванным Бездраконным, страна за долгие годы успела забыть. Бледный и изможденный в свои сорок лет, он занимался алхимией, астрономией, математикой и прочими тайными науками. Его даже в детстве не слишком любили и достойным наследником считать никак не могли.

Тем не менее Старый Король призвал его в Королевскую Гавань. То, о чем они говорили, остается предметом споров. Одни полагают, что отец предложил сыну трон и тот отказался, другие – что король всего лишь просил совета у архимейстера. При дворе ходили слухи, что лорд Корлис Веларион собирает на Дрифтмарке корабли и людей для защиты прав своего сына Лейенора, а двадцатилетний Дейемон, известный своим вспыльчивым нравом, в свою очередь набрал отряд удалых молодцов, чтобы вступить за брата Визериса. Борьба за престол казалась неизбежной в любом случае; потому-то король, несомненно, и ухватился за предложение Вейегона.

Джейехерис объявил о созыве Большого совета, коему и предстояло решить вопрос о наследнике Железного Трона. На совет приглашались все великие и малые лорды Вестероса, а также мастера Цитадели и представители Веры. Каждый из претендентов мог изложить перед ними свое дело, и король заверял, что согласится с любым решением.

Совет решили собрать в Харренхолле, самом большом замке

Вестероса. Никто не знал, сколько в точности лордов прибудет, поскольку раньше ничего подобного не устраивалось, но предполагалось, что их будет не менее пятисот. На деле лордов набралось больше тысячи; съезжались они около полугода, а некоторые приехали, когда совет уже начался. Даже Харренхолл не вместил их всех, ибо каждого сопровождали рыцари, оруженосцы, грумы, слуги и повара. Таймунд Ланнистер, лорд Бобрового Утеса, привел с собой триста человек, а Маттос Тирелл из Хайгардена, чтобы не ударить лицом в грязь, взял пятьсот.

Знатные мужи ехали со всех концов Семи Королевств: с Дорнских Марок, из областей, граничащих со Стеной, с Трех Сестер и Железных островов, с Тарта и Одинокого Света. Из Винтерфелла приехал лорд Элард Старк, из Риверрана – лорд Гровер Талли, из Долины – Йорберт Ройс, регент малолетней леди Орлиного Гнезда Джейны Аррен. Даже принц Дорнийский прислал свою дочь с двадцатью рыцарями в качестве наблюдателей. Сам верховный септон прибыл, чтобы благословить собрание. К Харренхоллу сотнями стекались купцы в надежде на выгодный торг, межевые рыцари в надежде наняться на службу, воры всех мастей в надежде на поживу, женщины всех возрастов в надежде найти себе мужа. Прачки, шлюхи, певцы, скоморохи валили со всех сторон света. Шатры, поставленные под стенами замка и на берегах озера, тянулись на многие лиги, и городок Харрентон сделался четвертым по величине городом Вестероса, уступая лишь Староместу, Королевской Гавани и Ланниспорту.

Лорды рассмотрели и отвергли не менее четырнадцати заявок. Из Эссоса приехали целых три претендента – внебрачные сыновья принцессы Сейеры от разных отцов. Говорили, что один из них – вылитый король в юности. Другой, сын волантийского архона, привез с собой мешки золота, карликового слона и щедро одаривал тех лордов, что победнее. Сама тридцатичетырехлетняя Сейера, безбедно живущая в Волантисе, имела на престол куда больше прав, чем ее бастарды, но претензий не выставляла. «У меня здесь свое королевство», – отвечала она, когда ее спрашивали, не хочет ли она вернуться домой. Еще один человек предъявлял пергаментные свитки, доказывающие, что он происходит от Гейемона Славного по линии его младшей дочери, вышедшей за невеликого лорда; от предка его отделяло не менее семи поколений. Рыжий латник объявлял себя бастардом Мейегора Жестокого и в доказательство привел свою старую мать, которую-де Мейегор когда-то взял силой. В насилие лорды могли поверить, но в то, что она зачала дитя – нет.

Тринадцать дней заседал совет. Межевого рыцаря, выдававшего себя за бастарда самого Джейехериса, бросили в тюрьму, когда король

изобличил его как лжеца. Архимейстера Вейегона вычеркнули по причине его обетов, леди Рейенис и ее дочь Лейену – по причине их пола. На рассмотрении остались два кандидата: Визерис Таргариен – старший сын принца Бейелона и принцессы Алиссы, и Лейенор Веларион – сын принцессы Рейенис и внук принца Эймона. Визерис приходился Старому Королю внуком, Лейенор – правнуком. Лейенор мог занять престол по праву старшинства, Визерис – по праву происхождения. Визерис последним летал на Балерионе и после смерти Черного Ужаса в 94 году не брал себе другого дракона, Лейенор по малолетству еще ни разу не садился на своего молодого дракончика Морское Чудо.

Многие лорды предпочитали наследника по мужской линии, то есть Визериса, тем более что ему было двадцать четыре года, а Лейенору всего лишь семь лет. Однако родители последнего представляли собой столь влиятельные фигуры, что пренебрегать ими никак не следовало.

Здесь, пожалуй, уместно будет сказать несколько слов об отце Лейенора, лорде Высокого Прилива и хранителе Дрифтмарка, прославленном в песнях и сказаниях как Морской Змей, одном из самых примечательных людей своего века. Древний валирийский род Веларионов, если верить их семейной истории, обосновался в Вестеросе еще до Таргариенов. Поселились они в Глотке на плодородном острове Дрифтмарк, предпочтя его дымному скалистому Драконьему Камню. На драконах они никогда не летали – стихией их был не воздух, а море, – но веками оставались ближайшими союзниками Таргариенов. Корабли Веларионов перевезли солдат Эйегона через Черноводный залив в начале Завоевания, а после составили львиную долю королевского флота. В первое столетие от Завоевания королевскими адмиралами служили столько Веларионов, что эта должность считалась почти наследственной.

Корлис Веларион, однако, выделялся даже и среди них; им руководили честолюбие и любовь к приключениям. Герб дома Веларионов – морской конек, и сыновей его сызмальства приобщают к морю, но никто еще не поднимался на корабль с такой охотой, как будущий Морской Змей. Впервые он пересек Узкое море в возрасте шести лет, путешествуя в Пентос с дядей. С тех пор мальчик часто ходил в плавание, и не как праздный сын лорда: он лазал по вантам, вязал узлы, драил палубу, греб, заделывал течи, поднимал и спускал паруса, сидел в «вороньем гнезде», учился рулевому делу и навигации. Капитаны говорили, что он прирожденный моряк и что таких они еще не видали.

В шестнадцать он уже сам водил рыбачий баркас «Тресковая королева» между Дрифтмарком и Драконьим Камнем. С годами его корабли

становились все больше и быстроходнее, а странствия все дольше и все опаснее. Обойдя Вестерос с юга, он посетил Старомест, Ланниспорт и Лордпорт на Пайке. Ходил в Лисс, Тирош, Пентос и Мир. На «Летней деве» он совершил путешествие в Волантис и на Летние острова, на «Ледяном волке» поднялся к северу через Браавос, Восточный Дозор-у-Моря и Суровый Дом, повернув после в Студеное море к Лорату и Порт-Иббену. После он проделал этот путь еще раз, ища легендарный проход над верхушкой Вестероса, но нашел лишь замерзшие моря и плавучие ледяные горы.

Наибольшую славу принес ему «Морской змей», построенный по его собственным чертежам. Купцы из Староместа и Бора часто ходили в Кварт за шелком, пряностями и прочим, но Корлис Веларион на «Морском змее» впервые прошел еще дальше, через Яшмовые Врата, в Йи Ти и Ленг. Груз, привезенный им оттуда, разом удвоил богатства дома Веларионов. Во второй раз он дошел до самого Асшая у Края Теней; в третий – вновь повернул на север, первым из вестеросцев посетил Тысячу Островов и ступил на холодные берега Моссови и Нгая.

Девять путешествий совершил «Морской змей». Отправляясь в девятое плавание, сир Корлис наполнил трюм золотом и купил в Кварте еще двадцать судов, нагрузив их пряностями, слонами и шелками тончайшей выделки. До Дрифтмарка дошло лишь четырнадцать кораблей, а слоны все погибли в море, однако дом Веларионов стал на время богаче даже, чем Ланнистеры и Хайтауэры.

Став лордом после кончины своего восьмидесятивосьмилетнего деда, сир Корлис с пользой распорядился этим богатством. Первым делом он воздвиг на другом конце острова новый замок вместо старого, вечно сырого и обветшалого. Высокий Прилив был построен из того же светлого камня, что и Орлиное Гнездо, серебряные крыши его стройных башен сверкали на солнце. Во время приливов замок, окруженный со всех сторон морем, соединяла с островом лишь узкая дамба. Лорд Корлис перенес туда трон из плавника, будто бы подаренный Веларионам самим Водяным Королем.

Морской Змей строил также и корабли: королевский флот утроился за время его службы адмиралом у Джейехериса. Продолжал он строить и после того, как ушел с этой должности, но вместо боевых кораблей перешел на торговые галеи и парусники. Три рыбачьих деревни под стенами старого замка образовали порт, названный Корабелом, ибо у его причалов всегда стояли в ряд многочисленные суда, а близ Высокого Прилива вырос другой портовый город по имени Пряный. Дрифтмарк, лежащий поперек Глотки, стал перехватывать купцов, идущих из Эссоса в

Синий Дол и Королевскую Гавань, поскольку был ближе. Богатство Веларионов росло, а с ним и могущество.

В пору своих путешествий Корлис всегда стремился зайти еще дальше и открыть земли, которых еще нет на картах. Люди, хорошо его знавшие, говорили, что он редко был удовлетворен полностью, хотя достиг очень многого. Небесная всадница Рейенис, дочь сына и наследника Старого Короля, смелая, гордая и прекрасная собой, стала для него подходящей женой. Лорд Корлис верил, что его дети тоже будут летать в небесах и что один из них когда-нибудь взойдет на Железный Трон.

Неудивительно, что Морской Змей был горько разочарован, когда Старый Король после гибели принца Эймона сделал наследницей не Рейенис, а второго своего сына. Но теперь колесо повернулось вновь, и всё могло быть исправлено. Лорд Корлис и принцесса Рейенис прибыли в Харренхолл с пышностью, приличной дому Веларионов; предполагалось, что лорды, видя их богатство и мощь, признают наследником Железного Трона сына их Лейенора. Сторонниками Веларионов выступали лорд Штормового Предела Бормунд Баратеон – дядя Рейенис и двоюродный дед Лейенора, а также лорд Старк из Винтерфелла, лорд Мандерли из Белой Гавани, лорд Дастин из Барроутона, лорд Блэквуд из Древорона, лорд Бар-Эммон с Острого Мыса, лорд Селтигар с Коготь-острова и другие.

Их, однако, оказалось недостаточно. Решение Большого совета, несмотря на красноречие и щедрость Веларионов, можно было предугадать заранее. С большим перевесом лорды провозгласили Визериса Таргариена наследником Железного Трона. Мейстеры, подсчитывавшие голоса, точного числа не открыли, но после стало известно, что большинство превысило меньшинство раз в двадцать.

Старый Король, не присутствовавший на совете, поблагодарил лордов и даровал титул принца Драконьего Камня своему внуку Визерису. Штормовой Предел и Дрифтмарк поневоле смирились с таким решением: родители Лейенора, узнав об итогах голосования, поняли, что не могли даже надеяться на победу. Большой совет 101 года, по мнению многих, установил нерушимый закон: ни женщины, ни потомки мужского пола по женской линии, невзирая на старшинство, не могут унаследовать Железный Трон Вестероса.

О последних годах короля Джейехериса осталось сказать немного. Принц Бейелон был как наследником престола, так и королевским десницей, но после его смерти Старый Король решил назначить нового десницу помимо наследника и выбрал сира Отто Хайтауэра, младшего брата лорда Высокой Башни. Сир Отто приехал в столицу с женой и детьми

и верно служил Джейехерису оставшиеся годы. Король начинал слабеть телом и разумом, и леди Алисент, пятнадцатилетняя дочь десницы, стала его сиделкой: приносила ему еду, читала, помогала при купании и одевании. Старый Король порой принимал ее за одну из своих дочерей, называл ее их именами и под конец был крепко уверен, что она его дочь Сейера, вернувшаяся из-за Узкого моря.

В 103 году Джейехерис мирно скончался в своей постели, когда леди Алисент читала ему из «Противоестественной истории» септона Барта. Ему было шестьдесят девять, и с восшествия его на Железный Трон в четырнадцатилетнем возрасте прошло пятьдесят пять лет. Его тело сожгли в Драконьем Логове, прах погребли на Драконьем Камне рядом с его возлюбленной королевой. Вестерос погрузился в скорбь; даже в Дорне мужчины плакали, а женщины раздирали свои одежды.

Следующим королем, согласно собственному желанию Джейехериса и решению Большого совета в 101 году, стал его внук Визерис Первый Таргариен двадцати шести лет. Визерис уже десять лет был женат на своей кузине Эйемме Аррен, которая приходилась Джейехерису внучкой по линии матери, принцессы Дейеллы, умершей в 82 году. Эйемма перенесла несколько выкидышей, а сын, доношенный ею, умер в младенчестве (мейстеры полагали, что она слишком рано стала женой и матерью), но в 97 году у нее родилась здоровая дочь Рейенира. Король и королева обожали маленькую принцессу, свое единственное дитя.

Многие полагают, что правление Визериса Первого являло собой вершину могущества Таргариенов. Никогда еще в Вестеросе не бывало столько принцев, принцесс, лордов и леди от крови дракона; Таргариены по-прежнему заключали браки между братьями и сестрами, дядями и племянницами, кузенами и кузинами, но случались и союзы вне королевской семьи, коим предстояло сыграть свою роль во время грядущей войны. Драконы также расплодились в невиданном прежде количестве, и несколько самок продолжали исправно откладывать яйца. Из многих, хотя не из всех, выводились детеныши, и родители дома Таргариенов по обычаю, заведенному когда-то принцессой Рейеной, клали драконьи яйца в колыбель новорожденным. Дети сызмальства привыкали к своим молодым драконам и начинали летать на них с юных лет.

Добросердечного, великодушного Визериса любили и лорды, и простолюдины. Правление Молодого Короля, как его стали называть, выдалось мирным и благополучным. Щедрость его вошла в легенду, в Красном Замке царили веселье и роскошь. Давались пиры и турниры, фаворитов осыпали золотом и почетными должностями.

Средоточием всего этого служила принцесса Рейенира, провозглашенная певцами Жемчужиной Королевства. В год восшествия отца на престол ей исполнилось только шесть, но она была умна не по годам и красива так, как может быть красива лишь принцесса драконьей крови. В семь она начала летать на драконе, молодой самке, названной Сиракс в честь древневалирийской богини, в восемь ее определили в чашницы к отцу-королю. С тех пор Визериса редко видели без дочери, будь то за столом, при дворе или на турнире.

Скучные государственные дела король большей частью предоставлял малому совету и деснице. Должность эту продолжал исправлять сир Отто Хайтауэр, служа внуку, как служил деду. В уме ему никто не отказывал, но многим он казался чересчур надменным и гордым. С годами его властность лишь возрастала; многие принцы и великие лорды терпели обиды от резких его манер и завидовали его успехам.

Главным его соперником был Дейемон Таргариен, честлюбивый и вспыльчивый младший брат короля. Одаренный при всей своей горячности большим обаянием, он получил рыцарские шпоры в шестнадцать лет, и сам Старый Король вручил ему меч Темная Сестра в награду за доблесть. Еще в 97 году он женился на леди Ройс, наследнице Рунстона, но брак этот не был удачным. Принц скучал в Долине, где стоял женин замок. «Мужчины здесь любят с овцами, – писал он, – и упрекать их за это нельзя: овцы и то милее, чем здешние бабы». Свою леди-жену он прозвал бронзовым идиолом из-за бронзовых доспехов с рунами, реликвии дома Ройсов. Когда королем стал его брат, Дейемон подал ему прошение о расторжении брака. В этом Визерис ему отказал, но вызвал брата ко двору и ввел его в малый совет. В 103–104 годах Дейемон служил мастером над монетой, в 104-м стал мастером над законом.

Ни та ни другая должность не пришлись ему по душе, и в том же 104 году он охотно согласился возглавить городскую стражу столицы. Найдя, что стражники плохо вооружены и одеты в отрепья, Деймон снабдил каждого кинжалом, коротким мечом и дубинкой, одел в черную кольчугу (офицеры носили панцирь) и дал им длинные плащи, которые надлежало носить с гордостью. После этого стражники стали называться не иначе как золотыми плащами.

Дейемон часто выходил в дозоры со своими людьми. Никто не отрицал, что принц навел в столице порядок, но действовал он при этом весьма сурово: карманникам рубил руки, грабителям резал носы, насильников кастрировал и в первый свой год убил в уличных стычках трех человек. Его хорошо знали во всех столичных притонах. В винных

погребках он угощался бесплатно, из игорных ям выходил богаче, чем входил в них. Шлюх он перебрал без счета, предпочитая тех, что были еще невинны, и лиссенийская плясунья по имени Мисария сделалась его фавориткой. (Завистницы прозвали ее Глистой из-за бледной кожи.)

Поскольку сыновей у короля не было, Дейемон считал себя законным наследником трона и претендовал на титул принца Драконьего Камня. С этим король опять-таки не спешил, но к концу 105 года друзья стали называть Дейемона принцем столицы, а простой народ – лордом Блошиного Конца. Визерис, хотя и не желал назначать брата своим наследником, любил его и прощал ему многое.

Рейенира тоже любила дядюшку: тот, летая за Узкое море, всякий раз привозил подарок племяннице. Визерис, раздобревший с годами, так и не взял себе нового дракона после Балериона. Не жаловал он также конных поединков, охоты и фехтования. Принц Дейемон, худощавый и гибкий, владел всеми этими искусствами в совершенстве; в нем видели отважного, дерзкого и опасного воина.

Здесь мы ненадолго прервемся и поговорим о наших источниках. Многие из того, о чем здесь рассказывается, происходило за закрытыми дверьми, в коридорах, на лестницах, в опочивальнях и зале совета, отчего полная правда скорее всего никогда не станет известна. Мы располагаем, конечно, хрониками великого мастера Рунсикара и его преемников, придворными записями и королевскими указами, но это лишь малая часть нашей истории. В остальном нам приходится полагаться на рассказы внуков и правнуков тех, кто жил при короле Визерисе Первом. Воспоминания их предков, как лордов и рыцарей, так и дворцовых слуг, безусловно, тоже полезны, но порой расходятся меж собой, а с прошествием времени в них вкралось множество противоречий и прибавлений.

То же, к сожалению, относится к дошедшим до нас отчетам двух очевидцев. Один из них, септон Евстахий, сначала долго служивший в септе Красного Замка, а после вошедший в число Праведных, оставил подробнейшую летопись того времени. Как исповедник Визериса и его королев, он был посвящен во многие тайны и не стеснялся приводить в своей книге самые непристойные сплетни и тягчайшие обвинения, однако «Царствование Визериса Первого и последовавшая за ним Пляска Драконов» остается при этом добросовестным и довольно скучным повествованием.

Вторая книга, «Грибные заметки», изложена со слов придворного шута неким анонимным писцом. Шут этот в свое время потешал и Визериса, и

принцессу Рейениру, и обоих Эйегонов, Второго и Третьего. Он был карлик трех футов ростом по прозвищу Гриб, обладатель огромной головы и огромного, по его собственным словам, члена. Все считали его полоумным, отчего короли, принцы и лорды, не смущаясь, вели при нем секретные разговоры. Евстахий приводит слухи, почерпнутые из борделей и спален, в беспристрастном и сухом тоне, Гриб же их смакует, и книга его сплошь из этих слухов и состоит. Тут вам и ножи, и яды, и предательства, и разврат во всех его видах. Честный историк затруднится ответить на вопрос, можно ли хоть чему-то здесь верить; заметим, однако, что Бейелор Благословенный распорядился изъять и сжечь все копии этой книги. Лишь несколько списков, к счастью для нас, избежали костра.

В подробностях Евстахий и Гриб не всегда сходятся, а временами их повести противоречат не только одна другой, но и запискам великих мастеров и придворным анналам. Обе, однако, проливают свет на многие загадочные события, и позднейшие источники подтверждают, что некоторая доля правды в них обеих содержится. Каждый историк сам решает, чему верить, а чему нет.

И Гриб, и Евстахий, и Рунситер, и все прочие авторы согласны в одном: королевский десница сир Отто Хайтауэр крепко не любил Дейемона. Именно сир Отто убедил короля снять принца с должностей мастера над монетой и мастера над законом, о чем сам вскоре и пожалел. Став командиром двухтысячной городской стражи, Дейемон приобрел больше власти, чем когда-либо прежде. «Принц Дейемон ни в коем случае не должен занять престол, – писал десница своему брату лорду Хайтауэру. – Это будет второй Мейегор Жестокий, если не хуже». В ту пору сир Отто прочил в наследницы короля его дочь Рейениру, заявляя: «Лучше Жемчужина Королевства, чем лорд Блошиного Конца». Он был в этом не одинок, но перед его партией стояло нешуточное препятствие. Согласно решению Большого совета от 101 года, мужчины как наследники престола предпочитались женщинам. При отсутствии у короля законного сына брат его шел впереди дочери: вспомним, как Бейелон в 92 году опередил свою племянницу Рейенис.

Что до мнения самого короля, то его величество, согласно всем хроникам, не выносил разногласий. Хорошо видя недостатки своего брата, он лелеял память об умном и дерзновенном мальчике, каким тот был в детстве. «Дочь озарила мою жизнь счастьем, – говорил он, – но брат есть брат». Он много раз пытался помирить десницу и Дейемона, но те продолжали враждовать, прикрываясь фальшивыми улыбками при дворе. Когда королю особенно докучали вопросами о наследнике, он отвечал, что

королева, несомненно, скоро родит ему сына. В 105 году он объявил двору и совету, что Эйемма опять в ожидании.

В том же роковом году в Королевскую Гвардию после смерти легендарного рыцаря Раэма Редвина поступил Крестон Коль. Пригожий двадцатитрехлетний сир Крестон, сын стюарда Дондаррионов из Черной Гавани, привлек к себе внимание, выиграв общую схватку на турнире в Девичьем Пруду, что был устроен в честь восшествия Визериса на трон. В конце боя он вышиб своей палицей Темную Сестру из руки Дейемона, к восторгу короля и ярости принца. Венок победителя он поднес семилетней принцессе Рейенире и просил ее повязать ему ленту в знак своей благосклонности. В конных поединках он снова победил принца и спешил прославленных королевских гвардейцев, близнецов Аррика и Эррика Каргиллов, но лорд Лаймонд Маллистер одержал над ним верх.

Зеленоглазый черноволосый рыцарь пришелся по вкусу придворным дамам и не в последнюю очередь самой Рейенире. Она называла его своим белым рыцарем и упросила отца назначить сира Крестона ее личным телохранителем. Король уступил ей в этом, как и во многом другом; с тех пор Коль повязывал себе ленту принцессы на всех турнирах и не отходил от нее на пирах и увеселениях.

Вскоре после назначения Коля Визерис сделал лорда Харренхолла Лионеля Стронга мастером над законом. Здоровенный лысый лорд пользовался репутацией грозного воина, был молчуном и говорил всегда медленно. Люди, плохо его знавшие, принимали это за тупость, в чем глубоко заблуждались. В юности Стронг учился в Цитадели и выковал шесть звеньев мейстерской цепи, но в мейстеры не пошел. Законы Семи Королевств он знал досконально. Трижды женатый и трижды вдовец, он привез в Королевскую Гавань двух незамужних дочек и двух сыновей. Девушек отдали в услужение к Рейенире, старший сын сир Харвин-Костолом стал капитаном золотых плащей, младший, Ларис Колченогий, поступил в королевские дознаватели.

Так обстояли дела в Красном Замке в 105 году, когда королева Эйемма, подарив королю долгожданного сына, скончалась на родильной постели. Мальчик, названный Бейелоном в честь деда, пережил ее всего на день. Весь двор погрузился в траур, исключая лишь принца Дейемона: он был замечен в борделе на Шелковой улице, где отпускал пьяные шуточки об однодневном наследнике. Король, услышав об этом, остолбенел (Дейемона, по преданию, выдала шлюха, сидевшая у него на коленях, на самом же деле доносчиком был один из его собутыльников – капитан стражи, желавший выдвинуться).

По окончании траура Визерис решил наконец давно назревавший вопрос о престолонаследии. Вопреки обычаю, установленному Джейхерисом в 92 году, и решению Большого совета в 101-м, он наименовал дочь Рейениру своей наследницей и принцессой Драконьего Камня. Во время пышной церемонии сотни лордов преклоняли колени перед принцессой, сидевшей у ног отца, клянясь чтить и защищать ее наследственные права.

Принца Дейемона среди них не было. В ярости от решения, которое принял брат, он отказался от командования золотыми плащами и покинул Королевскую Гавань. Сначала он отправился на Драконий Камень, посадив любовницу Мисарию вместе с собой на Караксеса, прозванного в народе Кровавым. Там он прожил полгода; за это время Мисария забеременела, и он приподнес ей драконье яйцо.

Король Визерис, сочтя, что брат на этот раз перешел все границы, повелел ему вернуть яйцо, отослать свою шлюху прочь и вернуться к законной жене под страхом быть обвиненным в измене. Принц, хотя и с большой неохотой, повиновался. Мисарию (без яйца) он отослал назад в Лисс, сам же улетел к «бронзовому идолу» в Долину. Во время шторма на Узком море Мисария потеряла ребенка. Дейемон, узнав об этом, не произнес ни слова, но ожесточился против брата в сердце своем. О Визерисе он с тех пор отзывался с презрением и думал лишь о том, как стать королем самому.

Хотя наследницей была объявлена Рейенира, многие и при дворе, и за его пределами не оставляли надежд, что Визерис, которому не минуло и тридцати, еще произведет на свет сына. Великий мейстер Рунситер побуждал короля жениться вторично и предлагал в невесты Лейену Веларион двенадцати лет. Юная дева, только что встретившая расцвет, унаследовала красоту Таргариенов от матери и дерзновенный отцовский дух. Летать она любила не меньше, чем лорд Корлис плавать по морям, и драконом своим выбрала не кого-нибудь, а Вхагара, самого старого и крупного из всех после смерти Черного Ужаса. Взяв ее в жены, король преодолет раскол между Железным Троном и Дрифтмарком, указывал Рунситер; кроме того, из Лейены выйдет превосходная королева.

Визерис, надо признаться, не обладал сильной волей. Мягкий и уступчивый, он всегда полагался на чужие советы и, как правило, слушался их. На сей раз, однако, он высказал свою волю как нельзя тверже. Да, он женится снова, но не на двенадцатилетней девочке и не для пользы государства. Ему приглянулась другая, восемнадцатилетняя леди Алисент, умная и прелестная дочь десницы. Та самая, что читала вслух Старому

Королю в его предсмертные годы.

Возражать против такого выбора не приходилось, учитывая древность и благородство рода Хайтауэров. Многие, однако, шептались, что десница слишком зарвался, что для того-де он и привез свою дочь в столицу. Кое-кто сомневался даже в добродетели леди Алисент, подозревая, что она уложила Визериса в свою постель еще при жизни королевы Эйеммы. Эта клевета так и не была подкреплена доказательствами, хотя Гриб в своей книге повторяет ее и замечает ехидно, что Старого Короля Алисент тоже ублажала не только чтением вслух. Принц Дейемон в Долине, по слухам, чуть не до смерти исхлестал слугу, принесшего ему весть о новой женитьбе брата. Недоволен остался и Морской Змей. Дом Веларионов вновь обошли, дочь его Лейену отвергли, как сына Лейенора на Большом совете и жену Рейенис в 92 году. Саму Лейену это мало заботило. «Нашу юную леди полеты занимают куда больше, чем женихи», – писал в Цитадель мейстер Высокого Прилива.

На свадьбе Визериса и Алисент в 106 году Веларионы отсутствовали. Принцесса Рейенира на свадебном пиру наливала вино своей мачехе, а та целовала ее и называла дочуркой. Когда дамы и девицы провожали короля в опочивальню к жене, среди них была и принцесса. Ночью Красный Замок праздновал и предавался любви, а Морской Змей на Дрифтмарке держал военный совет с Дейемоном Таргариеном. Принц не мог более выносить ни Долину, ни Рунстон, ни свою леди-жену. «Темная Сестра создана не для забоя овец, – сказал он в ту ночь лорду Корлису, – и она жаждет крови». Дейемон замышлял не мятеж: он нашел другой путь к власти и славе.

Ступени, цепь скалистых островов между Дорном и Спорными Землями Эссоса, издавна служили приютом изгнанникам, разбойникам и пиратам. Сами по себе они ценности не представляли, но их расположение в Узком море позволяло перехватывать торговые суда, идущие мимо.

Раньше Ступени не считались особо опасными, но десять лет назад вольные города Тирош, Лисс и Мир, забыв на время о старинной вражде, объединились против Волантиса. Победив врага в Пограничной битве, они заключили «вечный союз» и образовали новую державу Триархию, в Вестеросе больше известную как Триединое Братство (все вольные города считают себя детьми Древней Валирии). В просторечии ее именовали также Королевством Трех Шлюх, хотя короля в Триархии не было и управлял ею совет из тридцати трех магистров. Когда Волантис, признав себя побежденным, ушел со Спорных Земель, Триархия обратила свой взор на запад и послала на Ступени флот под командованием мирийского адмирала Крагхаса Драхаара. Он привязал сотни захваченных в плен

пиратов к кольям у кромки прибоа, и во время прилива они все утонули; после этого его прозвали Кормильцем Крабов.

Захват Ступеней лорды Вестероса поначалу встретили с одобрением. На Узком море восстановился порядок; Триархия, правда, взимала с кораблей пошлину за проход, но это считалось справедливой мздой за избавление от пиратов.

Однако алчность Кормильца Крабов и его компаньонов не знала меры. Пошлина выросла так, что сделалась разорительной, и торговцы начали избегать триархийских галей, как раньше пиратских. Драхар и его младшие адмиралы стараются перещеголять друг друга в жадности, жаловались они. Особенно ненавидели моряки лиссенийцев, требовавших в уплату женщин, девушек и красивых юношей для своих садов удовольствий. Так попала в рабство леди Джоанна Сванн, пятнадцатилетняя племянница лорда. Ее дядя, известный скупердйя, отказался заплатить выкуп, и ее продали в перинный дом. Со временем она стала знаменитой куртизанкой Черная Лебедь и заправляла всем Лиссом, но ее занимательная история, к сожалению, не имеет отношения к нашей.

Никто из вестеросских лордов не страдал от Трех Шлюх больше, чем Корлис Веларион, разбогатевший благодаря своим кораблям. Вознамерившись положить конец господству Триархии на Ступенях, он нашел союзника в Дейемоне. В ночь королевской свадьбы они договорились о том, что лорд Корлис будет командовать флотом, а принц армией. Триархийцев было гораздо больше, но на то у Дейемона имелся Караксес Кровавый.

Мы не станем здесь подробно рассказывать о войне, которую вели на Ступенях лорд Корлис и принц Дейемон. Довольно будет сказать, что началась она в 106 году. Дейемон, без труда сколотив войско из безземельных рыцарей и младших сыновей лордов, одержал немало побед в первые же два года. В 108-м он наконец сошелся с Кормильцем Крабов в единоборстве и отрубил ему голову Темной Сестрой.

Король Визерис, несомненно радуясь избавлению от буйного брата, помогал двум воителям золотом. К 109 году Дейемон со своей лихой ратью занял все острова, кроме двух, а Веларион захватил власть над водами. Торжествуя победу, принц объявил себя королем Ступеней и Узкого моря, и лорд Корлис возложил на него корону. Королевство, однако, оказалось непрочным: на будущий год Триархия послала туда свежие силы, коими командовал тирошиец Раккалио Риндон, один из величайших злодеев в истории. Новым союзником Братства стал Дорн, и сражения возобновились.

«Пусть себе играет в войну, – говорил король Визерис, глядя, как волны крови и пламени захлестывают Ступени, – это отвлечет его от худших проказ». При мирном правителе в Королевской Гавани бесконечной чередой шли балы, пиры, турниры, и барды воспевали рождение новых королевских детей. Королева Алисент показала себя столь же плодоносной, сколь и прекрасной. В 107 году она родила королю здорового сына, названного Эйегоном. Два года спустя появилась на свет дочь Гелайена, а в 110-м родился принц Эйемонд, вдвое меньше и вдвое злее старшего брата.

Но принцесса Рейенира все так же сидела у подножья Железного Трона, когда отец собирал свой двор, а теперь и на заседаниях малого совета присутствовала. Многие лорды и рыцари искали ее внимания, но она не смотрела ни на кого, кроме сира Кристона Коля, сопровождавшего ее неотступно. «Сир Кристон защищает принцессу, но кто защитит принцессу от сира Кристона?» – проронила как-то королева Алисент. Дружба между мачехой и падчерицей продлилась недолго: обе они боролись за первенство, а король, хотя Алисент родила ему уже двух мальчиков, никому не передал титул принца Драконьего Камня. Рейенира оставалась законной наследницей, и половина лордов Вестероса признала ее таковой. Когда короля спрашивали, как же быть с решением Большого совета, он делал вид, что не слышит; решив вопрос о наследовании раз и навсегда, он не желал его пересматривать.

Но к нему все же приступали с вопросами, в первую очередь сама королева. Ее всемерно поддерживал отец, десница Отто Хайтауэр. Он так надоед королю, что в 109 году Визерис лишил его должности и отдал цепь десницы молчаливому Лионелю Стронгу, сказав: «Уж он-то меня допекать не станет».

Сир Отто уехал в Старомест, но при дворе продолжала существовать «партия королевы», в которую входили великие лорды, стоявшие за права Алисент и ее сыновей. В противовес ей зародилась и «партия принцессы». Король любил и жену, и старшую дочь, а споры и раздоры терпеть не мог. День-деньской он старался примирить своих женщин, осыпая их золотом и подарками. Пир с турнирами продолжались, и в стране царил мир... хотя проницательные люди не раз замечали, что драконы одной партии шипят и огрызаются на драконов другой.

Большой турнир 111 года устроили, чтобы отпраздновать пятилетнюю годовщину свадьбы Визериса и Алисент. На пир в день открытия королева пришла в зеленом платье, а принцесса намеренно оделась в цвета Таргариенов, черный с красным. После этого сторонников королевы стали называть зелеными, а приверженцев Рейениры черными. Потом начался

сам турнир, и сир Кристон Коль вышиб из седла всех бойцов королевы, в том числе двух ее кузенов и младшего брата, сира Гвейна Хайтауэра.

Один рыцарь, впрочем, прибыл на турнир не в черном и не в зеленом, а в серебре и золоте: принц Дейемон наконец вернулся в Королевскую Гавань. Появившись внезапно в небе, он трижды облетел турнирное поле и сел перед королевской ложей. С Караксеса он сошел в короне, но тут же снял ее, преклонил колено и протянул свой венец брату в знак того, что признаёт себя вассалом его величества. Визерис поднял его, вернул ему корону и расцеловал в обе щеки. И лорды, и простолюдины грянули громкое «ура», видя примирение сыновей Весеннего Принца. Принцесса Рейенира, радуясь возвращению любимого дяди, кричала всех громче; она же упросила его остаться в столице.

Это произошло у всех на глазах, но о дальнейших событиях мы можем узнать лишь из хроник, не всегда верных. Не вызывает сомнений, что принц прожил в столице полгода и даже заседал в малом совете, по словам Рунситера, но ни годы, ни изгнание не изменили его натуры. Скоро он вновь начал водиться со старыми приятелями из числа золотых плащей и посещать заведения на Шелковой улице, где прежде был завсегдатаем. К королеве он относился со всей подобающей учтивостью, но тепла между ними не было. Особенно холодно обращался он с ее сыновьями, отодвинувшими его еще дальше от трона.

Иное дело принцесса Рейенира. Дейемон проводил долгие часы в ее обществе, завораживая племянницу рассказами о своих битвах и странствиях. Он дарил ей жемчуг, шелка и книги, читал ей стихи. Преподнес нефритовую тиару, будто бы принадлежавшую некогда императрице Ленга. Они вместе охотились с соколами и катались под парусом по заливу. Дейемон уморительно высмеивал зеленых, «ползающих на брюхе» перед королевой и ее отпрысками, и превозносил красоту Рейениры, объявляя ее прекраснейшей девой всех Семи Королевств. Летали они чуть не каждый день, носясь на Сираксе и Караксесе наперегонки до Драконьего Камня и обратно.

С этого места наши авторы начинают говорить разное. Рунситер пишет лишь, что братья снова рассорились и Дейемон вернулся на Ступени, чтобы продолжить войну; о причине ссоры великий мейстер умалчивает. Другие источники полагают, что Визерис отослал брата из замка по настоянию королевы, но септон Евстахий и Гриб рассказывают другую историю... верней, две совершенно разные истории. По словам более скромного Евстахия, принц соблазнил свою племянницу и лишил ее девственности. Когда сир Аррик Каргилл из Королевской Гвардии застал их

в постели и привел к королю, Рейенира заявила, что любит Дейемона и просит позволения выйти за него замуж. Возмущенный Визерис напомнил дочери, что у принца уже есть жена, и велел ей оставаться в своих покоях. Брату он приказал покинуть Королевскую Гавань и взял с обоих слово молчать о случившемся.

Гриб, как ему это свойственно, излагает куда более смачно. Принцесса, говорит он, желала вовсе не принца, а сира Кристона Коля, но тот как истинный белый рыцарь остался верен своим обетам. Проводя с принцессой дни напролет, он ни разу не поцеловал ее и не признался ей в своих чувствах. «Он видит в тебе прежнюю маленькую девочку, – говорил Рейенире дядя, – но благодаря моим урокам может увидеть женщину».

Вслед за сим, если верить Грибу, он стал учить ее целоваться. Дальше больше: принц стал показывать, как ласкать мужчину, чтобы сделать ему приятное, в чем порой участвовал и сам Гриб со своим пресловутым членом. Дейемон учил девушку медленно раздеваться и сосал ее груди, чтобы сделать их больше и соблазнительнее. Улетая в скалы на Черноводном заливе, они обнажались, и принцесса без помех постигала, как ублажать мужчин ртом. Ночью принц, переодев Рейениру пажом, водил ее в бордели на Шелковой улице, где она могла наблюдать искусство любви на деле.

Гриб не говорит, сколько времени продолжались эти уроки, но в отличие от Евстахия уверяет, что принцесса осталась девственной, ибо желала подарить свою невинность возлюбленному. Когда же она наконец приступила к сире Кристоу с тем, чему научилась, он пришел в ужас и отверг ее притязания. История эта скоро вышла наружу, чему не в малой степени способствовал тот же Гриб. Король отказывался этому верить, но Дейемон сам признался ему во всем, добавив якобы: «Отдай мне дочь в жены, ведь никто другой ее теперь не возьмет». Вместо этого король отправил его в изгнание, запретив возвращаться в Королевскую Гавань под страхом смерти. Лорд Стронг, десница, советовал королю тут же казнить принца как изменника, но септон Евстахий напомнил Визерису, что братоубийца будет проклят богами.

Достоверно одно: принц вернулся на Ступени и возобновил борьбу за эти голые камни. В 112 году скончался великий мейстер Рунситер, и Цитадель прислала взамен мейстера Меллоса, а сир Кристон Коль стал командующим Королевской Гвардией вместо Харрольда Вестерлинга, умершего тогда же. В остальном всё шло тихо до следующего года, пока принцесса не достигла шестнадцати лет.

Король и его совет еще год назад озаботились выбором жениха для

нее: с этим следовало спешить, пока никто не усомнился в невинности Рейениры. Лорды и рыцари давно уже вились вокруг принцессы, как мотыльки вокруг пламени. После посещения ею Трезубца сыновья лордов Бракена и Блэквуда сразились на поединке из-за нее, а младший сын дома Фреев дерзнул попросить открыто ее руки, за что был прозван болваном из Близнецов. Братья сир Ясон и сир Тайленд Ланнистеры спорили друг с другом на пиру в Бобровом Утесе из-за нее же. В свите поклонников числились сыновья лордов Талли из Риверрана, Тирелла из Хайгардена, Окхарта из Старой Дубравы, Тарли с Рогова Холма и сын десницы сир Харвин Стронг, прозванный Костоломом. Последний был наследником Харренхолла и считался первейшим силачом Семи Королевств. Визерис подумывал даже выдать дочь за принца Дорнийского, чтобы присоединить наконец седьмое королевство к шести остальным.

Королева Алисент, в свою очередь, предлагала в женихи своего старшего сына Эйгона, единокровного брата принцессы, хотя Рейенира, на десять лет его старше, никогда с ним не ладила. «Тем больше причин поженить их», – настаивала королева. Но Визерис с нею не соглашался и говорил Стронгу: «Она просто хочет видеть на троне родного сына».

В конце концов король и совет согласились с тем, что наилучшим выбором будет Лейенор Веларион, кузен Рейениры. Хотя Большой совет в 101 году и отвел его, он оставался внуком светлой памяти Эймона Таргариена и правнуком Старого Короля. Такой союз объединял две линии рода Таргариенов и обеспечивал Железному Трону дружбу Морского Змея с его сильным флотом.

Препятствие существовало только одно: Лейенор, девятнадцати лет от роду, до сих пор не выказывал интереса к женщинам, предпочитая общество пригожих оруженосцев, своих ровесников. «Ну так что ж, – заметил на это великий мейстер, – я, к примеру, не люблю рыбу, но ем, когда мне ее подадут».

Мнения принцессы не спрашивали, но она, как и ее отец в свое время, имела свои виды на собственный брак. Лейенор, о котором она многое знала, ни в коей мере ее не устраивал. «Мои полубратья ему больше пришлись бы по вкусу», – говорила Рейенира отцу (она никогда не называла сыновей Алисент просто «братьями»). Визерис и урезонивал ее, и просил, и кричал на нее, и в неблагодарности упрекал... всё было тщетно, пока он не пригрозил пересмотреть вопрос о наследнике. Что король постановил, король и отменить может, заметил он. Тогда принцесса сдалась. Евстахий пишет, что она упала на колени и молила отца о прощении, Гриб – что она плюнула королю в лицо, но оба подтверждают,

что она согласилась выйти за Лейенора.

Далее опять следует расхождение. Евстахий говорит нам, что в ту же ночь сир Кристон Коль пробрался в спальню принцессы, чтобы признаться в любви. Он говорил, что в заливе ждет корабль, и умолял ее бежать с ним за Узкое море. Они поженятся в Тироше или Волантисе, где гнев короля не достанет их и никому не будет дела до обетов рыцаря Королевской Гвардии. Он так хорошо владеет мечом и палицей, что без труда наймется на службу к кому-нибудь из торговых магнатов. Но Рейенира ответила «нет». Она от крови дракона и не желает быть женой простого наемника, и не нарушит ли он свадебный обет с той же легкостью, как преступил клятву королевского рыцаря?

Гриб рассказывает об этом совсем иначе: это принцесса-де пришла к сиру Кристону, а не он к ней. Застав его в башне Белого Меча одного, она заперла дверь и сбросила плащ, оставшись нагой. «Я сберегла себя для тебя, – сказала она, – возьми же мою невинность и убедись в силе моей любви. Быть может, жених откажется от меня, узнав, что я утратила девственность, хотя она для него ничего и не значит».

Но сир Кристон, будучи мужем чести, не уступил ни красоте ее, ни мольбам, ни почерпнутым у Дейемона умениям. Принцесса, отвергнутая и взбешенная, выбежала вон, вновь закутавшись в плащ... и случайно наткнулась на сира Харвина Стронга, который возвращался с попойки в городе. Костолом, давно вожделевший ее, был не столь добродетелен, как сир Кристон. Он-то и обагрил свой мужской клинок кровью ее девичества, уверяет Гриб, будто бы заставший их на рассвете в одной постели.

Но кто бы кого ни отверг, принцесса ли рыцаря или он ее, с того дня любовь сира Кристона к Рейенире сменилась ненавистью, и он из защитника сделался злейшим ее врагом.

Вскоре принцесса отплыла на «Морском змее» в дом жениха. Сопровождали ее фрейлины – в том числе две дочери десницы, Гриб и новый телохранитель, не кто иной как сам Костолом. В 114 году Рейенира Таргариен, принцесса Драконьего Камня, взяла в мужа сира Лейенора Велариона (в рыцари его посвятили за две недели до свадьбы, ибо принцу-консарту полагалось быть рыцарем). Невесте было семнадцать, жениху двадцать, и все соглашались, что они красивая пара. Свадьбу в Королевской Гавани праздновали семь дней и устроили в ее честь самый большой за несколько лет турнир. На нем выступали братья королевы Алисент, вся Королевская Гвардия, сир Харвин и фаворит жениха, «рыцарь поцелуев» сир Джоффри Лонмут. Рейенира пожаловала сиру Харвину свою подвязку, а сир Лейенор рассмеялся и дал Джоффри свою.

Кристон Коль вышел на поле со знаком отличия, полученным от королевы, и победил всех своих противников, сражаясь как одержимый. Костолому он раздробил ключицу и локоть, отчего Гриб тут же переименовал того в Переломанного, но больше всех досталось Рыцарю Поцелуев. Своим излюбленным оружием, шипастой палицей, Коль вдребезги разнес его шлем и без памяти поверг его наземь. Шесть дней спустя сир Джофффри скончался, так и не придя в чувство. Гриб пишет, что Лейенор не отходил от него и зарыдал, когда его любимца прибрал Неведомый.

Король сильно разгневался на то, что веселый праздник обернулся днем скорби, но королева, по слухам, его гнева не разделяла и вскоре попросила назначить сира Кристона ее личным телохранителем. Охлаждение между женой и дочерью короля сделалось явным: даже послы Вольных Городов упоминали о нем, отсылая письма в Пентос, Браавос и Волантис.

Лейенор скоро вернулся на Дрифтмарк, заставив многих гадать, скрепил ли он свой брак на ложе. Принцесса по-прежнему жила при дворе в окружении подруг и поклонников. Сир Кристон окончательно переметнулся к зеленым, на его место заступил большой и грозный Костолом-Переломанный, не отходивший от Рейениры на пирах, балах и охотах. Муж принцессы не возражал против этого: он обрел утешение в новом друге, домашнем рыцаре сире Кварле Корри.

Так он и жил, лишь на придворных торжествах показываясь рядом с женой. Евстахий говорит, что супруги делили ложе не больше дюжины раз. Гриб, соглашаясь с ним, добавляет, что третьим с ними часто бывал сир Кварл: принцесса загоралась, глядя, как мужчины ласкают друг друга, и порой принимала участие в их забавах. Карлик, впрочем, противоречит сам себе, говоря в другом месте, что в такие ночи Рейенира оставляла мужа с любовником, а сама уходила к Харвину Стронгу.

Всецкой правды не знает никто, но на исходе 114 года Рейенира родила сына – темноволосого, кареглазого и курносого. (Лейенор, потомок древних валирийцев, нос имел орлиный, волосы серебристые, глаза фиолетовые.) Он хотел назвать мальчика Джофффри, но отец его лорд Корлис воспротивился этому, и ребенку дали имя Джакайерис, бывшее у Веларионов в роду (позже друзья и братья стали звать его Джаком).

При дворе еще праздновали рождение нового принца, когда королева тоже почувствовала, что время ее пришло, и родила королю третьего сына, Дейерона (он в отличие от Джака не оставлял сомнений, что произошел от крови дракона). Обоих младенцев, по приказу короля, кормила грудью одна

женщина, но если король надеялся, что молочные братья не станут враждовать, когда вырастут, то он прискорбно ошибся в своих расчетах.

Год спустя, в 115-м, случилось несчастье из тех, что меняют судьбу королевств. Леди Рея, «бронзовый идол», упала с коня на соколиной охоте и разбила о камень голову. Пролежав девять дней, она сочла, что может подняться, но тут же упала мертвой. В Штормовой Предел послали ворона, и лорд Баратеон отправил морем гонца на Кровь-Камень, где Дейемон все еще оборонял свое невеликое королевство от Триархии и дорнийцев. Получив скорбную весть, он тотчас же полетел в Долину, «чтобы проводить жену на покой», или, скорее, взять под свою руку ее владения. Это ему не удалось: Рунстон перешел к племяннику леди Реи. Дейемон подал было прошение леди Джейне в Орлином Гнезде, но та отказала ему и дала понять, что в Долине принцу не рады.

Возвращаясь на Ступени, он остановился на Дрифтмарке у давнего своего союзника лорда Корлиса. Высокий Прилив оставался одним из немногих мест в Семи Королевствах, где Дейемона принимали радушно. Здесь он увидел дочь лорда Лейену, деву двадцати двух лет, высокую, стройную и прекрасную, с серебристо-золотыми локонами, ниспадавшими ниже талии. Гриб и тот пленился ее красотой, сказав, что «она почти столь же хороша, как и брат ее». С двенадцати лет Лейена была помолвлена с сыном браавосского Морского Начальника, но отец жениха умер, а сам жених, безмозглый гуляка, расточил семейное состояние и ни с чем явился на Дрифтмарк. Лорд Корлис, не находя достойного повода, чтобы расторгнуть помолвку, под разными предлогами откладывал свадьбу.

В песнях поется, что принц влюбился в Лейену, но люди трезвого образа мыслей думают, что он увидел в ней способ поправить свои дела. Никаких надежд на братнин трон у него не осталось, ни зеленые, ни черные места для него не нашли, но могущество дома Веларионов позволяло ему бросить вызов обеим партиям. Наскучив Ступенями и наконец-то избавившись от жены, Дейемон попросил у лорда Корлиса руки его дочери.

Молодой браавосец недолго оставался препятствием: принц высмеял его так, что юноше поневоле пришлось вызвать обидчика. Уложив его насмерть Темной Сестрой, принц две недели спустя женился на леди Лейене и окончательно бросил Ступени. Вслед за ним королями Узкого моря называли себя еще пять человек, после чего наемническое «королевство» бесследно сгинуло.

Зная, что королю весть об их свадьбе радости не доставит, молодые благоразумно улетели за Узкое море – будто бы в Валирию, вопреки

проклятию, тяготевшему над этой дымной пустыней. Именно туда отправил их Гриб, сказав, что они хотели проникнуть в тайны древних драконьих лордов, но правда, согласно многим другим свидетельствам, была куда менее романтична. Сначала Дейемон и Лейена остановились в Пентосе, где их принял тамошний принц. Растущая власть Триархии на юге беспокоила пентошійцев, и принц видел в Дейемоне ценного союзника против Трех Шлюх. Затем они перелетели через Спорные Земли в Волантис, где их ждал не менее теплый прием, и посетили города Квохор и Норвос на Ройне. Там, вдалеке от Триархии и Вестероса, их встречали не столь радушно, но Вхагар и Караксес повсюду собирали толпы народа.

По возвращении в Пентос леди Лейена почувствовала, что вскорости станет матерью. Супруги отказались от дальнейших полетов, и один из магистров предоставил им свою загородную усадьбу.

В том же 115 году принцесса Рейенира разрешилась от бремени вторым сыном, Люцерисом. Септон Евстахий пишет, что при родах присутствовали и сир Лейенор, и сир Харвин. Люс, как и Джак, признаков драконьей крови не показал, зато был здоров и крепок: сам король пришел в восторг, увидев его.

Королева его восторга не разделила. «Продолжай, – говорила она Лейенору, по словам Гриба, – глядишь, какой-нибудь и в тебя пойдет». Соперничество между черными и зелеными усиливалось: королева с принцессой уже едва выносили одна другую. Вскоре принцесса со своими дамами, Грибом и телохранителем сиром Харвином перебралась на Драконий Камень, где муж «часто» ее навещал.

В 116 году леди Лейена в Пентосе родила Дейемону первых его законных детей, дочерей-двойняшек. Принц назвал их Бейелой в честь своего отца и Рейеной в честь тещи. Девочки родились, увы, слабенькими, но были красивы, как истые леди драконьей крови. Полгода спустя, когда они немного окрепли, мать увезла их морем на Дрифтмарк, а Дейемон с обоими драконами полетел следом. Из Высокого Прилива он послал брату ворона, уведомляя его о рождении племянниц и прося позволения представить их ко двору. Десница и малый совет горячо выступали против, но Визерис дал согласие: он все еще любил брата, товарища своих детских лет. «Он теперь стал отцом, – говорил король великому мейстеру, – и должен остепениться». Так сыновья Бейелона Таргариена помирились вторично.

В 117 году Рейенира родила третьего сына, которого Лейенор наконец назвал Джоффри в честь погибшего друга. Мальчик, столь же крепкий, как его братья, в точности походил на них как цветом глаз и волос, так и лицом,

которое при дворе втихомолку называли «простецким». Зеленые свято верили, что сыновья у Рейениры не от мужа, а от телохранителя сира Харвина. Гриб пишет об этом прямо, великий мейстер Меллос намекает, Евстахий упоминает о сплетнях лишь затем, чтобы их опровергнуть.

Правдивы или нет были эти слухи, наследницей престола все так же оставалась принцесса, а затем трон должен был перейти к ее детям. По приказу короля каждому мальчику положили в колыбель драконье яйцо. Недоброжелатели Рейениры предсказывали, что яйца ни за что не проклюнутся, однако из всех трех вывелись дракончики, получившие имена Вермакс, Арракс и Тираксес. Септон Евстахий рассказывает, что король, сидя на Железном Троне, однажды взял к себе на колени Джака и сказал: «Когда-нибудь здесь будешь сидеть ты, мальчуган».

Частые роды плохо сказались на Рейенире: она сильно располнела в свои двадцать лет, и девичья ее красота ушла в прошлое. Это, если верить Грибу, лишь усугубило ее нелюбовь к мачехе, которая на пороге тридцати оставалась стройной и грациозной.

Мудрые говорят, что грехи отцов часто падают на детей; то же можно сказать и о грехах матерей. Вражда между принцессой и королевой перешла по наследству к их сыновьям. Трое Таргариенов с раннего детства ненавидели Веларионов за то, что те украли Железный Трон, их законное достояние. Все шестеро встречались на пирах, балах и забавах, постигали воинскую науку у одного мастера над оружием, учились у одного мейстера, но это их не сближало, а лишь усиливало их взаимную неприязнь.

Рейенира, окончательно рассорившись с мачехой, все больше привязывалась к своей новой тетке Лейене. Благодаря соседству двух островов она часто бывала на Дрифтмарке, а Дейемон с Лейеной у нее на Драконьем Камне. Их драконы тоже сдружились, и принцессина Сиракс делала кладку за кладкой. В 118 году Рейенира с благословения короля помолвила двух своих старших мальчиков с дочками Лейены и Дейемона. Джакайерису было четыре года, Люцерису три, девочкам по два. Еще через год принцесса полетела на Дрифтмарк, чтобы помочь Лейене при ее новых родах.

Шел третий день проклятого 120 года, прозванного годом Красной Весны. Промучившись сутки, Лейена подарила Дейемону желанного сына, но мальчик родился уродцем и час спустя умер. Обессиленная родами и горем мать пережила его ненадолго. Молодой мейстер Дрифтмарка ничего не мог поделать с начавшейся родильной горячкой; Дейемон полетел на Драконий Камень за более старым и опытным мейстером Герардисом, но помощь, увы, опоздала. Через три дня леди Лейена, двадцати семи лет,

рассталась с жизнью. Перед самой кончиной она поднялась с постели, растолкала молящихся септ и пошла к Вхагару, чтобы полетать напоследок, но на ступенях башни упала и умерла. Принц отнес ее обратно на ложе. Гриб пишет, что принцесса Рейенира сидела вместе с ним у тела покойной и утешала его.

Смерть Лейены стала первой, но не последней из бед 120 года. Многие страсти, таившиеся под спудом, вырвались наружу в тот год, и многих постигло горе... но лорд Корлис Веларион и жена его принцесса Рейенис скорбели вдвойне.

Не успев оплакать дочь, они лишились и сына. Сира Лейенора, мужа Рейениры и законного отца ее детей, заколол на ярмарке в городе Пряном его друг сир Кварл Корри. Перед тем они, по рассказам торговцев, ссорились и громко кричали. Когда лорд Веларион явился забрать тело сына, сир Кварл уже скрылся, ранив тех, кто пытался его задержать. Говорили, что у берега его ждал корабль; больше его в Вестеросе не видели.

Обстоятельства этого убийства по сей день остаются тайной. Меллос пишет только, что сира Лейенора убил один из домашних рыцарей после ссоры. Евстахий называет имя убийцы и предполагает, что причиной могла быть ревность: Корри Лейенору наскучил, и он нашел себе нового фаворита, красивого оруженосца шестнадцати лет. История Гриба, как всегда, самая зловещая: это принц Дейемон заплатил-де Корри, чтобы избавить Рейениру от мужа. Принц приготовил убийце корабль, а затем перерезал ему глотку и бросил в море. Корри, домашний рыцарь сравнительно низкого рода, имел богатые вкусы, склонность к азартным играм и тощий кошель; это придает некоторую достоверность словам шута. Но никаких доказательств этому не нашлось ни тогда, ни позже, хотя лорд Корлис предлагал десять тысяч золотых драконов тому, кто доставит к нему сира Кварла или укажет, где тот скрывается.

Еще одно несчастье случилось, когда король и весь двор прибыли на Дрифтмарк к погребальному костру Лейенора. Многие прилетели на драконах, из-за чего Дрифтмарк, как пишет Евстахий, уподобился новой Валирии.

Всем известно, сколь жестокими могут быть дети. Принцу Эйегону в ту пору было тринадцать, Гелайене одиннадцать, Эйемонду десять, Дейерону шесть. И Эйегон, и Гелайена уже летали: она на Огненной Мечте, принадлежавшей ранее Рейене, Черной Жене Мейегора; он на молодом Солнечном, коего считали прекраснейшим в мире драконом. Даже у Дейерона, еще не летавшего, подрастал серо-голубой красавец

Тессарион, и только средний принц Эйемонд оставался пока без дракона. Чтобы исправить это, король после похорон намеревался проследовать на Драконий Камень, где достаточно и яиц, и детенышей. Там Эйемонд, «коли смелости хватит», и выберет себе воздушного скакуна.

Эйемонда, коему и в десять лет смелости было не занимать, отцовские слова укололи, и он решил не дожидаться Драконьего Камня. Зачем ему какой-то детеныш или яйцо, когда тут, в Высоком Приливе, живет Вхагар, самый старый, большой и страшный из всех драконов?

Даже отпрыску Таргариенов опасно приближаться к дракону, особенно к старому, норовистому и недавно потерявшему всадника. Эйемонд знал, что родители не дадут ему сесть на Вхагара – подойти и то не позволят. Значит, надо встать на рассвете, когда все еще спят, и прокрасться на внешний двор, где держат Вхагара и прочих драконов. Так и сделав, Эйемонд внезапно услышал чей-то тоненький голосок: «Держись от него подальше!»

К нему обращался Джоффри, младший из сыновей Рейениры: трехлетний малыш сам встал пораньше, чтобы проведать своего молодого Тираксеса. Боясь, что малявка поднимет тревогу, Эйемонд шикнул и пихнул Джоффа в драконий навоз. Тот поднял крик, а Эйемонд проворно влез на Вхагара. Страх поимки, говорил он, вытеснил из его сердца страх быть поджаренным и пойти дракону на завтрак.

Называйте это как хотите: смелостью, безумием, счастливым случаем, волей богов или капризом дракона. Кто может проникнуть в разум такого чудовища? Так или иначе, Вхагар встал, взревел, порвал свои цепи и взвился в воздух! Так юный Эйемонд стал драконьим наездником и дважды облетел вокруг башен замка.

На земле его, однако, встретили братья Веларионы: Джофф сбегал за старшими, пока Эйемонд летал. Джаку минуло всего шесть, Люсу пять, но их было трое, и деревянные мечи они не забыли взять. Эйемонд отбивался свирепо: он сломал Люсу нос кулаком, а у Джака отнял меч и ему же засветил по затылку. Все это время он насмехался над братьями, обзывая их Стронгами. Джак, уже понимавший, хотя и смутно, смысл его оскорблений, снова бросился на врага, а Люс выхватил свой кинжал и полоснул Эйемонда по лицу, задев правый глаз. Когда наконец прибежали грумы, принц катался по земле, воя от боли, а Вхагар ревел, вторя ему.

Король приказал каждому из мальчиков принести противной стороне свои извинения, но разгневанных матерей это не успокоило. Алисент требовала, чтобы Люцериса тоже лишили глаза, Рейенира настаивала, чтобы Эйемонда допросили «как следует»: пусть скажет, от кого он слышал

прозвище «Стронги»! Оно подразумевает, что ее сыновья бастарды, не имеющие права на трон, а сама она повинна в измене мужу и государству. Эймонд ответил отцу, что так Веларионов называет старший брат Эйгон, а тот, когда его спросили о том же, сказал: «Это все знают, довольно на них посмотреть».

В конце концов король заявил, что не желает больше ничего слышать. Глаза никого не лишат, но если кто-нибудь, «будь то мужчина, женщина или ребенок, простого или благородного рода», вновь назовет его внуков Стронгами, ему вырвут калеными щипцами язык. Рейенира и Алисент по велению Визериса поцеловались и обменялись ласковыми словами, но их фальшивые улыбки могли обмануть разве его одного. Что до самих мальчиков, то Эймонд говорил, что в тот день потерял глаз и обрел дракона, считая сие честной меной.

Дабы пресечь новые ссоры, сплетни и клевету, король приказал Рейенире с сыновьями сидеть на Драконьем Камне. Отныне ее телохранителем будет королевский гвардеец сир Эррик Каргилл, Костолом же вернется к себе в Харренхолл.

Такое распоряжение, пишет Гриб, было на руку лишь одному человеку: принц Дейемон, живя на соседнем острове, мог теперь всласть утешать племянницу без ведома короля.

Королю Визерису предстояло править еще девять лет, но семена Пляски Драконов были уже посеяны и как раз в 120 году начали прорастать. Теперь пришел черед старших Стронгов. Десница лорд Лионель уехал вместе с сыном и наследником Харвином в их огромный полуразрушенный замок. Вскоре в их башне случился пожар, и отец с сыном погибли вместе с тремя рыцарями и дюжиной слуг.

Причину пожара так и не выяснили. Одни думают, что это простая случайность, другие говорят о проклятии, нависшем над замком Черного Харрена. Гриб полагает, что башню приказал поджечь Морской Змей: так он отомстил Костолому, наградившему его сына рогами. Евстахий, что более правдоподобно, обвиняет в поджоге Дейемона, желавшего убрать с дороги соперника. Злодеяние приписывают также Ларису Колченогому, ставшему лордом после смерти отца и старшего брата. Самую тревожную мысль высказал Меллос, предположив, что приказ отдал сам король. Визерис, поверив сплетням, вполне мог расправиться с соблазнителем своей дочери и отцом ее незаконных детей. В таком случае лорду Лионелю просто не посчастливилось, ибо никто не знал заранее, что он поедет в Харренхолл вместе с сыном.

Не посчастливилось и королю, привыкшему полагаться на мудрые

советы десницы. Визерис, дожив до сорока трех лет, сделался грузным; он страдал подагрой, у него болела спина, сердце порой сжималось так, что дух перехватывало. Нуждаясь в новом сильном деснице, он подумывал, не послать ли за Рейенирой: кто же лучше поможет ему управлять страной, как не наследница трона? Но это означало бы новые стычки между сыновьями принцессы и королевы. Думал Визерис и о брате, но на память приходили прежние Дейемоновы выходки. Великий мейстер советовал взять кого-нибудь помоложе и называл имена, но король предпочел старого знакомого сира Отто Хайтауэра, отца королевы.

Не успел сир Отто прибыть, как в Красном Замке узнали, что Рейенира вышла замуж за дядю своего Дейемона. Ей было двадцать три, ему тридцать девять.

Эта весть возмутила и короля, и двор, и народ. Не прошло еще и полугода после смерти жены принца и мужа принцессы; столь скорый брак оскорбляет их память, заявил Визерис. Свадебный обряд тайно провели на Драконьем Камне. Рейенира знала, что ее нового замужества отец не одобрит, и боялась, что он ей помешает, пишет Евстахий. Она была брюхата и боялась родить бастарда, говорит Гриб.

Страшный 120 год кончился, как и начался, родами, но вторые завершились много удачнее первых. Рейенира родила маленького, но здорового мальчика с фиолетовыми глазами и серебристыми волосами. Принц Дейемон наконец-то получил сына, бесспорного Таргариена, в отличие от трех старших детей Рейениры.

Королева Алисент пришла в ярость, узнав, что новорожденный назван Эйегоном. Она усматривала в этом обиду своему родному старшему сыну, в чем была, по мнению Гриба, совершенно права. Далее, чтобы избежать путаницы, мы будем именовать сына Алисент Эйегоном Старшим, а сына Рейениры Эйегоном Младшим.

Сто двадцать второй год мог считаться счастливым для дома Таргариенов: у Рейениры снова родился сын, названный Визерисом в честь деда. Он был не столь крепок, как Эйегон Младший или братья Веларионы, но вскоре показал себя умным не по годам. Драконье яйцо, положенное ему в колыбель, не проклюнулось; зеленые сочли это дурным знаком и без стеснения говорили об этом вслух.

В том же году отпраздновали и свадьбу. Король, следуя древней традиции, поженил сына своего Эйегона Старшего и дочь Гелайену. Пятнадцатилетний жених, по словам Евстахия, был ленив и довольно угрюм, но аппетит имел хороший: ел за двоих, любил эль и крепкие вина, служанок помоложе щипал и тискал. Тринадцатилетняя Гелайена,

пухленькая и не столь ослепительная, как многие другие потомки Таргариенов, была милой веселой девочкой, из которой обещала выйти прекрасная мать.

Обещание исполнилось: всего год спустя она родила близнецов, Джейхериса и Джейегеру. У принца Эйегона теперь есть собственные наследники, радостно заявляли зеленые. Из обоих яиц, положенных в колыбельки, вылупились дракончики, но с детьми не всё было ладно. Джейегера росла не так, как положено здоровому грудному ребенку: совсем не плакала, но и не улыбалась. Ее брат родился с шестью пальцами на левой руке и на обеих ногах.

У Эйегона Старшего, не отказывавшего себе в плотских радостях, в том же году, если верить Грибу, родились два внебрачных ребенка: сын от девушки, чью невинность он купил на аукционе, и дочь от одной из служанок матери-королевы. Гелайена в 127 году родила еще сына, получившего имя Мейелор и драконье яйцо.

Подрастали и другие сыновья королевы. Эйемонд, несмотря на потерю глаза, научился отменно биться на мечях у сира Кристона Коля; он оставался все таким же диким, упрямым, вспыльчивым и никому не прощал обид. Из трех братьев при дворе больше всего любили младшего, Дейерона: он был умен, учтив и очень хорош собой. В 126 году, когда ему минуло двенадцать, его послали в Старомест служить пажом и оруженосцем у лорда Хайтауэра.

В том же году Морской Змей внезапно слег с лихорадкой. Все задавались вопросом, кто станет лордом в случае его смерти. По закону титул должен был перейти к его старшему внуку Джакайерису, но поскольку Джек наследовал Железный Трон вслед за матерью, Рейенира просила свекра передать лордство Люцерису. У лорда Корлиса, однако, имелись и племянники, добрых полдюжины. Старший из них, сир Вейемонд, полагал себя законным наследником Дрифтмарка и заявлял, что сыновья Рейениры от сира Лейенора на самом деле бастарды, рожденные от Харвина Стронга. Принцесса откликнулась на это по-своему. Принц Дейемон взял Вейемонда под стражу; клеветнику отрубили голову, а тело скормили дракону Сираксу.

На этом дело не кончилось. Братья Вейемонда с его женой и детьми устремились в Королевскую Гавань, требуя королевского правосудия. Визерис, уже с трудом взбравшийся на Железный Трон, молча выслушал их и приказал вырвать всем языки. «Вас остерегали, – сказал он. – Больше я не желаю слушать подобную ложь».

Сходя с трона, король оступись и поранил левую руку об одно из

железных лезвий. Великий мейстер промыл рану кипящим вином и забинтовал полотном, пропитанным целебными мазями, но у Визериса начался жар, и многие опасались, что он умрет. Рейенира привезла с Драконьего Камня своего мейстера Герардеса, опытного целителя; он отнял королю два пальца больной руки и тем спас его величеству жизнь.

Выздоровление отпраздновали большим пиром в первый день 127 года. Король повелел и принцессе, и королеве явиться на торжество со своими детьми. Каждая из женщин в знак дружбы облачилась в цвета другой, и обе вели себя как добрые родственницы к большому удовольствию короля. Принц Дейемон поднял чашу за сира Отто Хайтауэра и благодарил его за верную службу, десница превозносил принца за его подвиги. Дети Алисент и Рейениры обменялись поцелуями и преломили хлеб... так по крайней мере записано в придворных анналах.

Гриб, однако, рассказывает иначе. Когда король, который был еще слаб, удалился, Эйемонд Одноглазый поднял здравицу за трех братьев Веларионов, восхваляя их прекрасные карие глаза и их великую силу: «Я не знаю никого сильнее моих добрых племянников, так выпьем же за трех силачей-костоломов!» Затем, пишет карлик, Эйегон Старший счел себя оскорбленным, когда Джакайерис пригласил на танец его жену Гелайену. После гневных слов, коими они обменялись, могло дойти и до тумачков, если б не вмешалась Королевская Гвардия. Мы не знаем, доложили королю об этих происшествиях или нет, но наутро Рейенира с детьми вернулась к себе на Драконий Камень.

Визерис, лишившись пальцев, больше не всходил на Железный Трон. Чураясь тронного зала, он собирал двор сперва в своей горнице, а после в опочивальне, окруженный мастерами и септонами. Тут же находился и Гриб, единственный, по его словам, кто мог рассмешить короля.

Вскоре Красный Замок посетила еще одна смерть: великий мейстер Меллос разбился, упав с витых наружных ступеней. Он всегда старался примирить зеленых и черных, но когда «доверенного друга», как его называл король, больше не стало, свары между обеими партиями вспыхнули с новой силой.

Рейенира предлагала заменить Меллоса мейстером Герардесом: ведь только его целительское искусство и спасло-де жизнь королю. Королева Алисент, со своей стороны, утверждала, что мейстер принцессы изувечил короля без всякой нужды. «Если б не они, Меллос наверняка бы спас его величеству не только жизнь, но и пальцы», – говорила она и предлагала некого мейстера Альфадора, служившего ныне в Высокой Башне. Визерис напомнил обеим, что великого мейстера выбирает не корона, а Цитадель, и

Конклав вскоре прислал в столицу архимейстера Орвила.

С ним король заметно прибодрился. Быть может, это произошло благодаря усердным молитвам, как говорит Евстахий, но не в меньшей мере помогли зелья, коими Орвил пользовал болящего вместо излюбленных пиявок прежнего великого мастера. Однако подагру, боли в груди и одышку не мог исцелить и Орвил. В последние свои годы Визерис все больше дел перекладывал на десницу и малый совет, и накануне 129 года уместно будет познакомиться с оным советом поближе, ибо все его лорды приняли немалое участие в грядущих событиях.

Десницей оставался сир Отто, отец королевы и дядя лорда Хайтауэра. Королевской Гвардией по-прежнему командовал сир Кристон Коль, злейший враг Рейениры. Великого мастера, новичка в совете, не считали своим ни черные, ни зеленые. Мастером над монетой со времен Старого Короля служил престарелый лорд Лиман Бисбери. Самыми молодыми из советников были адмирал сир Тайленд, брат лорда Ланнистера, и мастер над шептунами Ларис Стронг, лорд Харренхолла. Мастера над законом звали лорд Джаспер Уайлд. Евстахий пишет, что прозвище Железный Прут он получил за несгибаемость в делах правосудия, Гриб же уверен, что немалую роль сыграл и мужской его член, коим лорд Джаспер породил двадцать девять детей и свел в могилу четырех жен.

Пока Семь Королевств встречали новый 129 год кострами и пирушками, королю Визерису становилось все хуже. Из-за болей в груди он не мог больше подниматься по лестницам, и его всюду носили в кресле. Ко второму месяцу король потерял аппетит и правил страной со своего ложа, когда у него доставало сил править; в остальные дни этим занимался его десница. Слегла в постель и принцесса Рейенира, снова ходившая на сносках.

На третий день третьего месяца 129 года принцесса Гелайена привела трех своих детей к деду. Близнецам Джейехерису и Джейегере минуло шесть, их брату Мейелору два года. Визерис дал малышу поиграть свой жемчужный перстень, а близнецам стал рассказывать, как их прапрадед и тезка Джейехерис сражался за Стеной с великанами, оборотнями и одичалыми. Дети, хотя и знали эту сказку почти наизусть, слушали раскрыв рты. Затем король, пожаловавшись на боль в груди, отослал внуков, смежил веки и уснул.

Визерис из дома Таргариенов, первый этого имени, король андалов, ройнаров и Первых Людей, лорд Семи Королевств и Хранитель Государства, более не проснулся. Было ему пятьдесят два года, и правил он Вестеросом двадцать шесть лет.

Как только его не стало, грянула буря, и драконы пустились в пляс.